

АҘСНЫ АҘЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA



ACADEMIA

АЦСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АДЫРРАТТАРА

№ 12

Асериа

«Агуманитартә тцаарадыррақәа»

Аредактор хада

Цьануа Зураб Цьота-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик, УАР ахэаанырцэтәи алахэыла

Асериа аредакциятә еилазаара:

Атакзыпхыкәу аредакторцәа:

Анчабазе Иури Дырмит-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Чрыгба Виачеслав Андреи-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Аредакциятә еилазаара алахэылацәа:

Арсҗаа Шотә Кастеи-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Ашәба Арда Енвер-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа ркандидат, адоцент

Бҗажәба Олег Хәыхәйт-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Бигәаа Валери Леуард-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор

Бигәаа Виачеслав Акакь-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Кәагәаниа Валентин Асҗамыр-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Шьалашьаа Заур Иван-иңа – аекономикатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Акәа
«Academia»
2022

ББК 72.4 (5Абх)
В 38

Атыжымта акыпчы иаздырхисит: *Н.С. Барцыц, С.О. Хайым*

Ацсны атцаарадыррақэа ракадемиа Адырратара / Аред. хада З.Ць. Цьа-
пуа. Асериа «Агуманитаргэ тцаарадыррақэа». Акэа: Academia, 2022. № 12. 252 д.

2005 шықэсазы ишьатаркуп. Шықэсык знык итыцуеит

«Адырратара» Ацсны атцаарадыррақэа ракадемиа апрезидиум анапхгарала
итыцуеит

Иахкыпчыуа аматериалқэа аредакциатэ еилазаара ргэаанагара иакэымшээр-
гы калоит

Аредакция атызтыц: 384900, Ацсны Ахэынтқарра, Акэа ақ.,
академик Марр имѡаду, 9
Ател: +7(840)226 9740; +7(840) 226 6635
Е-mail: akademana@mail.ru
ААР асайт: www.anra.info

ISBN: 978-5-6048552-8-7

© Ацсны атцаарадыррақэа ракадемиа, 2022
© Academia, 2022

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

№ 12

Серия

«Гуманитарные науки»

Главный редактор

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА, иностранный член РАН

Редакционная коллегия серии:

Ответственные редакторы:

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, член – корреспондент АНА

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Члены редколлегии:

Арстаа Шота Константинович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Ашуба Арда Енверович – кандидат филологических наук, доцент

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, профессор, академик АНА

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, член – корреспондент АНА

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, профессор, академик АНА

Выпуск подготовили: *Н.С. Барциц, С.О. Хаджим*

Вестник Академии наук Абхазии / Гл. ред. З.Д. Джапуа. Серия «Гуманитарные науки». Сухум: Academia, 2022. № 12. 252 с.

Основан в 2005 году. Выходит один раз в год.

«Вестник АНА» издается под руководством президиума Академии наук Абхазии

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редколлегии

Адрес редакции: 384 900, Республика Абхазия, г. Сухум,
ул. академика Марра, 9
Тел.: +7(840) 226 9740; +7(840) 226 6635
E-mail: akademana@mail.ru
Сайт АНА: www.anra.info

ISBN: 978-5-6048552-8-7

© Академия наук Абхазии, 2022
© Academia, 2022

BULLETIN

OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

№ 12

Series

«Human Sciences»

Chief Editor

Dzhapua Zurab Dzhotovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA, Foreign member of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board Editorial Board of the series:

Responsible editors:

Anchabadze Yury Dmitrievich – doctor of historical sciences, correspondent member of ASA

Chirikba Viacheslav Andreevich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Editorial Board members:

Arstaa Shota Konstantinovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Ashuba Arda Enverovich – candidate of philological sciences, associate professor

Bgazhba Oleg Khukhutovich – doctor of historical sciences, professor, academician of ASA

Bigua Valery Levardovich – doctor of historical sciences, professor

Bigua Viacheslav Akakievich – doctor of philological sciences, professor, corresponding member of ASA

Kogoniya Valentin Astamurovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Shalashaa Zaur Ivanovich – doctor of economic sciences, professor, academician of ASA

Sukhum
«Academia»
2022

The issue was prepared by *N.S. Bartsyts, S.O. Khadzhim*

Bulletin of the Academy of Sciences of Abkhazia / Ch. Ed. Z.D. Dzhapua.
A series of human sciences. Sukhum: Academia, 2022. № 12. 252 p.

Date of foundation is 2005. Issued once a year

The Bulletin is published under the guidance of the Presidium of the Academy of Sciences of Abkhazia

Published materials do not necessarily reflect the views of the editorial board

Address of the editorial office: 384900, Republic of Abkhazia, Sukhum,
9 Akademika Marra str.

Tel.: +7 (840) 2269740; +7 (840) 2266635

E-mail: akademana@mail.ru

Website: www.anra.info

ISBN: 978-5-6048552-8-7

АЦАКЫ • СОДЕРЖАНИЕ

АБЫЗШӘАДЫРРА • ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Чирикба В.А.</i> Абжуйский диалект абхазского языка (Краткий очерк).....	11
<i>Чирикба В.А.</i> Бзыпский диалект абхазского языка (Краткий очерк).....	19
<i>Ҳагба Л.Р.</i> Ажәахырҕаара ацсуа бызшәаҕы (Б.У. Шьынқәба иусумтақәа рыла)	26

АЛИТЕРАТУРАТЦААРА • ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Кәагәаниа В.А.</i> Таиф Ацьба – алитературатә критик	33
<i>Бигуаа В.А.</i> «Драма» лирического героя: историко- теоретический дискурс.....	48
<i>Гыцба И.Г.</i> Аепитет иадхәалоу теориатә зцаатәқәак	70
<i>Дбар А.Я.</i> «Советский писатель Абхазии» (1932–1935). К 90-летнему юбилею газеты	78

АФОЛЬКЛОРТЦААРА • ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Джапуа З.Д.</i> К вопросу об истоках первоначального ядра нартского эпоса	88
<i>Васильков Я.В.</i> Индоевропейские мотивы в искусстве и картине мира новосвободненской культуры	100
<i>Кәагәаниа В.А.</i> Ацсуа жәлар рқьабзтә поезиа (Аенциклопедиатә жәар азы аматериалқәа).....	123

АДОУРЫХТЦААРА • ИСТОРИЯ

<i>Архимандрит Дорофей (Дбар).</i> Грузинская печать византийского типа XI века: Происходит ли она из села Анхуа (Абхазия)?.....	133
<i>Касландзия Н.В.</i> Женские имена из антропонимикона царских династий Аносидов-Леонидов и абхазских Багратидов.....	146

АЕТНОЛОГИА • ЭТНОЛОГИЯ

<i>Исмаилова З.А.</i> Обычай раздачи княжеских богатств на Руси (XI–XIV вв.).....	155
--	-----

АЕКОНОМИКА • ЭКОНОМИКА

- Шалашаа З.И.* Роль государства в социально-экономической трансформации Абхазии..... 168
- Арзынба Д.Т.* Ахықэкытэ программақәа рхархәара Ацсны Ахәынтқарра абиуцъет апланеиҕкаараҕы 183

АРХИВТӘ ЦШААМТӘҚӘЕИ АКЪЫЦХЪЫМТӘҚӘЕИ • АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

- Олонецкий А.А.* [Исторические очерки о городах Абхазии] (Подготовка текста, введение, примечания – И.О. Казанба, А.Я. Дбар) 192

АДӘЫНТӘИ АНЦАМТӘҚӘА • ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ

- З.Ць. Цьапуа.* Ажәабжьхәаф Луба Цьапуа-пха (Қзычбериа) лхаҕсахья200

АРЕЦЕНЗИАҚӘА • КРИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Джорджо Комаи.* Рецензия на: В.А. Чирикба. Абхазия и итальянские города-государства (XIII–XV вв.). Очерки взаимоотношений. СПб.: Алетейя, 2020. ISBN 978-5-00165-119-2 212

АҚӘРАНЫҒӘА • ЮБИЛЕИ

- Гулиа А.Р.* Слово о коллеге (Зауру Ивановичу Шалашаа – 65 лет)..... 216
- Бигәаа В.Л.* Ахыз архара мариам, имариам аныкәгарагъы (Сима Дбар 65 шықәса лхыцра инамаданы) 223
- Аәзба В.В.* Археолог-антикәтцааф (А.Н. Габелиа 70 шықәса ихыцра иазкны) 229
- Агрба И.В.* Человек, пишущий историю сегодня (К 50-летию А.А. Авидзба) 234

АЦАРАУАФ ИХАҒСАХЪА • ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

- Ацьынциьал Д.С.* Хгәаҕы илашаза инхаз (Цира Габниа лгәалашәара иазкны) 238

<i>Бгажба О.Х., Джопуа А.И. Светлой памяти Валентина Александровича Ньюшкова</i>	<i>243</i>
<i>Ашәкә ғыцқәа • Новые книги.....</i>	<i>246</i>
<i>Авторцәа ырызкны • Сведения об авторах.....</i>	<i>248</i>
<i>«ААР Адырратара» авторцәа рзы • Информация для авторов журнала «Вестник АНА».....</i>	<i>250</i>

АБЫЗШӘДЫРРА • ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.А. Чирикба

АБЖУЙСКИЙ ДИАЛЕКТ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА (КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Аннотация. *Очерк посвящен обзору основных черт абжуйского диалекта абхазского языка в области фонологии, морфологии и лексики. Абжуйский диалект является одним из двух абхазских диалектов, на которых ныне говорят в Абхазии. В его составе выделяются три говора – атарский, джгярдский и пакуацский, различия между которыми незначительны. Речь абжуйских абхазов Турции характеризуется согласующимися с нормами абжуйского диалекта параметрами, наряду с рядом локальных особенностей.*

Ключевые слова: *абжуйский диалект, абхазские диалекты, абхазский язык.*

На абжуйском диалекте говорит население следующих сел Восточной Абхазии. (1) Ткуарчалский район: Агубедиа (*Агэы-Бедиа*), Первая Бедиа, Чхуартал (*Чхэртáл*), а также город Ткуарчал (*Ткэарчáл*) с преобладающим абхазским населением; (2) Очамчырский район: Адзюбжа (*Азвыбжэá*), Акуася (*Акэáскэá*), Арасадзыхь (*Арасазы́хь*), Атара (*Атáра*), Баслаху (*Баслáхэ*), Гуп (*Гэып*), Гуада (*Гэáда*), Джял (*Джал*), Джгярда (*Джгя́рда*), Илыр (*Елы́р*), Кындыг (*Кы́ндыз*), Куачара (*Кэачарá*), Кутол (*Кэтол*), Маркула (*Маркэ́бла*), Мыку (*Мыкэ*), Уатап (*Уатáп*), Пакуац (*Пақэáшь*), Река (*Рэка*), Тамш (*Тамшь*), Тхина (*Тхы́на*), Члоу (*Члоу*), а также город Очамчыра; (3) Гулрыпщский район: Бабыщира (*Бабышьы́ра*), Дранда (*Дра́нда*), пос. Гулрыпщ (*Гэылыры́пшь*); (4) Сухумский район: Баслата (*Баслáтэ*). Большое число носителей абжуйского диалекта проживает также в столице Абхазии Сухум и в его восточных окрестностях.

До середины XIX в. ареал распространения абжуйского диалекта простирался от р. Кодор на северо-западе до р. Ингур на юго-востоке. Этот ареал в целом совпадает с границами распространения средневекового абхазского племени апсиллов. В настоящее время, ввиду мегрелизации большей части мырзаканских абхазов, за исключением небольшого островка абхазской речи в селе Чхуартал, юго-восточная граница абжуйского диалекта проходит по р. Уакум. Северо-западная граница диалекта, после выселения в XIX в. большей части носителей гумского наречия в Турцию, сдвинулась до Сухума.

В Турции абжуйские села расположены в провинции Сакарья в селах Актефек (*Aktefek//Aktüfek*), Соуксу (*Soğuksu*; по-абх. *Джгя́рда*), Хаджыкы-

шла (*Насікішла*), Узунджаорман (*Uzuncaorman*; по-абх. *Таңиш иқыта* «село Тапца (Марщан)» или *Таңишьаа* «тапщевцы»), Сивритепе (*Sivritepe*; по-абх. *Аубыблаа и-қыта* «село (человека по фамилии) Аублаа»), Курткёй (*Kurtköy*), Карапынар (*Karapınar*; по-абх. *Члоу*), и смешанное псхувско-абжуйское село Бейневит-Ениконак (*Beunevit-Yenikonak*; по-абх. *Кэыц и-қыта* «село (человека по фамилии) Куджба», или *(а-)гэыңаа* «гупцы», т. е. выходцы из с. Гуп в Абжуйской Абхазии) (см. *Чирикба 2012: 49–51*).

Для абжуйцев Абхазии характерно абхазско-русское двуязычие, в ряде сел (Река, Агубедиа и др.) сохраняется и абхазско-мегрельское двуязычие. В Турции все носители абжуйского диалекта также туркоязычны.

Абжуйский диалект изучался М. Циколиа (*Циколиа 1958; Циколиа 1969*) и А. Ахсалба (*Ахсалба 2006; Ахсалба 2018*). Французский исследователь Ж. Дюмезиль написал грамматический очерк абхазского языка на основе речи жителя абжуйского села Узунджаорман (по-абх. *Таңиш иқыта*) в Турции (*Dumézil 1967*). Тексты на абжуйском диалекте опубликованы А.К. Хашба (*Хашба 1972*), В.И. Кукба (*Кукба 2007*), К.С. Шакрылом (*Шакрыл 1961: 159–170*), Ж. Дюмезилем (*Dumézil 1967: 45–195*), М. Циколиа (*Циколиа 1969: 3–159*), К.В. Ломтатидзе (*Ломтатидзе 1976: 251–253*), Н.В. Аршба (*Аршба 1979: 101–121*), А.А. Ахсалба (*Ахсалба 2006*) и др. Абжуйские тексты из архива Н.Я. Марра опубликованы С.Л. Зыхэба (*Зыхэба 1967: 13–36*), и из архива А.Н. Генко – З.Ць. Цьапуа (*Цьапуа 2001*).

Фонетическая система абжуйского диалекта (за исключением редкой фонемы *ф'*) и основной лексический фонд легли в основу абхазского литературного языка. Фонемный состав диалекта характеризуется более простым инвентарем согласных, чем соответствующая бзыпская система. Главным отличием абжуйского диалекта является переход сохранившихся в бзыпском диалекте палатализованных (свистяще-шипящих) спирантов и аффрикат *зь, сь, зь, ць, џь* в свистящие *з, с, з, ц, џ*, лабиализованных свистящих спирантов *зэ, сэ* в шипящие *жэ, шэ*, и фарингализованных увулярных спирантов *х', х'э* в простые увулярные *х, хэ*. Примеры: бзып. *а-зьи* – абж. *а-зы* «для этого», бзып. *а-сьи* – абж. *а-сы* «снег», бзып. *а-зьиьсь* – абж. *а-зыс* «козленок», бзып. *а-ца* – абж. *а-ца* «черешня», бзып. *а-џьиьсь* – абж. *а-џыс* «птица», бзып. *а-зэ* – абж. *а-жэ* «корова», бзып. *сэра* – абж. *шэра* «вы», бзып. *а-х'ьи* – абж. *а-хы* «голова», бзып. *а-мах'э* – абж. *а-махэ* «ветвь».

Помимо этого, для абжуйских говоров характерно пережиточное сохранение глоттализованного спиранта *ф'* в единственном слове *а-ф'а* «тонкий». Спирант *ф'* спорадически встречается в речи среднего и старшего поколения сс. Тамщ, Члоу, Пакуащ, Чхуаргал, Уакум, Арасадзыхь и Ткуарчал (см. *Циколиа 1969: 65; Ахсалба 2006: 57–59*). Помимо абжуйского ди-

алекта, спирант ϕ' в данной морфеме встречается в садзском и ашхарском диалектах. В бзыпском диалекте ϕ' соответствует n (*a-ná* «тонкий»), а в тапантском диалекте – \tilde{y} (*ĩá* «тонкий»).

Для абжуйского диалекта характерно также спорадически сохраняемое полногласие, ср. *изасаны́* «поплыл» (лит. *изсань́*), *акагы́* «ничто» (лит. *акгы́*), *a-машь́н* «море» (лит. *a-миш́н*), *a-хамат́а* «подарок» (лит. *a-хамт́а*) (Циколиа 1969: 066). Полногласие исторически является исходным. Оно встречается и в бзыпском диалекте, однако более полно представлено в садзском и ашхарском диалектах.

Консонантная система абжуйского диалекта включает 60 фонем: смычные: *б, п, н, д, да, т, та, з, за, гь, к, ка, кь, кь, ка*; аффрикаты: *з, за, ц, ца, й, йа, ч, ч, и, иь, е, е*; спиранты: *в, ф, ф', з, с, ж, жа, жь, ш, ша, шь, з, за, зь, х, ха, хь, аа* [r'], *х, хэ*; сонорные: *у, м, н, л, р, й, в*.

Звонкий фарингальный спирант z' [ʕ] фонетически реализуется как долгий гласный *аа* [r:]. Фонема *в* исторически представляет собой звонкий огубленный фарингальный спирант * z' ə /ʕʷ/, однако, утратив фарингальный фокус, она трансформировалась в лабиопалатальный глайд *в* /jʷ/ (фонетически [ç]). В говорах абжуйского диалекте согласный *к* часто реализуется как глоттальная смычка *ь* /ʔ/.

Базовая система гласных, как и в других абхазо-абазинских диалектах, включает лишь две единицы: *а, ы*. Гласные звуки *о, е, у, и* – комбинаторного происхождения и являются результатом сочетания основных гласных с билабиальным (*у*) и палатальным (*й*) сонорными, а также с огубленными и палатализованными согласными.

К морфонологическим особенностям абжуйского диалекта относится удлинение гласных в окончаниях вопросительных форм, напр. [oo]: *икалїаггышьооз* «что ей бедной тогда оставалось делать?» (лит. *икалїаггышьоз*), *икалїаггышьодой* «что ей бедной остается делать?» (лит. *икалїаггышьой*), *даазгóоз* «что тогда могло привести его/ее сюда?» (лит. *даазгóз*), *даазгóой* «кто его/ее сюда приводит?» (лит. *даазгóй*), *икдой* «что есть?» (лит. *икой*), *икалдой* «что случилось?» (лит. *икалой*), *ишэ́ймдой* «что у вас есть?» (лит. *ишэ́ймай*), *иуфóо(у)* «ты это поел?» (лит. *иуфóу*), *иугóо(у)* «кто это взял?» (лит. *иугóу*); [ыы]: *ишэ́тахыыз* «что вы хотели?» (лит. *ишэ́тахзей*), *икаларыыз* «что это должно было быть?» (лит. *икаларызей*), *икалїарыыз* «что ей было делать?» (лит. *икалїарызей*), *ишэ́зэ́рыыз* «чем вы занимались?» (лит. *ишэ́зэ́рызей*); [аа]: *ишэ́мааз* «что у вас было?» (лит. *ишэ́мазей*), *икаа́з* «что (там) было?» (лит. *иказей*), *икалїахуа́аз* «что ей оставалось делать?» (лит. *икалїахуаз*), *йáлырдыраауа́аз* «откуда это было им знать?» (лит. *йáлырдыраауазей*); [ии]: *икалїарии* «что ей делать?» (лит. *икалїари*). При наличии в вопросительных формах основного

ударения на последнем слоге, конечный слог с удлинённым гласным получает дополнительное ударение.

В окончаниях финитных форм аориста глаголов, оканчивающихся на *-й*, возможны варианты произношения *-йит* и *-йт*, напр. *днэйит*//*днэйт* «он туда пришел» (ср. бзып. *днэйт*), *дайáайит*//*дайáайт* «он победил» (бзып. *дайáайт*).

Другой морфонологической чертой является реализация сочетания конечного гласного глагольного корня *-а* с суффиксом настоящего времени *-уа* и финитным суффиксом *-йт* посредством дифтонга [ой], либо, как вариант, гласного звука [о], напр. [сцойт//сцот] = /с-ца-уá-йт/ «я иду», [изгóйт//изгót] = /и-з-га-уá-йт/ «то я несу», при фонетических вариантах в говорах в виде [сцауэйт], [изгауэйт]. Сочетание конечного согласного глагольного корня с суффиксом настоящего времени *-уа* и финитным суффиксом *-йт* реализуется в виде [-уэйт], напр. [искуэйт] = /и-с-к-уá-йт/ «то я ловлю», [дыцсуэйт] = /ды-җс-уá-йт/ «он(а) умирает».

Следует отметить также опущение элемента *-у-* суффикса настоящего времени динамических глаголов *-уа-* в отрицательной форме настоящего времени глагола *а-дýр-ра* «знать»: *и-сы-з-дýр-а-м* «я не знаю этого», наряду с менее употребимым *исыздýраум* (ср. бзып. *и-сызьдýром*).

Особенностью абжуйского диалекта является также опущение суффикса финитности *-т* в отрицательных формах перфекта, напр. *сы-м-цá-ц* «я не пошел» (лит. *сымца́цт*), *йы-с-м-ахá-ц* «то я не (у)слышал» (лит. *йысмаха́цт*), *йы-сы-м-бá-ц* «то я не (у)видел» (лит. *йысымбáцт*).

Абжуйский диалект характеризуется значительной однородностью. Исследователь этого диалекта М. Циколия (*Циколия 1969: 61*) выделяет в его составе четыре говора – атарский, джгярдский, пакуащский и багмаранский, однако различия между ними весьма незначительны. Следует также отметить, что багмаранский говор следует отнести скорее к гумскому наречию, а не к абжуйскому диалекту.

В качестве основной фонетической черты *атарского говора* М. Циколия (*Циколия 1958: 4*) полагает замену увулярного глоттализованного смычного *k* глоттальной смычкой *ъ*, ср. *убрáъа* «здесь» (лит. *убрáка*), ат. *иъаишэымйáн* «не делайте этого!» (лит. *икашэымйáн*), ат. *аөнáъа* «домой» (лит. *аөны́ка*) и т. д. Однако регулярная замена *k* на *ъ* в разговорной речи характерна и для других говоров абжуйского диалекта и не является уникальной особенностью речи атарцев. Ср. пакуащ. *аөнá-ъа* «домой» (лит. *аөны́-ка*), мыку. *иáгалей* «что случилось?» (лит. *икалей*) и т. д.

Интересной чертой *джгярдского говора*, согласно М. Циколия (*Циколия 1958: 4–5; Циколия 1969: 62*), является постановка ударения в вопроситель-

ных предложениях на вопросительном суффиксе *-ма*, ср. *сцоомá* «иду ли я?» (лит. *сцóма*), *икасѝоомá* «то я делаю ли?» (лит. *икасѝóма*), *исфоозмá* (лит. *исфóзма*) «ел ли я?». При этом, как отмечает М. Циколия (Циколия 1958: 76), такие формы характеризуются значительным повышением голоса. Для этого говора характерна также реализация трифтонга *ауа* (сочетание конечного гласного корня *-а* плюс суффикс настоящего времени *-уа*) посредством долгого гласного *оо*, что видно из приведенных выше примеров.

Особенностью *пакуащского* говора, по М. Циколия (Циколия 1969: 77), является наличие формы вопросительно-отрицательного суффикса прошедшего времени *-зиз* (т. е. вопросительный суф. *-зы-ѝ* плюс суф. инфинитности – *з*), который в литературном языке выступает в виде *-зыз*, ср. *икалѝахоуа-зиз* «что ей оставалось делать?» (лит. *икалѝахо-зыз//икалѝахо-зей?*). Помимо этого, в говоре встречаются и такие формы для вопросительного суффикса прошедшего времени, выступающего в литературном языке в виде *-зей*, как *-и.з*. Примеры: *икайѝо-из* «что он делал?» (лит. *икайѝо-зей*), *даазгó-из* «что могло привести его/ее сюда?» (лит. *даазгó-зей*), *исхэо-из* «что я мог сказать?» (лит. *исхэозей*), *йáлырдыраауа-из* «откуда они могли это знать?» (лит. *йáлырдыраауа-зей*). Следует добавить, что вопросительные образования на – *и.з* встречаются и в речи с. Чхуартал (Циколия 1958: 15).

Фонетической чертой речи пакуащцев является спорадическая аффрикатизация палатализованного смычного *гь*, ср. *Цьоргь* «Георгий» (лит. *Гьаргь*), *а-миьáл* «кукурузная лепешка» (*а-мгьáл*), *ацьоурьím* «ничего (не произошло)» (лит. *агьаурьím*) (см. Циколия 1958: 7). В других диалектах или говорах абхазского языка аффрикатизация велярных смычных не засвидетельствована. Как и в джгьрдском говоре, трифтонг */а-уа-/* в аффиксе настоящего времени динамических финитных глаголов в сочетании с конечным гласным */а/* корня и финитным суффиксом *-йт* может реализоваться как долгий [оо], напр. [иу́стоот] = /йы-уы́-с-та-уа-йт/ «то-тебе-я-дам» (см. Циколия 1958: 17).

Ряд авторов рассматривают речь мырзаканских (галских) абхазов в качестве подговора или говора абжуйского диалекта, либо даже в качестве отдельного наречия или диалекта. Однако в данном случае приходится констатировать, что за исключением некоторых просодических (интонационных), фонетических (смягчение согласных, напр. *ш* > *шь*, *ѣ* > *ч*) и лексических особенностей, связанных со значительным влиянием мегрельского языка, абхазская речь мырзаканцев представляет собой достаточно стандартный абжуйский диалект. Об этом свидетельствуют записанные в регионе текстовые записи (см. *Зыхэба* 1967: 13–16; *Хашба* 1972: 171–174 и др.; *Цьануа* 2001: 32–41 и др.).

В составе абжуйской лексики имеются слова, отличающиеся от слов бзыпского диалекта фонетически (напр. абж. *а-т̄оар̄о́ар̄* – бзып. *а-т̄ы̄оар̄о́ар̄* «филин»), абж. *а-уас̄е́ы́с* – бзып. *а-уас̄ы́ы́с* «годовалая овца», абж. *а-тсá* – бзып. *á-ңс̄та* «свинец», абж. *а-ңы́а́ша* – бзып. *а-ңы́а́ш* «четверг», абж. *а-ҳэасá* – бзып. *а-ңҳэас̄á* «алыча») либо семантически (ср. абж. *а-чар-хál* «свекла» – бзып. *а-чырхál* «блюдо из листьев кольраби»); абж. *а-мáра* «производительный» – бзып. *а-мáра* «непроизводительный»). Фраза *арí а-ңҳэ́ы́с ð-дú-у-п* в абжуйском диалекте означает «это – большая женщина», тогда как в бзыпском диалекте эта фраза означает «эта женщина беременна».

Отдельный лексический пласт составляют слова, характерные лишь для абжуйского диалекта, напр. *а-ңи* «кукуруза» (бзып. *а-цьқэрéи*), *á-шы́иш* «поросенок» (бзып. *а-ҳэ́а́йы́с*), *а-кай̄а́ра* «перевал» (бзып. *á-х'э́даара*), *а-ңар̄ңалы́кь* «бабочка» (бзып. *а-хьч̄ңаңы́р*), *а-зй̄э́ы́э́ы́* «минеральный источник» (бзып. *а-зй̄э́а́ңиш*). Помимо этого, в абжуйском словаре много слов заимствованных из соседнего мегрельского языка, напр. *қо* «да», *а-уáрд* «роза», *а-ц̄ы́акэ́á* «перочинный нож», *а-ңакэ́ы́й* «плесень», *а-мóт̄а* «внук/внучка», *áрк̄ы́ц* «удочка», *а-сáнз̄э́* «граница», *Қь́ы́рса* «Рождество», *а-кь́ынты́р* «огурец» и др. Помимо картвельских по происхождению слов, в абжуйском словаре много слов и турецко-арабско-персидского происхождения. Русские заимствования представляют собой хронологически наиболее поздний пласт.

Речь абжуйских абхазов Турции характеризуется согласующимися с нормами абжуйского диалекта параметрами, с небольшими локальными особенностями. Среди последних можно назвать употребление послелога, означающего «из, от» в форме *-к̄ы́нтэ́и*, напр. *са с-к̄ы́нтэ́и* «от/из меня» (лит. *са с-к̄ы́нтэ́*); употребление инфинитного временного суффикса в виде *-лаак*, напр. *банца-ла́ак* «когда ты (ж.) пойдешь» (лит. *-лак//лагь*); использование форм *ízзагы́* «все» (абж. *зегь́ы́*), *иссы́м-ша* «все время» (абж. *есы́мша*), *абра́а* «сюда» (абж. *абра́ка*), *уáа* «туда, там» (абж. *уáка*), *ана́а* «туда, там» (абж. *ана́ка*), *ара́а* «сюда, здесь» (абж. *ара́ка*) и др. Можно отметить также полногласную форму обстоятельственного суффикса *-са*, напр. *ңҳэ́ы́с-са* «в качестве жены» (абж. *ңҳэ́ы́с-с*) и др.

Из лексических особенностей речи абжуйских абхазов Турции отмечается, например, наличие наречия места *áанда* «рядом», напр. *аңҳэ́ы́зба л-áанда* «рядом с девушкой». В кавказском абхазском слово *аáнда* означает «ограда, забор». Ср. также глагол *áймлы́сра* «расходиться, расставаться», который в кавказском абхазском означает «обойтись без чего-либо». Следует отметить, что большинство указанных особенностей разделяется

и другими абхазскими диалектами в Турции и представляют собой черты общеабхазского койне, выработанного за 150-летний период совместного проживания и интенсивного общения в турецкой диаспоре.

Обращает на себя внимание отсутствие в речи носителей абжуйского диалекта в Турции того большого пласта лексических мегрелизмов, который характеризует нынешний абжуйский диалект в Абхазии, что свидетельствует о достаточно позднем (с конца XIX века) проникновении в абхазскую речь жителей юго-восточной части страны основного числа мегрельских заимствований.

Сокращения

- абж. – абжуйский диалект
ат. – атарский говор
бзып. – бзыпский диалект
лит. – литературный язык
мыку. – речь с. Мыку
пакуащ. – пакуащский говор

Литература

Ариба 1979: Аршба Н.В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Ахсалба 2006: Ахсалба А.А. Арасазыхьаа ражэахэа. Акэа, 2006.

Ахсалба 2018: Ахсалба А.А. Иахьатэи абжьыуатэи адиалект абызшэатэ тагылазаашьа. Акэа, 2018.

Кукба 2007: Кукба В.И. Избранные труды. Сухум: АБИГИ, 2007.

Ломтатидзе 1976: Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз.).

Хашба 1972: Хашба А.К. Избранные работы. Сухуми: Алашара, 1972.

Циколиа 1958: Циколиа М.М. Абжуйский диалект абхазского языка. Основные фонетические и морфологические особенности. Автореферат дисс... к. филол. н. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1958.

Циколиа 1969: Циколиа М.М. Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1969 (на груз. яз.).

Чирикба 2012: Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии / Под общ. ред. Д.К. Чачхалиа. М.: Аква-Абаза, 2012. С. 21–95.

Шакрыл 1961: Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгосиздат, 1961.

Зыхэба 1967: Аңсуа фольклор аматериалқәа (академик Н.И. Марр иархив акнытә) / Акыпцхь иазирхиент, алагалажәеи азгәатақәеи ишит С.Л. Зыхэба. Акәа, 1967. 203 д.

Цьапуа 2001: Аңсуа рфольклор заатәи анцамтақәа (А.Н. Генко инапылашырақәа рахытә) / Еикәиршәеит, ацхьажәеи акомментарикәеи ишит З.Ць. Цьапуа. Акәа, 2001. 325 д.

Dumézil 1967: Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, V. Études Abkhaz. ВАН, XXI. Paris, 1967.

В.А. Чрыгба

АҢСУА БЫЗША АБЖЬЫУАТӘИ АДИАЛЕКТ (Иазыркыаҕу аочерк)

Аннотация. *Астатиа рызкуп аңсуа бызша абжьыуатәи адиалект афонологиеи, аморфологиеи, алексикеи рызџаарақәа. Абжьыуатәи адиалект иахьазы аңсуаа Аңсны излацәажәо адиалектқәа фба ируакуп. Уи аоныџка иалыркаауеит атаратәи, цьгьардатәи, џақәашьтәи ацәажәашьақәа, аха уртҭ ирымоу аицшымзаарақәа рацәам. Тьырқәтәыла инхо аңсуаа абжьыуатәи адиалект ашәага-загақәа ирықәшиоит, атыңантәи ачыдарақәа шацугьы.*

Ихадароу ажәакәа: *абжьыуатәи адиалект, аңсуа диалектқәа, аңсуа бызша.*

V.A. Chirikba

THE ABZHYWA DIALECT OF THE ABKHAZ LANGUAGE (Summary)

Annotation. *The article is devoted to an overview of the main features of the Abzhywa dialect of Abkhaz in the fields of phonology, morphology and lexicon. The Abzhywa dialect is one of the two Abkhaz dialects now spoken in Abkhazia. It comprises three sub-dialects – Atara, Dzhiarda and Pakwash, the differences between which are insignificant. The speech of the Abzhywa Abkhazians in Turkey is characterized by parameters consistent with the norms of the dialect, with some local peculiarities.*

Key words: *Abzhywa dialect, Abkhaz dialects, Abkhaz language.*

БЗЫПСКИЙ ДИАЛЕКТ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА (Краткий очерк)

Аннотация. Очерк посвящен обзору основных черт бзыпского диалекта абхазского языка в области фонологии, морфологии и лексики. Бзыпский диалект является одним из двух абхазских диалектов, на которых ныне говорят в Абхазии. В его составе выделяются три говора – отхарский, лыхненский и аацынский, различия между которыми незначительны. Речь бзыпских абхазов Турции характеризуется согласующимися с нормами бзыпского диалекта параметрами, с рядом локальных особенностей.

Ключевые слова: бзыпский диалект, абхазские диалекты, абхазский язык.

На бзыпском диалекте абхазского языка говорит население следующих населенных пунктов Центральной и Западной Абхазии. (1) Гагрский район: гг. *Гагра* (до середины XIX в. входил в ареал садзского диалекта) и *Пицунда*, сс. Цандрыпщ (*Цъандры́пщ*) Гячрыпщ (*Гъачры́пщ*; оба села ранее входили в ареал садзского диалекта), Псахара (*Псахара́*), Аджирюара (*А́цьыршара*), Арасадзых (*Арасьазы́хь*), Бзыпта (*Бзы́пта*), Акуара (*Акэара́*), Атыдзта (*Аты́зта́*), Алахадзы (*Алахазы́*), Лдзаа (*Лдза́а*); (2) Гудаутский район (с северо-запада на юго-восток): гг. Гудаута (*Гэдо́ута*) и Новый Афон (*Афон ы́ц*); сс. Калдахуара (*Калдахэ́ара*), Блабырхуа (*Блабырхэ́а*), Бармышц (*Ба́рмышь*), Уатхара (*Уатха́ра*), Мысра́, Мгудзырхуа (*Мгэ́ызырхэ́а*), Джирхуа (*Дзы́рхэ́а*), Звандрыпщ (*Зэанд(э)ры́пщ*), Хуап (*Хэап*), Дурыпщ (*Дэры́пщ*), Лыхны́, Ачандара (*Ачандара́*), Куланырхуа (*Кэла́нырхэ́а*), Абгархук (*Абгарх'ы́кэ*), Аацы́, Анхуа (*Анх'э́а*), Хыпста (*Хы́пста́*), Цкуара (*Цкэ́ара*), Псырдзха (*Псы́рзха*), Эшыра (*Йашы́ра*). Носители бзыпского диалекта проживают также в столице Абхазии – Сухуме.

Ареал распространения бзыпского диалекта охватывает территорию средневековой провинции Абасгия, населенной племенем абасгов. До середины XIX в. носители бзыпского диалекта проживали от р. Бзып на северо-западе страны до с. Эшыра в окрестностях Сухума. В настоящее время, ввиду выселения носителей садзского диалекта в Турцию в 1864 г., западная граница бзыпского диалекта сдвинулась до г. Гагра и далее на северо-запад. Юго-восточная же граница диалекта, после выселения в XIX в. большей части носителей гумского наречия в Турцию, сдвинулась вплоть до Сухума.

В Турции носители бзыпского диалекта проживают в центрально-северной части страны, в основном в селах следующих провинций: (1) пров. *Коджаели (Kocaeli)*: с. Бюйюк Дербент (*Büyük Derbent*); (2) пров. *Сакарья (Sakarya)*: сс. Кайалар Мемдюхие (*Kayalarmemdühiye*, по-абх. *Маан (Камлат) иқытә «село (Камлата) Маана» // Хәаңаа «хуапцы»*), Кайалар Решитбей (*Kayalarreşitbey*, по-абх. *Шьякрыл (Решыт-бей) иқытә «село (Решитбей) Щакрыла» // Алхаа «лыхненцы»*), Балбаллы//Бейдыл Кадырбей (*Bedilkadırbey*, абх. *Лакырба // Айлакырба Кадыр(-бей) иқытә «село Кадырбея ((Ай)(Лакрба)»*), Бейдыл Тахирбей (*Bediltahirbey*, по-абх. *(Инал-ипа) Тахир(-бей) иқытә «село (Инал-ипа) Тахирбея» // Калдахэар*), Бугдайлы (*Buğdaylı*, абх. *Псырзх'а*), Селахийе (*Selahiyе*, по-абх. *Бганаа рқытә «село рода Бганба»*), Сарыйер (*Sarıyer*, абх. *Лакраа «(село рода) Лакрба»*); (3) пров. *Дюздже*: сс. Каледиби (*Kaledibi*, абх. *Амычкьой//Амчаа «село (рода) Амычба//Амычбовцы»*), Эрдемили (*Erdemli*), Айбашы (*Aybaşı*), Дилавер (*Dilaver*, абх. *Главра//Главар*), Эсмаханым (*Esmahanım*, абх. *Гран*), Ортакей (*Ortaköy*), Фындыклы (*Findikli*), Дарыйери Муратбей (*Darıyeri Muratbey*, абх. *Аргэынаа рқытә «село рода Аргун» // Анх'эа*), Аксу (*Aksu*, абх. *Маан (Албыз) иқытә «село (Албыза) Маана» // Бзытә*), Метекей (*Meteköy*); (4) пров. *Самсун (Samsun)*: сс. Тепеалты (*Tepealti*), Чарыклыбашы (*Çarıklibaşı*, абх. *Аңсыуара «абхазство»*), Агджяалан (*Ağcaalan*), Агджяязы (*Ağcaayazı // Abazalar «абхазы»*); (5) пров. *Синоп (Sinop)*: сс. Османие (*Osmaniye*), пос. Аксёкю в с. Эрикли (*Erikli köyünün Aksökü mahallesi*), Инджемейдан (*Incemeydan*), Текке (*Tekke*), Гёкчебел (*Gökçebel*) и др. (см. *Чурикба 2012: 33–48*).

Для бзыпцев Абхазии характерно абхазско-русское двуязычие, в Турции носители бзыпского диалекта также туркоязычны.

Начало научному изучению бзыпского диалекта положил основатель кавказской лингвистики П.К. Услар, чья грамматика абхазского языка (литографское издание в 1862 г.; типографское издание в 1887 г.) базируется на бзыпском диалекте. «Абхазско-русский словарь» Н.Я. Марра (1926 г.) и «Абхазско-русский словарь» А.Н. Генко (1930 г., опубликован в 1998 г.), содержат большое количество бзыпского лексического материала. Всестороннему описанию бзыпского диалекта посвящена фундаментальная монография Х.С. Бгажба (*Бгажба 1964*). Издан словарь бзыпского диалекта К.С. Шакрыла (*Шакрыл 2014*). Бзыпские тексты опубликованы в трудах П.К. Услара (*Услар 1887: 104, 112–113, 116*), Н.Я. Марра (*Марр 1938: 163–164*), К.С. Шакрыла (*Шакрыл 1961: 138–159*), Х.С. Бгажба (*Бгажба 1964: 315–403*), К.В. Ломтатидзе 1976 (*Ломтатидзе 1976: 254–264*), Н.В. Аршба (*Аршба 1979: 122–137*). Бзыпские тексты из архива Н.Я. Марра опубли-

кованы С.Л. Зухба (*Зыхэба 1967: 39–148*), тексты из архива А.Н. Генко – З.Д. Джапуа (*Цьапуа 2001*).

Консонантная система бзыпского диалекта включает 69 фонем: смычные: *б, п, н, д, да, т, та, г, га, з, за, к, ка, къ, кь, кь, кь, кь, ь*; аффрикаты: *з, зь, за, ц, ць, ца, ч, чь, ча, ч, ч, и, иь, е, е; спиранты: в, ф, з, за, зь, с, са, сь, ж, жа, жь, ш, ша, шь, з, за, зь, х, ха, хь, х', х'а, з', аа, х, хь*; сонорные: *у, м, н, л, р, й, ѵ*.

Звонкий фарингальный спирант *з'* [ʕ] фонетически реализуется как долгий гласный *аа* [ʀ:]. Фонема *ѵ* исторически представляет собой звонкий огубленный фарингальный спирант **з'*а [ʕ^w], однако, утратив фарингальный фокус, она трансформировалась в лабиопалатальный сонорный *ѵ* [j^w] (фонетически [ц]). Глоттальная смычка *ь* [ʔ] находится на периферии фонемной системы, присутствуя в ряде междометий и звукоподражательных слов, напр. *ьай* «нет» (ср. *аай* «да»), *ьах* «нет» (ср. *ах* «князь»), *ьай-ьай* «нет» (ср. *ай-ай* [айей] «да») и т. д. В неформальной речи согласный *к* может реализовываться как долгий *аа*, напр. *дааун* = *дыкоун* «он(а) есть».

Базовая система гласных, как и в других абхазо-абазинских диалектах, включает лишь две единицы: *а, ы*. Гласные звуки *о, е, у, и* – комбинаторного происхождения и являются результатом сочетания основных гласных с билабиальным (*у*) и палатальным (*й*) сонорными, а также с огубленными и палатализованными согласными.

Х.С. Бгажба (*Бгажба 1964: 22*) выделяет в бзыпском диалекте два говора: калдахуарский и аацынский, при этом основным принципом классификации является степень сохранности инвентаря палатализованных (или свистяще-шипящих) и лабиализованных свистящих спирантов и аффрикат. Калдахуарский говор характеризуется наличием полного состава палатализованных (свистяще-шипящих) сибилантов, а также фонемного контраста между свистящими и шипящими лабиализованными спирантами, обладая, таким образом, наиболее архаичной системой согласных среди всех абхазо-абазинских наречий. Аацынский говор утратил палатализованные (простые свистяще-шипящие) сибиланты, сохранив огубленные свистящие спиранты *за, са*. К.В. Ломтатидзе (*Ломтатидзе 1976: 280*) выделяет в бзыпском диалекте три говора – отхарский, лыхненский и аацынский. Отхарский говор функционально соответствует калдахуарскому, в лыхненском имеется система палатализованных (простых свистяще-шипящих) сибилантов, но отсутствуют лабиализованные свистящие спиранты, а в аацынском говоре нет палатализованных сибилантов, но сохранились огубленные свистящие спиранты. К. Ломтатидзе справедливо выделяет также речь молодого поколения носителей бзыпского диалекта, которые утратили большинство

специфичных бзыпских фонем, кроме фарингализованных спирантов x' , $x'\text{'э}$. Эти различия можно представить в виде следующей таблицы фонетических подсистем бзыпских говоров.

1	2	3	4	5
Исходная система (древнеабхазская)	отхарский / калдахуарский	лыхненский	аацынский	речь молодого поколения бзыпцев
*зь *сь	зь сь	зь сь	з с	з с
*зэ *сэ	зэ сэ	жэ шэ	зэ сэ	жэ шэ
*зь *ць *йь	зь ць йь	зь ць йь	з ц й	з ц й
*хь *хьэ	х' х'э	х' х'э	х' х'э	х' х'э

Морфологические отличия между бзыпскими говорами почти отсутствуют, если не считать различные формы обстоятельственно-релятивного и обстоятельственно-вопросительного префиксов: традиционно в отхарском и лыхненском говорах они выступают в форме *-сь-ңа* или *-зь-ба*, при вариантном *-ш-ңа* или *-ш-ба*, тогда как в аацынском более употребима форма *-ш-ңа*, но встречаются и формы *-с-ңа* или *-з-ба* (*Бгажба* 1964: 23, 24), при доминирующей в абжуйском и литературном абхазском формы *-ш-ңа* (напр. *шды-шңа-коу* «как вы поживаете?»).

Поскольку бзыпские говоры различаются между собой лишь по степени сохранности исходной системы палатализованных (свистяще-шипящих) и свистящих лабиализованных согласных, в целом, помимо этого фонетического критерия, оснований для выделения в диалекте говоров нет. Кроме того, старая система палатализованных (свистяще-шипящих) сибилантов и огубленных свистящих спирантов под влиянием литературного языка стремительно разрушается, и доминирующей остается лишь пятая подсистема из приведенной выше таблицы, характерная для молодого поколения бзыпцев, на фоне сохранившихся в ряде сел островков старых подсистем.

В бзыпском диалекте в формах императива конечный ударный гласный корня *-á* часто переходит в *-ы́*: *а-га-ра́* «братъ» – *и-гы́* «возьми!» (ср. абж. *и-га́*), *а-ба-ра́* «видеть» – *д-бы́* «увидь его/ее!» (абж. *д-ба*), *а-ҳәа-ра́* «говорить» – *и-ҳәы́* «говори!» (абж. *и-ҳәá*); этот процесс, однако, не затрагивает ряд глаголов, напр. *а-тәа-ра́* «садиться» – *сә-тәа* «садитесь!».

Для бзыпского диалекта также характерна апокопа – выпадение конечного безударного гласного, приводящее к сокращению слова, что имеет своим результатом бóльшее число корней с закрытыми конечными слогами, чем в родственных диалектах, напр. *а-кә́ар* «речка» – абж. *а-кә́ара*,

а-гэ́ар «ограда» – абж. *а-гэ́ара*, *а-бы́ць* «хворостина» – абж. *а-бы́ца*, *а-еа́г* «мотыга» – абж. *а-еа́га*, *а-йы́х'э* «хвост» – абж. *а-йы́хэа*, *а-ме́ыш* «воскресенье» – абж. *а-ме́ыша*, *аа́нд* «изгородь» – абж. *аа́нда* и т. д.

Лексика бзыпского диалекта содержит много слов, лишь фонетически отличающихся от слов абжуйского диалекта, напр. бзып. *а-х'ы́* – абж. *а-хы́* «голова», бзып. *а-гэ́арта* – абж. *а-гэ́рта* «ограда», бзып. *а-ҥхьасэ́а* – абж. *а-ҥыхьашэа* «добыча», бзып. *а-ҥхэасьа́* – абж. *а-хэаса́* «алыча», бзып. *а-х'ҥысы́тарá* – абж. *а-хырҥаста́* «пропасть», бзып. *а-кай́кэ́ыр* – абж. *а-клачкэ́ыр* «маленькая плетеная корзина» и т. д.

Другие отличия основаны на использовании различных морфологических или лексических элементов, напр. бзып. *а-х'ы́-р-т-ра́* (с префиксом каузатива *р-*) – абж. *а-х-т-ра́* «открыть» (без префикса каузатива), бзып. *а́-хэаиш* – абж. *а-хэ́ыш-ра* «лощина» (с суффиксом абстрактных имен – *ра*), бзып. *ай́ха-хэ́ы* (*ай́ха* «топор» + *а-хэ́ы* «рукоятка») – абж. *ай́ха-ҥэ́ы* «рукотка топора» (*ай́ха* «топор» + *а-ҥэ́ы* «доска»), бзып. *а-мх́аҥ* – абж. *а-мх́абы́ста* (из **амх́аҥ-бы́ста*) «лопаточка для помешивания абысты» и т. д.

Среди специфически бзыпских слов, не имеющих параллелей в абжуйском словаре, можно привести такие лексемы, как *а-х'ҥы́* «предгорье», *а́-даара* «склон», *а-бэ́а́нч* «щебень», *а-бэ́а́за* «лассо, аркан», *а́-бра* «грива», *а-на́ша* «огурец», *а-шьы́х'э* «мята», *а-кэ́ланды́р* «кориандр», *а-х'пы́тын* «бородка кукурузы», *а-напх'а́з* «перчатка», *а-маамы́ць* «гадкий», *а-сэ́ий-сэ́ий* «индейка», *а-цэ́ылды́ш* «желтопуз (безногая ящерица)», *а-бга́рымы́ць* «светляк», *а-кэ́азь* «щепка», *а-кашы́рра* «благоденствие», *а́-хэ́нара* «подниматься вверх», *х'ан-х'аны́* «врозь» и т. д.

В бзыпском диалекте намного меньше заимствований из картвельских языков, чем в абжуйском. Помимо картвельских заимствований (напр. *а́-кэ́ы* «черепаша», *а-ча́лт* «плетенка для боронования», *а-шьна́кэ́ма* «социальная прослойка между дворянами и крестьянами», *а-цы́ыкэ́ре́й* «кукуруза», *а-мага́на//а-бага́на* «серп», *а-са́раць* «соты», *а-мткьа́л* «пастила из алычи», *а-сызба́л* «соус из алычи» и др.), многочисленны и слова турецко-арабско-персидского происхождения (напр. *а-шьа́мсы́а* «зонт», *а-чақы́* «перочинный нож», *а-заа́йф* «слабый», *а-гьы́л* «роза», *а-чап́ра́з* «застежка», *а́цьял* «судьба», *а́-намы́с* «совесть», *а-уа́да* «комната» и др.), адыгского происхождения (*а-жа́кья* «борода», *а-қла́а́д//а-қалба́д* «носки», *а-қя́а́бз* «обычай», *а-ка́за* «умелец»). Немало и русских лексических заимствований; среди старых русизмов ср. *а-зака́эн* «закон», *а-са́р-жан* «сажень», *а-сле́даут* «следователь», *а-ка́дán* «капитан», *а-каруа́т* «кровать», *а-шко́л* «школа», *а-паса́лка* «поселок», *а-ста́ршы́н* «старшина» и др.

Бзыпский диалект в Турции характеризуется утратой палатализованных (свистяще-шипящих) сибилантов, но хорошей сохранностью фонемного контраста между огубленными шипящими (*жэ, шэ*) и свистящими (*зэ, сэ*) спирантами, а также между простыми увулярными (*х, хэ*) и фарингализованными увулярными спирантами (*х', х'э*), что соответствует третьей бзыпской подсистеме.

Среди морфологических особенностей речи бзыпцев Турции можно отметить форму инфинитного суффикса будущего времени в виде *-лаагь// -лаак(-гьы)* (ср. кавказское бзып. *-лагь// -лак*), напр. *и-л-тах'ха-лаагь* «что бы она ни захотела», *йы'-б-хэа-лаак-гьы* «что бы ты ни сказала»; это характерно и для других абхазских диалектов Турции. В качестве вопросительного префикса выступает *-и-ңа*, либо *-и-ба*, напр. *и-иба'-р-га-ра* «как им то взять?»).

Сокращения

абж. – абжуйский диалект

бзып. – бзыпский диалект

Литература

Аршба 1979: Аршба Н.В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Бгажба 1964: Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1964.

Генко 1998: Генко А.Н. Апсуа-аурыстэ жэар. Абхазско-русский словарь. Сухум: Алашара, 1998.

Ломтатидзе 1976: Ломтатидзе К.В. Историческо-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков: I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз.).

Март 1926: Март Н.Я. Абхазско-русский словарь (Пособие к лекциям и в исследовательской работе). М.; Л., 1926.

Март 1938: Март Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.

Услар 1887: Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

Чирикба 2012: Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии / Под общ. ред. Д.К. Чачхалиа. М.: Аква-Абаза, 2012. С. 21–95.

Шакрыл 1961: Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгосиздат, 1961.

Шакрыл 2014: Шакрыл К.С. Ацсуа бызшәа бзыптәи адиалект ажәар. Ақәа, 2014.

Зыхәба 1967: Зыхәба С.Л. Ацсуа фольклор аматериалқәа (академик Н.И. Марр иархив ақнытә) / Акьыпхь иазирхиент, алагалажәеи азгәатақәеи иџит С.Л. Зыхәба. Ақәа, 1967. 203 д.

Цьапуа 2001: Цьапуа З.Ць. Ацсуа рфольклор заатәи анцамтақәа (А.Н. Генко инапылашырақәа рахьтә) / Еикәиршәеит, ацхьажәеи акомментарикәеи иџит З.Ць. Цьапуа. Ақәа, 2001. 325 д.

В.А. Чрыгба

АЦСУА БЫЗШӘА БЗЫПТӘИ АДИАЛЕКТ (Иаазыркьяәу аочерк)

Аннотация. *Астатиа азкуп ацсуа бызшәа бзыптәи адиалект афонологиеи, аморфологиеи, алексикеи рызџаарақәа. Бзыптәи адиалект иахьазы ацсуаа Ацсны излацаажәо адиалектқәа џба ируакуп. Уи аилазаараф икоуп отхаратәи, лыхнытәи, аацытәи, урт рышныџка икоуп рацәак идуум аишымзаарақәа. Тьырқәтәыла инхо ацсуаа бзыптәи адиалект ашәага-загақәа ирықәшәоит, атыңантәи ачыдарақәа шацугьы.*

Ихадароу ажәақәа: *бзыптәи адиалект, ацсуа диалектқәа, ацсуа бызшәа.*

V.A. Chirikba

BZYP DIALECT OF THE ABKHAZ LANGUAGE (A BRIEF ESSAY)

Annotation. *The article is devoted to an overview of the main features of the Bzyp dialect of Abkhaz in the fields of phonology, morphology and lexicon. The Bzyp dialect is one of the two Abkhaz dialects now spoken in Abkhazia. It comprises three sub-dialects – Otkhara, Lykhny and Aatsy, the differences between which are insignificant. The speech of the Bzyp Abkhazians in Turkey is characterized by parameters consistent with the norms of the dialect, with some local peculiarities.*

Key words: *Bzyp dialect, Abkhaz dialects, Abkhaz language.*

АЖӘАХЫРҒИААРА АПСУА БЫЗШӘАҒЫ (Б.У. ШЫНКӘБА ИУСУМТАҚӘА РЫЛА)

Аннотация. *Астатиа азкуп айарауаф, апоет Б.У. Шынкәба итїаарадырратә тынхаҕы ихадоу апроблема – ажәахырҕиаара аңсуа бызшәаҕы. Автор илингвистикатә усумтәқәа 4 рыкнытә хра злоу аҕырыштәқәа алкааны, иазгәаҕоуп ажәахырҕиааразы хархәагақәас иҕоу, еиуеиҕшым ажәахәа хәтәқәа рахь иайанакуа ажәеилайәқәа реилазаашьа. Хазы иарбоуп ашьтыбжьҕырышратә ажәақәа ирхылҕиааз ашьаҕақәа рышьақәгылашыа.*

Ихадароу ажәақәа: *аңсуа бызшәа, ажәахырҕиаара, ажәеиҕйара, ажәеилайә, ажәеидхәала, алексема, аҕыбжьыҕа, асуффикс, аҕайарба, ақәыгәгәара, ашьтыбжьҕырышратә ажәақәа.*

Абызшәадырраҕы аханатә аахыс аҕак ду шамоу иаанхоит ажәахырҕиаара апроблема. Ари ахырхарта атцаара, ажәахырҕиааратә хархәагақәа ралкаара, ажәа аилазаашьа ашьақәыргылара, уи ахылтшьтра, аҕакы рызхьапшра – зда псыхәа амам зцаарақәоуп абызшәа знысыз аҕоурыхтә мөа ацклацшразы. Ари апроблемоуп изыдхәалоу урыс бызшәала иоу Б.У. Шынкәба итцаарадырратә тынха.

1945 шықәсазы Қырттәылатәи ССР акад. Н.И. Марр ихьз зхыз Абызшәа аинститут аҕы Баграт Шынкәба ихьчеит акандидаттә диссертация «Именное словосложение в абхазском языке» захьзыз.

Аусумта апхьажәаҕы иазгәаҕоуп аңсуа литературатә бызшәа анышьақәгыла ашьтахь шакәу ажәахырҕиааратә хархәагақәа рхыпхьазара аиҳахара ианалагаз.

Адиссертант чыдала итїцаауаз ажәахырҕиаара хкы – ажәеиццара казшьарбагас ирымоуп аңсшәа иагәыцхәу нхытц-кавказтәи абызшәақәа.

Б.У. Шынкәба ишазгәеиҕо ала, ажәеилаҕақәа аңсуа лексикон аиҳарак шыақәдыргылоит, формала иреипшусшәа иубо ажәеидхәалақәеи дарей еиоудыраар алшоит рцакқәеи рыхәтақәа реишьтагылашыеи рыла.

Автор игәаанагарала акыр иуадаоуп ажәеилаҕақәеи ахьызтә жәеидхәалақәеи реишара, ҕырыцштәқәасгы иааигоит *анышәаҕишь¹, аебї бзїа* (оба-ба ажәа рыла ишьақәгылоуп, актәи еилкаарак аазырцшуа ажәакны еилалахьейт: *анышәаҕишь иалху аҕәиьал*, аха: *аебї бзїа аа́схәеит* – еилалашьа рымазам.

¹ Аҕырыцштәқәа алкааны, ақәыгәгәарақәа рылтеит автор.

Ихамҕатэны иазгэахтап ари апроблема иахья уажэраанзаггы инагзаны ишытцаам.

Ажэеилацакэа ирызчыдароуп, иара убас дара злашьақэгылоу ажэакэеи дарей хылтшйтрала рцаккэа реиқэымшэара: *ámцабз* (ámца абз) – «пламя»; *адырганйы́хэа* (адырган аты́хэа – «трысогузка»).

Аусумтаҕы иалкаауп ажэеиццара атипкэа: адхаларатэ (притяжательные) – казшыа чыдак анаарцшу: *насы́ншикэакэа*, *ахтэацэы*; аилыркааратэ (определительные) – актэи ажэа аҕбатэи ажэа анхэаакэнатцо: *ае́ыуардын* (ае́ы+ауардын), *ахы́баа* (ахы́+абаа), *ах́амта* (ах́+ымта), *а́гаҕа* (а́га+аҕы), *абнакэты́* (а́бна+а́кэты). Ас еиҕеаау ажэеилацакэа атцааа кэыпш аурыс бызшэаҕы иҕоу родительный падеж иашьашэалоуп хэа ицхьазон.

Баграт Шьынқэба дырзаатгылоит хы-хэтакны еилоу ажэакэаггы: *агэаб-жы́ымацэа* (агэы́ + абжы́ара + амацэ́а), *ашьапсыргэ́ыца* (ашьапы́ + агэы́ + а́ца). Ари ажэеилаца ахкы егырт рааста ижэытэзатэиуп хэа агэаанагара имоуп автор. Дырзаатгылоит иара убас ахацэа ркласс адхаларатэ префикс – *и* – ала ишьақэгылоу ажэакэа: *абиашы́а*, *аҕаиц́а*, *а́бицара* реицш икақэоу. Урт родительный падеж иашьашэалоуп хэа ицхьазоит.

«Все, что познается, имеет число, ибо невозможно ни понять ничего, ни познать без него», – абри ахшыҕцак анууп «Мысли и изречения древних» аҕы (2005, ад. 123). Б.У. Шьынқэба илапш ицимыжкыт итицаауаз атемахь иатцанакуа зышьата еилоу апхьазарахьызкэаггы: *ышиэ* – *өбей шыки*, *хышиэ* – *хҕей шыки*. Иаликаауеит 20-20-латэи асистемаан ашьатакэа рыбжыара, айзырхаратэ цакы аманы, аффикс – *н* – шцэырцуа: *хынтэажэ́а* (*хынтэажэ́а* атыпан), *ҕишьынтэажэ́а* (*ҕишьынтэажэ́а* атыпан), абасоуп ишыҕоу азкыкэа ркынггы: *хэнызкы́* (*хэынтэзкы́ы*), *быжынызкы́* (*бжыынтэзкы́ы*);

–*н* – ашьтахь – *ы* – цэырцит ацыракаларазы, зны-зынла аффикс – *н* – абжыка – *а* – анацуггы ыҕоуп: *афынашиэа*, *ахынашиэа* (*афынтэрашиэа*, *ахынтэрашиэа* ртыпан).

«Прилагательное, как второй член композита» («Аказшыарба ажэеилаца аҕбатэи ахэта ахасабала») захьзу апараграф аҕы адиссертант дазаатгылоит кавказтцаафы Николаи Иаковлев ииҕуаз: «В определительных сочетаниях основ название предмета обычно предшествует названию его качества (определяемое предшествует определению)» (*цит. по: Шьынқэба 2008: 230*).

Б.У. Шьынқэба иааигоит зызбахэ имоу атип ахь иатцанакуа зышьата марианы еилоу ажэакэа: *ахьөэжы́* (ахы́+аөэжы́), *аши́аҕишь* (ашэахэ́а+ацшь), *лахьэиқэа́йца* (алахь+аиқэатца́), *араса́* (ара́+а́сса), *анду́* (ан+аду́), *а́бхэа* (аб+ахэ́а), *а́жэааи* (а́жэаа+и(кэакэа)) – «чайка» уб. ит.

Автор иусумта ари ахэтаҕы икаитцаз азгэатаҕы ииҕеит апсуа литературатэ бызшэаҕы ажэахырҕеиараатэ суффикскэа рхархэара атбаахара амҕа

ишанылаз, зны-зынлагы ажәилацақәеи ажәеицааирақәеи реиодыраара шыуадуоу, насгы асуффикс – *тәы* ағышыақәыргәғәара ишағу атәы. Ғырцштәыс иааигоит: *анышәтә оны, аихатәы лабá, аатә макá*. Аханатә ахархәара змаз – *тә* зцым авариантқәа рақәын: *анышә оны, аихá лабá, аа макá*. Бағрат Шынкәба ари азгәтә каицеижьтәи аамта рацәаны иштцхьоугы, иахьагы иубартоуп арт аф-вариантк азыкашьатә казшьарбақәа раҳасабала еивагыланы ишупыло: *амғы уардын (амғтәы уардын), аихá каруáт (аихатәы каруáт), ахьы мацәáz (ахьтәы мацәáz), абырфын касы (абырфынтә касы), áласа қалқад (áласатә қалқад)*. Абарт апхьатәиқәа ипсабаратәу, еиҳа акрызхьыцуа аформақәа роуп, асуффикс – *тәы* – иғыцу кала-роуп, инеибынеипшны ахархәара амазам.

Адиссертациатә усумтә аонутқа хаз параграфны еидкылоуп аобатәи ахәтә аҳасабала ақатарбақәа злоу ажәилацақәа («Глагол в качестве второй единицы композита»).

Автор иазгәеитоит 10 инареиханы ари атип ахь иахупхьазалар зылшо ажәахырғәиаратә модельқәа. Иалққаап ичыдоу алексикахь иацанакуа, зхархәара цку ажәақәа: *айыхәйáд, аҒуапйáришә, амгәырхá, аишпырхá, алукәáга, амаакыра, ахәыдхайá, азаратáришә, азáрыңи, амышьхәылй, ахьжәәáбыжь*.

Хазы дрыхәапшуеит асуффиксқәа – *оы, – га, – та, – рта* рыбзоурала ишыақәгылоу ажәилацақәа ***аишәкәыооы, ахьзырхәáга, аҒхарңáртә*** ухәа реипш икоу. Реилазаашьала иахьакәнагоу ицәыргоуп атыцхьызқәа ***Кәын иáишә, Каб йрәоаш, Каб йшьха, Мрáмба, Кәы́дмжәы, Хампáл-фарта***.

Бағрат Шынкәба иажәақәа рыла иухәозар, ибеиоу хмилаптә ғырхәалатә поезиағы иупыло еилоу аепитетқәа ауааы, ма аматәар рзы иналукааша аказшьарбагақәа рныцшуеит. Урт автор аф-гәыпкны ишоит: аиғырпшратәиқәеи ахәаақәцатәқәеи хәа. Актәи агәып иахыпхьазалоуп абарт алексемақәа (иаахгоит автор ишеишьтаиргылаз еипш): *цәеихáшьапы, еадалымха, амсырқәаадыш, ахцәыбырфын, хағымра, афырхáйа, афырңхәыс*. Аобатәи агәып автор изыригоит абарт ажәилацақәа рыла: *хағымгәежь, хағымлаша, ңайáңишь, áблаҕыңха, ахьиш, лахьыцәгьа, агәыраз*. Хаз гәыпк ағы еидикылоит алахәыра ацакы змоу ажәақәа: *зараеихьытар* – ззара еихытаруа, *малакрыфа* – амала крызфо, *цымшьхьыркәығьы* – ацбымшьы хьыркәығуа. Иара дреиоымсит, еиҳа имачзаргы, мапкратә аффикс – *м* – ала ишыақәгылоу ажәақәагы: *гәрáмга, нымханымйáа, уáлымишә* реипш иқәаоу. Чыдала дырзаатгылеит *блааты́х, хкы́дкьа, мйáцәа, хьткьá* реипш икоу ажәилацақәа.

Бағрат Шынкәба хазы апараграф рзикит ашьәтәиобатәралала ишыақәгылоу ажәақәа. Ишазгәеито ала, урт актәи рыхәтәқәа ареалтә цакқәа рымоуп,

аѡбатэи рыхэҶақэа – актэи еипшшэа иҶоуп, аха иааидкыланы, ажэеилаҶақэа цқба еилкаам араҶэара рнубаалоит: *агэырѡа-мырѡа, араҶа-ашэахэ, ахыбра-йыбра*. Автор инатшшыны дырзаатгылоит зышьаҶақэа ѡбахо аҶаҶарбақэа, игэаанагара ашьақэыргэҶаразы аҶырпштэқэа ааигоит адҶаратэ ркына-аҶы: *иҶка-иҶыкка, ихйэа-ихыйэйэа, ихжэа-ихыжэжэа, ихса-ихысса*. АрҶеиара аитакалара арбаразы аҶаҶарба ашьата шеибгоу еитаҶахоит: *аҶы-рра-аҶырҶырра, ашаҶара-ашаҶшаҶара, агырра-агыргырра*; арлахэыратэ формақэа рҶы: *дҶырҶыруа, дйэйэйшуа, дгэакгэакуа*. Автор илаҶш иҶи-мыжыит ажэа аѡбатэи ахэҶаҶы аҶыбжыка аҶанапсахуагы: *дыҶкыашэҶба, дхэахэхэаҶо, дыҶарымиарымуа*.

Адиссертант иусумҶаҶы дырзаатгылоит агэыѡбара зныпшуа аҶаҶарбақэагы, урт амапкратэ аҶикс – *м* – ала ишьақэгылоит: *аҶара-мҶара, атэара-мтэара, аҶэара-мҶэара*. Ашьатеиѡбатэра хпылоит апхызарахыызқэа ркынгы, урт асуфҶикс – *ла* рыҶлоит: *ѡба-ѡба́ла, хҶа-хҶа́ла, ѡыҶа-ѡыҶа́ла, хѡы-хѡы́ла*.

ҶазлаҶэажэо апараграф иашыҶанеиуа ахэҶаҶы иарбоуп аҶопулативте ажэеилаҶақэа хэа автор дзышьҶоу, ашьаҶақгы рхатэ Ҷақэа анрымоу аҶырпштэқэа. Ара еиҶылар калоит апхызарахыызқэа, иаххэап: *жэйишь, жэйибжь*; ахыызкақэа – урт ирыбжыалоит аидхэалага – *и-*: *ачэйишыка, аҶэйишь, арахь иахипхызалоит еидхэалагада еилалаз ажэақэагы: ашэҶ-какаҶ, аҶараҶара, агэараанда* уб. иҶ. Имѡатэны иазгэеиҶоит апсшэа иҶы-Ҷны иаланагалаз, иркыаҶны иѡтэыз ажэеилаҶақэа, дахҶэажэоит урт реилазаашыа: *аҶхэынҶишэҶҶыҶыҶыҶа, аҶхэынҶтеаҶр, аҶхэынҶбанк, аҶомҶар, араинагзкóм* уб. иҶ.

ИусумҶа ахыркэшамҶаз автор иҶиҶаауеит апсуа бызшэаҶы иахыа уажэраанзагы ауадаѡрақэа зҶу ақэыгэҶара азҶара. Егырт ахэҶақэа ркнеипш, аракагы атеория харҶэаауп иақэнагоу аҶырпштэқэа рыла.

Акандидатте диссертация ахычарала иаанымҶаст ажэа азказа ду иҶҶарадырратэ усура. Ускантэи аамҶазы иҶыҶуаз «Труды Абхазского института языка, литературы и истории» захызыз 25-Ҷэй, 27-Ҷэй, 28-Ҷэй атомқэа инеишьҶаргыланы ирнылеит аҶарауаѡ қыпш иусумҶқэа: «Именные основы – превербы в абхазском глаголе», «Удвоение в абхазском языке», «Сопряженные корни с превербами в абхазском глаголе». ЕиқэахаҶхызап актэи иусумҶаҶы Баграт Шынкэба иазгэеиҶаз ажэахырҶеиараҶе мо-дельқэа ирыҶаркуа аҶырпштэқэа: *еиҶахэыҶхэыҶит, исахыруеит, дна-зҶагылт, исышьҶахысуан, дыѡнашы́лоит, дѡыжэҶеит, дыҶхэатэ́еит, дыхыҶшы́ит, ийыҶааршы́шэ́оит, иуҶасырҶхóит, дсыргэа́мйит, ила́кэыр-шы́еит, ихы́мзҶы́ршы́еит, дрыгэҶы́ларкит, димкэ́йиҶаҶсит, дымѡахы́з-геит* уб. иҶ. ИазгэаҶоуп арт ажэақэа реилазаашыа, ишьҶырхуа ақэыгэҶа-

рақәа рчыдаракәа. «Многие именные корни, основы, в составе сложного глагола выполняют роль превербов, которые дополняют, варьируют основное значение тех глагольных основ, с которыми они слились» – абри еипш алкаа кайцеит атцаабы (*Шинкуба 1956: 263*).

1956 шықәсазы итыцыз Б.У. Шьынкәба истатиа «Удвоение в абхазском языке» захьзыз алагамтаҕы иааигоит иара иапхьа ари азцаара зусумтақәа азыкхьаз Қьетеван Ломтатизе, Карл Боуда рцәахәақәа: «Редупликация корней является одним из наиболее характерных грамматических явлений, ею пронизана как область морфологии, так и область семасиологии» (*цит. по: Шинкуба 1956: 193*). «<...> удвоения звуков или обострения согласных, чем абхазский язык достигает усиленной интенсивности» (*цит. по: Шинкуба 1956: 193*).

Баграт Уасил-ица иусумтаҕы иалкааны дыззатгыло ақатарбатә шыақәа роуп. Рхырҕиашьа иаҕырцшны ишоит атипкәа б рыла, дара урт – агьыц ссақәа рыла.

Иусумта ахыркәшамтаз икайцоит аус здиулаз абызшәатә хархәагақәа реихшьала:

1) ашьәатә цыбжьыка аобахара: *аххр́а, айәйәр́а*;

2) ашьәтаҕы ацыбжьыкеи абжьыкеи анеицу: *ашьшьар́а, аццар́а*;

3) псабарала ашьәтаҕы ѿ-цыбжьыкак аныкоу: *аттар́а, агъгъар́а*;

4) цырак, ма инейханы рыла ишьәкәгылоу ашьәта аобахара: *атартар́а, ахьаңишьәңишра*;

5) ажәеилатә аобатәи ахәта аеанапсахуа: *ақәацамацар́а, агәакӀгәакӀра; айкӀаишькӀара, ахьаңишкӀаишра; аңхашьәңхәишра, аеәилахәаеишра;*

б) ихырҕишау ашьәтақәа рыобахара: *алагаѿгара, анаңишааңишра*.

Ашьтыбжьыҕырцшратә ажәақәа ирхылҕишау ашьәтақәа рыобахара; арака автор дырзаатгылоит урт иаадырцшуа атақәа:

а) арҕиара аитакалара: *атыккар́а, агъежъгъежър́а*;

б) арацәара: *атылыпылра, атыѿтыѿра*;

в) ашьшьыхәа имѿапысуа арҕиара: *айыыззара, айашьшьра*;

г) атакы арҕәгәара: *ахәыцхәыцра, агәакӀгәакӀра*;

д) ауабы, апстәы, апсаатә ирхылтшуа ашьтыбжьықәа ирышьашәалоу: *аҳаишхәишра, акьыркьырра, акәақәкәәра*.

Шықәсык ашьтахь, 1957 шықәсазы, итыцуеит Баграт Шьынкәба истатиа «Сопряженные корни с превербами в абхазском глаголе» захьзу. Иусумта хацыркуп алагалажә аҳасабала иаагоу азгәатақәа рыла, лымкаала дрыла-цаажәоит апревербқәа рыцымкәа, хаз атакы рыманы иуцымло ашьәтақәа. Абар урт рзы автор иихәо: «Эти корни в сочетании с многочисленными превербами способны выражать множество различных оттенков значений,

а иногда и такие тончайшие языковые нюансы, перевод которых становится чрезвычайно затруднительным» (Шинкуба 1957: 276). Ирыкэнагоу аҕырпштэкеи дара реиҕаҕакеи рыццаны, автор дрылацаэажэоит абарт ашьатақәа:

-йа — аонайара, адэықэйара, акайара, ашьайара;

-й — адэылыра, акэылыра, аеыжэыра;

-ла — аоналара, абналара, агэрámгара;

-х — алхра, ақэхра, амхра;

-ха — алахара, аонахарá, аҕахарá, аҕахарá;

-жэ — аҕжэарá, ахжэарá, айжэара;

-да — айдарá, алдара, абжэдарá уб. итц.

Б.У. Шьынкэба дреиоымсит ахьызкакеи акацарбатэ шыатақәеи анеи-кэшэо афактқәаҕы: — х — азмáх, аишáх, амазарáх; — а — агэáа, азáа, ахáа, алáа; — кáа — аҕкáа (аҕкáа); ахкáа-ахкáа.

Иааизакны итцаарадырратэ усумтақәа рыцшьбаҕы ркны иара дырзаат-гылеит 1000 инареиханы ажэеилацақәа реилазаашьеи рцаккэеи.

«<...> слова-корни в абхазском языке не есть омертвелый не развивающийся остаток, а наоборот, они составляют широкую базу для развития лексического состава языка», — иоуан иара 1957 шықэсазы акьыпхь збаз иусумтаҕы (Шинкуба 1957: 276).

Б.У. Шьынкэба итцаарадырратэ тынха иахья уажэраанзаҕы напхгагас ихамоуп дзылацаэажэоз азцаарақәа ирызхьяцшуа апсуа царауаа рабирақәа зегьы, хра злоу акэны ипхьазоуп кавказтэи абызшэадырраҕы.

«Родной язык надо чувствовать так, как его чувствовал ваш Баграт, тогда абхазский язык останется по-настоящему родным и вечным» — хэа хархэалон харцаоцаа Қарт, иара дзылгаз аспирантурахь злахьынца инанагаз, сара сназлаз, апсуа, абаза, адыга жэларқәа ирылтыз аҕар.

«Аҕсноуп ҕсыс иахоу сыҕсы!» — абарт Баграт ду иажэақәа хрызхэыцуа, иацахцап: «Аҕсуа бызшэоуп ҕсыс иахоу Аҕсны!».

Сыстатиа хсыркэшоит Баграт Шьынкэба адунеи хазлахирцааз аублаа ртоурых атэы зхэо ароман «Ацынцэарах» акнытэ хгэыҕеанызцаша ацаахэақәа рыла: «Шэышықэса раахыс адэышкэаҕыз хнафон цлак. Ёнак аурт баацс насын, шыатанкыла итнажэеит, избаз насын, мҕыс, маҕахэыс хьышыацэыкҕы камыршэкэа иргеит. Ус-ус, атла зықэгылаз адэышкэаҕыз ашэахстацэҕаҕы азынымхеит, еималеит. Ус ауп хажэлаҕы адунеи ишанытыз.

Иабатэаху жэларақ зегьы рыкэзаара зыхкыаз амзыз? Издыруада, хара ххатақәа хакэзар изхароу? Апсыҕера хэхьазар? Заанац хайпхныоланы хапылазар хакэзаара? Хазгоз азы мацхар хэа хшэаны, иалахтэазар ххатэ шыа?» (Шьынкэба 2017: 438).

Алигература

Шьынқәба 2008: Шьынқәба Б.У. Иыымтақәа реизга. 6-тәи атом. Ақәа, 2008.

Шьынқәба 2017: Шьынқәба Б.У. Иалкаау. Ө-томкны. Аәбатәи атом. Ацынцәарах. Аҟоурыхтә роман. Ақәа, 2017.

Шинкуба 1956: Шинкуба Б. В. Удвоение в абхазском языке // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. 27. Сухуми, 1956. С. 193–212.

Шинкуба 1957: Шинкуба Б.В. Сопряженные корни с провербами в абхазском глаголе // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. 28. Сухуми, 1957. С. 275–290.

Л.Р. Хагба

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ (На основе исследований Б.В. Шинкуба)

Аннотация. *Статья посвящена сути и значимости проблемы словообразования в абхазском языке, для раскрытия которой автором анализируются четыре лингвистических исследования поэта и ученого Б.В. Шинкуба. Рассматриваются типы и способы словообразования. Из зафиксированных исследователем лексем автором данной статьи выбран наиболее яркий иллюстративный материал.*

Ключевые слова: *абхазский язык, словообразование, словосложение, сложное слово, лексема, словосочетание, согласный звук, суффикс, глагол, ударение, звукоподражательные слова.*

L.R. Hagba

WORD FORMATION IN THE ABKHAZ LANGUAGE (Based on the research of B.V. Shinkuba)

Annotation. *The article is devoted to the essence and significance of the problem of word formation in the Abkhaz language, for the disclosure of which the author analyzes four linguistic studies of the poet and scientist B.V. Shinkub. The types and methods of word formation are considered. From the lexemes recorded by the researcher, the author of this article has selected the most vivid illustrative material.*

Keywords: *Abkhazian language, word formation, word composition, compound word, lexeme, word combination, consonant sound, suffix, verb, stress, onomatopoeic words.*

АЛИТЕРАТУРАТЦААРА • ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.А. Кэагэаниа

ТАИФ АЦЬБА – АЛИТЕРАТУРАТЭ КРИТИК

Аннотация. *Аусумтэҕы ганрацэала иазаатгылоуп апоет Таиф Ацъба жанрла еиуеиҥшым илитература-критикатэ тынхажэа. Хишыөзышьтра азууп азэырыфы аңсуа ашэкэыөщэеи (Кь. Чачхалиа, П. Бебиа, С. Таркьыл, В. Чытанаа убас егыртгыы) ахэаанырцэтэи алитература арҕиаөщэеи (Ф. Туутчев, Л. Леонов, Н. Тихонов ухэа) ирызку акритикатэ статиақэеи, аретензиакэеи, арҕиаратэ очеркқэеи ркны иззаатгылоу асахьаркыратэ өымтэқэа анализ рыдкайдалашьа ачыдарақэа. Иазгэаҕоуп автор илитература-теориатэ, иестетикатэ хишыөзцарақэа рышьатақэеи, рхырхарта хадақэеи; илитература-критикатэ кыыҕхымтэқэа реиҕырцаашьа, излауу астиль алишарақэа, Т. Ацъба «илитератураҕааратэ» бышиэа амчхара.*

Ихадароу ажэакэа: *алитератураатэ критика, аизгақэа, ажэеинраалақэа, апоет, арҕиамтэқэа, апоезиатэ бышиэа.*

Таиф Шьяадат-ица Ацъба (1939–1992) 30 шыкэса иртазаз ирҕиараамта иалагзаны инапы итижыит 20 инареиханы алитература-критикатэ статиақэа, аретензиакэа («аоныцкэтэи» аретензиакэагь назлоу), арҕиаратэ очеркқэа. Акыпхымтэқэа зегы агэылалейт 2019 шыкэсазы ө-шэкэыкны итыцыз иөымтэқэа реизга (*Ацъба 2019а: 339–446*).

Апоет асистема атаны иааипмыркызақэа алитератураатэ критика зэады-зцалоз литератормызт. Аха, иага ус иказаргы, уи ахырхартаҕэтэи иаапсарақэа рызхьацшра ахэтаны исыпхьазойт, избанзар, иагыашэымхэан, Ацъба-акритик здакам ала дыпхыраагзоуп Ацъба-апоет иапцамтэқэа мэхакытбаала ахаҕы аагаразы, иестетикатэ хшыөзцарақэеи ирҕиаратэ принципкэеи реилкааразы.

Т. Ацъба алитература-критикатэ статиақэеи аретензиакэеи рзикит иаамтазы аиҕабыратэ абицара иацанакуаз апоетцэа хатэрақэеи (иаххэап, Кь. Чачхалиа, Б. Шынкэба), иара дызтэыз абжьаратэ абицара еиуаз ашэкэыөщэеи (П. Бебиа, С. Таркьыл, Р. Смыр) реипш, алитература амхурстаҕы рапхьатэи ашьаҕақэа кэцоз абаөхатэрауаагы (В. Чытанаа, А. Лагэлаа).

Рапхьазатэи илитература-критикатэ ажэа азкхеит апоет Сарион Таркьыл иажэеинраалақэа рышэкэы «Ицоит апкақэа халаны» (1969). Аиаша схэарами, абрака алитератор ҕа, ускантэи аамтаз поезиатэ еизга затэык («Ажэеинраалақэа») авторс иказ Т. Ацъба дахзаатуеит аналитикатэ хыцпра злоу, агьамеи ахшыөи ирылакоу, апоезиатэ рҕиамтэқэа инарцауланы ана-

лиз рахыжьра зылшо, агьармацахэа зѣахэы зхэо критикны. Убриаамтазгы иара иааирцшуеит арѣиарауаѣ еснагь дхаразкуа – аобиективрей аамсташээр-рей. Ашэкэы «Ицойт апкакэа халаны» ахэшьяра харақ атауа, излакоу алирикатэ беиара аганкэа қэнагала, насгы хата-хатала иазгэатауа («Аизга иагэылалейт итегы ашымта бзиақэа, апхьяѣ гэхэала дзыпхьо, акыр изто, акризирцо»); «Ашэкэы иагэылам итацэу, акгы уазымхэо, апхьяѣ игы пнацэартэ икоу ажэеинраалакгы»), инацэа рықэикуеит «ымтақэак ркны игы еихьызшыуа цэахэақэак, хэоуқэак, ажэақэак. Шэахэапш, агха-цхақэа хэа иипхьязо тыпқэак дырзаатгыланы алкаа аныкайтэ акритик, закэ аамсташээрору иааирцшуа: «Зынза уаѣ ичхартэ икам хэа акэым исхэарц истаху, аха усгы еилыхха икоу псыуа бызшэала ицэажэозар стахын арт ахэоуқэа» (*Ацьба 2019а: 344*). Ус акэын Т. Ацьба дшыказ апстазаараѣгы: иажэа агымызт, ишэан-изан, иаахжэаны ихьяхэапахэадоу алкаакэагы кайтэомызт ахаангы¹.

С. Таркылы ишэкэы иазку акритикатэ статиа иалакоуп хшыѣзышьтра зтатэу даѣакгы. Абрака рапхьазакэны ицэыргоуп Т. Ацьба нак-нак ажэеи-задалагы жэеинраалалагы («*Ицны ибзамхаз илшазом / Ажэеинраала аѣра*»; «*Санькамгы ирхэааит: / Дзышьтазоуп дзыниаз! / Аиаша дачычан, / Аиашоуп дызгаз!*») (*Ацьба 2019: 200*)², акырынтэ дыззаатгылахьаз ирѣиаратэ кредоны хатала дзыкэныкэоз аморал-етикатэ, адоуха-естетикатэ принципкэа: «Дарбанзаалакгы, еихарақгы уи данпоетха, еснагь ихы иаитозароуп абри еипш азцаара: “*Икасѣзези, исылшазези, насгы исылшо зегь касѣама аңстазаара аиқэырхаразы, сабамаѣзоу, сызламаѣзоузеи адунеи?*”» (*Ацьба 2019: 342*). Т. Ацьба инарцаулары ахцэажэара ззиуа, ахэшьяра бзиагь зито С. Таркылы ирѣиамтақэак («Апоет иразкы», Д. Гэлией А. Лашэрией ирызку иажэеинраалақэа «Апоет», «Абра джуп апоет»), ишьтырхуа айдеиатэ пафос хада – апстазаараѣы апоет икэкы хада, – азгэатауа, икайтэит абри еипш алкаа: «Апоет иеримтозароуп апстазаара инаѣо аахақэа, урт дыриааир ауп данпоетхо. Арѣиара ус иаѣахуп: ахамейгзара, ахы мап ацэкра. *Ишутахугы уканы, апоезиа иаиайѣкыагы кауѣо акалара цэгьоуп. Аңстазаара иамазароуп зхы ақэызыаша ауаагы, уиада рхьяка ацара зыкалом...*» (*Ацьба 2019: 342*). Аамта излахнарбаз ала, Т. Ацьба ишихэаз еипштэкыа икалейт: апстазаара, ажэлар рхақэитра зхы ақэызцаз дреиухейт иара ихатагы...³

¹ Анцэа ицишаз убри ишныцкатэ культура ду атэы азгэалтоит ипшэмапхэысгы лгэалашэарақэа рѣы (*Козониа-Ацьба 2019: 866*).

² Аракеи нак аладей ицо акурсивкэа зтэу сара соуп. – В. Кэ.

³ Ус ауп руахта ишапылаз ахэахэеи апаршеи ирнымаалаз адунеи иадыруа апоет-цэа дукэа Ць. Байрон, А. Пушкин, М. Лермонтов, О. Манделштам, Ф. Лорка ухэа убас азэыршы.

«“Ахы уардын” ашъта ххыцшыло» ахъзуп Платон Бебиа ипоезиатә шәкәы иазкны 1973 шықәсазы Т. Ацъба ииыыз анаәстәи икритикатә статиа. Ари ашәкәгы аилыргара такпхыкәрала имәацгоуп, убриаан хшыөзышьтра азутәуп акритик аханатәгы иазгәеитә – «асахьаркыратә ажәа имариацәаны азнеира» ашәартара шатцоу, «апоезиа ахәшьара, ашымта ахынзабзиоу (иахынзахысхаугы) агәатаразы аамта» (*Ацъба 2019: 345*) шакәу зегь ирыщку. Аусумта иалубаауеит «знапы казахахьоу апоет» П. Бебиа рәиаык иахасабала ганрацәалатәи ихаәра: ирзаатгылоуп иеихьзаракәа – ахаареи, акәыгареи, ацәанырра цаулеи зцоу, «ххы-хгәы зыркәандо, апоезиа иашацәкәа згәылжжу...», «еилыхха, хьантарак злам поезиатә бызшәала» иоу иажәеинраалакәа хьызхәала инткаа-ткааны; иазгәәтоуп икәәиаракәа иаха иахьааирцшуа апоезиатә жанр – иуморла ихырку алирикатә жәеинраалакәа. Акритик дрывсуам «Ахы уардын» иадибало апсыгәракәагы, уажәы-уажәы автор ибла инхикылоит иагәылоу арәиамтакәа зыркәадо ахысхаракәагы. Аиаша схәарами, ашәкәы еилыргоуп бжеихан критикатә блала, ишырхәо еипш, интыгыгәаны лахьхәапшрада. Апцханатәгы автор изынархоу акымкәа-әбамкәа аәпныхәкәа, сгәанала, кәнагала ихәоуп: «Истахуп сазцаарц, избан, абас захьзитазеи апоет ишәкәы? “Ахы уардын” захьзу жәеинраалак ахьагәылоу азы мацара аума? Ари ажәеинраала ашәкәы ахырхарта хада ашка амәа ма хәкәнатом, ма цъара акы иасимволны иаабом, ус апоет ишымтакәа дынрылсны рапхьа иааимпыхьашәаз ахы иеизга инахьзитаеит» (*Ацъба 2019а: 351*). Цабыргхәтала иаххәозар, иарбан сахьаркыратә шәкәызаалак, апоезиатә рәиамтакәа рышәкәкәагы убрахь инарылацаны, хьзыс иазыпцәахароуп уи гәыцәны иагәылсуа аидеиа, автор ишәкәы ишьтнахуа апроблематика хада. Ус ауп Т. Ацъба хәталатәи ирәиара дшазнеиуаз, ипоезиатә рәиамтакәа еидызкыло аизгакәа зегьы (1968 шықәсазы итытыз рацхьатәи иеизга «Ажәеинраалакәа» алахамтозар⁴) рыхьзкәа ишәа-иза, икапанны ишьтыхуп, автор ишымтакәа зцоу асахьаркыра-философиатә еидара, рпафос хада уахьдырцшуеит (иаххәап, «Ацхи амши», «Амш ианацло», «Сара стынчра», «Амәа икәу»). Уи иначыданы иазгәәтатәу, Т. Ацъба егырт икыпцхьымтакәа ркны идаабало априцип хадакәа роуп ари алитература-критикатә статиаәгы дзыкәныкәо: поетк иахасабала ихы иадитцо, цымкрадагь ишьтыхуа арәиаратә пкаракәа – дзыхцәажәо апоетгы иаәпникылоит: «Ацсуа поетцәа азьырөы ирзеипшу гхоуп ххәар алшоит *апоезиа ашәага-загакәа реллагара, апоетика ацкаракәа ратәамбара*. Ари акырза иланаркәуеит, зны-зынлагы ипцхаста-

⁴ Уи аганахьала икәымшахәтхара удаәуп иара П. Бебиа ихата ари ашәкәы анеилирго Т. Ацъба идкаитцалауа аәпныхәа: «*Ицгәыамызт автор рапхьа иааимпыхьашәаз “Ажәеинраалакәа” хәа акәымкәа, ицизаза, цакылагы формалагы ишьтызхьышаз хьзык ишәкәы иазитшаазтгьы*» (*Бебиа 1968: 4*).

натәуеит ашымта, апхьяафгы игәы бжъяжьо, иазиура изымдыруа, игәы ахымло иааимпытахоит» (*Ацъба 2019а: 353*). Арфеиафы изы гәыобарада изыкәныкәалатәу цкароуп, иара убас акритик икаитцо анафстәи аарагы: «Апхьяа ескынагы дыззыпшу – *ахыртәага икылху апоезиа аун*, апоетгы убри дырны итакпхыкәра лаимыркәуазароуп, ихы аца аирбозароуп, мап анакәха, апхьяа игәы хышәашәар калоит» (*Ацъба 2019а: 353*). Арфеиара ус зәадызцало афар рзы иахьягы, уацәгы, уацәашытахыгы имәакәтцагоуп Т. Ацъба иста-тиафы ицәыриго егырт ахшыөцаракәагы: апоет «...ихәтоуп итегы ихы аца аирбарц иажәакәа реилыпшаарафы (ажәакәа рыпшаара мацара азхом, урт еилыпшаатәуп) – *ажәа лыңшаахкәа роуп ажәеинраалагы злыңуа...*» (*Ацъба 2019а: 354*); «...егырт алирикатә жанркәа рааста *абаллада чыдала иацәымгуп амцхәракәа, аритм атагәтасракәа, иара ус фонетикатә еила-заашьалагы ашьтыбжь иахылыуа ихааза, иғәғәаза улымха итафәуазароуп*, иахтау ацахцартә, иагхархартә икамлароуп» (*Ацъба 2019а: 351*). Абасала хрыжь-хрыжь, гәыцәкыарада Ацъба-акритик дрылацәажәоит апоет иажәеинраалакәа ирыдибало ахысхаракәа, дара уртгы идигалоит бжеихан зеигъашыарак ахасабала.

Ихәатәны исыпхьязоит, Т. Ацъба ашәкәыөцәа рырфеиара иазку илитера-тура-критикатә статиакәеи иочерккәеи (Л. Леонов изынархоу аочерк «Зымгә-хак тбауу абаөхатәреи» Н.С. Патеипа ишәкәы иазкны иөу арцензия «Акыр иацсоу атыжымта» хәа хыс измоу алахамцозар) рфы дыззатгыло-еилир-го, шамахамзар – апоезиатә рфеиамтакәа ирыцаркуа ажанркәа роуп: ажәеинраала, абаллада, апоема. Убрахь иацанакуеит Рушьбеи Смыр, Владимир Ахыба рпоезиатә аизгакәа ирызкны иөу истатиакәа «Аецәакәа рыкәашара», «Ижәбап сымцаг еикәцаны...». Уака Т. Ацъба гәартыла иөызцәа апоет-цәа ражәеинраалакәа дырзаатгылоит, амала урт, иара ихәашьала, «акакала “еиғыхны” рыхцәажәара, реилыргара» хыкәкыс ишьтихуам. Ашымтакәа ры-бзырзы ахәараан автор ағәхәапхыз деигзом⁵, акритика рзыуазаргы – иаг-

⁵ Абар, Р. Смыр изку арәхәапхыз: «Апоет иажәа разаны дцәажәоит, ибзиоуп имыруадаөцәкәа ицәәхәкәа рыртәашьа, заманала илшоит ицәанырракәа апхьяа имарианы еиликаартә изнага-ра»; «“Аецәакәа рыкәашара” автор идныхәалатәу рацәоуп: ибызшәа ацкыара, иажәакәа рыласра, иажәа апшзара, ахаара, ихшыө айлыххара, ицәанырракәа имыруадаөцәкәа рцәыргашьа...» (*Ацъба 2019: 356*); «“Хажәәахыр иазхааит!” – абас хәаны ихысуан хабәцәа аонатафы аца данилак еигәы-ргыны. “Хажәәахыр иазхааит!” – хикәныхәар хтахуп харгы апсуа поезиа атаәцәарафы апоет ға Рушьбеи Смыр» (*Ацъба 2019: 357*). В. Ахыба изынархоу арәхәапхыз акәзаргы усоуп: «Влади-мир Ахыба еилаижәуам ашәыгәкәа, рацәазакгы ихы иаирхәом еицырдыруа апоезиатә матәахкәа – аепитеткәа, аметафоракәа, аметонимиакәа ухәа егыртгы, аха уи азы ихысханы, игәмаданы икалом бжеихан, избанзар ажәеинраалакәа ирыцоуп ацәанырра пха, ирызтоуп икыюу агәы, апо-ет днавамла-аавамлакәа, иаармарианы игәтыха ахәашьа иеакәиршәоит...» (*Ацъба 2019а: 362*); «...уи иеырицәихьчоит алитераурафы иреицәоу агра баапсы – апхьяа игәы аңйәара» (*Ацъба 2019а: 358*).

мыжкэа ирзиуеит, иагъахмыркыацэакэа, абжыгаракэа нарыццаны. Убас, Р. Смыр иганахъала икаитцо анаџстэи абжыгаракэа, сгэанала, хақла иазгэа-тоуп: «...уажэнатэ игэиџанцатэызар калап апоет ажэа айтаҳэара (аизгаџы инамцхэны иахпылоит ажэакэа – ашьха, арџаш, аџы) иџацэиэхъчаларц, дара иажэеинраалакэагыы цъара-цъара ицэеипшымхаларц, иџымтақэа ицегъ рырцаулара иџазишэаларц, иџеримталарц иара убас амелодраматэ мотивкэагыы» (*Ацъба 2019а: 357*). Диашоуп сгэахэуеит В. Ахыба ипоезиа абри аџыза акритика аназиуагыы: «Зеипш ажэала ишьакэгылоуп ажэеинраалакэа – “Аныхэаџа”, “Сыжэлар ргэеисра”, “Назатэи амш”, ахтыс афакт айтаҳэара изахымыхэхеит ажэеинраалакэа – “Аамта цэгъан – еибашьран...”, “Дыпсгэышьеит рыцха...”. Убарт ирџызоуп, иагъа гэыбылрала иџызаргыы, “Тэын-ипацэа ркъамтажэ”, атэым мотивкэа рныпшуеит ажэеинраалакэа – “Ацыхэтэантэи ашэа”, “Ба бансыцу”» (*Ацъба 2019а: 365*).

Арецензиатэ кэзшыа амоуп шэагаала иаџцам, «Акыр иацсоу атыжыымта» захъзу Т. Ацъба егыи истатиа. Уи азкуп XIX ашэышықэса аџеиџшамтеи XX ашэышықэса актэи азбжеи иреиуаз апсуа интеллигенциа иналукааша рхатарнак, арккаџы, атэылаџацэтцаџ Николай Соломон-ипа Патеипа 1978 шықэсазы итытыз ишэкэы «Иалкау (Астатиақэа, ажэабжыкэа, ажэеинраалакэа)». Арецензиакатцаџ апхыџа агэыбылра икыртэ дырзаатгылоит «знаукатэи зестетикатэи цакы зцэымзыз» ари ашэкэы еиднакылаз аматериалкэа реилазаашыа (апсуаа ркъабзкэеи рдинхатареи ирызку, апсуа орфография азцаатэқэа, ахатэы бызшэа арцара, асатиратэ жэеинраалакэа ухэа) хэартарас ирылоу, излаџу абызшэа ачыдарақэа.

Апсуа поезиа аџоурых иазџлымхау апхыџаџэа ирдыруеит, апоет-асатирик Къыршьал Чачхалиеи Таиф Ацъбеи адоухатэ еижьрацэара шрыбжыаз. Т. Ацъба рапхыатэи ипоезиатэ шэкэы «Ажэеинраалакэа» (1968) антыц, ускан еицырдыруа рџаиџны ишьакэгылахыаз, уамакала згэы аартыз Къ. Чачхалиа, уи ахтыс деигэыргъаны дагыазгэдуны, апоет џа ихъзинџылоит ипцхаза икоу ажэеинраала «Ушэкэы санапхыа...». Уака автор, агэахэа ду изтаз ашэкэ џыц дыхнахны, ицэаныррақэа изымцэахуа, поезиатэ ажэала иазгэеитџоит: «*Ажэеинраала бзиа санапхыа – / Амырхэага каччоит сапхыа. / Стъынчза шыкоу, шыкоу скэапза, / Аңырңырҳаа иакуеит сгэы амца. / Сыргэатџеиуа сама идэықэлоит, / Ахэыирақэа хыңны исықэлоит. / Зны сълбааргоит, зны схаргалоит, / Гэырғъара дук саднахалоит...*». Апоет-ахъзынџылаџ иажэеинраала хиркэшоит анаџстэи ацэахэакэа рыла:

*Абас сыхыит сара рапхыа,
Таиф Ацъба, ушэкэы санапхыа,*

*Ашәкәжәа соуа уара иумтан –
Уаха хьаа Анцәа исумтан!
(Ацьба 2019: 891)*

Кь. Чачхалиа дымәашьейт мышьтабзиала хәа дзыхцәажәаз ашәкәы ацаки анархеи рганахьала, уи апызцаз Т. Ацьба аиҳаб иажәа кәанда игәы шьтнамхкәа дыкам⁶, идырәатә еигьхейт – анаәсантәи ирәиара атла дацпашәла әеибнәтейт, махәталагь уамакала итәгәырцсейт, амилаттә литература иалеигалт хәы змам апоезиатә рәиамтәкәа.

Т. Ацьбагы, ишәкәы «иакәныхәаз» апоет ицьбааа сьдсмырхалап ихәарашәа, әажәа шыкәса анцы ашьтахь Кь. Чачхалиа дийжьтәи 70 шыкәса атра ахьзала ирәиара иазкны иәуейт астатиа замана – «Кьыршьал Чачхалиа сатирикк иаҳасабала». Астатиафьы, Кь. Чачхалиа ирәиара иазаатгылахьоу алитературатцаәцәеи акритикцәеи (В. Агрба, М. Лашәриа, В. Атнариа, У. Аәзба ухәа) реицш, иажәеинраалакәа хәта-хәтала еифьыршәшәаны ранализкәтара иәезикуам, ус иааидкыланы апоет ирәиара ахәшьара атароуп ифьызишәо. Апоет «...ирәиаратә аамта зегьы удафьын, – иәуейт Т. Ацьба, – аибашьра, аибашьрашьтахьтәи аамта хьантә, ацәгьахәара, амилат еилыхра, апсуара ашьатарзра аәазышәара, ақәымчрақәа, ацартышагара, апротекционизм, амтәкьақьара... Абартқәа зегьы ахьыказ, амчрагы ахәтыргьы ахьрымаз аамта дахаанын Кьыршьал Чачхалиа, дырәагыланы сатирала дшыкәпоз ауп ицстазаара дшалцызгы» (*Ацьба 2019а: 409*). Агха сыхьуам сгәахәуейт, асовет аамтаз атыц змаз анегативтә цәырцрақәа, зегь рацхьа инаргыланы атартышагара, ахәынтқарра ацагьычра, ачиновникцәа рхамәәчра ухәа, ирәагыланы хамейзарада дшыкәпоз, ихы ақәитсейт схәар Кь. Чачхалиа. Астатиакны иаарцшуп «дымшәа-дмырха ажәлар рыгәтыха нтқаны ирзеитазхәоз, агәагьра ду злаз», есаамта атыц змоу «ацәгьара авирус» хаха иәагагылаз асатирик Кь. Чачхалиа ирәиаратә кәзшьбарбақәа зегьы: исатира ахьрхарта хада, уи амәхак атбаара, ажәлар рыцстазаарафьы, реизхәзыгьарафьы иааннакыло атыц («дагьазыкәпафьын, дагьазышәахәафьын ацстазаара»), ицәыргоуп исатиратә бызшәа ахыцхьртақәеи ачыдарақәеи; хәтакахьала иазгәатоуп поет-лирикк иаҳасабалагы ишитынхаз «ахаа цәа зкәыншышьылоу, ирхәыцгоу, ирлахфьыхгоу ашьа-цха злоу» алири-

⁶ Уи аныцшуейт Т. Ацьба цытрак ашьтахь Кь. Чачхалиа изкны иифьы астатиа: «Апоет ихааныз, изааигәаны дыздыруз зегьы хаштра ақәымкәа иргәалашәоит уи шака афьыц дазфьлымхаз, шака афәр дрышьклапшуаз, игәапхоз апоетцәа ирызкны ахьзыншыларакәа икаитпоз. Схатагы ицәахны исымоуп рацхьазатәи сышәкәы атыцтра иазкны Кьыршал сыхьзала иифьыз ажәеинраала. Уи сара даараза хәтыр сзақәуп. Убас егьырт афәрацәагы рыкәәиарақәа дреигьыргьаны ирыднхәало ргәы азирхәон. Абри аганахьалагы икоуп уи ифәхцәаша, хәхьыфьыцшыша» (*Ацьба 2019а: 408*).

катэ ыымтакэа. Амала, хымпада, иахэтан Т. Ацъба истатиакны, гэыблыла ацъшьара зито апоет-сатирик, апоет-лирик ирфеиамтакэа рахьынтэ акы-оба цэахэа ирыдамзаргыы ыырпштэы хасабла иааигар...

Изаамтамкэа здунеи зыпсахыз апоет Виачеслав Чытанаа (1955–2005 шш.) иажэинраалакэа рышэкэы «Ажэан бахча» (1984 ш.) аилыргара иеазишэоит Т. Ацъба алитература-критикатэ статиа «Ихацырку ажэа рфеиануа...» акны. Иухэлаччо дышуоурыз, иухэлатэыуо дуоуандаз хэа шырхэо еипш, автор ыа икэфеиет апоет хатэра иажэа дахьапсахаз. Уи иххэауу акритикатэ статиа гээартылеи гэцаракралей иоуп, иара убри аамтазгыы ашэкэы иагэылоу апоезиатэ рфеиамтакэа ихэку ахэшъара рытоуп, иреиэсым ридеиан-тематикатэ цэки реифэартэышыа ачыдаракэеи: «В. Чытанаа икэла зыкэлоу апсуа поетцэа даарылукаартэ дыкоуп апстазаара иацоу ацэгъа-абзия, хыхь-хыхьла акэымкэа, рдац-пашэ акынза анеира иеахьанишэо ала...»; «...ашэкэы злалаго ажэинраала иаразнак хгэхьэаннатэоит, иаразнак ихаилнаркаауеит зыкны аус хэмоу апоет ажэа мацла аду ахэара зылшо шиакэу»; «...рапхьатэи ишэкэы “Исызгэакыоу афытыбжыы” инаркны иахцылоит меигзарахда апоезиатэ матэахэкэа – аепитеткэа, аметафоракэа, аметонимиакэа. В. Чытанаа ескынгыы дрышьтоуп арифма ыыцкэа, иыымтакэа рритмикагыы шыакеиргылоит иара итэала, иыырцэихьчоит апхьаэ мыцхэы илымха иахахьоу, еицырдыруа аритмкэа» (*Ацъба 2019б: 380–382*). Хэаратахума, Т. Ацъба зыымтакэа дрыхцэажэо апоет ицеикуам игхапхакеагыы, итегы аус зыдулатэу инапкымта аганкэак дырзаатгылоит, амала ихжэацэаны акэымкэа – аамысташэала: «Апоет макъана игу ыкоуп абызшэа аганахьала. Цъара-цъара иахьынзахэтоу аус рыдулам ацэахэакэа, зны-зынлагыы урт ирзышьтымхуа, изгэылумбаауа “аидаракэа” ирыцоуп... Абарткэа ирыхкьаны ажэинраалакэа рцакы хэылахоит, уи аилкааразы апхьаэ иатахзамкэа мыцхэы ацъа ибар акэхоит, иаармарианы зхэара, зцэыргара атаху мыцхэы дакэшоит. Лассы-ласс иахцылоит иара убас иеим арифмакэагыы» (*Ацъба 2019а: 382*). Ажэа сахьарк азказа икынтэи ас еипш икоу ацъшьарей азеигъашьаракэеи аниахауа ыыц аэра иалагаз апоет, хымпада, игэы шытнахуеит, ихгыы итегы аус адиулартэ агэацпыхэарагы инацоит. Убри инамаданы ихэамзар ауам Т. Ацъба ашэкэыэора зэазызкуаз афэр реитцаазара, амэа рытара – амилап литературазы ипшьоу, насгыы иааипмыркъазакэа изхапгылатэу усны дшахэапшуаз. Уи иазышахатуп чыдала алитература иацагылаз арфеианэца кэыпшца ирзынархоу, акритикей апублицистикей еимаркуа истатиа «Ажэа ахатыр азы» (*Ацъба 2021а*). Астатиафэи икэыргылоу азцааракэа, апоет хразланы дзыхцэажэо, арфеиара ус иадхэалоу еиуеипшым апроблемакэа (ашэкэыэоцэа фарацэа рыгэцаракра, ашэкэыэоцэа рабицаракэа рдоухаибаркыра аргэгэара, ашэкэтыжъра аус аигьтэра, ахэычтэы литера-

тура аизхазыгыра ухэа) иахьагы актвалра шрымац ирымоуп. Арака апоет иоуа афарацаа рыг-рыбза хазхьарцшуа (урт «азыкатара бзиа змоу, аклас-сикатэии иахьатэии алигература бзианы издыруа, уи апышэа ахархэара зылшо, лигературатэ теориала еибытоу шракэу», иара убриаамтазгы «... апстазаара инартцаулану ишырызымдыруа, уимоу, зны-зынла хыхь-хыхьла мацара ацэажэара анрыздырхо» атэы) иазгэеитэит хлигературафэу уска-неицш иахьагы уафэ игэеиташа, изхатгылатэны иубаша тагылазаашьак: «Ашэкэыооца-аихабацаа итегь азфэлымхара рыртозар акэын ирыцагыло арфеиаооца, акьыпхь акны ицэырцуа урт рфымтакэа ирыгу-ирыбзоу азы ргэаанагаракэа рхэалозар акэын акьыпхь акны. Аха, макьаназы, шамахам-зар, хкьыпхь афэ поет дук “поет хэычык” ифымтакэа ирызкны дыкэгыло, моакэтцарак, лабжьарак кайцо изыкамлеит. Ари ас мацара ицалозар – иш-неи-шнеиуа, абицаракэа реимадара ацынхэрас, реифагыларахь икылнагар алшоит» (*Ацьба 2021: 104*)⁷.

Хазтагылоу аамтазы ашэкэыооца фарацаа гыгытажьуп сызхэом (Ашэкэыооца реидгыла анапхгара ирзеифыркаауеит апоетцеи дарей аипыларакэа, рхатэы жэеинраалакэа рыпхьара, еиуеицшым аицлабракэа ухэа), акьыпхьгы иахьбаам – рфымтакэа лассы-ласс ирнылоит Ацсны акьыпхьтэ органкэа жэпакы ркны – агазеткэа «Аамта», «Етэацаа», ажур-налкэа «Алашара», «Акэа»; итыцуеит чыдала афар рфымтакэа зныло аиз-га «Ашацкыра». Аха ус шакэугы, итегь ирцыхцыхлатэуп ацсуа хьыбфар ахатэы бызшэа радпхьалара, ашэкэыооца агэбылра дырка азцаатэы, иалы-ршалатэуп ашэкэыооца хатэракэа рымчала хазхатала афарацаа ахылапшра рытарей рфымтакэа иааипмыркьазакэа реилыргарей⁸.

Астатиа «Ажэа ахатыр азы» акны ишьтыхуп есаамта атыц змаз, аха асо-вет аамтазы иаха «ихэыпцэахыз», ашэкэыооца еихабацеи афари реи-зыкказаашьа апроблемагы. Ускан, изеицеаазари, иахьынзахэтэз напрыдкы-ламызт афарацаа, абга рызтоз аихабацаа рацаофымызт, еихарак рышэкэкэа ртыжьрей рыбзара аифкаарей ртэы ххэозар. Убри аганахьала Т. Ацьба ицбушьартэ икоуп иааникылоз апрогрессивтэ позиция. Астатиафэу уи афар

⁷ Т. Ацьба ацсуа лигературатэ критикагы данызбон «иалшоз ахьыканамцоз азы» (уи иазкны шэхэ.: *Қапба 2019: 842*).

⁸ Акрызтазкуа абри азцаара Т. Ацьба ишьтыхуеит «Угэуеаныз, апоезиа!» захьзу иста-тиафэгы: «Агэра згар стахуп еитахгы, акритикцаа рымацара зегь рыкэмыжкэа, апоет-цаа дара-дарагы гэеибацо икалоит хэа, алигература-реиаратэ пышэа ду змоу аихабыратэ абицара ахатарнакцаа-апоетцаа ирыцагыло абицаракэа иаха игэцараркуа ишалого, урт рфымтакэа реилыргара рцабаахэтэак адырцо ишыкало. Икалап урт (афарацаа. – В. Кэ.) иаха интерес ирымазаргы акритикцаа ркынтэи рфымтакэа хэшьарас ироуа ааста, зба-хатэра иамцаныхэо апоетцаа-аихабацаа дара рфымтакэа ишрыхэапшуа аилкаара» (*Ацьба 2000: 204*).

ргэйтгаоыс, еитахэатэоыс дырзыкоуп ххэар аеуит. «“*Уи дэоуп макъана, дааңшааит ауатгах азы, ашэкэтыжьсыразы, алитературатэ премиа аиуразы, арфеиаратэ командировка аиуразы*” – абри азакэзар нас урт “*ашэкэыооцэа фарацэа*” хэа иирышьтэоу ражэымтэа изтало?!» – абас агэынамзара ааирпшуеит ицнагаоцэа рахь афэр рыдгылао-рфахэхэаоы Т. Ацъба (*Ацъба 2021: 106*).

Зызбахэ сымоу астатиа иарцабыргуеит Т. Ацъба арфеиаратэ культура ду шимаз, алитература афапхьа итакпхыкэра акыр ишыхаракыз, ирфеиаратэ лапшхэаагь уамакала ишытбааз. Убас, ахэычтэы литература афеиашьа дазаатгылауа, апоет гэынамзарала иззгэеитоз ускантэи «амалыркэа», изеицэаазари, иахьагьы атыц рымагэышьоуп. Убри акнытэ, автор ипублицистикатэ статиа уанапхьо, иахьа Апсны ахэынтқарратэ бызшэа ашытахареи, асахьаркыратэ литература афеиареи ашэкэтыжьра азцаареи ртагылазаашьа шпеидыруеи угэахэп, убриақынза, еитасхэахуеит, агэыгэтахарақэа ахьыкоу хықэкыла дырзаатгылоит: «Ахэычтэы литература, – иоуеит иара, – аобатэи асорт еиуаны акэымкэа, актэи атыцаф иргыланьы иахэапштэуп – еихаракгыы хара хайпш амилап мап рфы. Дшыхэычу апсышэала апхьара агьама зымкыз, дандухалак иахагьы агьама изкуам, иагьа дапхьаргыы – уи имоуит ианаамтаз алитературатэ азара, алитературатэ гьама, нас уи ашэкэыпхьара злаигэапхарызеи, излаиоурызеи апхьао иаша алитературатэ оымта бзиа инапэ агэахэара ду, адоухатэ беиара? Изеицэаазарызеи, уаха назтахым аинтеллигент хэа зхы зыпхьазо апсуа азэыроы, алитература апхьаракэым, анбанкэа еиццаны ианапхьо уахар, угэы мапхап. Ицъашьатэуп – иабантэааргеи нас абарт рхатэы бызшэа абриақара ацэымтра?! Еилкааны ирымоума дара рхы зылхэдартэуа? Ирдыруама насгыы изакэытэ фырпшы баапсу ахэычкэа ирырто?» (*Ацъба 2021: 105*)⁹.

Ишдыру еипш, Т. Ацъба хатала иаапсара гэгэаны иадитцеит апсуа хэычтэы литература, уи аизхазыгьара – таха изымтоз агэыпхьакэа иреиуан. Ари атема, насгыы ашэкэтыжьреи ахэычтэы литература атыжьшьеи рызтаатэы, акырынтэ дырзыгыжьеуеит иара акыпхьафэтэи егырт икэгыларакэа рфгы, царра згым истатиақэа «Икыпхьу ажэа ахатыр», «Ххэычкэа хара инькэаагароуп», «Ахэычкэа рқынза афешьытыхра» убрахь иналатцаны. Урт астатиақэа зегьы рахэыц капшьны иргэылсуеит 1987 шықэсазы агазет «Апсны капшь» ианылаз истатиа «Икыпхьу ажэа ахатыр» акынтэи иаагоу абарт ахшыөзцарақэа: «Апсуа сахьаркыратэ литературафэи макъа-

⁹ Хшыөзышьтра азутэуп, иахьагьы амч амоуп хэа сгэы ианагоит Т. Ацъба «Ажэа ахатыр азы» акны икаитэо дафеа згэатарак: «Сара агэра ганы сыкоуп, – дышэкэыооума, дпоеума – ипсыгеу иоымта фыпцкэа ртыжьра ааста уаанза ииохоу иреигьу алхны, ииубилеи иазымпшыкэа ртыжьра иаха атакы шамоу. Ари еитанатэуеит, иаха иармачуеит аоымта псыгекэа акыпхь ахь рнагарагы» (*Ацъба 2021: 106*).

на акырза ихысханы икоуп ахэычтэы литература. Апхьащэа хэычкэа ирыдаагалаша, излахаргэыргъаша рацэак хамам, аха иара ихамоу ахэычгыы ишахэтоу атыжъра уамакала иахцэыуадащэит. Есышыкэса апсышэала итыщуа акык-обак ашэкэқэагыы рырхиашыала ахэычы дрыдырхалартэ икам – ипщшэыдоуп, исахыадоуп. Цабыргуп, ус еипш сахыала еикэыршэаны ашэкэтыжъра ахарць харакхоит, аха уи рацэашыатэума зцеипш иазхэыцуа изы» (*Ацъба 2019а: 402*).

Апсны еснагъ ицарны икэгылоу – Апсуа хэынтқарра ахыпшымреи, апсуа милатжэлар уаапсырала реизхареи, ахатэы бызшэа аикэырхареи рызцаатэқэа инартцаулоу аналитикатэ хшыщла дырзаатгылоит Т. Ацъба 1979 шыкэсазы иоу истатиа «Афареи, абзиабареи, афеиареи» акны. Уамакала актуалра атцоуп иахыагыы асовет аамтазы ицэыргоу, автор цсыуа патриотк, хэыщык иахасабала дхэаакэызцо ускантэи ихшыщцак: «Апсны жэытэаахысгыы уащы ифэырхарстамкэа, мша иапнымкэа, атоурых хтыс дукэа ирцэыпхыакны икам. Иухэар ауеит ара мраташэареи мрагылареи еимаздо мшадууп хэа. Хазтагылоу аамтазы иахагыы итбаауп, иахагыы иаартуп ари амшаду. Абас амшаду иапну ауащы, апшэма, ескынгыы игэиғанызароуп ишка имшахытцау кэнагала рпыларазы, рыдкыларазы, рынаскыагаразы. Дыказароуп апшэма, дыгэгэангыы дыказароуп – усканоуп асасгыы ахымшапгашы данакэшэо, апшэмагыы даныпщзахо, анакэымха – ма зегъ сасцэахоит, ма зегъ апшэымацэахоит. Ажэакала – икылсуеит апшэмадарахь <...> иаххэо заххэо – Апсны апсуа ихафара мшащы ианубаауа ескынгыы иказарц ауп» (*Ацъба 2019а: 374*). Ахэынтқарратэ бызшэа – апсшэа акэзар – уи аикэырхареи арфеиареи имарианы далацэажэом апоет, иамоу ауадащрақэа, амзыкэа ибзиазаны еиликаауеит, дагырзаатгылоит. Аха уеизгыы икэымшахатхашыа ауам, «азша ззаз, иан дагеит» априцип дыкэныкэаны, иаахтны аепныхэа аныкаитцо зегъ хыхь: «Иагыа мзыз амазаргыы, иагыа иуадащзаргыы, хыркъиашыа рымам иахыа Апсны акалаккэа рфэы инхо атаацэа – ангыы абгыы апсыуааны, арахь рыхшара рбызшэа гэакыа рзымхэазо изаазо <...> мап зацэыркрызэи дара ирылшо – дара зырпщзо, изланхо, дара рышьта змырзша рхэычкэа рыбызшэа дырцара?» (*Ацъба 2019а: 376*). Ишиашоу иахыатэи Апсны аихабыреи, аполитикатэ партиакэеи, ауаажэлартатэ еифекаарақэеи рахь икшоит, ииашангыы икшоит Т. Ацъба истатиафэы икаитцо анащтэи аепныхэагыы: «Зегы иаадыруеит – хбызшэа хэынтқарратэ бызшэоуп. Хыаас уащы ишьтимхыр ауам, убри наважны зынза иатахзамкэа, ианымаалазо, ххатақэа ифеины иахзымхэо, тэым милат дхаламкэа, хаизарақэа тэым бызшидала ианымшааааго, тэым бызшидала апроколқэа анышьтаахуа» (*Ацъба 2019а: 376*).

Т. Ацъба апсуа поетцэа инарчыданы арфеиаратэ очерккэа рзыкхыан еиуеипшыым аепохақэеи амилатқэеи ирыцаркуа адунеитэ литература ашэкэыщ-

цәагы, хьызхәала иаххәозар: XIX ашәышықәсәстәи аурыс философиятә лирика иналукааша ахатарнак Фиодор Тиутчев, азербайцъан жәлар рпоет Самед Вургун, аурыс совет шәкәыәәцәә Леонид Леонови Николаи Тихонови.

«Зегьыцәкә мәасуам хазлацшуа» хәа хыс измоу астатиа әуп Ф. Тиутчев дийжәтәи 175 шықәса ацра ахьзала. Азәлымхара узнарцысуеит Т. Ацъба аурыс поет ду ирәиара иакәитцо ахә харак: «Иахьа азәгы мап изацәкуам, ажәытәтәи Урыстәыла акультура иахылцыз апоетцәә дуззақәа дшыруазәку Тиутчев. Ипоезияфәы цъара-цъара уи дхалейт иахьа уажәраанзагы идам-здам җазы дахьызхамлац акьышәкышәра акынза. Тиутчев иреакциатә тоурыхтә философия хьахәра акәымкәа ииасхьейт – иара зхылцыз атоу-рыхтә тагылазаашьа еипшцәкәа, аха наунагза иаанхейт иара икәзара ду, уи зызбахә ихәо ауафәытәыәсәтә цәаныррақәа, абзиабара, азхьра, апшаара, ахшыәи ацәаныррей реилазәара, рыәиара. Асоциалисттә уаажәларра апое-зия цхьака изго, иатаху хәтакны иалалейт ажәеи, аритми, ашьтыбжькәеи – навалашьа змам иахьатәи ацхьаәцәә лымкаала иргәазырпхо, ирзааигәазтәуа аурыс поет ду Ф.И. Тиутчев иапцямтақәа» (*Ацъба 2019а: 369–370*). Ац-суа поет иажәа агәбылрей ацхаррей рылыжжуеит, аинтеллигент уаә нага икәышра рыпубаауеит. Акьыцхьымта агәра хнарго цысшьоит, Т. Ацъба дхыхны дызмаз, уимоу, чыдала зпоезиятә кәзара шьтикаауаз арәиаәцәә дышрейуаз Ф. Тиутчев, иагьмашәырым уи иажәеинраала кәиматқәа хца «Абгьыцқәа», «Афымтра», «Апстазаара хзыкәнаршәалакгы...» иссирзан апсшәахь иахьейтәи газ. Уи афакт иахәо иагьышьякәнаргәгәо убриоуп: бзиа ибаны ишьтухыз иарбан усзаалак, арәиарагы убрахь иналатцаны, иуқә-маншәаламхар аузом...

Леонид Леонови, Николаи Тихонови, Самед Вургун ирызку иочеркқәа хца «Зымҗәхак тбаау абаәхатәра», «Зыжәлар рыгәта игылоу», «Октябрь иац-цәырцыз апоет» әуп хәа агәаанагара сымәуп Ацсны ашәкәыәәцәә Рейдгыла ахадара рыдцала, мамзаргы астатиақәа знылаз агәзет «Ацсны кәпшь» аре-дакция абжьгарала, изызку ашәкәыәәцәә риубилейтә рыцхәкәа инарыдхәа-ланы. Уи афыз апрактика бзиа инартбааны атыц аман асовет аамтақәа раан. Аочеркқәа Т. Ацъба ирәиара иазәлымхәу алитературатцәаәцәә рзы хәартә-ра рыланы избоит. Цоуп, аочеркқәа ирныцшуеит ускантәи ахәынтқарра ду афәы мчы змаз, апстазаарафгы алитературафгы ахра зуаз асовет идеология ахьцша. Аха уи акәым ихәдоу хәамтазтәи ацхьаә изы, иахьатәиала хара хзы зегьы ирыцку – астатиақәа әацхьа агәра хдыргоит Т. Ацъба адунеизегьтәи аклассикатә литература иалаазаз, ирейгьзоу ашәкәыәәцәә рзы зхатә гәаа-нагара змаз, уи агәаанагарагь ацатгәырка зылшоз арәиаәцәә дышрейуаз.

Зызбахә хәмоу астатиақәа ихархәо рацәоуп ацсуа поет ирәиаратә кон-цепциякәеи ианалитикатә хәыцшьа ачыдарақәеи реилкаара аганахьалагы.

Акыпцхымтақәа ирытцахбаауеит иара убас илитературатә лапшхәаа аҕбаара, аинтеллигент нага ззырхәо икәышра. Азфәлымхара рымташыа амам автор «илитературатцааратә» лексика замана, апсышәала ирцәажәо атерминкәеи ажәеицааиракәеи, инеизакны ихәоуеиҕартәышыа. Уаднахалоит иара убас ихшыөцак аҕхәаө изы ирмарианы агәылыршәашыа.

Изеипшроузеи Т. Аҕба илитература-критикатә статиақәа еиҕырцаашыала, излафу астиль, абызшәа чыдарақәас ирымоузеи?

Акритикатә ажәарҕеиарақны Т. Аҕба дрызгәакыан даанхоит аурыс филологияҕы ишъткаау атрадициатә знеишыақәа, апсуа литературақны апоетцәа рыла ипышәоу амәахәаста, хәтакахыала Б. Шынкәба, И. Ғарба, М. Лашәриа, Кә. Ломиа ухәа апоезиатә рҕеиамтақәа реилыргараантәи рызнейшыақәа, ранализкәташыа акәамацамақәа. Убас шакәугы, икыпцхымтақәа рҕеи иөашьом Т. Аҕба идам-здам ҕазыы идумбало хаҕалатәи инапкымтаҕы: ихшыө аҕарра, икритикеи ихәыцшыеи ирытцоу алогикатә шыаҕа гәҕәа, игәаанагара агәылыршәашыа ачыдарақәа, ихәоукәа рыртәашыа ухәа.

Апоезиатә рҕеиамтақәа ахәшыара гәылтәаа рытараан, хәаратахума, иара уасхырра изыруеит, А.М. Горки ихыз зху Акәатәи ахәынтқарратә апедагогикатә институт акны иоуз афилологиятә зыкәацара бзиа, иааипмыркыазакәа ихы аус адуларала, ишътикааз асахьаркыра-теориатә дыррақәеи хаҕалатәи ирҕеиара инатаз апышәеи, иара убас Анцәа имтаны имаз алитературатә ҕа-меи псабарала икәыҕареи.

Зегь рапцхызаҕы улапш иҕашәо – илитература-критикатә статиақәа, ипублицистикатә кыпцхымтақәа жәпацъара лирикатә лагамтала ихыркуп. Уаҕа Аҕба-акритик, Аҕба-ахәыцшы урызфәлымхартә ицәыриго ахшыөзцарақәа – акырынтә, акырцъара «гәырхааҕацас» метафоратә сахьажәала ихирчоит, иара убриалаҕ аҕхәаө иаҕа даднахалоит: «Апсуа бызшәа меигзарах иамоуп ахархәара иазыпшу арифма ссиркәа, еиуеипшым аритмкәа, аинтонациақәа. Шәышықәсала зпоезиа акәра амоу литературақәак ркны аверлибртә тенденция аҕыжәара аго иалагазар ауеит, ицо-иаауа рҕы ццәазар алшоит ахәажәцәа рхылазар, ихазар калоит аклассикатә ритмкәа, арифмақәа, еҕырт поезиатә хархәаҕақәак. *Апсуа поезиа аҕыө, мақьана агәы айңраауа икоуп, иҕоуп, азхара имныкәацит, азхара имыөцит – имыхәмарцит*» (Аҕба 2021: 387); «иазгәастар стахуп азәыршы ашәкәыөөцәа «апоет қәыпш», «ашәкәыөө қәыпш» хәа ахыз мыцхәы ишрыдхалацәо, арахь дара *ақәыңира ацәа рыхкәахьеит*» (Аҕба 2021); «...*атема ахаңыцқәа қаңсахьеит*» (Аҕба 2019а: 350). Асахьаркыратә «цыфа» агижьуам Т. Аҕба зфымтақәа еилирго ани иоума ари иоума апоет ирҕеиара азеипш ххәаа аназыкаитцогы: «*Владимир*

Ахьйба ирѣиаратэ мца еикэуп алитератураѣы данаацэырї инаркны, уи еиха-еиха аеибнаѣоит, аеаргэгэоит, иарїхо рхыпхьазарагыы есааира иацлоит, зны-зынла уи абылра злымшо мѣазақэак, мамзаргыы, пхара рацэак зхылымїуа, иаразнак илеикэыццышэ ицо фархьқэак налашэозаргыы, урт ракэым аус злоу. Апоет ирѣиаратэ мца днаңыришэом, амчхара иагхар иуам» (Ацъба 2019а: 357).

Абарт асахьаркыратэ «цыфақэа» ирыбзоураны Т. Ацъба икритикатэ ажэа аамсташэара шытнахуеит, насгыы, еитасхэахуеит, апхьяа дадызхало хаара чыдак ацалоит.

Азхьяацшра ахэтаны исыпхьазоит Т. Ацъба истатиақэа ириѣо ахқэа рышьтыбжгыашыагыы. Урт рахьтэ иуцылоит икылыршэашэааны икатцоу, уимоу, икоуп ипќаццэоуп, ихшыѣртагоуп, афоризмра ахыпша рхукаауеит ззухэақэашагыы, иаххэап: «Икыпцхьу ажэа ахатыр», «Ххэычқэа ҳара иныкэаагароуп», «Яблоко – не груша». Истатиақэа рыхэтэак рыхьзқэа хрызхьяацшуазар, иумбарц залшом ажурналист инапкымта, агазеттэ стиль: «Акыр иацсоу атыжьымта», «Ихацырку ажэа рѣиауа», «“Ахыы уардын” ашьта ххыпшыло», «Ажэақэак ҳарѣиаратэ усқэа рзы». Уи зылтцшэахаз еилкаазар ҳэа сыкоуп: Т. Ацъба жэашықэса егыаагымхо аус иухьан ажурналистика ахырхартала агазет «Апсни» (усќан «Апсны ќапшь» ахьзын) ажурнал «Ашколи апстазаареи» рредакцияқэа рѣы, апышэа бзиагь шытикаахьан уи ахырхартала акалам арцысраѣы.

Имачым апоет илитература-критикатэ статиақэеи ирецензияқэеи хқэас ианрызнижьуа дара зызку ашэќэқэа рыхьзқэа, ма урт иргэылоу ажэеинраала хатэрақэа рќынтэи «ихшыѣтроу» цэахэак: «Ицоит апќақэа хыланы» (С. Ғарќыыл ишэќэы ахьзоуп), «Ижэбап сымцагь еикэцаны» (В. Ахьйба ишэќэы «Еихызгоит сшыаѣа» иану ашымта «Ажэеинраала аќад ианыстаз...» акынтэи атекст), «Аецэақэа рыкэашара» (Р. Смыр рацхьатэи ишэќэы ахьзоуп), «Зегьытэќыа мөасуам ҳазлапшуа» (Т. Ацъба еитеигаз Ф. Тиутчев иажэеинраала «Апстазаара хьықэнаршэалакгыы» акынтэи иаагоу цэахэоуп).

Сыззаатгылаз астатиақэа инартбааны ихаилдыркаауеит апоет Т. Ацъба илитература-критикатэ, ипублицистикатэ ажэарѣиара атэак ду шамоу апсуа сахьаркыратэ литература аѣоурых аѣы. Урт апызтэаз автор, хымпада, уамакала здунеи тбаатыцэыз, зыхшыѣ цар уаднахалоз, зхэыцратэ логика ауасхыр гэгэаз литераторын.

Алитература

Ацъба 2019: Ацъба Таиф. Аизга. Ө-шэќэыкны. Актэи ашэќэы: ажэеинраалақэеи апоемақэеи, ахэычқэа рзы ажэеинраалақэеи апоемақэеи / Аикэыршэара, апхьяжэа В.А. Кэагэаниа. Аќэа: Апхэынтшэќэтыжьырта, 2019. 792 д.

Ацъба 2019а: Ацъба Таиф. Аизга. Ө-шәкәыкны. Аџбатәи ашәкәы: аитагакәа, ажәабжькәа, астатиакәа, амшынтца, агәалашәарақәа / Аикәыршәара, апхьяжәа В.А. Кәагәаниа. Ақәа: Апхәынтшәкәтыжьырта, 2019. 896 д.

Ацъба 2000: Ацъба Таиф. Иџымтақәа ө-томкны. II атом. Ахәычтәы рәиамтақәа. Ажәабжькәа. Астатиақәа. Амшынтца / Еикәиршәеит, акыпцхь иазирхиет, азгәатақәа иџит В.А. Кәагәаниа; атакзыц. аред. Ш.Хь. Салакаиа. Ақәа: Алашара, 2000. 360 д.

Ацъба 2021: Ацъба Таиф. Ажәа ахәтыр азы / Ицшааит, акыпцхь иазирхиет В.А. Кәагәаниа // Алашара. Ақәа, 2021. № 2. Ад. 103–107.

Бебиа 1968: Бебиа Платон. Ааит, ахаҳаи! // Ацсны қапшь. Ақәа, 1968. Сентиабр 3. Ад. 3–4.

Когониа-Ацъба 2019: Когониа-Ацъба Римма. Таифи сарей хәпстазаара алакә еипш иқан... // Ацъба Таиф. Аизга. Ө-шәкәыкны. Аџбатәи ашәкәы: аитагакәа, ажәабжькәа, астатиақәа, амшынтца, агәалашәарақәа / Аикәыршәара, апхьяжәа В.А. Кәагәаниа. Ақәа: Апхәынтшәкәтыжьырта, 2019. Ад. 865–880.

Қапба 2019: Қапба Р.Хә. Ага хәымга имч зкәымхаз // Ацъба Таиф. Аизга. Ө-шәкәыкны. Аџбатәи ашәкәы: аитагакәа, ажәабжькәа, астатиақәа, амшынтца, агәалашәарақәа / Аикәыршәара, апхьяжәа В.А. Кәагәаниа. Ақәа: Апхәынтшәкәтыжьырта, 2019. Ад. 837–842.

В.А. Когониа

ТАИФ АДЖБА – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Аннотация. *В работе предпринята попытка всесторонне изучить разнообразное в жанровом отношении литературно-критическое наследие поэта Таифа Аджба. Показано своеобразие каждой публикации (критических статей, рецензий, творческих очерков) с точки зрения отражения в них оценки художественных произведений абхазских (К. Чачхалиа, П. Бебиа, С. Таркил, В. Читанаа и др.) и иноязычных поэтов (Ф. Тютчев, Л. Леонов, Н. Тихонов и др.). Немалый акцент делается на системе эстетических, теоретико-литературных взглядов автора, глубину и остроту видения творческого процесса, полемичный характер публикаций и т. д.*

Ключевые слова: *литературная критика, сборники, стихотворения, поэт, произведение, поэтический язык.*

V.A. Kogonia

TAIF ADZHBA – A LITERARY CRITIC

Annotation. *The work attempts to study comprehensively the literary and critical heritage of the poet Taif Adzhba, which is diverse in terms of genre. The originality*

of each publication (critical articles, reviews, creative essays) is shown in terms of reflecting in them an assessment of the works of Abkhazian (K. Chachkhalia, P. Bebia, S. Tarkil, V. Chitanaa, etc.) and other foreign-language poets (F. Tyutchev, N. Tikhonov, S. Vurgun and others). The system of aesthetic, theoretical and literary views of the author, the depth and sharpness of the vision of the creative process, the polemical nature of publications, etc, are strongly emphasized.

Key words: *literary criticism, collections, poem, poet, works, poetic language.*

В.А. Бигуаа

«ДРАМА» ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические вопросы лирики и лирического героя, которые до сих пор вызывают острые споры. В числе главных проблем – концепция автора и лирического героя. Автор-человек, автор-поэт и лирический герой не во всем совпадают, даже противостоят друг другу. Чрезвычайно актуальна идея М. Бахтина о «неразделенности» и «неслиянности» образа лирического героя и «эмпирического “я”» (автора-поэта), не всегда зримого в поэтической структуре произведения, хотя ученый даже противопоставлял их, но в рамках единого субъективного целого. Мирозидение лирического героя в каждой литературе зависит от национальной картины мира, особенностей художественного сознания поэта, его ценностных и этических ориентиров, связанных с определенными культурными и духовными традициями народа; от времени поэта, исторических и политических процессов.*

Ключевые слова: *теория лирики, лирический герой, автор, поэт, читатель.*

О лирике и лирическом герое написаны тысячи работ, решены многие проблемы, но поэзия развивается, развивается и общетеоретическая мысль, которая, к сожалению, как и раньше, традиционно мало внимания обращает на литературный процесс в огромных регионах мира – на Востоке (Китай, Индия, Япония, арабские страны, Иран и др.) с вековыми поэтическими традициями, а также на поэзию народов Латинской Америки. В большинстве известных теоретических трудов, за редким исключением, вряд ли можно найти материалы восточного мира. По этой причине иногда ощущается ущербность и неполнота теоретических концепций и выводов, не основанных на материале всей мировой литературы. Такая ущербность в какой-то мере компенсировалась изданием литературных энциклопедических словарей и трудов по истории мировой литературы. Примером может служить издание в 1983–1994 гг. Институтом мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (затем РАН) «Истории всемирной литературы» в восьми томах. Это было закономерным следствием пристального внимания в XX в. к мировой литературе (не только западной, но и восточной), результатом которого стали: основание в Петрограде по инициативе А.М. Горького издательства «Всемирная литература», которое за короткое

время выпустило более 110 книг; издание в 1967–1977 гг. «Библиотеки всемирной литературы» в 200 томах и т. д.

Ущербности более или менее избежала фольклористика, интересы которой были связаны со всем спектром мировой мифологии и устно-поэтического творчества народов мира. Было издано большое количество исследований и книг с текстами произведений фольклора народов Востока и Запада. Такой комплексный подход позволил издать великолепное энциклопедическое издание «Мифы народов мира» (в двух томах: 1980, 1982).

Не думаю, что в большей части мира отсутствуют литературоведение, теория литературы, в частности о лирике и литературном герое. Почему-то этнология, фольклористика и археология давно избавились от определенного «центризма» и распространили свои научные интересы на весь мир, а отечественная теория литературы смотрит только в одну сторону, не замечая того, что происходит в научном мире других регионов, она мало интересуется даже национальным литературным процессом в РФ. От этого общетеоретические концепции страдают неполнотой, а предлагаемые понятия порой не отражают особенности национальной картины мира и литературного процесса.

На данном этапе будем исходить из реальности. Главным объектом будут стихотворения, структурообразующим элементом поэтики которых является лирический герой. А стихотворение с XIX в. становится «универсальным жанровым обозначением для всей лирики...» (*Гаспаров 2003: 1039*). При этом считаем, что употребление таких выражений, как «настоящая лирика» и «не настоящая лирика» к науке никакого отношения не имеют, ибо в них очевиден субъективный оценочный мотив, не учитывающий особенности лирического высказывания. Художественно-эстетическая ценность произведения не зависит от его отдельных признаков, как не зависит она и от жанровой принадлежности творения. Лирика бывает разная, даже дидактического характера; в любой национальной литературе значительное место занимает пейзажная лирика, в котором, как может показаться на первый взгляд, отсутствует «субъект», лирическое «я». Встречаются и публицистические стихи с ярко выраженным субъективным началом.

Кроме того, пренебрежительное отношение к прошлой литературе (главным образом советской эпохи) недопустимы. С 1990-х гг. поэты, прозаики (в т. ч. абхазские), увлекшись критикой литературы XX в., решили себя выдвинуть на первый план, а все, что было создано до них, полностью подвергнуть пересмотру. Только они не понимают, что без прошлой литературы не было бы их самих как писателей, что литературный процесс XX в., как и любого периода, – сложный и неоднозначный, о чем свиде-

тельствует творчество М. Шолохова, С. Есенина, А. Ахматовой, В. Распутина, Ф. Искандера, Д. Гулиа, И. Когониа, С. Чанбы, Б. Шинкубы, А. Гогуа, А. Аджинджала и др. Вспоминается статья С. Зухбы «То, что делаешь против себя, не сделает враг» (*Зыхэба 2006*), в которой автор дискутирует с поэтом Ш. Пилия, написавшим статью «Самолечение – самосохранение» (*Пилия 2000*). С. Зухба критически отнесся к некоторым высказываниям Ш. Пилия об отсутствии у абхазов настоящей литературы в прошлом. Да, конечно, не все произведения являются шедеврами, так бывает и в других литературах народов мира. При всем уважении к Шамилю Хусиновичу и его творческому наследию, я солидарен с мнением С. Зухбы, который писал: «Я могу привести массу примеров, опровергающих подобное ложное мнение... Правды ради скажу, что я не отрицаю наличие такой точки зрения не только у Ш. Пилия, но и у некоторых других. Видимо, такую оценку дают люди, которые не читали нашу литературу, плохо знают ее историю. Говорить так <...> означает одно: рубить сук, на котором сидим» (*Зыхэба 2006: 600*). Это не отменяет проблемы объективного исследования истории литературы в контексте истории народа.

Рассуждения о лирике непосредственно связаны с проблемой «лирического героя», споры о котором ведутся давно среди философов, поэтов, критиков, теоретиков. Считается, что само понятие сформулировано Ю. Тыняновым в 1921 г. применительно к поэзии А. Блока (*Роднянская 2003: 452*), затем распространилось в литературоведении и критике. Однако отмечено, что понятие «лирическое “я”» впервые ввела в литературоведение немецкий литературовед М. Зусман в начале XX в. (*Susman 1910: 16*); она, опираясь на идеи Ф. Ницше, «начала понимать лирическое “я” не как персональное, а как “дионисийское”, преступившее границы “субъективности”» и в «вечном возвращении живущее “я”, обретающее в поэте свое обиталище: лирическое “я” является формой, которую поэт создает из данного ему “я”» (*Теория литературы 2004: 339*).

Статьи о лирическом герое и лирике присутствуют в разных литературных словарях, в которых даются наименее сложные объяснения. Так в статье А. Пескова и Н. Иванова о лирике отмечается, что в лирике «первостепенно выражение точки зрения лирического субъекта, изображение внешнего мира <...> также служит здесь целям самовыражения. Даже в тех случаях, когда отсутствует прямо выраженное “я” автора и на первом плане оказывается какое-либо объективное “описание”, в подтексте непременно ощутим субъективный взгляд, с точки зрения которого поэт рассматривает

и оценивает объективный мир» (*Песков, Иванов 1987: 183–185*). При этом формы высказывания могут быть разные – в виде монолога от первого лица или от лица другого, введенного в текст; через «предметное изображение», «объективацию» в диалог героев; через обращение к какому-либо «неопределенному лицу». А в статье С. Кормилова кратко изложена история лирики (и то не мировой, как всегда, а только европейской) и почти ничего не сказано о лирическом герое (*Кормилов 2003*). Рядом же в этой же энциклопедии – небольшая статья И. Роднянской «Лирический герой», в которой интерпретация понятия простейшая: «Лирический герой – образ поэта в лирике, один из способов раскрытия авторского сознания»; лирический герой «художественный “двойник” автора-поэта» (*Роднянская 2003: 452*).

Интерпретация «лирического героя» в поэзии в течение тысячелетий (от Платона и Аристотеля) претерпела серьезные изменения. Концепции зависели от исторических процессов, духовной атмосферы эпохи, философских взглядов, литературных течений, религиозных воззрений: христианства – на Западе, ислама, буддизма и др. – на Востоке, о которых, по причине многовековой западнцентристской ориентации российской и собственно западной теоретической мысли и философии, мало что известно.

Изначально в Древней Греции речь шла о поэте и поэтическом тексте, о выделении голоса автора из синкретической структуры песни (хора); вместе с тем долгое время сохранялось идущее от античности понимание «неотделимости» поэта от «другого»: «И один поэт зависит от одной Музы, другой – от другой» (*Платон 1968: 140; Бройтман 2003: 422*). В основе позиции Платона – мифологическое сознание. В античной теории «говорящий» в поэзии не превращается в героя, как в драме; изображение переживаний, чувств субъекта речи никакого интереса не представляли. И в последующие века в объяснении лирики и авторского голоса порою ощущался мифологический и идеалистический подход, игнорирующий факт реального присутствия субъекта в поэтической структуре как голос автора – субъекта речи, образ лирического героя, образ «другого», в котором субъект и объект представляют некую целостность. Споры в основном были связаны с определением места лирического субъекта, лирического «я» в поэзии. Если подойти к этому вопросу с грамматической точки зрения, «первое лицо» не всегда присутствует в поэтическом «повествовании» (пейзажная или «описательная» лирика); это не означает, что произведение нельзя отнести к лирическому роду.

Для новоевропейской лирики субъективное начало стало главным. «Исторической заслугой новоевропейской мысли было открытие автоном-

ного субъекта». Точкой отсчета этого было «античное допущение о поэте, который остается самим собой. Когда в возрожденческой Европе после долгого перерыва заговорили о родовых свойствах лирики, то она в представлении теоретиков уже была прикреплена не просто к поэту, но специально к его *внутреннему миру*» (Бройтман 2003: 423). В начале речь шла о том, что лирика преимущественно нацелена на выражение *чувств* поэта в лице лирического героя. Однако они (чувства) «для возрожденческого, барочного и даже классицистского человека еще “недостаточно укоренены внутри него”». <...> Затем, у предромантиков и романтиков, речь начинает идти о “внутреннем” человеке (Жуковский), единичном и индивидуальном (Ф. Шлегель), особенном (Шеллинг), субъективном (Шеллинг, Гегель). Но романтизм далее свяжет лирику не просто с внутренним, но и “внутреннейшим”» (Бройтман 2003: 423). Ф. Шеллинг, отстаивая идею «особенной» субъективности, допустил возможность использования и понятия «диалог», который предполагает «другого». Вместе с тем он считал, что «диалог по своей природе <...> тяготеет к лирике, ибо он преимущественно исходит из самосознания и направлен на самосознание» (Шеллинг 1966: 359). Таким образом, в восприятии Ф. Шеллинга, «диалог» монологичен (получается вроде оксюморона «монологичный диалог»). В концепции М. Бахтина термин «диалог» получает широкое толкование; он обязательно предполагает другого субъекта или другие субъекты (иногда незримо присутствующие в лирике). Исследователь рассматривал особенности диалога в разных жанрах – драматический диалог; диалог в романе, в которых кроме диалога между героями встречаются «скрытые диалоги», когда второй субъект зримо отсутствует, но его голос и реплики отражаются в речи первого собеседника, как реакция на слова второго невидимого участника диалога (и в этом случае полемика-диалог предусматривает другого субъекта, хотя невидимого), такой «внутренний диалог» позволяет, как писал М. Бахтин, «заместить своим собственным голосом голос другого человека» (Бахтин 2000: III); диалог между автором и героями; «диалог языков», «диалог времен, эпох» (Бахтин 2012: 119); диалог хронотопов, которые «могут <...> сосуществовать, переплетаться, <...> противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях. <...> Общий характер этих взаимоотношений является д и а л о г и ч е с к и м <...>. Он (этот диалог) входит в мир автора, исполнителя и в мир слушателей и читателей. И эти миры также хронотопичны» (Бахтин 2012: 498).

Чуть позже мы еще вернемся к М. Бахтину, но здесь следует обратить внимание на то, что и в лирике могут встречаться аналогичные диалоги; например, диалогичной может быть и речь лирического субъекта (диалог

времен или со временем), возможны и диалоги между автором и героем, лирическим героем и читателем, в которых часто незримо присутствует «другой».

С. Бройтман, сославшись на точку зрения М. Зусман, связанную с лирическим «я», выделил два момента: «1. Лирическое “я” – образ, несущий в себе новое содержание, формой для которого служит то, что было содержанием эмпирического “я”. <...> 2. Содержание лирического “я” составляет не субъективность биографического автора, но и не обобщенная (“типическая”) субъективность собирательного “я”. По существу, содержание лирического “я” интересубъектно, ибо оно – своеобразный медиум между эмпирическим “я” и первоединым субъектом Ницше» (*Теория литературы 2004: 339*). Исследователь утверждал, что еще до М. Зусман об «интерсубъектном начале в лирическом “я”» писал И. Анненский: «...не личное и не собирательное, а прежде всего наше я, только сознанное и выраженное поэтом» (*Анненский 1979: 99; Бройтман 2003: 429*). Такая концепция противостоит «моносубъектности» новоевропейской лирики, она получила свое продолжение в работах М. Бахтина, который писал: «В лирике автор наиболее формалистичен, т. е. творчески растворяется во внешней звучащей и внутренней живописно-скульптурной и ритмической форме, отсюда кажется, что его нет, что он сливается с героем, или наоборот, нет героя, а только автор. На самом же деле и здесь герой и автор противостоят друг другу и в каждом слове звучит реакция на реакцию» (*Бахтин 2003: с. 77*). По словам ученого, «герой произведения никогда не может совпадать с автором-творцом его, в противном случае мы не получим художественного произведения. Если реакция автора сливается с реакцией героя – ведь это иногда <...> может быть так <...> познавательно-этически, – она направляется непосредственно на предмет и смысл, автор начинает познавать и поступать вместе с героем, но теряет художественное завершающее видение его» (*Бахтин 2003: 80*).

М. Бахтин различал лирического героя и человека (что-то похожее встречается у А. Веселовского, о чем скажем ниже). «Человек – условие эстетического видения», он и как «предмет» этого видения, непременно превращается в «героя произведения». По мнению М. Бахтина, автор ощущается в любом произведении искусства и литературы, как «изображающий субъект»; «образ автора» не похож на другие образы; и лирический герой, как и «образ рассказчика от “я”», героя автобиографических произведений (исповеди, мемуаров, дневников) измеряется и определяется «своим отношением к автору-человеку (как особому предмету изображения)». У М. Бахтина постоянно в той или иной форме речь идет об образе автора,

лирическом герое, «другом», «субъектно-субъектных», «субъектно-объектных» отношениях. Получается, что лирика не совсем одноголосая; если в ней, скажем, два голоса, они все равно представляют некую целостность. «Не высказать свою жизнь, а высказать о своей жизни устами другого необходимо для создания художественного целого, даже лирической пьесы» (Бахтин 2003: 158). «Лирическая форма привносится извне и выражает не отношение переживающей души к себе самой, но ценностное отношение к ней другого – как такового» (Бахтин 2003: 229). Ученый отмечал: «Выразить самого себя – это значит сделать себя объектом для другого и для себя самого <...>. Это – первая ступень объективации. Но можно выразить и свое отношение к себе как объекту (вторая стадия объективации). При этом собственное слово становится объектным и получает второй – собственный же – голос» (Бахтин 1997: 314). С. Бройтман считал, что М. Бахтин поставил «под сомнение» концепцию новоевропейской «моносубъектности лирики» и предложил «философско-эстетические предпосылки нового понимания лирики: субъективность, а точнее субъектность, была осознана им не как нечто, нуждающееся в оправдании и десубъективации, а как самостоятельная ценность» (Теория литературы 2004: 340).

В какой-то мере с концепцией М. Бахтина созвучна позиция немецкого литературоведа О. Вальцеля о «многоликости» и особенностях субъекта речи (Вальцель 1928: 10–11). О. Вальцель считал, что в «чистой» лирике «субъективность и личностность “я”» слишком незначительны. По его словам, содержанием чистой лирики служит не уникальное, единичное переживание, а нечто всеобщее, постоянно повторяющееся, полностью отпавшее от личности самого поэта» (см.: Бройтман 2003: 425). Вместе с тем идея М. Бахтина о «неразделенности» и «неслиянности» не предполагает полного разрыва между субъектами лирики, в каком бы лице они не выступали.

До сих пор чрезвычайно модны (особенно среди энергичных искателей «новых» подходов в исследовании литературы) теории европейского «структурализма» и «постструктурализма», «постмодернизма» (Ролан Барт, Жак Деррида, Мишель Фуко, Феликс Гваттари, Ю. Кристева и др.), которые, придерживаясь «панязыковой», «пантекстовой» концепции, можно сказать, «объявили войну» «автору», а обезличенные ими «текст», «слово», «язык», «письмо» выдвинули на первый план. Кроме того, их формалистическое восприятие «диалога» привело к его пониманию исключительно как «диалога между текстами» («интертекстуальный диалог»). Такой подход разрушал целостность художественного произведения; в соответствии с этим говорить о лирическом герое, субъекте лирики, «эмпирическом “я”»

и т. д. бессмысленно, ибо представители подобной теоретической «школы» все это (даже очевидные компоненты поэтической структуры) отрицали. С такой точки зрения, «тексты» вроде создаются сами по себе без участия автора, будто «свалились» с неба; кругом одни только «тексты» с непонятным происхождением. Некоторая абсурдность здесь вполне очевидна. По мнению И. Ильина – автора книг «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» (М., 1996), «Постмодернизм. Словарь терминов» (М., 2001) и многих статей о западном литературоведении, модернизме, «постмодернизме», деконструктивизме, – сторонниками такой концепции «сознание человека было отождествлено с письменным текстом как якобы единственным более или менее достоверным способом его фиксации. В конечном же счете как текст стало рассматриваться все: литература, культура, общество, история, сам человек. <...> Важным последствием уподобления сознания тексту было “интертекстуальное” растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих “великий интертекст” культурной традиции. Автор всякого текста – художественного или любого иного – “превращается в пустое пространство проекции интертекстуальной игры”» (Ильин 2003: 307). И эта «игра» имеет «бессознательный характер».

Можно сказать, что в «постмодернистском» пространстве значительное место занимает «борьба» с такими понятиями как «автор» и «субъект»; это касается всех родов и жанров литературы. В статье «Автор» в энциклопедии «Постмодернизм» (А. Грицанов) написано, что «в философии постмодернизма» понятие «автор» «переосмыслено в плане смещения акцента с индивидуально-личностных и социально-психологических аспектов его содержания – на аспекты дискурсивно-текстологические»; имя автора вроде сохраняет все параметры «индивидуализации», но имя собственное сопрягает «не столько с персоной, сколько с адресуемым этой персоне текстовым массивом, помещая в фокус внимания не биографию индивида, а способ бытия текстов»; автор «отнодь не тождествен субъекту, написавшему <...> тот или иной текст» (А. Грицанов). Однако весьма странно, когда в качестве примера приводится «деловой контракт», «товарный реестр» и т. д. как «текст»; так, видимо, бывает, когда восприятие «текста» доведено до абсурда (такое нередко можно найти в современном литературоведении, когда все представляется «текстом»; не научно, но «модно»). Читаем далее: «В рамках парадигмальных установок постмодернизма фигура А[втора] воспринимается сугубо негативно»; по сути объявляется «смерть автора». Одна из самых «популярных» статей Р. Барта так и называется – «Смерть автора» («La mort de l’auteur»; 1968). Название громкое и скандальное. Ста-

тъя начинается провокационно: «Бальзак в новелле “Сарразин” пишет такую фразу, говоря о переодетом женщиной кастрате: “То была истинная женщина, со всеми ее внезапными страхами, необъяснимыми причудами, инстинктивными тревогами, беспричинными дерзостями, задорными выходками и пленительной тонкостью чувств”. Кто говорит так? Может быть, герой новеллы, старающийся не замечать под обличем женщины кастрата? Или Бальзак-индивид, рассуждающий о женщине на основании своего личного опыта? Или Бальзак-писатель, исповедующий “литературные” представления о женской натуре? Или же это общечеловеческая мудрость? А может быть, романтическая психология? Узнать это нам никогда не удастся, по той причине, что в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности» (*Барт 1989: 384*). Представим себе лирику (в частности «пейзажную») в любой национальной литературе, в котором нередко отсутствует «субъект», «голос автора» или «другого» и поставим такие же вопросы: «А кто же там говорит? Кто за текстами стоит?» По Р. Барту – никто. В статье Р. Барт далее отмечает, что «голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо». По его мнению, «фигура автора» – пережиток нового времени; «она формировалась» западным обществом «по мере того, как с окончанием средних веков это общество стало открывать для себя (благодаря английскому эмпиризму, французскому рационализму и принципу личной веры, утвержденному Реформацией) достоинство индивида <...>»; исходя из такой логики, в литературе «личность» автора «получила наибольшее признание в позитивизме, который подытоживал и доводил до конца идеологию капитализма», и «новая критика» зачастую «укрепляла» «власть автора» (*Барт 1989: 385*). Р. Барт свидетельствовал о том, что во Франции, в числе первых «поколебателей» «власти автора» был Малларме, суть поэтики которого заключалась в устранении «автора, заменив его письмом, – а это значит <...> восстановить в правах читателя» (*Барт 1989: 385–386*). А Валери, с точки зрения Р. Барта, «связанный по рукам и ногам психологической теорией “я”, в некоторой степени смягчив «идеи Малларме», «во всех своих прозаических книгах требовал признать, что суть литературы – в слове, всякие же ссылки на душевную жизнь писателя – не более чем суеверие» (*Барт 1989: 386*). Своим предшественником Р. Барт считал и «сюрреализм», который, «конечно, не мог признать за языком суверенные права», но «зато сюрреализм постоянно призывал к резкому нарушению смысловых ожиданий (пресловутые “перебивы смысла”), он требовал, чтобы рука записывала как можно скорее то, о чем даже не по-

дозревает голова <...> – всем этим он внес свой вклад в дело десакрализации образа Автора» (Барт 1989: 386–387). И, наконец, «ценнейшее орудие для анализа и разрушения фигуры Автора дала современная лингвистика», которой Р. Барт благодарен за то, что она, как выразился В. Сквозников, сыграла большую роль в разрушении «фигуры Автора» (Сквозников 2003: 410), как «диктатора». Вызывает вопросы идея «восстановить в правах читателя», полностью отстранив «автора». Оказывается, что после «смерти автора» читатель, как элемент вечного временного пространства, превращается в субъект «текста», который «производит» новые смыслы после каждого прочтения «текста», в этом процессе «текст» – «письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улечучивается» (Барт 1989: 389). Короче говоря, самые главные понятия в рассуждениях Р. Барта и его поклонников – «текст», «письмо», «слово», «язык», можно упомянуть и «читателя». Конечно, фактор «читателя» в бытовании художественного текста играет определенную роль, но абсолютизировать его, заменить автора «читателем» немислимо. Здесь, естественно, речь не идет о читателе, которого ждет в будущем лирический герой стихотворения Е. Баратынского «Мой дар убог, и голос мой не громок...» (1828): «В моих стихах; как знать? душа моя / Окажется с душой его в сношенье, / И как нашел я друга в поколенье, / Читателя найду в потомстве я».

Словом, складывается странная картина: с «постмодернистской» точки зрения, «текст» с момента его возникновения отрывается от «автора», нет никакого «субъекта», даже как компонента поэтической структуры; «текст», разорвав всякие связи с его создателем (ведь, как утверждается, сам язык тоже не имеет границ, и в своей динамике не зависит от конкретного субъекта), начинает самостоятельную жизнь, как «нос» Н. Гоголя, он, «путешествуя» во времени и пространстве, вступает в «деловые отношения» с читателем, который меняется постоянно, и воспроизводимые новые смыслы могут «улечучиться» как и появились, ибо быстро меняется историко-культурный контекст. Читателем может быть, например, и сценарист, режиссер театра или кино, которые, следуя некой идеей «полной свободы творчества» и игнорирования автора (что сегодня нередко встречается среди противников классического наследия), отрицающие всякую этическую сторону действия, могут по своему извращенному разумению проводить всякие «манипуляции» с «текстом», даже ополить в духе неких «модных» «современных ценностей», с целью его дискредитации (подобные постановки встречаются в так называемых «современных театрах»). В таком случае можно говорить не только «о смерти» (вернее – «убийстве») автора, но и о появлении нового «субъекта» в лице подобного «читателя». С точки зре-

ния серьезного литературоведения, такая концепция абсурдна и преступна, оно не может смириться с обезличиванием художественного текста, забыть об авторе, его времени, отрицать «субъект» не только в лице творца, создателя «текста», но и его героя. Классика не терпит искажения и чужой редактуры (тем более без участия автора, которого уже нет, который не может ответить осквернителям его наследия), она всегда сама за себя говорит, ибо в его тексте заложены смыслы, вечно актуальные для человеческого бытия.

Представленный выше подробный анализ известной концептуальной статьи – «манифеста» Р. Барта, созвучной с концепциями иных представителей «постмодернизма» и других «родственных» течений (Ж. Деррида, Ф. Гваттари и др.) был необходим, чтобы не было кривотолков типа «он не то писал». Эти концепции, возникшие сравнительно недавно, никуда не исчезли; они, вбирая в себя новые современные «ценности» так называемого «прогрессивного, цивилизованного, свободного мира», радикальную либеральную идеологию, активно распространяются на Западе и постсоветском пространстве, постепенно охватывая не только сферу культуры, литературы, образования и гуманитарные науки, но и экономическую, политическую, идеологическую, религиозную сферы. На первый взгляд, может показаться, что это не имеет отношения к лирическому герою, к эволюции его мировидения. Имеет, конечно, но весьма негативную.

В «постмодернистской» философии имеет место и другое понятие «смерть субъекта», наподобие «смерти автора». В вышеупомянутой энциклопедии «Постмодернизм» А. Грицанова есть статья и о «Смерти субъекта», в которой отражены концепции М. Фуко, Р. Барта, А. Турена, Ж. М. Э. Лакана, А. Роб-Грийе, Ж. Батая, Ю. Кристевой и др. В ней отмечается, что «если модернизм провозглашал идею ценности “Я”, то постмодернизм – идею его расщепления», что «с точки зрения постмодернизма, само использование термина “субъект” – не более, чем дань классической философской традиции...», «собственно <...> “интерпретирующее Я” само по себе есть не более, чем текст, сотканный из культурных универсалий и дискурсивных матриц, культурных кодов и интерпретационных конвенций». А «читатель, как и автор», по мнению Ж. Харари, является даже не «гостем», но «порождением текста». По словам М. Бланшо, постмодернизм признает, что «никогда “я” не было субъектом опыта». «Отказ от концепта “субъект” во многом связан с признанием в философии постмодернизма случайности феномена “Я”». Любопытно мнение Ж. Делеза, который полагал, что «индивидуальность должна осознать себя как событие, а осуществляющееся в себе событие – как другую индивидуальность», в силу чего «самотождественность индивидуальности» не может быть понята иначе, как случай-

ная. И вдруг в конце автор статьи утверждает: «Что касается современной версии артикуляции проблемы субъекта в постмодернистской философии, то для нее характерна программная ориентация на “воскрешение субъекта”». И. Ильин писал: «Если “модернисты” и “парамодернисты” (даже такой термин встречается. – В. Б.) изгоняли автора из художественного пространства, из “повествовательной онтологии”, то “постмодернисты”, по мнению Мальмгрена (Речь идет о книге: С.Д. Malmgren. Fictional space in the modernist and post modernist American novel. 1985), заново его вводят в художественное пространство повествования, но делают это “сверхдетерминированным”» (Ильин 2001: 361).

Неслучайно мы даем термин «постмодернизм» в кавычках. Что это – направление или течение в литературе, искусстве, которое боролось с «автором», «субъектом», объявляло их «смерть», а потом, вроде, в какой-то мере реабилитировало их? Чем традиционный модернизм не угодил ему? Здесь еще немало вопросов, ощущается отсутствие четких определенных концепций. Нет основания не верить такому специалисту, как И. Ильину (и он часто «постмодернизм» берет в кавычках), который писал: «Подводя итоги, отметим прежде всего, что сам термин “постмодернизм” является крайне неудачным. Он не обладает четким объемом понятия, поскольку не существует единого мнения, что собственно представляет из себя этот феномен <...>. Уже в самом понятии “постмодернизм” кроется определенная тенденциозность подхода – стремление рассматривать все обозначаемые им явления искусства с точки зрения их соотносительности с модернизмом, что сразу свидетельствует о крайне одностороннем понимании литературного процесса. <...> Неприемлемость подобного представления столь же очевидна, как и желание сторонников модернизма увидеть в “постмодернизме” его прямое продолжение и зачислить в “постмодернисты” К. Воннегута, Х. Кортасара и Дж. Фаулза так же безоговорочно, как они зачисляют в модернисты Конрада, Пруста и Томаса Манна» (Ильин 2001: 383). Можно вспомнить, например, Э. Хемингуэя и У. Фолкнера, которых относят то к модернизму, то к «постмодернизму», хотя их в основном рассматривали как представителей модернизма XX в. А вообще в творчестве этих писателей, по-моему, значительное место занимают традиции классического реализма. Кстати, У. Фолкнер писал о Ф. Достоевском – ярком представителе классического реализма: «Он не только очень во многом оказал на меня влияние, но я испытываю наслаждение, читая, и я ежегодно перечитываю его. По своему мастерству, по силе проникновения во внутренний мир человека, по глубине сострадания он был одним из тех, с кем каждый писатель хотел бы сравниться, если сможет» (Фолкнер 1986: 4).

Словом, сложилась странная ситуация, когда, по словам И. Ильина, некоторые под «постмодернизмом» понимают всю литературу Запада, возникшую после «века модернизма» (или «кризиса модернизма»), не вникая в особенности ее характера, другие – «формалистическую, экспериментальную литературу послевоенного периода». Есть и такое мнение, что, с 1970-х гг., когда на Западе начали меняться литературно-эстетические настроения, падать интерес к «формалистическому экспериментированию», становится популярным латиноамериканский роман (с его «магическим реализмом»), возрос интерес к «реалистическому письму». В то время и возникли «новые концепции» «постмодернизма»; согласно некоторым из них, «постмодернизм» является гибридным явлением, вобравшим в себя реалистические и модернистские традиции. И. Ильин прав в том, что определить, например, «постмодернизм» в содержательном и концептуальном отношении трудно; это значит, что он не имеет ясно выраженного «лица», по сравнению, например, с модернистскими течениями. Вместе с тем он попытался обозначить какие-то очевидные признаки «постмодернизма», которые, по его мнению, четче проявлялись в формальном плане, в стилевом, композиционном, техническом уровнях. Исследователь выделяет в качестве композиционной черты «разделение параллельных линий сюжета графическим способом», «фрагментарность, разорванность повествования на очень небольшие отрывки» (*Ильин 2001: 358*). Однако в другом месте он писал, что «практика “постмодернизма” не дала ничего такого, что не было известно раньше» (*Ильин 2001: 381*) в классической и модернистской литературе, в которой встречались и «роман-размышление», и «роман-эссе», и «фрагментарность повествования». А «для последовательных “постмодернистов” в равной степени условны как литература, так и действительность» (*Ильин 2001: 381*).

И. Ильин также отмечал изобилие теоретических рассуждений (часто представляющих «симбиоз литературоведческого теоретизирования и художественного вымысла») в повествовательной структуре «постмодернистского» текста, адресованных читателю. Целью этого является перевоспитание читателя, мировоззрение которого формировалось под влиянием традиций реалистической литературы и искусства. «В принципе всякая литература, сознательно ориентированная на читателя, а именно такой и объявляет себя литература “постмодернизма”, активно занимается воспитанием своей аудитории, и дидактическую агрессивность “постмодернизма” никоим образом не следует не принимать во внимание» (*Ильин 2001: 367*).

С моей точки зрения, все «модные» термины с латинским словом-приставкой «post» («после») – «постмодернизм», «постимпрессионизм»,

«постструктурализм» и т. д., утвердившиеся на Западе в конце XX в. вызывают большие сомнения уже с точки зрения словообразования с целью обозначения какого-то «течения» гуманитарной мысли, литературы, искусства. Когда используется «после» к какому-то ранее известному понятию с более или менее четким содержанием и ориентирами, создается ощущение неопределенности «нового явления». Предшествующие (до «пост») явления культуры и литературы имели хотя бы свои характерные черты (некоторые течения даже провозглашали свои манифесты), позволявшие как-то объяснить их сущность. В будущем, похоже, надо ожидать появление очередных понятий с того же узкого «литературного пространства» типа: «постпостмодернизм» (кстати, термин «постпостмодернизм» уже появился в виде «after-postmodernism» – см.: А. Грицанов), «постпостструктурализм», «метамодернизм», «метапостмодернизм» и т. д. Во многих литературах России, ближнего и дальнего зарубежья (кроме Европы и США), «современный постмодернизм» (особенно радикальный, с «гендерными» манипуляциями, извращениями, проблемами «радужного цвета»), по ментальным, этическим соображениям, в целом не имеет распространения, хотя некоторые авторы, следуя моде, пытаются приспособить его у себя, а литературоведы по той же причине упорно ищут его в национальном литературном процессе, видимо, считая его наличие признаком «богатства» литературы и ее «прогрессивного» развития. Вообще отнесение творчества того или иного писателя к тому или иному течению никак не повышает или понижает его значимость (например, творчество Ф. Искандера и А. Гоуга трудно «пристроить» к какому-либо литературному течению или направлению, да и никто не пытался пока это сделать, понимая бессмысленность такой затеи). Кроме того, искусственная фиксация тех или иных модных течений в национальном литературном процессе, или отсутствие таковых не свидетельствуют о высоком или низком уровне литературы. Не от этих вещей зависит уровень развития национальной художественной словесности, как значимость литературного произведения никак не зависит от так называемой «гендерной» (вернее – «половой») принадлежности, цвета кожи, веры, национальности писателей и т. д. К сожалению, такие очевидные вещи уже подвергаются пересмотру (вплоть до отрицания) со стороны ярых сторонников современных «постмодернистских» процессов в разных сферах жизнедеятельности (когда реально слышишь, что «мы сегодня живем в постмодернистском обществе», начинаешь думать: неужели «конец истории» приблизился настолько, что деваться уже некуда? Или речь идет только о «цивилизованной» части мира, где под угрозой запрета оказалось твор-

ческое наследие У. Шекспира, М. Твена, Л. Бетховена, В. Моцарта и других классиков мировой литературы и музыки?..).

Вообще слово «пост» за последние десятилетия из-за его чрезмерного и необдуманного использования стал нести в себе негативный смысл, обрел политическую и идеологическую окраску, превратился в элемент (инструмент) отрицательной оценки предшествующих явлений не только в культуре, искусстве и литературе, но и в истории, прошлой жизни народа, страны и т. д. И. Ильин писал: «В работах теоретиков постмодернизма (главным образом американских, английских, голландских, французских. – В. Б.) были радикализованы главные постулаты построуктурализма и деконструктивизма и предприняты попытки синтезировать соперничающие общефилософские концепции построуктурализма с практикой Йельского деконструктивизма, спроецировав их на современное искусство. Таким образом постмодернизм синтезировал теорию построуктурализма, практику литературно-критического анализа деконструктивизма и художественную практику современного искусства и попытался дать этому объяснение как “новому видению мира”. <...> В результате постмодернизм стал осмысляться как выражение духа времени во всех сферах человеческой деятельности: искусстве, философии, науке, экономике, политике» (Ильин 2003а: 764). Исходя из нынешней реальности, можно немного перефразировать последние слова И. Ильина, и сказать: фактически сегодня «постмодернизм», объявленный «мировой ценностью», стал политическим и идеологическим инструментом в руках определенных групп, с помощью которого всем навязываются сомнительные «ценности» во всех сферах жизни. До этого не опускался прежний модернизм, не был он «инструментом» в чьих-то руках. Тот модернизм, со своей определенной эстетической концепцией и стилем, был более свободным в своих творческих порывах и полностью не отрекся от этики как эстетической категории, без чего невозможно представить мировую мифологию и фольклор, классическую литературу. Он не навязывал свои идеи, смыслы, поэтические способы художественного отражения реальности, которые, можно сказать, в целом или частично нормально воспринимались другими национальными литературами (писателей прежде всего привлекали новые способы художественного воплощения жизни, создания образа героя (включая лирического), организации повествовательной структуры эпических произведений и т. д.).

Тот же И. Ильин в другой статье отмечал: «Качественно новым явлением в творческой манере современных западных писателей (и в этом отношении это одна из характерных черт именно “постмодернизма”) стало все возрастающее влияние шаблонов массовой литературы, причем в масшта-

бах, совершенно не мыслимых для серьезной литературы прежних времен. В содержательном плане противоборство этих тенденций и составляют внутреннюю суть “постмодернизма”» (Ильин 2001: 383–384). Может быть, в данном случае было бы правильно говорить о духовно-культурном и этическом кризисе в так называемом «цивилизованном мире»? И чем все это закончится трудно сказать, но, похоже, что результаты будут весьма катастрофическими.

«Терминотворчество» с «пост»-ом с определенными смыслами и идеологемами (порой негативными), с моей точки зрения, представляет большую опасность для национальных культур и литератур. На эту опасность реагирует, например, не только современная абхазская лирика, но и в целом поэзия народов Северного Кавказа, что непосредственно отражается в мировидении лирического героя, переживающего за судьбу родного народа, его культуры, традиционных ценностей в контексте нынешнего жестокого глобализирующегося мира, в котором, по большому счету, нет места национальной культуре со всеми его атрибутами (традицией, этическими принципами и нормами, менталитетом и т. д.), идет процесс агрессивного навязывания всем философии рационализма, беспредельного индивидуализма и эгоизма без всяких духовных и нравственных основ, греха как «нормы жизни». И в этом неблагоприятном процессе «постмодернизму» отведена особая роль в качестве пропагандистского инструмента. Его восприятие национальной культурой и литературой может произойти только путем саморазрушения, отказа от собственных ценностных ориентиров, которые всегда помогали выжить в сложных и трагических исторических ситуациях.

И вполне объяснима реакция лирического героя современной национальной поэзии, который пытается сохранить традиционные духовные, культурные, этические ценности народа.

В абхазской лирике, как и в лирике многих народов, сохраняющих собственные культурные традиции, этические принципы, духовные ценности, лирический герой в своих чувствах и переживаниях не отделяет себя от народа, его интересов и чаяний. «Свобода» личности, отраженная в национальной поэзии, порой не согласуется с европейскими философскими и теоретическими концепциями, которые шли (и пришли) к абсолютизации личности, к триумфу философии индивидуализма, «его» человека, интересы и права которого вышли на первый план и вступили в конфликт с традициями, с христианской концепцией жизни и мира, на базе которой веками

создавались величайшие произведения искусства и литературы, этические ценности.

Многое зависит от типа национального художественного сознания, который формируется в течение веков в мифах, фольклоре, затем – в литературе. Это сознание постоянно эволюционирует под влиянием исторических, политических, социально-экономических и культурных процессов, межкультурного и межлитературного диалога. При этом демонстрируют свою устойчивость важные корневые компоненты художественного сознания, мировидения лирического героя. Они же формируют «границы безопасности», препятствующие проникновению во внутреннее ядро чуждых разрушительных «ценностей»; «чужое» может пересечь эти «границы», если оно не противоречит глубинному национальному миру. Если «чужое» как-то сумело перейти «границы безопасности» под видом «своего» или иным способом с целью изменения тех корневых кодов на свой лад, их унификации в соответствии с какими-то чуждыми «ценностями», то жесткая реакция и изгнание «чужого» из национального художественного сознания неизбежны; в противном случае неминуема смерть самого национального мира. Может быть жестко, но это вполне реально в эпоху высокого развития цифровых технологий и скорости распространения мусорной информации. В стороне этого процесса никак не может стоять и лирический герой, как один из важных субъектов того еще живого и крепкого мира, часто – голоса поэта, являющегося частью народа, свидетелем и участником исторического и культурного процесса. В 1859 г. А. Веселовский писал: «Общество рождает поэта, не поэт общество. Исторические условия дают содержание художественной деятельности; уединенное развитие немислимо, по крайней мере художественное. <...> всякое произведение искусства носит на себе печать своего времени, своего общества» (Веселовский 2010: 383). Он также отмечал: «В жизни есть вечные, непреходящие начала, и рядом с ними следы времени, века; отражая то и другое, поэзия то ближе держится вопросов современности, то находится поверх их и вдали, в созерцании вековечных явлений, не знающих хронологии» (Веселовский 2010: 383). В поэте могут скрываться два лица – реальный человек и творящаяся личность. Первый может быть даже «дурным человеком», но и «хорошим поэтом, если не презирает себя» (Веселовский 2010: 385).

Общая отечественная теория литературы (о западной не приходится говорить, ибо она вообще очень редко переходит границы собственного литературного пространства, считая его «исключительной»), при рассмотрении проблемы лирического героя «в историческом освещении», за редким исключением, почти не учитывает многообразие национальных истоков. А

лирическое начало, лирическое «я» с его переживаниями и мыслями в каждой национальной литературе имеют свои истоки, особенности эволюции. Сразу вспоминается «Слово о полку Игореве» в котором сильно лирическое начало. Яркий пример – «Плач Ярославны». Вообще жанр плача (причитания) с четко выраженными лирическими чертами известен в фольклоре многих народов мира, в том числе русских, абхазов, абазин, адыгов и др.; его традиции впоследствии отразились, и продолжают отражаться в поэзии (стихи похожие на плачи, стихи-исповеди; примеры: А. Ахматова – «И вот одна осталась я», «Причитание», «Реквием»).

В быту абхазов «плач» (амыткэма) по сей день имеет распространение; можно сказать, что это один из немногих жанров, который непосредственно связан с женщиной («женский жанр»). Амыткэма произносят женщины – самые близкие родственницы усопшего в дни похорон и в течение года после смерти у могилы; это, по сути, импровизация, нерифмованные стихи, рождающиеся под воздействием сильнейших внутренних чувств.

Традиции жанра амыткэма продолжили свою жизнь и в абхазской литературе. Вспомним стихотворение О. Бейгуаа «Плач Кец-пха Елыф». Если в «Плаче Ярославны» ощутимо присутствие голоса автора, который постоянно предоставляет слово Ярославне, то в «Плаче Кец-пха Елыф» трагическая и оценочная речь лирической героини непрерывна; через нее же поэт выражает свою боль и сострадание. Таких примеров много.

Лирика – сегодня это не только стихотворения, в которых превалирует субъективное начало, внутренние переживания лирического героя. Художественно-эстетическая значимость произведений малого жанра поэзии не зависит только от «субъективности» их содержания, от наличия субъекта, которое не всегда ощутимо в лирике (например, в пейзажном, «описательном» стихотворении). Проблемы сугубо частного характера, не выходящие за рамки «субъективности», эстетически малозначимые в контексте «большого целого», никакого смысла не имеют. Если «субъективная» лирика, направленная на самоанализ, внутренний мир, абсолютно оторвана от реальности, не отвечает на острые вопросы времени и человеческого бытия на фоне вечности, то она ничего не стоит; просто личный опыт без глубоких смыслов, тем более отраженный низким поэтическим словом, интереса не представляет.

В числе главных проблем лирики – концепция автора и лирического героя. Полного совпадения здесь не может быть. Сам автор встречается в двух ипостасях – автора-человека со всеми своими плюсами и минусами и автора-поэта (творца). Аналогичный пример – актер театра, в реальной жизни он – человек с определенным жизненным опытом, характером (иногда невыносимым) и взглядами, а на сцене перевоплощается в образ;

в этих двух «лицах» бывают больше несовпадений, чем совпадений. Что-то похожее наблюдается и в отношениях между автором-человеком и поэтом (хотя здесь близость может быть максимальной). В какой-то мере то же самое можно сказать относительно взаимосвязей поэта и лирического героя. Поэт – творец поэтического текста, а лирический герой («другой» по отношению к поэту) – образ. Вместе с тем и автор-человек, и поэт (оба как «эмпирическое “я”»), и лирический герой выступают как части единого целого (лирический герой не вполне «художественный “двойник” автора-поэта», но, естественно, может быть одним «из способов раскрытия авторского сознания»). И здесь уместно понятие «интерсубъектность» (в смысле «межсубъектность» в системе «внутрисубъектности»); чрезвычайно актуальна и идея М. Бахтина о «неразделенности» и «неслиянности» образа лирического героя и «эмпирического “я”» (автора-поэта), не всегда зримого в поэтической структуре произведения, хотя ученый даже противопоставлял их, но в рамках единого целого. Короче говоря, в лирическом произведении мы имеем дело с автором-человеком, автором-поэтом и лирическим героем. Автор-человек чаще всего не живет как пишет, как поэт (более совершенный его двойник), который создает иной художественный мир с определенными идеями, порой не соответствующими миру реального человека-автора (он, кстати, нередко бывает отвратительным «существом»). Вместе с тем вышеуказанная триада при всей внутренней противоречивости и противостоянии представляет единое целое, в котором заложена внутренняя борьба (идейная, эстетическая, этическая и т. д.). В этой конструкции ближе всего к лирическому герою стоит автор-поэт, который и создает образ этого героя. При этом лирический герой может проявлять себя в форме грамматического первого лица – лирического «я», в редких случаях – третьего лица (для самооценки, оценки «лирического события»), или находиться в «тени» лирического высказывания, выдавать себя в качестве неотъемлемой части коллективного «мы» (это происходит при максимальном идейном и этическом совпадении лирического героя с коллективным «мы» в лице общества, народа, обусловленное разными ситуациями – историческими, культурными, духовными, идеологическими, религиозными, национальными). И не всегда правда на стороне лирического «я» или «мы». Я не сторонник ходячей мысли «у каждого своя правда», которая в некоторых ситуациях имеет право на существование. Но, когда откровенная ложь преподносится как «правда» (причем многократно повторенная ложь становится правдой в массовом сознании; а это ныне стало нормой жизни «цивилизованного мира»), то это превращается в зло (вспомним известные афоризмы: Мишель де Монтень – «Лживость – гнуснейший по-

рок», В. Гюго – «Ложь – это воплощение зла», Ф. Достоевский – «Лгут только одни негодяи» и т. д.), которое может привести к трагическим последствиям. Лгущий лирический герой – это смерть поэзии, а призрак этой смерти давно бродит по «свободному миру».

Во многих стихотворениях абхазских поэтов и других национальных авторов РФ и ближнего зарубежья, которые продолжают сохранять свою идентичность, этические принципы и нормы, лирическое «я» героя (с оттенками синкретизма его сознания) выступает как неотъемлемая часть «мы», единой целостности (народа, общества). При этом индивидуальность «я» не растворяется, а наоборот самоутверждается в рамках «целого» (вне этих границ самореализация невозможна; «постмодернистские» концепции личности, героя художественного текста здесь неприемлемы и не имеют поддержки), укрепляет свои ценностные позиции. Отсутствие вообще такой целостности, а также этического, духовного и эстетического отношения к «предмету» лирического обсуждения может привести к деградации лирического героя.

Литература

Анненский 1979: Анненский И. Книга отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.

Барт 1989: Барт Р. Смерть автора / Пер. с фр. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391. См.: также – www.vpn.int.ru (дата обращения: 12.04.2021); <http://docplayer.ru/26335021-Rolan-bart-izbrannye-raboty-semiotika-poetika.html> (дата обращения: 12.05.2021).

Бахтин 1997: Бахтин М.М. Собрание сочинений: В семи томах. Т. 5: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари, 1997. 958 с.

Бахтин 2000: Бахтин М.М. Собрание сочинений: В семи томах. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. М.: Русские словари, 2000. 800 с.

Бахтин 2003: Бахтин М.М. Собрание сочинений: В семи томах. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. 958 с.

Бахтин 2012: Бахтин М.М. Собр. соч.: В семи томах. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Бройтман 2003: Бройтман С.Н. Лирика в историческом освещении // Теория литературы: В четырех томах Т. III: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 421–466.

Вальцель 1928: Вальцель О. Сущность поэтического произведения // Проблемы литературной формы. Сборник статей О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фосслера, Л. Шпитцера / Пер. под ред. и с предисл. В. Жирмунского. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 1–35.

Веселовский 2010: Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. Изд-е 4-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 648 с.

Гаспаров 2003: Гаспаров М.Л. Стихотворение // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. С. 1039–1040.

Грицанов: Грицанов А. Постмодернизм // https://bookscafe.net/book/gricanov_apostmodernizm-159205.html (дата обращения: 17.04.2021).

Грицанов: Грицанов А. Постмодернизм. Энциклопедия – <https://libking.ru/books/sci/sci-philosophy/172932-10-a-gritsanov-postmodernizm.html#book> (дата обращения: 10.04.2021).

Жан-Поль 1981: Жан Поль. Приготовительная школа эстетики / Сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Михайлова. М.: Искусство, 1981. 448 с.

Ильин 2001: Ильин И.П. Общая характеристика постмодернизма // Теория литературы: В четырех томах. Т. IV: Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 345–387.

Ильин 2003: Ильин И.П. Интертекстуальность // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. С. 307–309.

Ильин 2003а: Ильин И.П. Постмодернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. С. 764–766.

Кормилов 2003: Кормилов С. Лирика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. М., 2003.

Песков, Иванов 1987: Песков А.М., Иванов Н.И. Лирика // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 183–185.

Платон 1968: Платон. Сочинения: В трех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1968. 624 с.

Пузырей, Подвойский: Пузырей А.А., Подвойский Д.Г. Интериоризация // Портал «Большая российская энциклопедия» [Б. г.]. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/2014359> (дата обращения: 03.04.2021 г.).

Роднянская 2003: Роднянская И.Б. Лирический герой // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. 452 с.

Сквозников 2003: Сквозников В.Д. Лирический род литературы // Теория литературы: В четырех томах. Т. III: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 394–420.

Теория литературы 2004: Теория литературы: Учебное пособие: В двух томах / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1: Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 512 с.

Фолкнер 1986: Фолкнер У. Рассказы. Медведь. Осквернитель праха / Пер. с англ., сост. Б.Т. Грибанова; примеч. А.М. Зверева, Б.Т. Грибанова. М.: Правда, 1986. 544 с.

Шеллинг 1966: Шеллинг Ф.В. Философия искусства / Пер. П.С. Попова. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Зыхэба 2006: Зыхэба С.Л. Ахэыштаара амца мыцээрц. Алитературатэ-критикатэ статиақэа, атцаарақэа, аретензиакэа, апублицистика. Акэа, 2006. 760 д.

Пилиа 2000: Пилиа Ш. Самолечение – самохранене // *Ацсны*. 2000, 14.06.

Susman 1910: Susman M. Das Wesen der modernen deutschen Lyrik. Stuttgart: Strecker & Schröder, 1910. 130 s.

В.А. Бигэаа

АЛИРИКАТЭ ФЫРХАЦА «ИДРАМА»: АҢОУРЫХТЭ-ТЕОРИАТЭ ХЦЭАЖЭАРА

Аннотация. *Астатиафэи ирзаатгылоуп иахьауажэраанза аимака-ацфак зырйысуа алирикеи алирикатэ фырхайеи ирызку атеориа тэ зйаара хадақэа. Урт рхырхьазарафэи икоуп автори алирикатэ фырхайеи реизыказаашьа ачыда-рақэа. Автор-ауаши, автор-апоеи, алирикатэ фырхайеи еснагь еуқэшаазом, ианеицагылогыи ыкоуп. Иахьагыи айакы мыззаци М. Бахтин «алирикатэ фырхайеи арфеиамта асахьаркыратэ структурафэи еснагь иузгэамто ацта-зааратэ “сарей” (автор-апоеи) иузейкэдымтхо еимадоуп, аха зынза азэ ракэзам» хэа ишхээз ахшыфйак, урт анеицаиргылогыи ыкан айарауаф. Еу-уеицшыи алиитературақэа ркны алирикатэ фырхайа идунеихэацшира хэаа-қэызыо афакторқэа иреуоуп: амилатэ дунейкылашыи атрадицияқэеи, апоеи исахьаркыратэ хэицшыи, дзыкэныкэо аетикатэ принципқэеи, уи ды-зхаану аамтэи, аңоурыхтэ хтысқэеи, аполитикатэ тагылазаашьеи.*

Ихадароу ажэакэа: *алирика атеориа, алирикатэ фырхайа, апоеи, ацхьаф.*

V.A. Biguaa

«DRAMA» OF THE LYRICAL HERO: HISTORICAL AND THEORETICAL DISCOURSE

Annotation. *The article deals with the theoretical questions of the lyrics and the lyrical hero, which still cause heated debate. Among the main problems is the concept of the author and the lyrical hero. Human author, poet and lyric hero do not coincide in everything, even oppose each other. The idea of M. Bakhtin on the “inseparability” and “non-fusion” of the image of the lyrical hero and the empirical “I” (author-poet), which is not always visible in the poetic structure of the work, although the scholar even contrasted them, but within the framework of a single subjective whole. The worldview of the lyric hero in each literature depends on the national picture of the world, the peculiarities of the poet’s artistic consciousness, his value and ethical guidelines associated with certain cultural and spiritual traditions of the people; from the time of the poet, historical and political processes.*

Key words: *Theory of lyrics, a lyric hero, author, poet, reader.*

АЕПИТЕТ И АДХЭАЛОУ ТЕОРИАТЭ ЗЦААТЭҚӘАК

Аннотация. Астатиаҕы иазаатгылоуп аепитет атеорияҕы иуадафу азҕаарақәа иреиуоу – алогикатә хәаакәҕагақәеи аепитетқәеи реишдырааратә принципқәа. Уи аганахьала атҕааица рхы иадырхәахьоу азнеишьақәа еиҕырыҕины, иалкаауп еиҕа алҕиша змоу. Аңсуа ғырҕитәқәа еиҕаразақ Б.У. Шьынкәба ипоезия акнытә иаагоуп.

Ихадароу ажәакәа: аепитет, алогикатә хәаакәҕага, апринцип, ацәахәа.

Аепитет атцаара ахы акуеит ажәытә бырзен философ Аристотель иу-сумта «Поетика» (*Аристотель 1983: 669, 785*) акны; уи ашьтахь, еиҕа инартбааны далацәажәоит иусумта «Риторика» (*Аристотель 2000: 82–86*) акны. Аепитет ганрацәала итырцаахьейт аурыс царуаа: А.Н. Веселовски (*Веселовский 1989: 59–75*), В.М. Жирмунски (*Жирмунский 1977: 355–361*), Б.В. Томашевски (*Томашевский 1983: 195–204; Томашевский 2010: 57–59*), В.П. Москвин (*Москвин 2001: 28–32; Москвин 2006: 24–33*), И.Б. Голуб (*Голуб 2001: 138–141*) ухәа имачоымкәа. Ацсуа царуаа рыкнытә аепитет азбахә азьыршы ишырхәахьоугы, уи чыдаракәас иамоу еиҕа ихатәаны иаапшуеит: Хә.С. Бҕажәба (*Бҕажәба 1960: 261*); З.Ць. Цьапуа (*Цьапуа 1990: 88–113; Джануа 1995: 71–91; Джануа 2016: 259–278*); У.Ш. Аәзбеи Д.С. Аҕынцәали (*Аәзба, Аҕынцәал 2008: 202–210*); Б.К. Аәзба (*Аәзба 2014: 139–149*); Р. Барцба (*Барцба 2020: 101–105*) русумтақәа рҕы.

Аепитет кыр ишытцааугы, уи акәша-мыкәша цқәа итышәынтәалам азцаарақәа мачзам: аепитет тропу, фигуруоу; казшьарба мацароу, егырт ажәахәа хәтақәа рылагы ишьақәгылар алшоу; алогикатә хәаакәцагеи аепитет реилыргара; енагьтәи аепитет алитературахь аиасра апроцесс; аепитети егырт асахьаркыратә цхыраагзақәеи реинырра, реилахәрақәа ухәа уб. егь.

Хәарада, арт азцаатәқәа зегы статиак иузтагзом. Убри акнытә, чыдала хәзаатгылоит, алогикатә хәаакәцагеи аепитети ирыдхәалоу апроблема. Аиҕырыцшратә анализ аан, атцарауаа иаарго аҕырыцштәқәа – еиҕаразақ Б.У. Шьынкәба ицәахәақәа ирыҕхарпшуеит.

С.А. Губанов иоуеит: «современная эпитеология нуждается в уточнении понятия эпитета» (*Губанов 2014: 5*). Атцарауаа Н.П. Булаховеи А.П. Сковородникови ракәзар, иазгәартоит: «на сегодняшний день нет общепринятого понятия “эпитет”» (*Булахова, Сковородников 2017: 123*). Арт

атцарауаа рапхьагы уи атэы рхэахьан К.С. Горбачевичи Е.П. Хаблои (*Горбачевич, Хабло 1979: 3*).

Б.В. Томашевски иазгэиҥоит: «обычное определение имеет задачей отличить какой-нибудь предмет от ему подобных. Если мы говорим просто “дом”, то под этим словом можно разуметь все существующие дома. Если нам необходимо уточнить выражение, мы говорим “двухэтажный дом”, “синий дом” и т. п. Вводя этими определениями новые признаки “двухэтажный”, “синий”, мы тем самым противопоставляем двухэтажный дом всякому дому с другим числом этажей, синий дом – всякому дому другой окраски и т. п.

Подобное определение, имеющее задачей уточнить предмет, называется логическим определением. Оно обращается к логической мысли, а не к воображению.

Поэтическое определение (эпитет) ничему предмет не противопоставляет. Оно отмечает в предмете, достаточно определенном самим изложением, наиболее заметную и действующую на нас черту» (*Томашевский 2010: 57–58*). А.С. Пушкин илакэ «Сказка о рыбаке и рыбке» ацэахэакэа «Жил старик со своею старухой / У самого синего моря» дрыхцэажэо, Б.В. Томашевски ихэоит: «здесь слово “синий” вовсе не имеет задачей сообщить нам, что старик жил именно у синего, а не у какого-либо другого (желтого, зеленого, черного) моря. Этот эпитет “синий” заставляет нас сильнее прочувствовать слово море, обращая наше внимание на один наглядный признак моря, обычный у него: его синий цвет» (*Томашевский 2010: 58*). Б.В. Томашевски еипш, В.М. Жирмунскигы, алогикатэ хэаакэцагеи аепитети еиҥдыраатэуп хэа азгэиҥоит. Уи иҥуеит: «когда мы говорим “удалый добрый молодец” или “дружинушка хоробрая”, или “синее море”, мы не берем “дружинушку хоробрую” в противоположность трусливой дружине или “удалый добрый молодец” в противоположность молодцу неудалому, или “синее море” в противоположность “зеленому” или “черному”. Мы мыслим “синее” как типический признак моря, “хоробрая” как типический признак дружины» (*Жирмунский 2004: 366*). Иара убасгы, В.М. Жирмунски алогикатэ хэаакэцагакэа рзы ихэоит: «ограничивают понятие предмета» (*Жирмунский 2004: 366*). Ари ахшыҥцаки Б.В. Томашевски дызҥу – цкэа алкааратэ казшьей ак роуп.

Ишаабо еипш, Б.В. Томашевскигы, В.М. Жирмунскигы иаарго аҥырпштэкэа – енагьтэй аепитекэа роуп. Урт маншэалоуп, даҥа хэаакэцага еилкааракэак ирыдкыланы, логикатэ хэаакэцагакэам хэа алкаа акацаразы. Избан акэзар, излоу аепос, жэлар рашэакэа рҥы ишьтыркауа аидеализациеи ицсабаратэу аказшьей (ашьац иатэа) рыла, енагьтэй аепитеткэа, нормак

ахасабала изцааиуа аилкаарақәа ирыдхәалоуп. Уи иабзоураны, даҕа еилкаарақәак ирҕагылом, цқба алкааратә чыдара рныцшуам, мамзаргы изцааиуа аилкаара дыртшәом.

Алогикатә хәаакәцагеи аепитети реиодыраара мариам егырт аказшьарбагақәа (иаартытәкьаны зыхшыотак еиҕамцуа, ма зынза ишиашоу ихадакыло) рыбжьара.

Ҷаитазхьацшып, хыхь зызбахә ххәахьоу, Б.В. Томашевски логикатә хәаакәцаны иицхьазо – «е-еихагылак змоу аоны» (двухэтажный дом). Уи иаҕарцшып Б.У. Шьынқәба хархәара ззиуа ажәеицааирақәа: «рыоны қьацтажәымхейт» («О, са с-Хьыкәыр, бааишь! – ихәейт...»), «еихачапоуп рыоны» («Амәан»). Зны, аепитет алкаара хәезахшәап, Б.В. Томашевскигы В.М. Жирмунскигы зызбахә рymoу аиҕагыларатә принцип ала. Арақа, «е-еихагылак змоу аоны» – «х-еихагылак змоу», «пшь-еихагылак змоу» ухәа ирҕаургылар шауа аицштәкьа, «рыоны қьацтажәымхейт» иаҕагылоит – «рыоны қьацтажәхейт», «рыоны тбаатыцәхейт» ухәа; «еихачапоуп рыоны» акәзар, иаҕаургылар ауейт – «рыоны арыцхәаца ахьыкәкәоит», «рыоны хәычуп» ухәа. Аиҕагылара калоит избанзар, хзыхцәажәо аҕырцштәкәа – енагытәи епитетқәам, зейцшбызшәатә хәаакәцагақәоуп. Апрактика излахнарбо ала, урт рыбжьара аепитет алкаараҕы – аиҕагыларатә метод ара имчыдоуп. Нас, иарбан чыдароу ари аҕагылазаашьаҕы изызхьацштәу, алцшәа змоу? Ицахшәап, Б.В. Томашевскигы, В.М. Жирмунскигы иазгәартә, аепитет иачыдаказшьам, алогикатә хәаакәцага ишьтнакаауа – аматәр цқба алкаара, мамзаргы аҕакы артшәара априцип. Ахәаакәцага «е-еихагылак змоу аоны» хазхьацшуазар, уи цқба ишалкаау – аҕакы шытшәоу аабоит. Уи ачыдара рныцшуам ажәеицааирақәа «рыоны қьацтажәымхейт», «еихачапоуп рыоны». Даҕакала иаххәозар, аҕацарбатә казшьарбагақәа «қьацтажәымхейт», «еихачапоуп», аоны азеицш хәшьара артоит – еихагылак амоу, е-еихагылак змоу акәу, инткааны ихәазам. Абарт ачыдарақәа рыла иаххәозар, ахәаакәцага «е-еихагылак змоу аоны» – логикатәуп; «рыоны қьацтажәымхейт», «еихачапоуп рыоны» – епитетқәоуп. Зызбахә ххәаз, аматәр – азеицш хәшьара аҕара инаваргыланы, аепитет азы ихадароуп даҕакгы. Б.В. Томашевски аепитет азы баша ихәом: «при всем многообразии смысловых функций эпитет всегда придает слову некоторую эмоциональную окраску» (Томашевский 1983: 196). Н.П. Булаховей А.П. Сквородникови ракәзар, иазгәартәит: «под эпитетом мы понимаем экспрессивное, то есть образное или эмоционально – оценочное определение предмета» (Булахова, Сквородников 2017: 135). Аепитет уи ачыдара шышьтнакаауа атәы рхәоит: К.С. Горбачевич (Горбачевич 2002: 4), Л.М. Крупчанов (Крупчанов 1974: 88), В.Л. Атнари (Цвинариа 1970: 109), У.Ш. Аҕзбеи Д.С. Ацьынцъали

(Афзба, Ацыныцвал 2008: 205) ухэа. Хэарада, аепитет арт ачыдаракэа, иха-даракэоу иреиуоуп, урт, хымпада, ирызхьацшлатэуп аепитет алкаарафьы.

Ажэеицааиракэа: «ф-еихагылак змоу аоны», «рыоны кьацтажэымхеит», «еихачацоуп рыоны», зызбахэ ххэахьоу егырт ачыдаракэа рнафсангы, ацэанырра-хэшьаратаратэ, асахьанцатэ кэзшьа ашьткаара апринцип алагы ипахшэап. Хазхьацшып, Б.У. Шьынкэба хархэара ззиуа ажэеицааира «рыоны кьацтажэымхеит» («О, са с-Хьыкэыр, бааишь! – ихэеит...»). Ус зхихэазеи апоет? Апхьа абри азцаара атак кьацпап. Афымтафьы излаабо ала, Хьыкэыр лыцшэма Апсны ахакеитразы аменшевикцэа дахьрабашьуаз, дызгашаз ахы аникэшэа, лара агьарахэа итыпафьы днагылеит. Аха уигьы ага ихымта дзацэымцеит, лыцсадгьыл лхы акэылцеит. Урт рыхьз-рыцша инаваргыланы, иртынхеит – рыоната ашэ азмыркыша, ртахцэа ргэы аакэзцаша рхылц. Насгы, ихадароу, дара зыкэпоз назеит – март 4, 1921 ш. Асовет мчра шыакэгылеит. Убриазоуп, апоет – «Аха рыоны кьацтажэымхеит» хэа зихэазгы. Ажэакала, «рыоны» хэаакэызцо ажэа «кьацтажэымхеит», аме-тафоратэ хшыфзцарагы аныцшуеит. Ус анакэха – епитетуп.

Хэазаатгылап, «Амфан» хэа хыс измоу Б.У. Шьынкэба ижэеинраала акнытэ иаагаз ажэеицааира «Еихачацоуп рыоны». Уи астрофа абас икоуп: «...Еихачацоуп рыоны, ргэара, / Зыбла хту дара, / Ирзыками кьафла анхара / Назаза жэлара...». Цацгэыс ирымоузеи арт ацэахэкэа? Б.У. Шьынкэба зызбахэ хэмоу ажэеинраала апитцеит Ацыныцтэылатэ еибашьра ду еилгеижьтэй фышыкэса аатуаны – 1947 шыкэсазы. Арака иаабоит, ацэажэлар егьа удафара рхыргазаргы, айбашьра ацэаыгэа цэгьа рзаанагазаргы, ргэы камыжкэа, ф-напык ала анхара ус ишазнеиуа. Абри ауп, апоет дыззышэахэогьы. Ажэакала, ажэеицааира «еихачацоуп рыоны» акны, ажэа «еихачацоуп» – ахэшьаратаратэ кэзшьа амоуп – ажэлар айбашьрашьтахьтэй русура алцшэа бзиакеа аныцшуеит. Убри акнытэ, хымпада, епитетуп. «ф-еихагылак змоу аоны» акэзар, ианыцшуа – амацэар цкэа аилкаара, атакы артшэара анафсангы, цэанырратэ хэшьаратарак аманы иаабом.

Б.В. Томашевски иалкаа: «эпитетом называется такое определение, которое: 1) обозначает свойство предмета, производящее наиболее сильное впечатление; 2) не имеет задачей отличить определяемый предмет от других предметов того же рода» (Томашевский 2010: 58), узафэагылом, иаагаз афырпштэкеагы идырцабыргуеит. Аха, ахэаакэцага, алкааратэ кэзшьа амазар, уи аангы, аепитет афункциа хадакэа иреиуоу – ацэанырра, ахэшьаратарара ухэа шьтнакаауазар ишпэзнейтэу?

Хрызхьацшып, Б.У. Шьынкэба абарт ицэахэакэа: «О, бара, уа инеиуа, / Кофта шкэакэа зшэу!» («Кофта шкэакэа»). Арака, апоет, «бара» хэа дызфэу далкаауп – «кофта шкэакэа зшэу» лоуп. Аха, кофта шкэакэа зшэу апхэызба

лалкаара патцғыс иамоузеи? Уи, иацоу уи ауп, кофта шкэакэа зшэу лоуп, апоет игэы иақэшээз – ибзиабаратэ цэанырра зырғыхаз. Ишаабо ала, зызбахэ хамоу ахэаакэцага, ацэанырратэ мчхара амоуп. В.Л. Ацнариагы баша имхэит: «эпитет как цветопись хорошо передает зрительные ощущения и превращает их в язык чувства» (*Цвинариа 1970: 109*). Насгы, ара иазгэататэуп ихадароу даеакгы. Ажэеицаaira «ажэра шкэакэа» акны, «шкэакэа» шметафоратэу шудыруа, иаразнак асимволтэ цакы шаиуа (ажэра шкэакэа – ажэра бзиа) аипш, «кофта шкэакэа» усцэкыа икам. Избан акэзар, «кофта шкэакэа» реалтэуп. Аха, зегь аоуп, иаартыцэкыаны акэымзаргы, зызбахэ хамоу ажэеинраалафы «шкэакэа» – анасыц иадхэалоуп. Убри акнытэ, «кофта шкэакэа зшэу», аепитет афункциа нанагзом хэа хазхэом. А.Н. Веселовски, иаагаз ағырпштэкэа иреиуоу – «внутреннее развитие эпитета» (аепитет аоныцкатэи аеиарахы) иадикылоит. Урт рзы ихэоит: «<...> касаются обобщения реального определения» (*Веселовский 1989: 67*).

Иазгэататэуп, Б.В. Томашевски логикатэ хэаакэцаны дызхэацшуа, харгы хы иахархээз ажэеицаaira «@-еихагылак змоу аоны» («двухэтажный дом») сахьаркыратэ оымтак, ма еицаажэарак иагэылганы иаагам, ус баша, акы иадхэаламкэа, ғырпштэык ахасабала ахархэара зызу жэеицаairoуп. Аха, апоезиатэ цэахэафы, иара иеиуоу ағырпштэы, даеа функцияк нанагзар ауеит.

Б.В. Томашевски, ишыакэыргэгэаны алкаакэа шыкаитоггы, текстк афы хэаакэцагак – логикатэны иаацшыр, даеацэара епитетхар шалшо атэы давуам. Уи иазгэеитоит: «бывает, что одно и то же словосочетание в одних текстах приобретает характер логического определения, в других – эпитета. В сочетании **красная роза** определение **красная** может воспринимается по-разному. Если речь идет о каком-нибудь руководстве по садоводству, то там **красная роза** будет логическим определением, отличающим красную розу от чайной розы, от белой розы и т. д. Но в стихотворении, где, между прочим, употребляется **красная роза**, слово **красная** не будет иметь функции отличия; здесь имеется в виду самая обыкновенная роза, а прилагательное **красная** прибавляется для того, чтобы создать зрительное красочное впечатление, чтобы вместо скупого слова **роза** дать сочетание, эмоционально окрашенное» (*Томашевский 1983: 197*). Ацарауа, ари аыза ачыдара шазгэеитогы, уи, енагытэи аепитет «серый волк», ажэеицаaira «серая лошадь» иадкыланы дахьахэацшуа, аеы хэаакэызцо аказшырба «ахэа» (серая) – логикатэ хэаакэцаганы ицхьазоит. Иаагап иоуа: «говоря **серая лошадь**, мы отличаем данную масть от других, например: буланая лошадь, вороная лошадь и пр. Определение **серый** по отношению к волку

(сказочный серый волк) не является логическим, потому что не для того говорят **серый волк**¹, чтобы отличить его от волка другой масти. Это вообще волк, и слово **серый** только подчеркивает привычный и типический цвет волчьей шерсти» (Томашевский 1983: 196).

Б.В. Томашевски ишихэо еипш, ажэеинраалафэы «агэил» (роза) иацааиуа «капшь» (красная) епитетзар, мап зцэикуа «аеыхэа» (серая лошадь) акны – «ахэа» (серая) епитетхар залымшои, еиыргозеи?

Иаагап, «Сышдэыкэлаз» захьзу Б.У. Шьынкэба иажэеинраала акнытэ абри ацэахэа: «Ихэеишь нас дарбан хэыхэа зкэадыруа?». Арака, апоет «хэыхэа» зхихэаауа – аеы ахэапшшэы ала егырт аеы апшшэкэа: аеиэкэа, аеыз, аеы иацэа ухэа ирыликаарц акэым, уи зынзагыы хыкэкыс имазам. Иара «хэы» хэа дызфэу ахата иамоу «ахэапшшэы» азгэеитоит ауп; уи асахьацэааралагыы еиха халафэы иааиртэ, иахнырыртэ икаитоит. Икалон – «Ихэеишь нас дарбан хэы зкэадыруа?» хэа инижызытгыы апоет, аха ускан, Б.В. Томашевски ишазгэеитаз еипш, «хэы» мацара – гьамадахон. Апсуа бызшэафэы «аеыхэа» («аеы шкэакэа», ишиашоу еитоугозар – «ахэапшшэы змоу аеы») назлоу ашкэакэа азырбо еиуеипшым аилкааракэа рзы Хь.Гь. Амчба илыоуеит: «предают различные художественные образы, способствуют созданию яркого и эмоционального выражения мыслей и чувств» (Амичба 2009: 41).

Уажэшьта, хазхьацшып абри ахэоу: «аеы акэразы абас рхэоит: “Аецыс, аркэыдтэы, абжьатэ, амархэац” хэа. Апшшэы акэзар – аеиэкэа, аеыз, аеызеиэкэа, ахыпшшэыла, аеыхэа, аеыиатэа, аеыгра ухэа убас егыртгыы» (Басариа 2018: 157–159). Арака, иашатэкьаны, ажэа «аеыхэа» акны, «хэа» («ахэа») епитетуп хазхэом. Избан акэзар, еикэыпцхьазоу егырт аеы апшшэкэа – рылкаара, рфагылара афункциа ауп инанагзо. Ара иаапшшеит, апоезиатэ цэахэеи абжьаапнытэи ацэажэарейи злеипшым, апоезиа шхазу – еиха ишцэанырратэу. Ишаабо еипш, аифагыларатэ принцип, алогикатэ хэаакэцага алкаарафэы алтшэа амоуп, иаартны аифагылара ахыкэоу, уи аангы – ахэаакэцага изцааиуа аилкаара асахьаркыратэ мчхара атара афункциа анамам.

Иазгэататэуп, иара апоезиафэгы, апшшэкэа енагэ епитетны ишзыкамло. Хазхьацшып, Б.У. Шьынкэба иажэеинраала «@-гэык сьамам!» захьзу ацэахэа «Уантэи игэато лыоны акэ иатэа». Арака, ацэахэа атакы злакоу ала, «иатэа» – хыкэкылатэуп, акэша-мыкэша икоу егырт аон хыбракэа рылкаара ауп, функциас инанагзо. Убри акнытэ, ахэаакэца «иатэа» ари афырпштэы аеы епитетзам.

Ажэакала, апрактика иахнарбо уи ауп, баша ажэеицааиракэа ганы, ахэаакэцагакэа неифырпш-ааифырпшны, ари епитетуп, егы – алогикатэ ауп хэа алкаакэа рыкатцара иашам. Зегь рапцхьаза иргыланы, афырпштэкэа ахынтэа-

¹ Ара иаабогы – енагэеи аепитет ауп.

агоу, инатшыны иазгәаталатәуп. Избан акәзар, ажәеицааирақәа зехьынцъара еипшны функцияк нарыгзо изықалом. Иаххәозар, асахьаркыратә ҫымтаҕы – еихаразак апоезиаҕы, ажәа инанагзо афункциа акы иалаҫашьом; уа епитет-хар зылшо, даеацъара – логикатә хәаакәцахар аует. Мәашьарада, аепитет алкаараҕы абри а принцип акәныкәара зыда псыхәа ыкам ақоуп.

Алигература

Аәзба, Арьынцъал 2008: Аәзба У.Ш., Ацъынцъал Д.С. Алигература атеория ашьатақәа. Арпагатә цхыраагза / Атакзып. аред. Ш.Хь. Салакаиа. Акәа: Ацснштәи ахәынтқарратә университет, 2008. 308 д.

Аәзба 2014: Аәзба Б.К. Таиф Ацъба ипостика иазкны // Алашара. Акәа, 2014. № 1. Ад. 139–150.

Барцба 2020: Барцба Р.А. Ажьипцха Зина лпоезиа аказшьарбатә епитетқәа // Ацсын-гъари. № 1. Акәа, 2020.

Басариа 2018: Ацсуа иеаазашьеи иеьжәлашьеи. Кәтол акытантәи анхаҫы Басариа Бочи Кацман-ипа иҕеэажәара / Ианьлтцеит А. Басариа // Ацсынгъари. № 1. Акәа, 2018.

Бгажәба 1960: Бгажәба Хә.С. Ацсуа лигературазы. Критикатә нцамтақәак. Акәа: Апхәынтшәкәтыжьырта, 1960. 279 д.

Цъапуа 1990: Цъапуа З.Ць. Агәаанагара. (Алигературатә-критикатә статиақәеи атцаамтақәеи). Акәа: Алашара, 1990. 116 д.

Амичба 2009: Амичба Х.Г. Цветовая метафора: в абхазском, немецком и анлийском языках (сравнительно-сопоставительный анализ) / Науч. ред. М.А. Кумахова. Сухум: Алашарбага, 2009. 478 с.

Аристотель 1983: Аристотель. Поэтика // Соб. соч. в четырех томах. Т. 4 / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1983. С. 645–681.

Аристотель 2000: Аристотель. Риторика. Поэтика / Пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Изд. Азбука, 2000. 340 с.

Булахова, Сковородников 2017: Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2. С. 122–143.

Веселовский 1989: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.

Голуб 2001: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. Изд. 3-е испр. М.: Айрис Пресс Рольф, 2001. 441 с.

Горбачевич, Хабло 1979: Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.

Горбачевич 2002: Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002.

Губанов 2014: Губанов С.А. Блочный эпитет в творчестве М. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 388. С. 6–9.

Джапуа 2016: Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос. Текстология. Семантика. Поэтика / Отв. ред.: А.И. Алиева, В.В. Напольских. М.: Наука – Вост. Лит, 2016. 381 с.

Джапуа 1995: Джапуа З.Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтика-стилевая система / Отв. ред. В.М. Гацак. Сухум, 1995. 184 с.

Жирмунский 1977: Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Отв. ред.: Ю.Д. Левин, Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1977. 407 с.

Жирмунский 2004: Жирмунский В.М. Введение в литературоведение. Курс лекций. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. 461 с.

Крупчанов 1974: Крупчанов Л.М. Эпитет // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. С. 469–470.

Москвин 2001: Москвин В.П. Эпитет в художественной речи // Русская речь. 2001. № 4. С. 28–32.

Москвин 2006: Москвин В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.; Л., 2006. 182 с.

Томашевский 1983: Томашевский Б.В. Стилистика. Учебное пособие, 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1983. 288 с.

Томашевский 2010: Томашевский Б.В. Краткий курс поэтики. Учебное пособие. М.: КДУ, 2010. 190 с.

Цвинариа 1970: Цвинариа В.Л. Творчество Б.В. Шинкуба. Лирика. Эпос. Поэтика / Ред. В.В. Дарсалиа. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 142 с.

И.Г. Гицба

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ ЭПИТЕТА

Аннотация. *В статье рассматривается одна из сложных проблем, существующая в теории эпитета – разграничение эпитета от логического определения. В работе сравниваются методы выдающихся исследователей, связанные с данной проблематикой и выявляется наиболее эффективный принцип. Абхазские примеры приводятся в основном из поэзии Б.В. Шинкуба.*

Ключевые слова: *эпитет, логическое определение, принцип, строка.*

I.G. Gitsba

ON SOME QUESTION OF THE EPITET THEORY

Annotation. *The article deals with one of the complex problems existing in the theory of epithet – the differentiation of an epithet from a logical definition. The paper compares the methods of outstanding researchers related to this problem and identifies the most effective principle. Abkhazian examples are given mainly from the poetry of Bagrat Shinkuba.*

Key words: *epithet, logical definition, principle, line.*

А.Я. Дбар

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АБХАЗИИ» (1932–1935)

К 90-летию юбилею газеты

Аннотация. В статье кратко освещается история газеты «Советский писатель Абхазии», которая выходила в Сухуме в 1932–1935 гг. и являлась первым литературным периодическим изданием Абхазии.

Ключевые слова: «Советский писатель Абхазии», Абхазская ассоциация пролетарских писателей, Союз советских писателей Абхазии.

Первый номер литературной газеты «Советский писатель Абхазии» («СПА») увидел свет в Сухуме 17 мая 1932 г.; стало быть, в этом году газете исполняется 90 лет. Последний номер издания вышел 4 марта 1935 г. В общей сложности было выпущено 45 номеров: в 1932 г. – 14 номеров, в 1933-м – 13 (из них два сдвоенных), в 1934-м – 15 (из них один сдвоенный), в 1935-м – 3. Издание выходило в формате А2; несколько первых номеров – на двух полосах, далее – на четырех. «СПА» выпускался в типографии издательства «Советской Абхазии» и «Апсны Капш», располагавшемся на ул. Фрунзе, 33 (ныне ул. Аидгылара); тираж его колебался от 1000 до 3500 экземпляров. Первоначально было объявлено, что «СПА» будет выходить три раза в месяц, затем – два раза в месяц; фактически же он был ежемесячником. Изначально редакция газеты располагалась в доме 16 на ул. Фрунзе; с января 1933 г. переехала на ул. Октябрьской революции (ныне проспект Леона), дом 2, где также находилась редакция греческой газеты «Кокинос капнас» («Красный табаквод»), а ранее в этом здании было местное отделение Осоавиахима. Правда, в феврале «СПА» вернулся на ул. Фрунзе, но в июле снова – и уже окончательно – обосновался на ул. Октябрьской революции. В начале 1934 г. редакция «СПА», покинув «коммунальную квартиру», которую делила с «Кокинос капнас», переехала в дом 19 (дом Совпрофа) на той же ул. Октябрьской революции, где нашел свой приют и Союз советских писателей Абхазии (ССПА).

Первый номер «СПА» вышел как орган Абхазской ассоциации пролетарских писателей (АБАПП). Напомним, что эта творческая организация была создана в 1928 г. Поначалу она имела сложное название: Абхазская секция Абхазской организации Ассоциации пролетарских писателей Грузии. В конце 1931 г. ее переименовали в АБАПП. Членами АБАПП были



Дмитрий Гулия, Самсон Чанба, Мушни Хашба, Дзадз Дарсалиа, Иван Паскир, Митрофан Старцев, Александр Матвеевко, Симон Бжания, Анна Алматинская, Михаил Саркисян, Прокле Туркия, Михаил Григолия, Федор Канониди, Иван Половнев и др. (*Ахашба* 1969: 245) Абхазская секция Абхазской организации Ассоциации пролетарских писателей Грузии совместно с редакцией газеты «Апсны капш» в 1928 г. издавала литературный сборник на абхазском языке – «Етэацаа» («Созвездие»); вышло 5 номеров¹. Это издание было возобновлено в виде газеты в 2003 г., а название Ассоциации писателей Абхазии, образованной в том же 2003 г., восходит к АБАПП. В 1932 г. АБАПП была ликвидирована, вместо нее в 1933 г. возник Союз советских писателей Абхазии. Со второго номера (1932) «СПА» стал органом Оргкомитета Союза советских писателей Абхазии, затем – органом Совета ССПА, а после – Союза СПА. Тексты в газете публиковались на пяти языках национальных секторов Союза советских писателей Абхазии – русском, абхазском (на основе латинского алфавита), грузинском, армянском и греческом. Основными языками издания были русский, абхазский и грузинский; тексты на армянском и греческом языках появлялись от случая к случаю. Название газеты давалось только на русском языке.



Ответственные редакторы «СПА» регулярно менялись; в разное время ими были И.В. Перебейнос, М.И. Старцев, А.В. Фадеев (он подпи-

¹ Републикация всех пяти номеров этого сборника была осуществлена в журнале «Акэа-Сухум» в 2019 г. № 1–2. С. 107–153.

сывался как зам. ответственного редактора), З.С. Агрба и С.Я. Чанба.

В редколлегию «СПА» входили И.В. Перебейнос, М. Григолия, А.В. Фадеев, П.С. Чкадуа, М.И. Старцев, П. Туркия, Ф.Г. Канониди, Н.М. Микава, А.С. Джидарян, З.С. Агрба и С.Я. Чанба.

Скажем несколько слов о вышеназванных главных «действующих лицах» газеты.

Иван Васильевич Перебейнос (1895–1938) – русский советский писатель, журналист, первый редактор и член редколлегии «СПА». Родом из хутора Волкова Воронежской губернии; в Абхазию переехал, по всей видимости, в начале 1930-х гг. Работал начальником Спецотдела ЦИК Абхазской АССР. Стал жертвой сталинского террора. В 1937 г. был исключен из ВКП(б) «за сокрытие контрреволюционного троцкистского прошлого», а 21 июля 1938 г. осужден «за шпионаж в пользу польской и германской разведок» и «за участие в контрреволюционной правотроцкистской, шпионско-вредительской, террористически-повстанческой организации в Абхазии»². 11 августа 1938 г. был приговорен к расстрелу с конфискацией личного имущества.



Митрофан Иванович Старцев (1903–1988) – русский советский поэт, журналист, один из редакторов и членов редколлегии «СПА». Родом из Астраханской губернии. В Абхазию переехал во второй половине 1920-х гг. Работал в ГПУ Абхазии. В 1931–1932 гг. – член правления и председатель консультационного бюро АБАПП. В 1931–1934 гг. также работал партийным следователем Абхазской областной контрольной комиссии. С 1933 г. – член Союза советских писателей Абхазии. Позднее работал заместителем редактора «Советской Абхазии». Автор стихотворного сборника «К новым победам» (Сухум, 1933).

Анатолий Всеволодович Фадеев (1908–1965) – советский историк-кавказовед, кандидат исторических наук (1935), доктор исторических наук

² [https://ru.openlist.wiki/Перебейнос_Иван_Васильевич_\(1895\)](https://ru.openlist.wiki/Перебейнос_Иван_Васильевич_(1895)) (дата обращения: 27.04.2022).

(1954), один из редакторов и членов редколлегии «СПА». Жил и работал в Сухуме с начала 1930-х гг. Автор ряда ценных книг и статей по истории Абхазии, увидевших свет в Сухуме в 1930-е гг. Известен был в Абхазии также как журналист и литератор; публиковал прозаические произведения (под псевдонимом А. Тадуа) и стихи (под псевдонимом В. Глonti). В 1939 г. уехал из Абхазии – сначала в Одессу, затем в Москву.

Захар Сулейманович Агрба (1901–1937) – партийный и государственный деятель, один из редакторов и членов редколлегии «СПА». В 1931–1937 гг. работал также заместителем наркома просвещения Абхазии. В конце 1937 г. был репрессирован и вскоре расстрелян.

Самсон Яковлевич Чанба (1886–1937) – абхазский писатель, драматург, государственный деятель; последний редактор «СПА». Как известно, в 1937 г. и он стал жертвой сталинских репрессий.

Платон Семенович Чкадуа (1904–1985) – абхазский писатель, журналист, общественный и государственный деятель, член редколлегии «СПА».

Николай Маркозович Микава (1910–1996) – грузинский писатель, член редколлегии «СПА».

Михаил Григолия и Прокле Туркия – грузинские литераторы, члены редколлегии «СПА»; биографическими сведениями о них мы не располагаем.

Федор Григорьевич Канониди (1894–1954) – греческий писатель, драматург, основатель греческого театра в Абхазии, член редколлегии «СПА».

Аршавир Саркисович Джидарян (1906–1989) – армянский писатель, педагог, критик, общественный деятель, член редколлегии «СПА».

В «СПА» печатались как литературные произведения различных жанров (проза, стихи, пьесы), так и статьи на самые разные темы. Нередко в газете публиковались перепечатки статей из центральных советских изданий – «Правды», «Известий», «Литературной газеты» и др.

В «СПА» публиковались статьи и произведения следующих абхазских авторов (в список включены и авторы-абхазы, писавшие на русском языке): Дмитрия Гулия, Самсона Чанба, Шалвы Цвижба, Сандро Сангулиа, Михаила Лакербай, Хухута Бгажба, Леварсы Квициния, Леонтия (Кищуарда) Лабахуа, Дзадза Дарсалия, Киазыма Агумаа, Мушни Хашба, Мушни Папаскир, Артема Амкуаб, Платона Чкадуа, Георгия Гулия, Виктора Кукба, Севериана Ашванба, Николая Кокоскерия. Их биографии хорошо известны. Однако среди авторов-абхазов есть люди, о которых у нас нет практически никаких сведений, например Чичико Аргун, Виктор Ладария, В. Дбар, А. Матуа.

Русских авторов, печатавшихся в «СПА», можно разделить на проживавших в России и тех, кто жил и трудился в 1930-е гг. в Абхазии (кто

долгое время, кто всего несколько лет). Из «местных» русских писателей, поэтов, критиков, публицистов можно назвать следующих: Анна Алма-тинская (1883–1973), Валерий Григорьев (1904–1937), Василий Колтухов (1901–1963), Зинаида Морина (Канониди) (1915–?), Николай Криницын, Николай Стрелецкий, А. Кириленко, Елена Шер, Н. Шагурин, Степан Малышев (1901–1983), Ольга Кременецкая, Алексей Касторский (1869–1944), Александр Матвеев (1894–1954), Владимир Волин, Иосиф Новодворский (1892–1949), Юрий Инге (1905–1941), Елена Вечтомова (1908–1989), А. Исаков, Г.Ф. Головинов, Надежда Жидкова, Владимир Данкевич (1888–1971), Ф. Сокольский, Генрих Рим, И. Томбулов, Борис Зорев, П. Конюхов, Назаров, Алексей Орынянский, Василий Вронский, Вал. Поляков, К. Ни-кишин, Сергей Пономарев, А. Трепанг, Нина Еремина, К. Раузе, П. Аль-ский, Гавриил Галашевский и др. Некоторые из них хорошо известны, но большинство – абсолютно забыты; у нас не имеется почти никаких биогра-фических сведений о них.

Печатались в «СПА», разумеется, статьи и произведения классиков рус-ской советской литературы, например Максима Горького, Владимира Ма-яковского, Алексея Толстого, Александра Безыменского, Николая Тихоно-ва. Публиковались в газете и труды ныне практически забытых русских советских литераторов, написавших произведения специально для «СПА» (Борис Ковынев, Александр Жаров).

Среди грузинских авторов наиболее активно предоставляли газете свои сочинения Николай Микава, Михаил Григолия, А. Пирцхалаишвили, Андро Жвания, Сергей Барамия, Георгий Басилая, Илико Мерехи, Михеил Чхен-кели, Ермиле Какабадзе, Котэ Берул, Евсеви Гигинейшвили, В. Арджева-нидзе, Георгий Кучишвили, Сандро Эули, Бесо Жгенти и др.

Как упоминалось выше, периодически в «СПА» печатались греческие (Федор Канониди и др.) и армянские (А. Джидарян, А. Калантарьян и др.) авторы. Встречаются в газете и статьи лазского писателя и журналиста Ис-кандера Циташи (1904–1938).

Уровень художественных произведений, а также статей на различные темы, опубликованных в «СПА», был весьма неровным. Среди авторов «СПА» были не только профессиональные писатели и журналисты, но и начинающие авторы, чаще всего, призванные партией в литературу рабо-чие-ударники и литкружковцы. В связи с этим, наряду с произведениями и статьями, представляющими интерес и в наше время, в газете публикова-лись и слабые тексты. Это признавал и один из редакторов «СПА» Анато-лий Фадеев: «В газете преобладает художественный материал: стихи, рас-сказы, и те не совсем хорошего качества» («СПА», 1933, № 11).

Среди публикаций в «СПА» попадаются довольно любопытные для современного исследователя вещи. К примеру, только в этой газете (в № 7–8 за 1933 г.) сохранился русский текст фрагмента пьесы Самсона Чанба «Кераз», долгое время считавшийся потерянным (*Начкебиа* 1986³). Или статья Анатолия Фадеева «Вчера и сегодня абхазской литературы» (1933, № 6). Известен ее абхазский перевод, опубликованный в качестве предисловия к книге Х. Бгажба «Критический обзор абхазской художественной литературы» (Сухум, 1933; на абх. языке); здесь же приводится русский оригинал, пусть и в сокращении. Интересны также: статья А. Касторского «Фольклор должен быть изучен» (1934, № 6); фольклорный текст «Смерь Напха-Кягуа» (песенный сказ из абхазского фольклора), записанный В. Маан и оформленный на русском языке Еленой Шер (1933, № 9–10); воспоминания всадника абхазской сотни Николая Кокоскерия «Дикая сотня» (1934, №№ 10, 11 и 12); эссе Георгия Гулиа «Лирический спор» (1934, № 10); фельетон А. Трепанга «Братья-писатели» (1934, № 10); статья Х. Бгажба «Абхазские пословицы» (1934, №№ 12 и 13); «Воспоминания о съезде писателей» Николая Микава (1934, № 14); статья Вахтанга Гаррика «Абхазский национальный театр» (1934, № 14); очерк П. Альского «Лыхны» (1935, № 3) и многое другое.

«СПА» начал выходить в переломный для литературной жизни СССР (а стало быть, и Абхазии) период. Всесоюзное объединение Ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП), организованное в 1928 г., после принятия постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. было распущено. Расформированы были и многочисленные группы писателей во всех республиках. В Абхазии, как уже говорилось выше, была ликвидирована Абхазская ассоциация пролетарских писателей (АБАПП).

Вышеназванное партийное постановление провозгласило новую эпоху во взаимоотношениях между государством и деятелями литературы и искусства. Вместо распущенных разрозненных литературно-художественных организаций были учреждены единые творческие союзы по направлениям (писателей, композиторов, художников, архитекторов и др.). Основным методом советской художественной литературы и литературной критики (а также в кинематографе, архитектуре, театре и живописи) был провозглашен так называемый социалистический реализм. В статье «Задачи литераторов-коммунистов» (опубликованной в «СПА», 1934 г., № 6; перепечатка из «Литературной газеты») читаем: «Ликвидировав ассоциацию пролетар-

³ См.: *Начкебиа* 1986. Републикация этого текста С. Чанба была осуществлена в журнале «Акэа-Сухум» (2021 г., № 4).

ских писателей, ЦК ВКП (б) постановил создать единый союз советских писателей с коммунистической фракцией при нем. Этим возлагалась на коммунистов-писателей вся полнота ответственности за работу единого союза, этим руководство обязывалось к созданию таких условий, чтобы партийная фракция по существу принимала действительное участие в работе единого союза советских писателей. Это вместе с тем обязывало каждого писателя-коммуниста, в особенности же членов оргкомитетов, принимать активное деятельное участие в перестройке литературных организаций на основе постановления ЦК от 23 апреля». В этом же номере «СПА» была напечатана уже упоминавшаяся выше статья Анатолия Фадеева «Вчера и сегодня абхазской литературы», в которой говорилось: «Десятки литературных кружков объединяются в 1931 г. в абхазскую ассоциацию пролетарских писателей. Но формы и методы работы АБАПП'а не соответствовали бурному росту абхазской художественной литературы. Литературная молодежь воспитывалась АБАПП'ом в духе отвергания наследства народного творчества, в духе газетного схематизма, в духе слепого подражания тематике и формам русских поэтов “Кузницы” и “Литфронта”⁴, в духе пренебрежения теоретическими вопросами, как, например, проблемой абхазского стихосложения и т. д. Конечно, в рядах АБАПП'а выковались крепкие и сильные птенцы абхазской литературы, как т.т. Цвижба, Квициния, Агрба. Конечно, произведение В. Агрба – “Амра гылейт” (“Солнце встает”) справедливо заслужило славу первой попытки показа “великого перелома” 1929–30 годов в абхазской деревне. Конечно, поэты Цвижба и Квициния первые заговорили в абхазской литературе острым и горячим комсомольским языком. Но всем этим авторам было свойственно “левацкое”, антиленинское, наплевательское отношение к богатейшим сокровищам народного творчества, увлечение космическими темами, “мировым масштабом”, схематическое изображение нашей действительности, плакатная зарисовка типов кулака и ударника, неумение вскрыть великую историческую сущность социалистической реконструкции хозяйственной деятельности и сознания людей нашей страны. Ликвидация АБАПП и перестройка литературной организации Абхазии на основе постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года дала новый могучий толчок для развития абхазской художественной литературы».

В 1934 г. состоялся Первый съезд писателей СССР (Абхазию представляли Самсон Чанба, Николай Микава и Федор Канониди), на котором

⁴ «Кузница» – литературное объединение, существовавшее в РСФСР в 1920–1932 гг. и претендовавшее на ведущую роль в деле развития новой пролетарской культуры; «Литфронт» – литературная группировка советских писателей, образованная в 1930 г.

был создан Союз писателей СССР. Союз советских писателей Абхазии был образован еще в сентябре 1933 г. В № 10 за 1932 г. «СПА» был опубликован состав Совета Союза советских писателей Абхазии, в который вошли пятнадцать человек: Захар Агрба, Самсон Чанба, Михаил Саркисян (1896–1976), Иван Перебейнос, Федор Канониди, Аршавир Джидарян, Митрофан Старцев, Валерий Григорьев, Арсений Хашба, Мушни Хашба, Платон Чкадуа, Анна Алматинская, Николай Микава, Макар Эхвая (1905–1937) и Михаил Григолия. Председателем Совета был избран М. Эхвая, освобожденным (первым) заместителем председателя М. Григолия, вторым заместителем – И. Перебейнос. А в № 7–8 «СПА» за 1934 г. был опубликован список первых восемнадцати членов Союза советских писателей Абхазии: Самсон Чанба, Дмитрий Гулиа, Мушни Хашба, Хухут Бгажба, Шалва Цвижба, Леварса Квициния, Платон Чкадуа, Николай Кокоскерия, Аршавир Джидарян, Федор Канониди, Эммануил Митафиди (1893–1974), Макар Эхвая, Николай Микава, Валерий Григорьев, Митрофан Старцев, Иван Перебейнос, Анатолий Фадеев, Михаил Саркисян. Кандидатами в члены союза были объявлены Георгий Гулиа, Киазым Агумаа, Леонтий Лабахуа и Василий Колтухов.



После закрытия «СПА» весной 1935 г. Союз советских писателей Абхазии начал выпускать «толстый» русскоязычный «Альманах писателей Абхазии»; за шесть лет, с 1935 по 1941 г., вышло пять номеров. Еще раньше, в 1933 г., начал выходить на абхазском языке журнал «Апсны Капш» («Красная Абхазия»), «продержавшийся» до 1938 г. Одной из причин за-

крытия «СПА», возможно, явилось то, что в ССПА решили: выпускать литературную газету на пяти языках неудобно и нецелесообразно. На это в «СПА» (№ 11 за 1933 г.) намекал Федор Канониди: «Большую трудность представляет то обстоятельство, что газета выходит на нескольких языках, вот, по-моему, об этом тоже нужно поговорить. Поэтому-то газета не выходит своевременно».

До наших дней сохранились далеко не все номера «СПА»; некоторые из дошедших до нас экземпляров в плохом состоянии: в них либо имеются подпорченные места, либо отсутствуют отдельные страницы. Интересно, что в Российской государственной библиотеке (бывшая «Ленинка», г. Москва) сохранился только один номер «СПА». Лучше обстоят дела с этой газетой в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), но там сохранились номера «СПА» только за 1934 и 1935 гг., и то не все. В каталоге Национальной парламентской библиотеки Грузии (г. Тбилиси) имеются только восемь номеров «СПА». Как ни удивительно, наиболее полная коллекция номеров «СПА», начиная с первых номеров 1932 г., сохранилась в Литературно-мемориальном музее Д.И. Гулиа (г. Сухум). В общей сложности, до нашего времени дошли следующие номера «СПА»: за 1932 г. – №№ 1, 2, 4, 8, 10 (в неполном виде), 11; 1933 г. – №№ 2, 3, 4 (в неполном виде), 5, 6, 7–8, 9–10 (в неполном виде), 11, 12, 13; 1934 г. – №№ 1, 3, 5, 6 (в неполном виде), 7–8, 9, 10, 11, 12, 13, 14; 1935 г. – №№ 2, 3.

Возможно, одна из причин того, что не все номера «СПА» дошли до наших дней, заключается в том, что трое из пяти редакторов газеты, а также многие ее авторы были репрессированы в годы «большого террора».

«Советский писатель Абхазии», несмотря на весьма неравноценный «контент» (говоря современным языком), и крайнюю идеологизированность (не будем забывать о времени, когда он выходил), является ценным источником для тех, кто изучает общественную жизнь и историю литературы народов Абхазии первой половины 1930-х гг. Материалы, опубликованные в «СПА», позволяют в какой-то степени проследить, как протекала литературная (и не только) жизнь в этот «переходный» период – как в Абхазии, так и во всем СССР.

Литература

Аҳашба 1969: Аҳашба М. Аапынра мшкэа раан. Акэа, 1969.

Начкебия 1986: Начкебия Ш. «...и киносценарист (к 100-летию со дня рождения С.Я. Чанба)» // Советская Абхазия. 1986.25.12.

А.И. Дбар

**«АҦСНЫ АСОВЕТ ШӘКӘЫӨӨЫ» (1932–1935)
Агазет 90 шықәса ахыцра иазкны**

Аннотация. *Астатиаҕы иааркьаҕы иазаатгылоуп 1932–1935 шықәсқәа рзы Ақәа итҕыҕуаз аҦхьатәи аҦсуа литературатә периодикатә тыҕжьымтҕа – агазет «АҦсны асовет шәкәыөөы» аҦоурых.*

Ихадароу ажәакәа: *«АҦсны асовет шәкәыөөы» апролетартә шәкәыөөцәа АҦс-нытәи рассоциация, АҦсны асовет шәкәыөөцәа Рхеидкыла.*

А.Я. Dbar

**«SOVIET WRITER OF ABKHAZIA» (1932–1935)
To the 90th anniversary of the newspaper**

Annotation. *The article briefly covers the history of the newspaper “Soviet Writer of Abkhazia”, which was published in Sukhum in 1932–1935 and was the first literary periodical in Abkhazia.*

Key words: *“Soviet Writer of Abkhazia”, Abkhazian Association of Proletarian Writers, Union of Soviet Writers of Abkhazia.*

АФОЛЬКЛОРТЦААРА • ФОЛЬКЛОРИСТИКА

З.Д. Джапуа

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЯДРА НАРТСКОГО ЭПОСА

Аннотация. *Статья посвящена нартскому эпосу народов Кавказа, а именно – центральным эпическим героям и циклам сказаний о них. В статье особое внимание уделяется выдвинутым разными исследователями концепциям происхождения первоначального ядра нартского эпоса, так как решение вопроса генезиса нартского эпоса непосредственно связано с происхождением центральных эпических циклов и главных эпических героев в абхазской, адыгской и осетинской версиях эпоса. Работа основывается на большом текстовом и теоретическом материале, накопленном на протяжении более 150 лет.*

Ключевые слова: *нартский эпос, горцы Кавказа, абхазы, адыги, осетины, концепция, эпические циклы, эпическая традиция, центральные персонажи, Сасрыкуа, Батрадз.*

Устный нартский эпос – одно из самых значительных, вершинных достижений культуры народов Кавказа, в котором аккумулируются главные элементы мифоэпического мировосприятия его создателей и основных носителей. Бытует он у целого ряда генетически родственных и неродственных горцев Кавказа: у абхазов, абазин, убыхов, адыгских народов, осетин, карачаевцев и балкарцев, чеченцев и ингушей, фрагментарно – у кумыков и аварцев, у сванов, рачинцев и хевсуров. Типологически «Нарты» относятся к числу самых древних произведений эпических традиций мира, к архаическому эпосу (типа некоторых африканских эпосов, шумеро-аккадского книжного эпоса, тюрко-монгольского в Центральной Азии и Южной Сибири, карело-финского и др.), который «складывается на базе мифов об очищении земли от чудовищ культурным героем и преданий о межплеменных столкновениях, <...> остается верен мифологической интерпретации описываемых событий, а в его сюжете прослеживаются биографические контуры архаической богатырской сказки» (Неклюдов, Петров 2018: 7).

Благодаря записям и изысканиям Ю. Клапрота, П.К. Услара, А.М. Шегрена, В.Ф. Миллера, С. Урусбиева, А. Иоакимова, Н.М. Альбова, Ч. Ахриева, Б.К. Далгата, Г.Н. Потанина, Н.Ф. Дубровина, В.Б. Пфаффа, Ш.Б. Ногмова, С. Хан-Гирея, Л.Я. Люлье, А. Кайтмазова, К. Атажукина, В. Цороева, Д. Шанаева, Л.Г. Лопатинского, М.Г. Джанашвили, А.Н. Дьячкова-Тарасо-

ва, В. Чернявского и многих других исследователей, кавказский нартский эпос стал известным науке еще с XIX в.

В XIX–XXI вв. ученые издали большое количество текстов разных версий нартского эпоса, посвятили его изучению сотни статей и десятки монографических исследований. Сегодня с уверенностью можно сказать, что изучение нартского эпоса достигло весьма существенных результатов и породило собственное исследовательское направление под названием нартоведение.

Между тем В.Ф. Миллер, Е.М. Мелетинский, В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль, Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе и другие представители старшей когорты ученых справедливо отмечали, что в период, когда они вплотную занимались нартским эпосом, полевых и исследовательских материалов было недостаточно, в том числе для изучения происхождения эпоса – о его национальных версиях и основных центрах формирования. «В настоящее время, когда только что начинают обнародовать народные эпические сказания кавказских горцев, еще рано ставить вопрос, у которого из этих народов они возникли впервые и в какое время распространились среди других народов», – писал В.Ф. Миллер еще в 1881 г. (*Миллер 2008: 83*). А через 76 лет Е.М. Мелетинский отмечал почти то же самое: «В настоящее время из-за недостатка академически точных публикаций эпоса и отсутствия исследований по сличению вариантов можно делать только предварительные выводы о взаимоотношении национальных вариантов нартского эпоса и строить лишь более или менее достоверные гипотезы о времени и месте происхождения его первоначального ядра» (*Мелетинский 1957а : 257*).

По мере накопления текстового материала и разысканий по нартскому эпосу стало очевидно, что эпос во всех версиях и вариантах сохраняет свою самобытность и колорит. В частности, как отмечают исследователи, «карачаево-балкарские сказания о нартах – органическая и неотъемлемая часть общекавказской Нартиады» (*Холаев 1974: 136*); они, при всей близости к текстам основных версий эпоса, остаются «национальным, самобытным творением этого народа» (*Малкондуев 2017: 66*); «вполне возможно предположить, что вайнахи, “получив” нартов от других северокавказских народов, спаяли их со своими древними преданиями и сказаниями» (*Далгат 1972: 115*); дагестанский нартский фольклор – «интересное и ценное дополнение к общекавказской Нартиаде» (*Аджиев 2008: 46*), который находит отражение в самых различных жанрах; подход к этим текстам «как к заимствованиям носит слишком упрощенный характер» (*Аджиев 2008: 33*).

Однако из всех народов, у которых записан нартский эпос, Е.М. Мелетинский, В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль, Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе,

Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба и многие другие ученые выделяют абхазов, адыгов и осетин в качестве основных носителей эпоса (см.: *Мелетинский 1957; Мелетинский 1984*).

Абхазо-адыги – абхазы, абазины, убыхи, адыгейцы, кабардинцы, черкесы – являются близкородственными народами и автохтонным этносом Кавказа, предки которых «занимали обширную территорию, которая охватывала центральные и западные части Северного Кавказа, все восточное и южное побережье Черного моря, а также значительную часть Малой Азии. <...> Одними из древнейших предков абхазо-адыгов, чьи имена до нас дошли, являются многочисленные племена хаттов и касков, проживавшие в III–II тыс. до н. э. в Малой Азии» (*Керефов 2006: 81*). В XIX в. подавляющее большинство абхазо-адыгов было насильственно выслано в Османскую Турцию во время и после многолетней Кавказской войны, в результате чего ныне абхазо-адыгские народы проживают в ряде стран Ближнего Востока, Западной Европы и США, в том числе – в Турецкой Республике, на территории которой численность диаспоры превышает два миллиона (*Чирикба 2012а: 22*). По другим данным, число только адыгов доходит до трех миллионов (*Кумахов 2006: 7*), хотя у нас почти нет возможности установить количество собственного населения в этой стране. Численность же абхазо-адыгов, проживающих на исторической родине, составляет свыше 850 тыс. человек (*Шагиров 2001: 80*).

С уходом из жизни последнего носителя убыхского языка Тевфика Есенча в Турецкой Республике исчез убыхский язык, занимающий промежуточное положение между абхазским и адыгскими.

Языки абхазо-адыгских народов составляют абхазо-адыгскую (западнокавказскую) группу северокавказской семьи языков. «Не исключено, что древним языком абхазо-адыгской группы являлся и вымерший хаттский язык» – язык аборигенного населения древней Малой Азии на рубеже III–II тыс. до н. э. (*Чирикба 2012: 23*), генетически родственный с абхазо-адыгскими языками (*Иванов 1985; Керефов 2006: 81–86; Ардзинба 2015: 234–267*).

Осетинская народность, во многом кавказская по культуре, иранская и индоевропейская по языку, сформировалась в результате слияния двух ведущих этнообразующих компонентов: пришлого ираноязычного (скифы, сарматы и аланы), прибывшего на южные склоны Центрального Кавказа, начиная с I тыс. до н. э., и аборигенного горно-кавказского (см.: *Кузнецов 2004: 71; Каберты 2012: 36; Чибиров 2013*). Общая численность осетин – более 600 тыс. человек с учетом многочисленной осетинской диаспоры, живущей за пределами своей этнической территории (*Кузнецов 2004:*

69–70). Осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи языков (Гацалова, Парсиева 2012: 26).

Исходя из такого понимания национальных версий нартского эпоса, в нартоведении выдвинуто несколько концепций происхождения первоначального ядра нартского эпоса. Хотя во второй половине XX в. поиски первоначального ядра и его зачинателей считались пройденным этапом в науке (см.: Петросян 1969: 8; Алиева 1969: 21; Далгат 1972: 19–20), дискуссии вокруг этого вопроса идут с давних пор и продолжаются по сей день. Свидетельством тому являются, например, представленные в последние годы работы этнографа Л.А. Чибирова (Чибиров 2016: 313–395) и фольклористов Х.Х. Малкондуева (Малкондуев 2017: 49–112) и А.М. Гутова (Гутов 2018: 59–116).

Основными из выдвинутых концепций являются: 1) исконно-кавказская или абхазо-адыгская; 2) скифо-алано-осетинская; 3) полицентрическая или гетерогенная – абхазо-адыгская и осетинская (т. е. концепция двух центров или узлов формирования нартских сказаний).

Согласно первой концепции, «героический нартский эпос – это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата» (Крупнов 1969: 19–20); «этнической средой, создавшей эпос, является местная, коренная, кавказская, доаланская среда» (Анчабадзе 2011: 252); «зарождение первоначального ядра эпоса происходило в среде аборигенного населения Кавказа», <...> предков «современных абхазо-адыгских народов (абхазов, убыхов, адыгейцев, кабардинцев и черкесов) и отчасти – осетин» (Салакая 1976: 75); эпос является «результатом взаимной культурной связи всех кавказских народов, обмена художественными ценностями между ними» (Аниба 1982: 105); начало и формирование эпоса связаны с рубежом, возможно, III–II или I тыс. до н. э., с разложением первобытнообщинного строя, появлением первых государственных объединений (см.: Миллер 2008: 82–89; Гарданов 1947; Чичеров 1952; Крупнов 1960: 357–377; Крупнов 1969; Инал-ипа 1969: 53–68; Аутлев 1966; Анчабадзе 2011; Петросян 1969; Далгат 1972: 15–16; Салакая 1963; Салакая 1966: 63–98; Салакая 1976: 69–123; Гадагатль 1967: 219–220; Аниба 1970: 16–18; Аниба 1971; Аниба 1982: 65–117; Гутов 2003: 97–111; Гутов 2009: 81–104; Гутов 2018: 59–116; Ардзинба 2015: 11–81).

Согласно второй концепции, «основу, стержень нартских сказаний составляет аланский эпический цикл, принесенный на Кавказ предками нынешних осетин» (Абаев 1945: 8), а затем заимствованный коренным населением Кавказа; «осетинский нартский эпос в своей существенной части

восходит к сарматской и скифской эпохе и продолжает эпическую традицию этих народов» (Абаев 1965: 84); временем интенсивного формирования эпоса определяется – VII в. до н. э., и оно связано с появлением сарматов и алан в Центральном Предкавказье из Средней и Центральной Азии (см.: Абаев 1990: 142–464; Скитский 2009: 45–56; Семенов 1957; Семенов 1957а; Гаглойти 1977; Гаглойти 2017: 180–194; Гуриев 1971; Дюмезиль 1976; Дюмезиль 1990; Абаева 1978: 23–53; Чибиров 2016: 313–395).

Согласно третьей концепции, «нартский эпос характеризуется отсутствием общего центрального цикла, занимающего в основных национальных версиях всюду одинаково главное место. В основных национальных версиях центральные эпические циклы – разные. Из этого общепризнанного положения вытекает, что в решении вопросов генезиса нартского эпоса центральным (хотя и не единственным) применительно к каждой основной национальной версии должно быть происхождение ее центрального эпического цикла» (Кумахов, Кумахова 1985: 100).

Исходя из накопленного текстового материала и теоретических разработок, которыми располагает нартоведение, на мой взгляд, логичнее всего выглядит последняя концепция. Хотя она и не нова, фактически вытекает из первой теории, поскольку сторонники абхазо-адыгского происхождения нартского эпоса так или иначе основываются на центральном герое абхазо-адыгских версий эпоса – Сасрыкуа / Сосрыко и связанных с ним сказаниях. Как справедливо отмечают М.А., З.Ю. Кумаховы, решение «генезиса нартского эпоса, естественно, предполагает прежде всего решение генезиса центральных циклов в основных национальных версиях» (см.: Кумахов, Кумахова 1985: 85; Кумахов, Кумахова 1988).

Еще в 1950 г. в докладе на первой нартской конференции (г. Орджоникидзе, 1956 г.) В.И. Абаев наметил «два основных центра или узла эпического творчества на общей нартской основе: осетинский и адыгский. В первом в роли центрального героя выдвигается Батрадз, во втором – Созруко» (Абаев 1957: 34). На второй же нартской конференции (г. Сухум, 1963 г.) В.И. Абаев заявил о существовании трех центров нартского эпоса – осетинского, адыгского и абхазского (см. Анчабадзе 2011: 248). Такой же взгляд у Ш.Д. Инал-ипа (Инал-ипа 1969: 67). Об абхазо-адыгском и осетинском началах нартского эпоса писали Е.М. Мелетинский (Мелетинский 1984: 279), З.В. Анчабадзе (Анчабадзе 2011: 266–267). «Сказания о нартах сложились именно в пределах Кавказа, а в их создании участвовали как аланские, ираноязычные группы, так и предки народов, говорящих на западнокавказских языках» (Мелетинский 1984: 279). В 1963 г. на Всесоюзной научной конференции нартоведов в Сухуме З.В. Анчабадзе сооб-

шил, что он пришел к выводу: «нартский эпос, надо полагать, имеет два основных этнических первоисточника: а) абхазо-адыго-“кобанский” (под “кобанским” этносом подразумеваются родственные абхазо-адыгам аборигенные племена центрального Предкавказья, создавшие Кобанскую культуру эпохи поздней бронзы и в последствии ассимилированные пришлыми ираноязычными элементами) и б) скифо-сармато-аланский» (Анчабадзе 2011: 266).

Иными словами, данная концепция непосредственно связана с главными героями абхазо-адыгских и осетинской версий нартского эпоса – Сасрыкуа и Батрадза, которые весьма подробно охарактеризованы в ряде нартоведческих работ, в том числе в основополагающих трудах Е.М. Мелетинского.

Приведу несколько положений, принятых в нартоведении однозначно.

Сасрыкуа – центральный персонаж, главное действующее лицо в абхазском и адыгском нартском эпосе, представляющий собой «весьма архаичский тип эпического героя, генетически восходящий к культурному герою» (Мелетинский 2004: 183). Цикл сказаний о Сасрыкуа / Сосрыко является основным и ведущим во всем тематическом диапазоне нартского эпоса абхазов и адыгов. Его «следует считать наиболее древним пластом нартского эпоса, первым этапом в его истории» (Мелетинский 1957: 45).

Абхазские и адыгские сказания о Сасрыкуа / Сосрыко отличаются высокой степенью сходства, как в плане содержания, так и в плане выражения. В определенном смысле они могут восприниматься как варианты одних национальных сказаний или даже как разновременные записи от одного и того же сказителя (или прасказителя) (Джанауа 2000: 117). Как пишет Е.М. Мелетинский, «ядро абхазо-адыгского эпоса – сказания о Сосрыко» (Мелетинский 1957: 71); «эпос о Сосрыко отличается крайней архаичностью (особенно в адыгской и тем более абхазской версиях)» (Мелетинский 2018: 355). То же утверждает З.В. Анчабадзе: «Наиболее архаичными чертами отличаются герои абхазского варианта эпоса и наименее архаичными – осетинские эпические герои» (Анчабадзе 2011: 265).

Основным героем осетинской версии нартского эпоса является Батрадз (Абаев 1957: 34); Сослан здесь «оттеснен другими героями – Урызмагом и Батрадзом» (Мелетинский 1957: 71). В абхазском и адыгском нартском эпосе в цикле сказаний о Сасрыкуа / Сосрыко «ярко отражены пережитки матриархата»; в осетинском эпосе «более полно представлена следующая ступень – сказания патриархального характера об Урызмаге и Батрадзе, сильны тенденции генеалогической циклизации и одновременно к идеализации уходящего в прошлое родового строя» (Мелетинский 1957: 41).

Примечательно, что в осетинской версии нартского эпоса в образах Батрадза и Сослана «намечается единый принцип построения героической биографии» (Абаева 1969: 75). Еще В.Ф. Миллер отмечал, что «в осетинских сказаниях смешиваются Батраз с Сосланом и одни и те же похождения приписываются в одном ауле одному, в другом – другому нарту» (Миллер 2008: 785). Сослан «является в значительной мере дубликатом Батрадза. <...> Расширение диапазона ролей Сослана, особенно в северокавказском эпосе, произошло, возможно, под влиянием эпоса адыгейского, где Сосруко – центральная и древнейшая фигура; в осетинском же эпосе центральная фигура – Батрадз» (Клейн 1975: 25). И в абхазском нартском эпосе образ Цвицва (функционально соответствующего Батрадзу) «иногда заменяется образом Сасрыкуа, но наоборот никогда. Художественная фигура сказаний об архаическом эпосе (Сасрыкуа) проникает в художественную фактуру сказаний о сравнительно более позднем герое (Цвицве)» (Джапуа 2003: 93). В этом смысле весьма показателен опыт сопоставления абхазских нартских сказаний о Сасрыкуа с их северокавказскими версиями. Такой анализ восстанавливает общекавказский нартский репертуар, связанный с основным героем абхазо-адыгских версий эпоса, предметно обосновывает эпическую общность народов Кавказа (см. Джапуа 2016: 136–165). При этом налицо разная степень сходства и несходства в сказаниях о Сасрыкуа в национальных версиях эпоса. В частности выяснилось, что из абхазо-адыгских нартских параллелей наиболее сильную близость, даже высокую степень сходства обнаруживают самые основные, доминантные сюжеты абхазского и адыгского нартского эпоса – чудесное рождение героя из камня, добывание огня, гибель героя, составляющие основу первоначального ядра абхазо-адыгских версий нартского эпоса. Эти же сюжеты в абхазо-адыго-осетинских нартских параллелях отличаются более слабой, порой эпизодической близостью. Такая сюжетно-тематическая картина с большой долей вероятности подтверждает концепцию о зарождении первоначального ядра нартского эпоса (а именно сказаний о Сасрыкуа и Сатаней-Гуаце) в среде аборигенного населения Кавказа (см. Салакая 1976: 75–76).

На такой интерпретации образа Сасрыкуа как об очень древней фигуре, обладающей архаическими чертами «культурного героя», и образа Батрадза как о фигуре, воплощающей «новую, завершающую форму героико-эпической идеализации, <...> типичнейшего богатыря-воина» (Мелетинский 1957: 64), основывается концепция о двух центральных циклах нартского эпоса – абхазо-адыгском и осетинском, выдвинутая известными нартоведками.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить следующее. Абхазо-адыгские истоки первоначального ядра нартского эпоса связаны

с циклом сказаний о Сасрыкуа / Сосрыко, хронологически значительно отдаленном от времени возникновения эпоса как жанра фольклора (см. Кумахов, Кумахова 1985: 99) и восходящим к древним мифам предков абхазо-адыгских народов, к III–II тыс. до н. э. В связи с этим уместно вспомнить весьма интересные параллели между хурритским мифологическим эпосом «Песнь об Улликумми» и нартским эпосом (в частности, с сюжетом о чудесном рождении Сасрыкуа / Сосруко из камня), которые «могут быть объяснены предполагаемым генетическим родством хуррито-урартского и хаттского с восточнокавказскими и западнокавказскими языками» (Ардзинба 2015а: 76). Осетинские же истоки первоначального ядра нартского эпоса связаны с циклом сказаний о Батрадзе, восходящим к древним мифам предков осетинского народа, к эпохе аланской военной демократии, к I тыс. до н. э. Безусловно, речь может идти только об относительной хронологии, поскольку письменные источники не найдены.

Литература

Абаев 1945: Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау: Северо-Осетинское государственное изд-во, 1945. Т. 10. Вып. 1. С. 5–119.

Абаев 1957: Абаев В.И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1957. С. 22–36.

Абаев 1965: Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.

Абаев 1990: Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература / Отв. ред. и сост. В.М. Гусалов. Владикавказ: Ирystон, 1990. 637 с.

Абаева 1969: Абаева З.В. Характер и обстоятельство в нартском эпосе // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. Цхинвали, 1969. С. 72–94.

Абаева 1978: Абаева З.В. Этюды по нартскому эпосу. Первое изд. Цхинвали: Ирystон, 1978. 178 с.

Аджиев 2008: Аджиев А.М. Специфика, связи и типология кумыкского песенного фольклора в историческом освещении / Отв. ред. З.Н. Акавов. Махачкала, 2008. 379 с.

Алиева 1969: Алиева А.И. Адыгский нартский эпос / Под ред. А.Т. Шортанова. М.; Нальчик: Эльбрус, 1969. 168 с.

Анчабадзе 2011: Анчабадзе З.В. Избранные труды в двух томах. Т. 2.: Очерк этнической истории абхазского народа. Статьи. Сухум, 2011. С. 247–269.

Аниба 1970: Аниба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса / Отв. ред. Ш.Х. Салакая. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 113 с.

Аншба 1971: Аншба А.А. К спорам о происхождении первоначального ядра нартского эпоса // Мацнэ. Тбилиси, 1971. № 4. С. 85–92.

Аншба 1982: Аншба А.А. Абхазский фольклор и действительность / Отв. ред. Ш.Х. Салакая. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 281 с.

Ардзинба 2015: Ардзинба В.Г. Собрание трудов. В трех томах. Т. 2: Хеттология, хатталогия и хурритология / Ред.-сост. В.А. Чирикба; отв. ред. А.Р. Вяткин. М.; Сухум: ИВ РАН; АБИГИ АНА, 2015. 653 с.

Ардзинба 2015а: Ардзинба В.Г. Собрание трудов. В трех томах. Т. 3: Кавказские мифы, языки, этносы / Ред.-сост. В.А. Чирикба; отв. ред. А.Р. Вяткин. М.; Сухум: ИВ РАН; АБИГИ АНА, 2015а. 319 с.

Аутлев 1966: Аутлев П.У. Об одном «новом направлении» в нартоведении // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1966. С. 205–219.

Гаглойти 1977: Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977. 205 с.

Гаглойти 2017: Гаглойти Ю.С. Нарты и аланы. Цхинвал: Республика, 2017. 463 с.

Гадагатль 1967: Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис / Научн. ред.: Я.Я. Чиковани, М.Г. Аутлев. Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, 1967. 422 с.

Гарданов 1947: Гарданов Б.М. В. Абаев. Нартовский эпос [рец. на кн.] // Советская этнография. М., 1947. № 2. С. 242–248.

Гацалова, Парсиева 2012: Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Осетинский язык // Осетины / отв. ред.: З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.: Наука, 2012. С. 26–36.

Гуриев 1971: Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса (о монгольских влияниях). Орджоникидзе: Ирыстон, 1971. 165 с.

Гутов 2003: Гутов А.М. Слово и культура. Нальчик: Эльбрус, 2003. 157 с.

Гутов 2009: Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

Гутов 2018: Гутов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса / Научн. ред. И.Б. Мунаев. Нальчик: Принт Центр, 2018. 264 с.

Далгат 1972: Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты / Отв. ред. И.А. Дахкильгов. М.: Наука, 1972. 467 с.

Джапуа 2000: Джапуа З.Д. Сходные сюжетно-тематические единицы в абхазо-адыгских нартских сказаниях (опыт составления указателя) // Абхазоведение: Язык. Фольклор. Литература / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Сухум: Алашара, 2000. Вып. I. С. 115–126.

Джапуа 2003: Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрьскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии) / Отв. ред.: В.М. Гацак, Ш.Х. Салакая. Сухум: Алашара, 2003. 375 с.

Джапуа 2016: Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика / Отв. ред.: А.И. Алиева, В.В. Напольских. М.: Наука – Восточная литература, 2016. 381 с.

Дюмезиль 1976: Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Пер. с франц. А.З. Алмазовой; под ред. и предисл. В.И. Абаева. М.: Наука, 1976. 276 с.

Дюмезиль 1990: Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / Сокращ. пер. с франц. А.З. Алмазовой; под ред. Б.А. Калоева; послесл. В.И. Абаева. М.: Наука, 1990. 229 с.

Иванов 1985: Иванов Вяч.Вс. Об отношении хаттского языка к северозападно-кавказским // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 26–59.

Инал-ипа 1969: Инал-ипа Ш.Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа / Отв. ред. А.А. Петросян. М.: Наука, 1969. С. 30–68.

Каберты 2006: Каберты Н.Г. Этнодемографическая характеристика // Осетины / Отв. ред.: З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.: Наука, 2012. С. 36–52.

Керефов 2006: Керефов Б.М. Исторический очерк // Адыгская (черкесская) энциклопедия / гл. ред. М.А. Кумахов. М., 2006. С. 55–115.

Клейн 1975: Клейн Л.С. Легенды Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // Вестник древней истории. М.: Наука, 1975. № 4 (134). С. 14–27.

Крупнов 1960: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

Крупнов 1969: Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа / Отв. ред. А.А. Петросян. М.: Наука, 1969. С. 15–29.

Кузнецов 2004: Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2004. 184 с.

Кумахов 2006: Кумахов М.А. Предисловие // Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. М., 2006. С. 7–10.

Кумахов, Кумахова 1985: Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос / Отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1985. 223 с.

Кумахов, Кумахова 1988: Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Некоторые вопросы нартского эпоса (ответ рецензенту) // Вопросы адыгской литературы и фольклора. Майкоп, 1988. С. 232–249.

Малкондуев 2017: Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. Нальчик: Принт Центр, 2017. 148 с.

Мелетинский 1957: Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1957. С. 37–81.

Мелетинский 1957а: Мелетинский Е.М. Нартский эпос адыгов и осетин и его основные циклы // Дружба: литературно-художественный альманах. Майкоп, 1957а. № 7. С. 257–266.

Мелетинский 1984: Мелетинский Е.М. Древнеэпические сказания народов Кавказа и Закавказья // История всемирной литературы. Том второй / Отв. ред.: Х.Г. Короглы, А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1984. С. 279–284.

Мелетинский 2004: Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. Второе изд., испр. / Отв. ред. В.М. Жирмунский. М.: Наука – Восточная литература, 2004. 462 с.

Мелетинский 2018: Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика: Избранные статьи. Воспоминания. 3-е изд., дополн. / Отв. ред. Е.С. Новик. М.: Издательский центр РГГУ, 2018. 694 с.

Миллер 2008: Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. указ. А.И. Алиевой.; подгот. текста, пер. с осет. М.И. Исаева. М.: Наука, 2008. 998 с.

Неклюдов, Петров 2018: Неклюдов С.Ю., Петров Н.В. Эпос в мировой литературе // Памятники книжного эпоса Запада и Востока: коллективная монография / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдов, Н.В. Петров; сост. указ. С.С. Макаров. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 4–16.

Петросян 1969: Петросян А.А. Решенные и нерешенные вопросы нартоведения // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа / Отв. ред. А.А. Петросян. М.: Наука, 1969. С. 5–14.

Салакая 1963: Салакая Ш.Х. О героическом эпосе абхазов // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми: Изд-во АН ГССР, 1963. С. 278–303.

Салакая 1966: Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос / Ред. Е.Б. Вирсаладзе. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 184 с.

Салакая 1976: Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос / Ред. Е.Б. Вирсаладзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 235 с.

Семенов 1957: Семенов Л.П. К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 166–172.

Семенов 1957а: Семенов Л.П. Нартский эпос и памятники материальной культуры // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957а. С. 82–90.

Скитский 2009: Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Владикавказ: Евразия, 2009. 200 с.

Холаев 1974: Холаев А.З. Карачаево-балкарский нартский эпос / Под ред. А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. 143 с.

Чибиров 2013: Чибиров Л.А. Осетины // Осетинская этнографическая энциклопедия / гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 236–239.

Чибиров 2016: Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ирыстон, 2016. 463 с.

Чирикба 2012: Чирикба В.А. Абхазский язык // Абхазы / Отв. ред.: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. 2-е изд., исправленное. М.: Наука, 2012. С. 23–39.

Чирикба 2012а: Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. I: Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии / Под общ. ред. Д.К. Чачхалиа. М., 2012а. С. 21–95.

Чичеров 1952: Чичеров В.И. Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования нартских сказаний осетин // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1952. Т. 11. Вып. 5. С. 393–410.

Шагиров 2001: Шагиров А.К. Абхазо-адыгские языки // Языки мира: кавказские языки. М.: Akademia, 2001. С. 80–86.

З.Ць. Цьапуа

НАРТАА РЕПОС АШЪАТАҢҔЫ АЦХЪАТӘИ АХЫЦХЫРТАҚӘА РЫЗЦААРА ИАЗКНЫ

Аннотация. *Астатиа азкуп Кавказ ажәларқәа рнарттә эпос. Хықәкыла – аепос афырхацәа хадақәеи уртҭ ирызку ациклқәеи. Астатиаңы лымкаала иазаатҭ-гылоуп нартаа репос ашьаҭа иазкны еиуеиҭшым аҕарауаа рыхшыҕаққәа, избанзар нартаа репос агенезис аҕсуеи, адыгеи, ауаҕси версиақәа репикатә цикл хадақәеи репикатә фырхацәа хадақәеи иузрыдымхуа ирыдхәалоуп. Аусумта шьаҭас иаиуит 150 шықәса инарзынаҭшуа еиқәдылоз хыҕхьазара рачәала атекстқәеи амңхак тҭбаа змоу атеориатә материали.*

Ихадароу ажәакәа: *нартаа репос, Кавказ ашьхарыуа жәларқәа, аҕсуаа, адыгақәа, ауаҕсаа, аконцепциа, аепикатә циклқәа, аепикатә традициа, афырхацәа хадақәа, Сасрыкәа, Батрадз.*

Z.D. Dzhapua

ON THE QUESTION OF THE ORIGINS OF THE ORIGINAL CORE OF THE NART EPOS

Annotation. *The article is devoted to the Nart epos of the peoples of the Caucasus, namely, to the central epic heroes and cycles of legends about them. The article pays special attention to the concepts of the origin of the original core of the Nart epos put forward by various researchers, since the solution to the question of the genesis of the Nart epos is directly related to the origin of the central epic cycles and the main epic characters in the Abkhazian, Adyg and Ossetian versions of the epos. The work is based on a large textual and theoretical material accumulated over more than 150 years.*

Key words: *Nart epos, mountaineers of the Caucasus, Abkhazians, Circassians, Ossetians, concept, epic cycles, epic tradition, central characters, Sasrykua, Batradz.*

Я.В. Васильков

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ИСКУССТВЕ И КАРТИНЕ МИРА НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Обращаясь к материалам своей статьи, написанной около 30 лет назад, автор пересматривает их в свете новейших археологических, лингвистических и палеогенетических данных. Автор подкрепляет свой прежний вывод о присутствии в искусстве и картине мира новосвободненской культуры (по данным могильника «Клады» в Адыгее) элементов протоиндоевропейского и конкретно протоиндоарийского происхождения. Это позволяет гипотетически объяснить недавнее открытие палеогенетиков. Они обнаружили в северной Индии генетический «кавказский след», появляющийся там одновременно и, вероятно, в связи с началом распространения индоарийских языков и ведийской религии.*

Ключевые слова: *новосвободненская культура, майкопско-новосвободненская общность, подкурганные гробницы, вилообразные крюки, палеогенетика, «кавказский след».*

В конце 1980-х – начале 1990-х мне посчастливилось участвовать в работе Майкопского отряда Кубанской новостроечной археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Отряд вел раскопки уникального памятника – большого подкурганного могильника «Клады» в Адыгее, близ станицы Новосвободной, до революции известной как «Царская». Руководитель отряда А.Д. Резепкин продолжил дело, начатое Н.И. Веселовским, который в 1898 г. раскопал здесь два кургана, давшие богатые археологические находки. В период с 1979 по 1991 год А.Д. Резепкин полностью завершил исследование памятника, вскрыв оставшиеся 22 кургана, в которых были обнаружены 93 погребения. Из них 12 погребений принадлежали лицам высшего социального ранга («вождям»). Результаты многолетних исследований собранного в «Кладах» богатейшего археологического материала были впоследствии обобщены в итоговой монографии (Резепкин 2012).

На раскопках в Новосвободной я оказался не случайно. Вскоре после начала работ А.Д. Резепкин стал замечать, что некоторые мотивы искусства и элементы реконструируемой модели мира новосвободненской культуры находят неожиданные параллели в древнеиндийской традиции (*Бестужев, Резепкин 1983: 77–78; Резепкин 1987: 31–32*). Это и привело к участию

в раскопках индолога. Наличие в материале «Кладов» параллелей с культурой древних индоариев нашло новые подтверждения и требовало объяснения. Попытка такого объяснения была предпринята в моем докладе на XIII Международной конференции Европейской Ассоциации археологов Южной Азии (Хельсинки, 5–9 июля 1993 г.) и в статье, опубликованной в двухтомном сборнике по материалам конференции (*Vasil'kov 1994*). На протяжении многих последующих лет я не занимался проблемами новосвободненской культуры и археологии Северного Кавказа, хотя и наблюдал за исследованиями в этом направлении.

Несколько лет назад я перечитал старую статью и обнаружил, что в основном согласен с ее выводами. Рассудив, что она кому-то еще может пригодиться, я поместил ее на сайте Academia.edu. Неожиданно, она вызвала интерес, судя по значительному количеству обращений. Кроме того, мне написал Л.С. Клейн (1927 – 2019), неформальный лидер петербургской археологии, выдающийся ученый-гуманитарий, создатель научной школы; см. о нем: (*Матяш, Каиуба 2020*). Он считал, что статью следует перевести на русский и «осовременить» путем учета новых данных. По мнению Л.С. Клейна, статья в таком виде была бы «чрезвычайно полезна», в частности, для сайта «Генофонд», где он выступал как соредатор и где тогда обсуждалась «майкопская и околмайкопская» проблематика. К сожалению, при жизни Л.С. Клейна мне не удалось исполнить его пожелание. Делаю это сейчас, а поскольку «майкопский уголок»¹ в «Генофонде», по-видимому, уже закрыт, надеюсь, что статья будет не лишена интереса и для читателей одного из ведущих кавказоведческих журналов.

Относительно генезиса новосвободненской культуры и ее отношения к майкопской существуют две соперничающие точки зрения. Ряд исследователей считает, что курганами Новосвободной представлен поздний этап майкопской культуры, результат ее внутреннего развития (*Иессен 1950: 197; Мунчаев 1975: 211, 321; Корневский 2008: 100–101*). А.Д. Резепкин, основываясь на материале многолетних раскопок «Кладов», пришел к иному мнению, поддержанному и некоторыми другими археологами. Во-первых, новосвободненская культура является самостоятельной² и в отличие от майкопской культуры, сформировавшейся под воздействием мощного импульса, исходившего из северной Месопотамии, Сирии и Восточной Анатолии (*Андреева 1977; Николаева, Сафронов 1982; Трифионов 1987; Се-*

¹ Все цитаты в данном абзаце – из письма Л.С. Клейна автору статьи от 22 апреля 2018 года.

² Предположение об отличии новосвободненской культуры от майкопской ранее высказал А.Д. Столяр (*Столяр 1964*).

менов 2008: 367–370; Kohl, Trifonov 2014: 1578–1579), имела, кроме этого, и иной источник. Ее происхождение связывают с энеолитическими степными культурами понтийско-каспийского региона, такими, как Средний Стог, Хвалынский, Нижняя Михайловка (Резепкин 1991: 194–195). На базе этих культур, начавших первыми в евразийской степи практиковать подкурганные погребения, сложилась позднее ямная культура, и это дает основания предполагать, с большой долей вероятности, что эти культуры, как и ямная, представляли какие-то группы праиндоевропейцев (Mallory 1989: 197–210; Mallory, Adams 1997: 328–329, 359, 540–541). А.Д. Резепкин находит у новосвободненской культуры и более удаленных предков: нижнемихайловскую группу памятников он связывает с культурой воронковидных кубков, и далее возводит происхождение подкурганных гробниц Новосвободной к неолитическим культурам Европы, создававшим галерейные гробницы (Резепкин 2012: 105–106; Sokolov и др. 2016)³.

Многочисленные радиоуглеродные датировки майкопских и новосвободненских памятников показали, что Новосвободная никак не может быть поздней фазой Майкопа. Эти культуры существовали практически одновременно, примерно с начала или со второй четверти IV тысячелетия до первых веков III тысячелетия до н. э. (Корневский, Резепкин 2008; Резепкин 2012: 90–93; Kohl, Trifonov 2014: 1577). Через какое-то время после своего возникновения, две эти культуры, сблизившись, образовали «майкопско-новосвободненскую общность»⁴ (далее: МНО). Обе культуры изначально испытывали влияние ближневосточных традиций, майкопская в большей степени, тогда как новосвободненская гораздо сильнее подвергалась влияниям, идущим из степи. Сопровождались ли эти влияния проникновением на Северный Кавказ каких-то инокультурных, иноэтничных групп? Это вполне возможно, но нам не следует забывать о том, что основную часть населения МНО составляли, по-видимому, автохтоны Кавказа. Майкопским и новосвободненским памятникам предшествует и потом неизменно сосуществует с ними «субстратная энеолитическая культура» (Рысин 1997: 103–113), которая, вероятно, представляет тот исходный слой, на котором сформировались и майкопская, и новосвободненская традиции. В свое время В.М. Массон высказал мнение, что сложные социальные структуры МНО «не были привнесены из ближневосточных цивилизаций, а явились естественным этапом в развитии местных обществ» (Массон

³ До этого Новосвободную связывали с другой неолитической культурой Европы, но более поздней, чем культура воронковидных кубков: культурой шаровидных амфор (Николаева, Сафронов 1974).

⁴ Термин введен в работе: (Корневский 2004).

1997: 81–82). В наши дни палеогенетика свидетельствует, что генофонд создателей МНО характеризует их как наследников «кавказских охотников-собираателей» (CHG), иначе говоря: как представителей местных кавказских племен (*Jones et al. 2015: 4; Маркина 2022; Wang 2019: 5*).

От этих общих соображений вернемся, однако, к предполагаемым индоевропейским элементам в новосвободненской культуре.

Индоарийские параллели: подкурганная гробница (шмашана)

Как уже говорилось, первые параллели между этой культурой и древнеиндийской традицией провел А.Д. Резепкин. Например, в погребальной камере одной из гробниц перед отверстием, соединяющем эту камеру с входной, были найдены две статуэтки собак: бронзовая и серебряная. А.Д. Резепкин сопоставил их с упоминаемыми в «Ригведе» (X.14.10–12) двумя псами, которые сторожат путь в мир мертвых и сопровождают туда усопшего; при этом они, согласно «Атхарваведе» (VIII.1.9) различаются мастью: один *śūāta* «темный», другой *śabala* «пятнистый» (*Резепкин 1987: 31–32*).

Первая заинтересовавшая меня параллель между новосвободненским материалом и культурой древнейших индоариев состояла в сходной конструкции погребального сооружения. В одном из наиболее ранних ведийских ритуалистических текстов, «Шатапатха-брахмане» (примерно 7–6 вв. до н. э.) поэтапно описано сооружение подкурганной гробницы, *шмашаны*⁵. Классический новосвободненский курган обнаруживает столько моментов сходства, что его можно рассматривать едва ли не как иллюстрацию к описанию ведийской *шмашаны*. Начнем с общего принципа для обеих традиций: сначала сооружается гробница, затем над нею насыпается курган. Разница только в том, что новосвободненцы строили гробницу из массивных каменных плит, а индоарии, обитавшие на равнине, использовали для постройки кирпичи, изготовлению которых научились, по-видимому, либо у наследников цивилизации долины Инда, либо у населения БМАК (ВМАС) – Бактрийско-Маргианского археологического комплекса⁶. Другое существенное сходство относится к ориентации погребений в простран-

⁵ Из предлагавшихся этимологий слова наиболее убедительной кажется та, которая объясняет *śmaśānā* – как композит с первым элементом *śma* – (*śman-*) «тело» и вторым *śāna* – (?) «холм; возвышение», в значении, возможно, «холм/насыпь (для) тела (усопшего)». Существительное *śāna* – (от глагола *śan* – «подниматься; поднимать») в древнеиндийских текстах реально не засвидетельствовано, но автор этимологии реконструирует его на основании древнеперсидской и хотано-сакской аналогий (*Bailey 1957: 66–69*).

⁶ Санскритское слово для обожженного кирпича, *iṣṭakā*, как и авестийское *iṣṭya* – с тем же значением, заимствовано из неизвестного источника, скорее всего – из языка БМАК.

стве. Передние плиты с отверстием у новосвободненских гробниц обращены на юго-восток. Это сопоставимо с указанием в тексте «Шатапатха брахманы» (XIII.8.1.5), что *имашана* должна быть обращена на юго-восток, «ибо в этой части света, несомненно, находятся врата мира Предков», то есть мира мертвых (*Eggeling 1900: 424*). Круговое движение в том и другом погребальных обрядах производилось против хода солнца («против часовой стрелки»), что характерно для индоевропейских культур⁷. В обоих случаях вокруг гробницы выкладывалось кольцо из камней – кромлех (в «Шатапатха брахмане» – XIII.8.2.2). Весь участок вокруг *имашаны* покрывали мелкими камешками; в Новосвободной также рядом с курганом встречаются каменные вымостки. Погребальная камера и могильный холм над нею в обоих случаях отделялись слоем глины от древней дневной поверхности. Пол гробницы в Новосвободной и пол могильного углубления внутри *имашаны* мостились мелкой галькой. Новосвободненцы помещали в это углубление тело покойного; у ведийских племен, как известно, доминировал обряд кремации. Однако в *имашане* мы видим явные следы ранее практиковавшейся ингумации. На дне могилы расстилали священную траву *дарбха* по форме человеческого тела (*Пандей 1990: 210*) и поверх этого раскладывали обгоревшие кости усопшего в анатомическом порядке (*yathāṅgam* – «Шатапатха брахмане» XIII.8.3.5; “limb by limb” (*Eggeling 1900: 434*)). Ведийские ритуалистические тексты предписывали после достижения гробницей определенной высоты помещать в кирпичную стену с внешней стороны дополнительное приношение (пищу) для усопшего (*Пандей 1990: 210*). В Новосвободной известны несколько случаев, когда дополнительные приношения вставлялись в каменную обкладку гробницы или в земляную насыпь кургана, обычно с юго-восточной или южной стороны.

Вилообразные крюки

В богатых новосвободненских погребениях впервые на Кавказе появляются особые символические предметы: двузубые (вилообразные) и однозубые⁸ бронзовые крюки (*Куфтин 1949: 280–283; Иессен 1950: 173; Мунчаев*

⁷ Укорененность погребальной практики обхода «против солнца» в индоевропейских культурах приводила в средневековой Европе ко многим конфликтам с принесенной христианством с Ближнего Востока практикой движения при похоронах в противоположном направлении.

⁸ Известен также трехзубый медный крюк из дольмена в поселке Кюр-Дере (Верхняя Эшера, Абхазия (*Воронов 2009:56*)). Как трехзубый рассматривают иногда и знаменитый бронзовый крюк из Царской (Новосвободной) с фигурками на нем двух кулачных бойцов. У этого крюка, однако, «ответвление двух крайних зубцов идет под прямым углом к среднему» (*Куфтин 1949: 281*).

1975: 244–292, 333, рис. 52 и 64; Ильюков 1979; Резепкин 2012: 110, 301, рис. 73). Бытовая и обрядовая функция этих предметов сомнений не вызывает, о ней свидетельствуют многочисленные этнографические параллели. Прежде всего, на Кавказе: А.А. Миллер описал использование металлических двузубых крюков для извлечения мяса из котла в ходе общественных трапез у абхазов (Миллер 1910: 74, рис. 24, фиг. 3, 78; Куфтин 1949: 280). Двузубые (реже трехзубые или однозубые) крюки использовались осетинами сходным образом в ходе общественных ритуальных пиров. Они хранились в святилищах-дзуарах и вне контекста праздничного пира не употреблялись (Марковин 1985: 75). Этнографически такие специфические орудия зафиксированы на окраинах евразийской степи: у калмыков на западе, у якутов на востоке (Уткин 1983: 159). “Вилообразные крюки” могут быть признаны характерным элементом степной культуры. Это не противоречит предлагаемой нами атрибуции их ранней восточноиндоевропейской традиции, поскольку до исхода предков тюрко-монгольских племен со своей прародины (о прародине тюрков см. (Тенишев, Дыбо, Левитская 1996: 203)) евразийская степь была, по-видимому, преимущественно населена племенами, говорившими на индоевропейских языках.

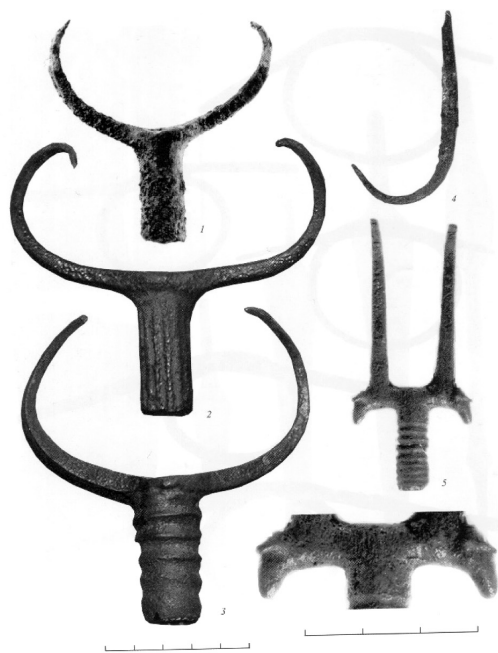


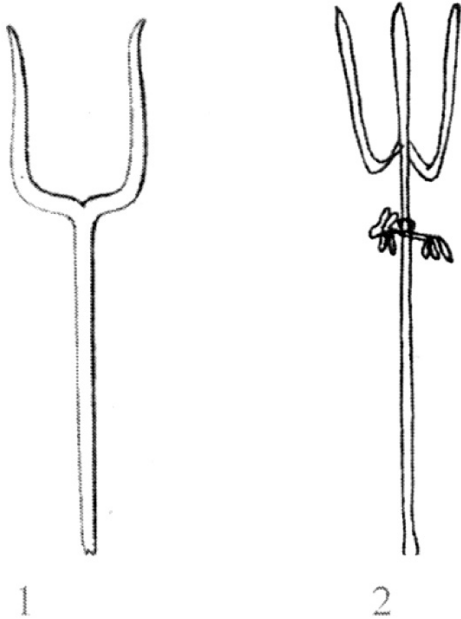
Рис. 1. Бронзовые крюки из погребений Новосвободной (Резепкин 2012: рис. 173)

Из утилитарной функции крюков как орудия для раздела пищи на общественной трапезе выросло их важное символическое значение. Встречаясь почти исключительно в погребениях вождей или героев, они служили символами высшего социального статуса. При этом необходимо иметь в виду, что в архаических обществах понятие высшего социального статуса было синкретическим, объединявшим представления о «богатстве», «власти», «знатном происхождении», «удачливости, счастье» и «высоком уделе» – см., напр.: (Гуревич 1975: 106–107). В металлических «вилообразных крюках» можно усмотреть материальное воплощение специфической идеи индивидуальной «судьбы-доли», неотъемлемо связанной с дележом и поеданием мясной пищи на пиру. Они, должно быть, символизировали «великую долю» героя или власть вождя, позволяющую ему одарять «благой долей». В индоевропейских языках (особенно индоиранских и славянских) вербальным выражением идеи «доли» как в обрядово-бытовом, так и в метафорическом значении часто выступают производные от индоевропейского корня **bhag* – (Palmer 1950: 166; Ramat 1963; Иванов, Топоров 1965: 66–67; Vasil'kov 1994: 779), например, санскр. *bhaj* – ‘делить, разделять’, ‘наделять кого-либо долей’, но в то же время ‘получать в долю’, ‘вкусать’, ‘есть’; ведийское *bhaga* – ‘(счастливая) доля’, *Bhaga* – бог ‘Податель доли’, в эпосе *bhāga* – ‘доля, участь, судьба (героя)’, обычно в составе эпитета *mahābhaga* ‘наделенный великой долей’ (Vassilkov 2009). В праславянском мы видим **bogъ* ‘(благая) доля’ и **bogъ* ‘бог’ как податель благой доли, **bogatъ* ‘наделенный благой долей, счастливый’, а с другой стороны **u-bogъ*, **ne-bogъ* ‘обездоленный’, ‘несчастный’, ‘убогий’, с продолжениями этих слов во многих славянских языках. Велик соблазн усмотреть возможное наследие индоевропейского слова, образованного от **bhag-*, обозначавшего орудие типа “вилообразного крюка” и входившего некогда в круг «культурной лексики», характерной для евразийской степи эпохи бронзы, в русском (неизвестного происхождения, без достоверной этимологии) слове *багор* ‘железное острие с крюком на деревянном шесте’ (используется чаще всего для вылавливания чего-либо из жидкой среды, ср. глагол *багрить* ‘вылавливать из воды багром’). Противоречие между однозубостью современного багра и преимущественно двузубостью древних «вилообразных крюков» снимается при учёте родственных русских слов *багай* ‘лом железный с плоским, загнутым и раздвоенным концом для вытаскивания гвоздей’ (Фасмер 1996: I, 101) и *баган* ‘рассоха, деревянный крюк у сохи’ (там же), а, точнее говоря: ‘плоский деревянный брус, немного изогнутый и раздваивающийся внизу’ (Ушаков 1935–1940: III, 1259; подчеркнуто везде мною. – Я. В.).

Новосвободненские «вилообразные» и однозубые крюки (рис. 1) являются настолько своеобразным символическим элементом погребального инвентаря, что с их помощью удастся проследить культурные связи и даже, возможно, продвижение каких-то групп населения МНО в Закавказье, северный Иран, Бактрию и затем, по-видимому, в Индию. Существует статья, автор которой свел данные о распространении металлических двузубцев и трезубцев на огромной территории от Средиземноморья до Афганистана (*Маккай 1983*). Здесь, наряду с крюками новосвободненского типа, (т. е. инструментами обрядовой трапезы и одновременно символом «великой доли»), в погребениях засвидетельствованы изделия и иного назначения, например, большие вилы, служившие боевым оружием (впрочем, иногда и их считают орудием, использовавшимся для приготовления погребальной трапезы (*Ghirshman 1939: 53, Pl. XXIV, No. 10; Саруаниди 1977: 77*)), или трезубцы, являвшиеся символом того или иного божества (например, греческого бога вод Посейдона или хуррито-урартского бога грозы Тешуба). Трезубцы, представленные в погребениях месопотамской традиции, Я. Маккай определил как типологически отличные от крюков северокавказского (= новосвободненского) типа, распространение которых он ставил в связь с перемещениями индоевропейских⁹, особенно индоиранских племен (*Маккай 1983: 355*). Генетически связанными с Новосвободной можно считать вилообразные крюки в тех культурах, где они встречаются в погребениях, как в Новосвободной, вместе с котлами и чашами, кубками или ковшами, которые тоже можно считать знаками «благой доли». Ближайшие к Индии находки «вилообразных крюков» в большом количестве сделаны на территории БМАК, откуда протоиндоарии двинулись в Индию. В самой Индии крюки, как и вообще погребения ранних индоариев, представлены пока минимально. Возможно, их видоизмененной формой являются так называемые «трезубцы Шивы» из толстой металлической проволоки, находимые в погребениях «культуры мегалитов», которая с конца II тыс. до н. э. распространялась вдоль западного побережья Индии, от современной Махараштры до крайнего юга. Особенно интересен один такой трезубец, к рукояти которого прикреплена фигурка буйвола (*Allchin, Allchin 1982: plate 12.19*), что заставляет вспомнить как о «бычьих» мотивах в оформлении крюков в Новосвободной и, например, в Марлике (Иран), так и о позднейшем Шиве с его быком Нанди (рис. 2, №2). Супруги Оллчин, как и некото-

⁹ В частности, появлением в Палестине индоевропейцев по языку – филистимлян он объяснял упоминание в Библии (I Книга царств, 2. 13–14) древнего, отвергнутого иудеями обычая: когда варилось жертвенное мясо для общественной трапезы, «отрок священнический» приходил с трезубой «вилкой» и вылавливал в котле лучший кусок мяса – долю священника (*Маккай 1983: 338*).

рые их предшественники, возводили происхождение индийской «культуры мегалитов» через Среднюю Азию и северный Иран к «курганным» культурам Кавказа эпохи ранней бронзы (*Allchin, Allchin 1982: 342–344*).



*Рис. 2. 1 – металлическое вилообразное орудие из «Астрабадского клада», северо-восточный Иран. 2 – железный трезубец с фигуркой быка из погребения «культуры мегалитов», Южная Индия (*Allchin, Allchin 1982*).*

Как выродившиеся формы того же символического предмета можно рассматривать, вероятно, и загадочные бронзовые изделия, встречающиеся на памятниках соотносимой с индоариями «культуры серой расписной керамики», которые археологи определяют то как «трезубец Шивы», то как «металлический цветок» (см., напр.: (*Gupta 1990: pl. 58d; Vasil'kov 1994: 780*)). Это, конечно, нельзя считать надежным свидетельством о наличии в культуре ранних индоариев металлического крюка как ритуального орудия и символа статуса. Зато в древнейших, сначала устно, а затем письменно зафиксированных источниках, Ведах, мы находим прямые свидетельства о существовании такого орудия. Название этого орудия, правда, не было производным от *bhaj* – (**bhag-*), возможно, потому, что в индоарийском от этого корня уже были образованы слова, которые обозначали другие предметы, изофункциональные крюку как орудию дележа и символу благой доли, а именно «кубок» (*bhaksana*) и «чаша» (*bhajana*). Для названия ритуального и символического «крюка» (в данном случае – однозубого) использовался корень *añc* ‘гнуть, сгибать’: в «Ригведе» «крюк» – *añka*, *añkuṣa*. В гимне «Ригведы» I. 162 описан ведийский вариант индоевропейского “священного пира”: жертвенного коня предают закланию, разделява-

ют и варят его мясо в котле. Здесь при перечислении утвари закономерное место занимает и крюк:

*Та палочка, чтобы пробовать из котла при варке мяса,
Те чаши для наливания жижги,
Дымящиеся крышки горшков,
Крюк (аїка), блюда – (все они) служат коню.*

(РВ I. 162. 13; перевод Т.Я. Елизаренковой).

По-видимому, именно из этой древнейшей (и вскоре забытой) функции крюка как орудия раздела мясной жертвенной пищи выросло и «метафорическое», мифологическое его значение как орудия судьбы, наделения благой или злой долей. В РВ к Индре обращаются со словами: «Да будет длинным твой крюк (*аїкиша*), которым даешь (ты) богатство жертвователю, выжимателю сомы» (VIII.17.10). В «Атхарваведе» это мифологическое орудие Индры названо «дающим богатство» и «золотым»:

*Тот крюк (аїкиша) твой, дающий добро,
Великий, о Индра, золотой, –
Дай им жену мне,
Ищущему жену, о Шачипати!*

(АВ VII. 115. 1; перевод Т.Я. Елизаренковой).

Колесо на шесте и «живая вода»

В одном из «вождеских» или «царских» погребений на Кладах была обнаружена странная конструкция. Поверх бронзового ладьевидного блюда, определенного как «ковчежец», внутри которого находился каменный пест, было положено бронзовое колесо с четырьмя спицами. В его втулке сохранился остаток поднимавшегося вверх деревянного шеста. А.Д. Резепкин и работавший с ним на «Кладах» Г.Н. Бестужев нашли параллель к этому в древнеиндийском эпосе (*Мбх I, 29; см.: (Махабхарата 2006: 101–102)*), где божественный царь птиц Гаруда, чтобы похитить сосуд с «живой водой» или напитком бессмертия – *амритой* или *сомой*, должен пролететь между острыми спицами вращающегося металлического колеса (*Бестужев, Резепкин 1983: 77*). Позднее я развил идею этого сравнения, предложив близкую, но более общую интерпретацию. Ритуальная конструкция в погребении обнаруживала сход-

ство с индоевропейской и индоарийской моделью мира, которая была представлена и структурой обрядового «майского дерева» в Европе, и сходными обрядовыми конструкциями, а также архитектурой индуистских храмов и буддийских ступ в Индии (*Vasil'kov 1994*). Во всех случаях конструкция состоит из шеста (или шпиля), представляющего мировое древо или мировую ось, а на нем, близко к вершине, размещается колесо в горизонтальной плоскости – символ Солнца или Года. Увенчивает все часто сосуд с «живой водой» (в Индии – *амрита, сома*), или иные символы возрождения жизни, за обладание которыми состязаются участники календарного обряда. В гробнице на Кладах эта конструкция перевернута: Основание шеста торчит вверх, колесо – внизу, и еще ниже лежит «сосуд с амритой». Возможная причина такой перевернутости заключается в том, что у древних индоариев и, возможно, у протоиндоевропейцев, «иной мир» представлялся во всем противоположным миру живых.

Однако сейчас эта аргументация не кажется столь убедительной как прежде. Долгое время в продолговатом каменном орудии, лежавшем под колесом рядом с «ковчезцем», видели пест, с помощью которого, предположительно, в сосуде выдавливали сок – *сому* – из одноименного растения. Разумеется, этим подкреплялась интерпретация «ковчезца» как «сосуда с амритой». В последние годы каменное орудие рядом с «ковчезцем» определяется как «точильный камень».

Роспись в гробнице под курганом № 28

В передней из двух камер мегалитической гробницы под курганом № 28, на трех ее стенах была обнаружена уникальная роспись. Древний художник использовал только два цвета: черный и красный. А.Д. Резепкин (*Резепкин 2012: 30–31*) дает очень подробное формальное описание изображений. Прежде всего, упомянем о мотиве или комплексе мотивов, который в этой росписи использован дважды: на внутренней стороне передней стены (с входным отверстием) и на одной из боковых стен (рис. 3, 4).

Изображен в обоих случаях помещенный горизонтально сложный лук без тетивы, как бы висящий в пространстве, и слева от него – оригинальной формы колчан. Очень сходную композицию, с «висящим» луком и рядом с ним – колчаном, примерно такого же вида, удалось найти на стене более поздней (период шнуровой керамики) гробницы из Лейне-Гелитч, в Германии, неподалеку от Халле (рис. 5).

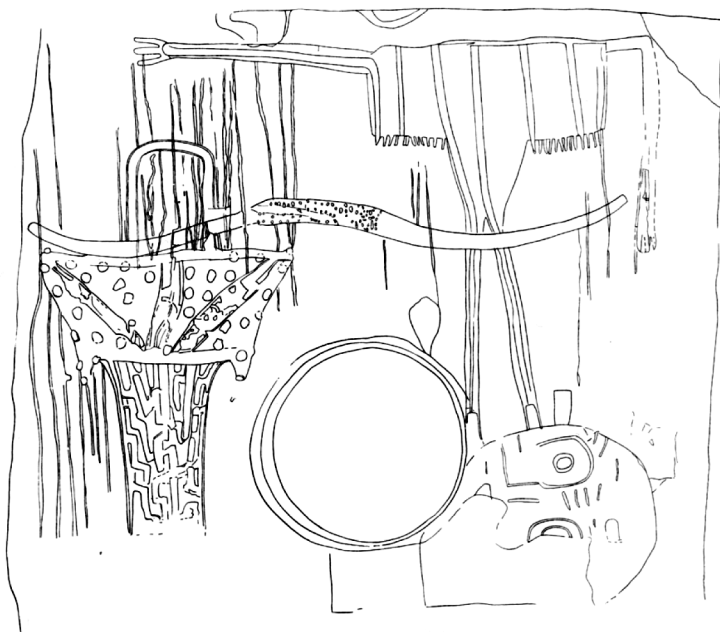


Рис. 3. Роспись на внутренней стороне передней стены гробницы под курганом 28 («Клады»). Туловище птицеобразной фигуры закрашено черным цветом с красными полосками, ноги красные (Vasil'kov 1994: fig. 66, 3).

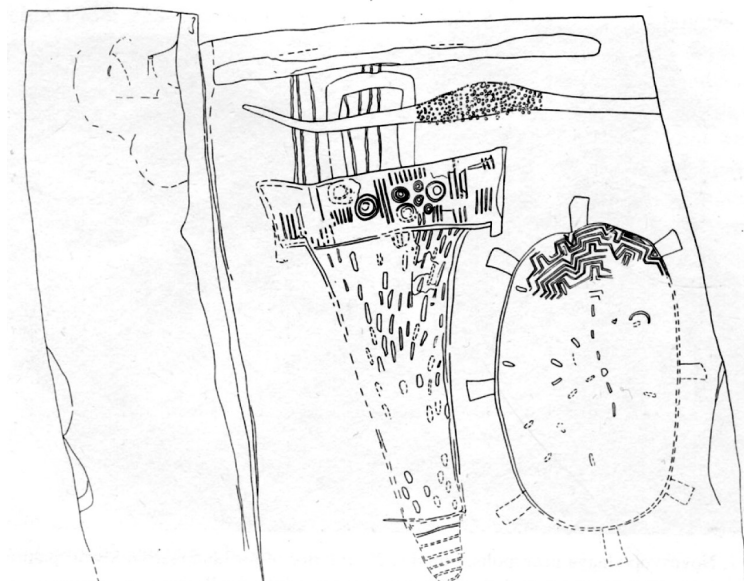


Рис. 4. Роспись на боковой плите слева от передней стены. Лук, колчан, «мех» (Vasil'kov 1994: fig. 66, 2).

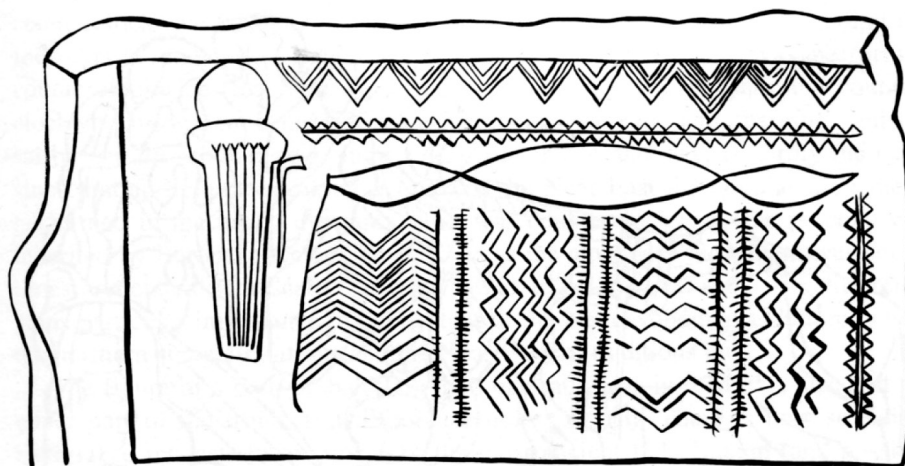


Рис. 5. Сходная композиция с луком и колчаном на стене мегалитической гробницы в Лейне-Гелитч, Германия (Vasil'kov 1994: fig. 66, 4).

Дважды повторенный в новосвободненской гробнице мотив лука без тети́вы указывает на особое значение этого предмета в контексте «царского» погребения. Раскрыть это значение помогает обращение к фольклору и ритуалу ряда индоевропейских традиций. Вспомним, например, известный эпизод в «Одиссее», где претендент на руку жены героя, Пенелопы, и, соответственно, на трон Итаки, должен натянуть тетиву на лук Одиссея, которого они считают мертвым. Геродот приводил также скифскую легенду о том, как один из трех сыновей, рожденных в стране Гилея девой-змеей от божественного героя Геракла, натягивает тетиву на лук, оставленный отцом (задача, с которой не справились два других брата), после чего становится первым скифским царем (Геродот, *История*, IV, 9–10). У скифов лук являлся атрибутом и символом царской власти. В Индии мы находим сказание о юном герое, царевиче Раме, который завоевывает руку принцессы Ситы, натянув тетиву на гигантский лук, некогда принадлежавший богу Шиве (Рамаяна 2006: 204–209). В древнейшей ведийской традиции овладение луком усопшего означало наследование его могущества и власти. В похоронном гимне «Ригведы», воин, обращаясь к умершему воину (или «царю») произносил слова:

*Беря лук из руки мертвого,
Ради нашего господства (kṣatrāya), ради почета,
ради силы (я говорю):
«Здесь вот – ты. Тут – мы. Храбрые герои,
Пусть победим мы всю враждебность и происки».*
(Ригведа X. 18.9. Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Таким образом, у греков, иранцев и индийцев лук, вне всякого сомнения, символизировал власть и ее наследование, а лук, лишенный тетивы, висящий на стене или на дереве, был знаком смерти царя или героя. В подтверждение этого можно еще сослаться на скифскую золотую ажурную пластину-застежку из Сибирской коллекции Петра I (Руденко 1962: табл. VII, 1). Герой или царь лежит, по-видимому, мертвый и оплакиваемый супругой, а его горит (колчан для лука и стрел) висит на дереве (рис. 6).

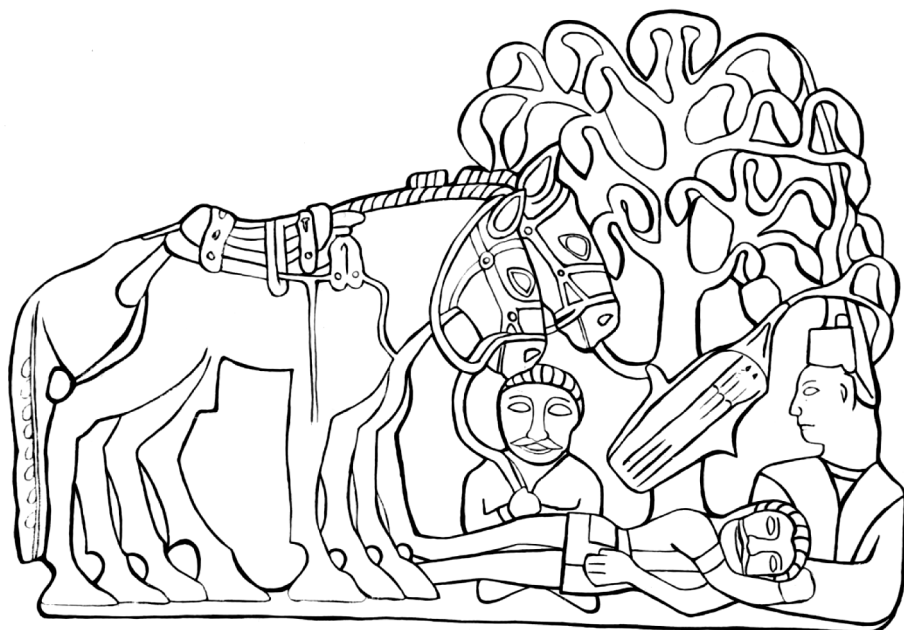


Рис. 6. Золотая ажурная пластинка-застежка из Сибирской коллекции Петра I (Vasil'kov 1994: fig. 66, 5).

Интерпретировать другие мотивы в росписи этой гробницы сложнее. На тех же двух плитах, где лук и колчан, в нижнем правом углу виден предмет овальной формы, от которого в обоих случаях отходят, с разных сторон, несколько маленьких прямоугольных выступов. А.Д. Резепкин условно определял этот предмет как «щит», ставя его в один ряд с другими изображенными тут же предметами вооружения. Но можно предложить и иную интерпретацию. Это мог бы быть, например, кожаный мешок, мех, изготовленный из цельной шкуры с завязками на отверстиях, где у животного были конечности. Несколько противоречит такому пониманию чрезмерное количество «завязок» у предмета на рис. 2 (разве что имеется в виду шкура мифологического существа). Такого рода мехи, или бурдюки, использова-

лись, прежде всего, для хранения жидкостей. В контексте погребальной символики жидкость в таком «бурдюке» может быть только одна – та же «живая вода» (индийская *амрита*), напиток, возвращающий юность или оживляющий мертвых.

С этим можно поставить в связь и загадочную фигуру, непосредственно возвышающуюся над «бурдюком» на передней плите гробницы. А.Д. Резепкин (*Резепкин 2012: 31*) видит в ней «стилизованную фигуру человека без головы с правой рукой, простертой над колчаном и луком, и согнутой левой рукой так, что часть руки висит параллельно туловищу». Верхнюю часть туловища покрывает черная, с красными полосами «накидка», снизу заканчивающаяся «бахромой». Ниже туловище «сходит на конус и раздваивается на две ноги». Но эту фигуру можно увидеть и по-другому: как птицеобразную, с *крыльями*, из которых вырастают две *трехпалые* руки, и с длинными птичьими, красными ногами. Аист, известный как пожираатель змей, явился, возможно, прообразом упоминавшегося Гаруды, борца со змеями, в индийской мифологии. Гаруда похищает для богов *амриту*, приносит эту «живую воду», чтобы воскресить сраженного героя. У народов Европы известно поверье, что аист «приносит детей» (т. е., возвращает в наш мир души умерших предков). Кстати, черные аисты, с красными ногами и клювом, и сейчас встречаются в окрестностях «Кладов».

Остается сказать об антропоморфном персонаже на третьей плите гробницы, как бы сидящем с широко расставленными ногами (рис. 7). Вокруг него изображена вереница диких коней, мчащихся в индоевропейском «направлении смерти», т. е. против солнца. А.Д. Резепкин (*Резепкин 1987: 31*) обоснованно сопоставляет это с ролью коней в обряде похорон у индоевропейцев (см., например, *Илиада XXIII, 13*) и усматривает в «сидящей» фигуре бога смерти, сопоставляемого с индийским Ямой.

Однако индоиранский Яма/Йима – это первый умерший, ставший царем загробного мира. Подлинным и более древним божеством смерти у индоевропейцев был, по-видимому, бог Ветра и жизненного дыхания, которое он же и останавливал – индоиранский Вайю, балтский Вейяс, славянский Вей/Вий, и др. (*Васильков, Разаускас 2003*). По данным ряда традиций он реконструируется как грозный страж мира мертвых, способный пресечь дыхание живых своим смертоносным взглядом. Этой его способностью можно объяснить тот факт, что у персонажа росписи вместо лица и верхней части груди изображено нечто вроде решетки с вертикальными прутьями, что может представлять длинные ресницы/веки, закрывающие лицо, или нитки, которыми оно «зашито». В русском и белорусском фольклоре смертоносный взгляд Вей/Вия скрыт до поры под длинными веками или

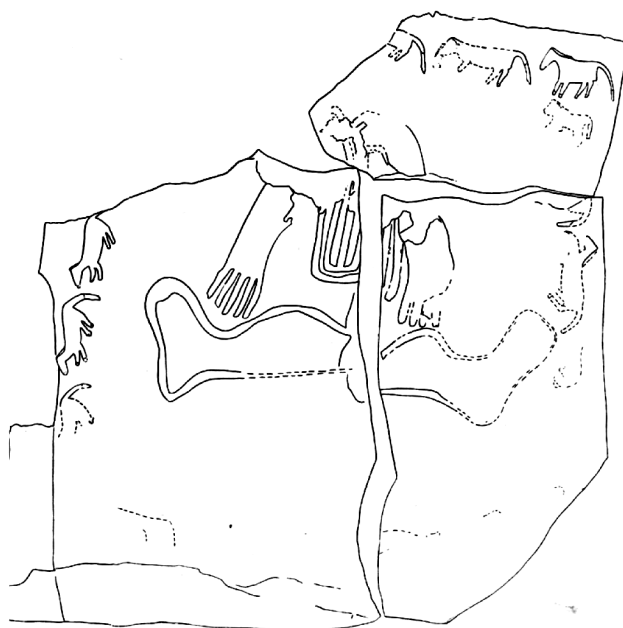


Рис. 7. Сидящая фигура божества смерти(?) с закрытым лицом на боковой плите справа от передней стены гробницы (Vasil'kov 1994: fig. 66, 6)

ресницами, а в иранской традиции Вайю позднее сливается с божеством Судьбы-Времени, передав ему смертоносность взгляда, и в «Шах-наме», например, говорится, что спасти человека от смерти можно только «зашив глаза Судьбе» (Васильков, Разаускас 2003: 25–26, 28–29).

Заключение

Как мы видим, многие мотивы искусства и мифологии, как и особенности погребального обряда новосвободненской культуры, находят соответствия в индоевропейских традициях. Есть достаточно оснований говорить о встрече в северных предгорьях Кавказа в IV тыс. до н. э. протоиндоевропейцев (или носителей группы ИЕ диалектов) с местными племенами, говорившими, скорее всего, на прасеверокавказском языке (Antony 2007: 297; Kassian 2010: 427). Контакты протоиндоевропейского с протосеверокавказским или с протосеверозападнокавказским были выявлены в работах С.А. Старостина, Дж. Коларуссо, А.Р. Бомхарда, Р. Матасовича и др. (Vassilkov 2020: 460). Особенности погребального обряда, сопроводительного инвентаря и мифологических мотивов новосвободненской культуры позволяют проследить последующее рас-

пространение элементов этой культуры и, возможно, каких-то групп ее носителей в разных направлениях. В начале III тыс. до н. э. на северо-востоке Ирана местная культура с расписной керамикой сменяется новой культурой, с серой и серо-черной керамикой, богатыми погребениями нового типа, новыми типами оружия и орудий, в том числе вилообразных, с прямыми, а иногда загнутыми концами (*Сарианиди 1977: 77; Дандамаев, Луконин 1980: 45*). Есть основания думать о некоторой связи этой культуры, представленной такими памятниками, как Тепе-Гиссар, Сиалк, Туренг-Тепе («Астрабадский клад»), с МНО¹⁰. Усматривали в ней и протоиндоарийский элемент (*Гиришман 1981: 140–142*). Просуществовав на северо-востоке Ирана до полутора тысяч лет, эта культура в середине II тысячелетия до н. э. далеко распространяет свое влияние. Им охвачен «весь запад и северо-запад Ирана» (*Дандамаев, Луконин 1980: 45*). Вилообразные орудия появляются на таких памятниках, как Марлик на СЗ Ирана (*Дандамаев, Луконин 1980: 60–61*) или Лчашен в Армении (*Мартиросян 1964: табл. IX, 10; табл. XVI*). Серо-черную керамику принесли с собой с северо-востока индоарийские правители хурритского царства Митанни (*Гиришман 1981: 141*). В то же время из своего очага на СВ Ирана культура серой керамики распространяется восточнее, на территорию БМАК, где мы видим вилообразные и однозубые крюки из разграбленных могил Бактрии (*Сарианиди 1977: 77*), очень близкие по формам к новосвободненским и дольменным (рис. 8). Они дали повод говорить о возможном участии «кавказского компонента в предполагаемом племенном передвижении» (*Сарианиди 1981: 189*).

До недавнего времени все попытки по археологическим данным установить языковую или этническую принадлежность древней культуры многими авторами считались делом ненадежным и методологически порочным. Эти попытки оставались гипотезами, их нельзя было подтвердить достоверными данными. Но в наши дни появился способ проследить перемещения групп населения даже в самой отдаленной древности. Это палеогенетика. В последние годы большими коллективами авторов были проведены два исследования, посвященных роли кавказского компонента в ге-

¹⁰ На сходство вилообразного орудия из «Астрабадского клада» (Рис. 2, № 1) с майкопскими крюками было впервые указано более ста лет назад (*Rostoviseff 1920: 21*). Промежуточные пункты на маршруте носителей культуры МНО в северо-восточный Иран представлены, возможно, курганными погребениями на территории Азербайджана (*Резепкин 2012: 88–89*) и раскопанным в 1960-е гг. могильником Се Гирдан в северо-западном Иране, материал которого был позднее переатрибутирован, и могильник отнесен к памятникам «новосвободненского» или «майкопского» типа (*Резепкин 1989; Трифионов 2000*).



Рис. 8. Вилообразные орудия из разграбленных могил Бактрии (Сарианиди 1977: рис. 37)

нофондах Европы и Азии. Обе группы признавали, что основу генофонда МНО составляли потомки «кавказских охотников-собираателей»; этот кавказский компонент, полученный от МНО, составил до половины генетического состава степной ямной культуры и был позднее донесен до многих европейских популяций (Jones et. al. 2015; Wang et. al. 2019: 2). Согласно они и в том, что этот кавказский компонент в составе то ли некой «степной», то ли иной¹¹ популяции в конечном счете проник на восток вплоть до северной Индии, где его появление совпало с началом распространения индоарийских языков и ведийской религии (Jones 2016: 4). Приведенные в нашей статье данные указывают, как будто, на то, что протосеверокавказцы и восточные индоевропейцы на территории «Новосвободной», или МНО в целом, могли вступить в отношения своеобразного симбиоза, наподобие таких более поздних, раннеисторических образований, как шумеро-аккадская, хетто-хаттская, хуррито-урартская или хуррито-протоиндоарийская (миттанийская) общности.

¹¹ У Новосвободненцев обнаружены гаплогруппы, характерные для неолитической Европы и выявлена небольшая примесь со стороны энеолитической культуры шаровидных амфор (Sokolov et. al. 2016; Wang et. al. 2019: 7–8).

Литература

Андреева 1977: Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // Советская археология. 1977. № 1. С. 39–56.

Бестужев, Резепкин 1983: Бестужев Г.Н., Резепкин А.Д. Новые находки из гробницы у станицы Новосвободной // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 176. Средняя Азия и Кавказ. М.: Наука, 1983. С. 75–78.

Васильков, Разаускас 2003: Васильков Я.В., Разаускас Д. Балтийский ключ к проблеме Вия-Вайю // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М.: Восточная литература, 2003. С. 24–46.

Воронов 2009: Воронов Ю.Н. Научные труды в семи томах. Т. II. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований, 2009.

Гиршман 1981: Гиршман Р. Этнические проблемы истории Средней Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 140–148.

Гуревич 1975: Гуревич А.Я. Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм // Труды по знаковым системам, VII. Тарту: Тартуский государственный университет, 1975. С. 98–111.

Дандамаев, Луконин 1980: Дандамаев М.А., Луконин В.Н. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980.

Иванов, Топоров 1965: В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / Отв. ред. И.И. Ревзин. М.: Наука, 1965. 246 с.

Иессен 1950: Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов» // Советская археология. 1950. № 12. С. 157–200.

Ильюков 1979: Ильюков Л.С. Металлические «вилки» майкопской культуры // Советская археология. 1979. № 4. Стр. 138–147.

Клейн 2022: Клейн Л.С. Европейский гаплотип отрывает Новосвободную от майкопской культуры? | Генофонд РФ. xn--c1accbaafalс.xn--plai (Дата обращения 18.04.2022).

Корневский 2004: Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии). М.: Наука, 2004.

Корневский 2008: Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 71–122.

Корневский, Резепкин 2008: Корневский С.Н., Резепкин А.Д. Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXII. 2008. С. 109–127.

Куфтин 1949: Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси: Техника да Шрома, 1949.

Маркина 2022: Маркина Н. Кавказский след в генофонде европейцев // Генофонд.ру, 2015 (URL: http://xn--c1accbaafalс.xn--plai/?page_id=6029 Дата обращения 15.04.2022).

Марковин 1985: Марковин В.И. Испун – дома карликов. Заметки о дольменах Западного Кавказа. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1985.

Массон 1997: Массон В.М. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 60–84.

Матяш, Кашуба 2020: Матяш Е.И., Кашуба Н.Е. (отв. ред.). Лев Клейн [Путеводитель]. Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна. СПб: Институт истории материальной культуры РАН, 2020.

Махабхарата 2006: Махабхарата. Адипарва. Книга первая, Пер. с санскрита и комм. В.И. Кальянова. СПб.: Наука, 2006 (репринт издания 1950 года).

Мартиросян 1964: Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1964.

Миллер 1910: Миллер А.А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. I. СПб: Этнографический Отдел Русского Музея Императора Александра III. 1910. С. 61–80.

Мунчаев 1975: Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 416 с.

Николаева, Сафронов 1974: Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа. Сообщения Научного совета по охране памятников культуры. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 174–215.

Николаева, Сафронов 1982: Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. 132 с.

Николаева 1984: Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1984. С. 28–62.

Пандей 1990: Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи) / Пер. с англ. А.А. Вигасина. 2-е издание. М.: Высшая школа, 1990.

Рамаяна. Книга первая. Балаканда (Книга о детстве). Книга вторая. Айодхьяканда (Книга об Айодхье) / Изд. подгот. П.А. Гринцер. М.: Ладомир; Наука, 2006.

Резепкин 1987: Резепкин А.Д. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 192. Древние культуры Кавказа и причерноморских степей. М.: Наука, 1987. С. 26–33.

Резепкин 1989: Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам памятников новосвободненского типа). Автореферат канд. дисс. Л., 1989.

Резепкин 1991: Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии Майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 167–197.

Резепкин 2012: Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012.

Руденко 1962: Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: Наука, 1962 (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9).

Рысин 1997: Рысин М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 85–123.

Сарианиди 1977: Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.

Сарианиди 1981: Сарианиди В.И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы истории Средней Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 180–191.

Семенов 2008: Семенов В.А. Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Столяр 1964: Столяр А.Д. 1964: Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тезисы докладов научной сессии Гос. Эрмитажа за 1963 год. Л., 1964. С. 31–32.

Тенишев, Дыбо, Левитская 1996: Тенишев Э.Р., Дыбо А.В., Левитская Л.С. Мир поздних пратюрков (Wörter und Sachen) // Гуманитарная наука в России. Соросовские лауреаты. Т. III. Филология, литературоведение, культурология, лингвистика, искусствоведение. М.: Международный научный фонд, 1996. С. 196–204.

Трифонов 1987: Трифонов В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 192. Древние культуры Кавказа и причерноморских степей. М.: Наука, 1987. С. 18–26.

Трифонов 2000: Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000. С. 244–264.

Трифонов 2018: Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Лобода А.Ю., Хвостиков В.А.. Крюк с изображением сцены кулачного поединка из дольмена майкопской культуры, станицы Царская, северо-западный Кавказ // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 251. М.: ИА РАН, 2018. С. 25–42.

Уткин 1983: Уткин П.И. Художественная обработка металлов // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т.Б. Митлянская. М.: Просвещение, 1983. С. 157–168.

Ушаков 1935–1940: Ушаков Д.Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Тт. I–IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Фасмер 1996: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Издание третье. М.; СПб.: Азбука, 1996.

Allchin, Allchin 1982: Allchin B., Allchin R. The Rise of Civilization in India and Pakistan. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Antony 2007: Antony D.W. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Bailey 1957: Bailey H.W. A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary // Rocznik Orientalistyczny. Vol. 21 (1957). Pp. 59–69.

De Gubernatis 1872: De Gubernatis A. Zoological Mythology or the Legends of Animals. Vol. II. London: Trübner and Co., 1872.

Ghirshman 1939: Ghirshman R. Poulies de Sialk près de Kashan. T. II. P., 1939.

Gupta 1990: Gupta S.P. Les racines de l'art Indien. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1990.

Eggeling 1900: Eggeling J. (transl.). The Śatapatha Brāhmaṇa. Vol. 5. (Sacred Books of the East, 44). Oxford: Oxford University Press, 1900 (Reprinted by Motilal Banarsidass in 1963).

Jones et al. 2015: Jones E.R. et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // Nature Communications 6 (2015), Article number: 8912 doi:10.1038/ncomms9912(<http://www.nature.com/ncomms/2015/151116/ncomms9912/full/ncomms9912.html> Дата обращения 15.04.2022)

Jones 2016:

Kassian 2010: Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian Language. *Ugarit Forschungen*. Bd. 41 (2009). Münster: Ugarit-Verlag, 2010. Pp. 309–447.

Kohl, Trifonov 2014: Kohl P.L., Trifonov V. The Prehistory of the Caucasus: Internal Developments and External Interactions // The Cambridge World Prehistory. Ed. by C. Renfrew and P.G. Bahn. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 1571–1595.

Makkay 1983:

Mallory 1989: Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London: Thames and Hudson, 1989.

Mallory, Adams 1997: Mallory J.P., Adams D.Q. (Eds.) Encyclopedia of Indo-European Culture. London and Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.

Palmer 1950:

Ramat 1963:

Rezepkin 1992: Rezepkin A.D. Paintings from a Tomb of the Majkop Culture // Journal of Indo – European Studies, Vol. 20, № 1-2, Spring/Summer 1992. Pp. 59–70.

Rostovtzeff 1920: Rostovtzeff M. The Sumerian Treasure of Astrabad // The Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 6. No. 1. 1920. Pp. 4–27.

Sokolov 2016: Sokolov A.S. et al. Six complete mitochondrial genomes from Early Bronze age humans in the North Caucasus // Journal of Archaeological Science. Vol. 73, Sept. 2016. Pp. 138–144.

Vasil'kov 1994: Vasil'kov Y.V. Some Indo-Iranian mythological motifs in the art of the Novosvobodnaya ('Majkop') culture // South Asian Archaeology 1993. Ed. by A. Parpola and P. Koskikallio. Vol. 2. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1994. Pp. 777–787.

Vassilkov 2009: Vassilkov Y. An Epithet in the Mahābhārata: *mahābhāga* // Parallels and Comparisons. Proceedings of the Fourth Dubrovnik Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas. Ed. by P. Koskikallio. Gen. ed. M. Ježić. Zagreb: Croatian Academy of Sciences and Arts, 2009. Pp. 107–119.

Vassilkov 2020: Vassilkov Y. Heroes, Kings and Monsters in a Cave Under the Mountain (Indo-Europeans and the Caucasus) // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 48 (2020), No. ¾. Pp. 445–470.

Wang 2019 et al.: Wang C.C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications, 10, 590 (2019). <https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8>

И.В. Васильков

ИНДОЕВРОПАТӘИ АМОТИВҚӘА НОВОСВОБОДНИТӘИ АКУЛЬТУРЕИ, АКАЗАРЕИ, АДУНЕИХӘАЦШЫШЬЕИ РҒЫ

Аннотация. Автор 30 шықаса раңхьа иишыз, аха блаҕыцла дахэаишны, иҕыцу археологитә, абызшэатә, апалеогенетикатә хыйхырҕақәа ихы иархэаны аус здиулаз статиоуп. Автор еиҕаишьақәиргәгәдоит новосвободнентәи аказареи акультуреи рҕы (Адыгатәылатәи аҕсыжырҕа «Клады» ашьаҕала) ажэытәиндоевропатә, лымкаала ажэытәиндоариитә, хыйхырҕа аман хәа ишхәахьаз ахишьақәк. Уи иабзоураны ааигәа иҕайаз апалеогенетикатә аартра аилкаара алыршахоит. Авадатәи Индия иҕшаан агенетикатә «кавказтәи ашьаҕа». Уи ацәырҕра адхәалоуп индоариитәи абызшэақәеи ведитәи адинхайареи раларҕара аамҕа.

Ихадароу ажэақәа: Новосвободнентәи акультура, маикәаңтәи-новосвободнентәи азеиҕирақәа, курганайантәи адамра, ацқыңишира змоу ацәахәақәа, апалеогенетика, «кавказтәи ашьаҕа».

Y.V. Vasilkov

INDO-EUROPEAN MOTIFS IN THE ART AND WORLD PATTERN OF THE NOVOSVOBODNAYA CULTURE

Annotation. Having turned back to the materials of his paper written about thirty years ago, the author reconsiders them in the light of new archaeological, linguistic and paleogenetic data. The author confirms his former conclusion (based on the data from the “Klady” cemetery in Adygea) that certain elements of proto-Indo-European and in particular proto-Indo-Aryan origin are present in the art and world pattern of the Novosvobodnaya culture. This enables us to provide a hypothetical explanation to the recent discovery by paleogeneticists who ascertained a Caucasian genetic admixture in the ancestors of Indian populations that had occurred approximately at the same time and was possibly linked with migrations that introduced Indo-Aryan languages and religion into the region.

Key words: Novosvobodnaya culture, Maykop, Novosvobodnaya community, tombs under tumuli, fork-like hooks, paleogenetics, Caucasian component.

АПСУА ЖЭЛАР РҚБАБЗТЭ ПОЕЗИА
(Аенциклопедиатэ жэар азы аматериалкэа)

Апсуаа рдоухатэ культурафэи иналукааша атып ааныркылоит жэлар рду-неихэапшышьеи рхэыцреи ирылтшэоу, зкышыкэсала афеиареи ашьақэ-гылареи иафэыз рмузыка-поезиатэ рфеиамтақэа. Хкы рацэала еиласоу урт афольклортэ рфеиамтақэа рахытэ иаха ажэытэ цэа рыкэныхэхэыла икоуп, апсуаа рынхашэа-чашэатэ пстазаареи рмифологиатэ дунеихэапшышьеи ирхылкыафылкыоу **ақьабзтэ поезиа**. Ари ажандр еиднакылоит еиуеипшым анцэахэқэа ирзынархоу арфеиамтақэеи (иаххэап, «Ажэеипшыаа рашэа», «Аергь ашэа», «Анцэа рашэа» ухэа уб. егь.), атацэаратэ бзазара шыаас измоу ашэақэеи (иаххэап, «Азар ашэа», «Атларчопа», «Ахэрашэа» ухэа уб. ит.), ацэыуарақэеи. Еиқэыпхызоу ашэа хкқэа акыр еишьашэалоуп рына-гзашьеи, реифеартэышьеи, руснагзатэқэеи рганахыала. Аха рыцхарас ика-лаз, атрадициатэ культура есаaira иахыанызаауа, ма апсыгэара иахыафэу иахыаны, иахыатэи апхыаф, уимоу, аспециалистцэагыи инагзаны ирызды-рам дара хытхыртас ирымоу, ақытауаа анкыа ианырхэоз, ишырхэоз, ақьаб-зи дареи реимадашыа...

Иқэыргылоу азцаарақэа ртак ақатары, иааилацаланы акэзаргыи, хыкэкыс ишьтырхуеит абрака хаз-хазы игоу статиакэаны ишэыдаагало ажэартэ ма-териалкэа. Астатиакэа ркны ирзаатгылоуп апсуа жэлар ркыабзтэ поезиа иацанакуа амузыка-поезиатэ рфеиамтақэа рцаки руснагзатэқэеи, чыдала иалыршоуп ашэақэа зыску ахафесахыақэеи, уака ицэыргоу еиуеипшым атра-дициатэ символкэеи рцакы апхыафцэа деилыркаара. Ишэыдаагало ажэартэ материалкэа фуп ААР Д.И. Гэлиа ихыз зху Апсуатцааратэ институт аусу-ратэ план инақэыршэаны, иагыанылараны икоуп хацхыака зтыцра азпхыа-гэатоу «Апсуаа рмифология. Аенциклопедиатэ жэар». Астатиакэа алфавит хасабла еишьтаргылоуп.

АЕРГЬ (АИРГЬ) АШЭА – амифология-кыабзтэ поезиа иацанакуа ап-суаа рфольклор-музыкатэ рфеиамтоуп. Ахатареи, агэымшэареи, айбашьреи рынцэахэы Аергь (Гьаргь ацкыа икульт иашыашэалоуп) изкуп. Апсуаа ари ашэа нарыгзон ашэартарақэа ркэырблаарц – айбашьра амэа ианану, ма шэарыцара шыхатэыла иканы адыд-мацэыс зцу амшцэгыа баапцкэа иан-рыкэшэоз.

«Аергь ашәа» иазааигәоуп абнеи ашәарахи рхылацшыбы Ажәеипшыаа изынархоу ашәәкәа, иара убас адыд-мацәыс анцәахәы Афы изку амузы-ка-поезиатә рәиамтақәагы. Урт ашәа хкқәа аки-аки анеилазәо, ма ианхеи-бартәаауа рацәоуп.

АЖӘЕИЦШЫАА РАШӘА – аифология-қабзтә поезиа иатцанакуа ацсуа жәлар рмузыкәтә рәиамтоуп. Абнеи ашәарыцарей рынцәахәы Ажәеипшыаа ихызала ашәарыцацәа инарыгзон. «Ажәеипшыаа рашәа» еиуеипшым ахкқәа ыкоуп: ашәарыцацәа шәарыцара ицаанза ирхәоз, мамзарггы ашәарах аныршылак аштыахь инарыгзоз. Шәарыцара ицаанза ирхәоз ашәәҕы ашәарыцацәа ахәара изыкарцоит Ажәеипшыаа, изқәыло «амәәҕ ирманшәаларц, иигахьоу, иифахьоу ашәарах ранеишьарц». Рәацахәы ашәарах роур, уи азы ашәала Ахылацшыбы иатабуеит дара. Ацсуаа агәра ганы излақаз ала, Ажәеипшыаа инапаҕоуп иахьыкоу шәарахс иаакоу зеггы, иара иоуп ашәарыцацәагы ираназшыо. Уи изин рымамкәа ашәарах рышыра азәгы дақәитым, иагылшом хәа ицхьазан.

АЗАР – ацсуаа рҕы ипсыз ауааы иқә-итцас амәацгара иадхәалоу гәа-кашәоуп. Уи рхәон здунеи зыцсахыз ипсхәы аныруаз (имшынәажәа, ма ишықәс) аан. Ацсхәра аены ауа-атахыра, ацсататәкәа рыманы ианымәахытцлак, «Азар» хәо, хынтә иашта иакәшауан, ипсыз иеишәаматәәҕы инеины иакәтәыуон. Ишықәс аныруаз, иқә-итцас анхдыркәшоз акәзар, итаацәа «Ацсхәы аауеит, атәрчей хазныкәыжәга» хәа аеыбгақазацәа ирылархәон. Ауааы дызлыцсааз ақыта, уимоу, антытггы аеыбгақазацәа рхы аладырхәуан агәәкра иамадоу уи аусмәацгатә: ацсхәра аены, иҕы кәадырны, нақ-аак ирывакны, «Азар» ашәа хәо иашта италон. Хынтә иашта ианакәшалак, иәеыжәтцны, илықәлан итәыуон иеишәаматәәкны. Анаәсан, еитаеыжәланы, атәрчей аныкәгара – аекәа реипцхнырыәлара – ацшыыргон. Ацшәмацәа иаиааиз аеыбгақаза ацхьахә ианаршыон.

Ацсуаа атәрчей аныкәгара ианакәытц, уи ақьабз иахәтакыз «Азар» ацхьанатә иамаз ацакы ацәызит. Амала ааскьанзаггы иара нарыгзон аеыбгақазацәа аеырхәмаррақәа раан.

АМЫТКӘМА – (ақыртшәакынтә иаауеит: «моқма» – «агәәкажәа» аанагоит) – ацсыжратә қьабз иамадоу, аимпровизациатә қазшыа змоу ацсуаа ртаацәара-бзазаратә қьабзтә поезиа иажанруп. Амыткәма, мамзарггы ацәыуара зхылҕеаауа – агәәкроуп, арыцхароуп: ауааы ипсера, мчымхарала ахцәара-ахызаара, абылра иахкьаны адәышкәағьаз ақәхара ухәа. Ацәыуара иаабац-ихахац лагырзыркәақәара мацарам – гәтыгьгьала ихырку, лирикатә

ажэала ишычоу поезиатэ рфеиамтоуп. Ацсы дахыкфеоу, ма псыжыншытахь инышэынтра ақелараан, мамзаргы а́ншыан ахь ианнеиуа ауп еихарак ацсуаа рфеы аццэыуара ахьацшыьырго. Аццэыуаөпцхэыс ацсы дихагыланы, ма инышэынтра датааны, инеиматэаны ауеимадахаа дцэыуоит. Еггыс абжыаа-цны, ацсыжратэ қыабз иадхэаламкэа, амыткэма ахэара, шамахамзар, иалдыршом итцасым хэа азыпцхызаны.

Шықэсык зхымтцыц («зхэы анырымтцацыз») азкы ицсрафэы ахэхэара, атэыуара (амыткэмахэара) алдыршомызт, «джьатеит», дхазтаз дахцэигеит хэа азыпцхызаны. Убас еипштцэка акэын дшымоапыргоз адыд-мацэыс зааханы ипсыз, ма ахцэа (аршышра) иагаз ауафы инарцэымфэа икэцараангы. Усеипшкэа раан ипсыз иуа-итахыра, алахьейкэра захьзу рхахьы иаамгакэа, уимоу, «Афрашэа», мамзаргы «Анцэа рашэа» хэо, икэшауа, ичыдоу ариуалтэ кэашарагы нагзауа, дымфэапыргон. Ажэлэр ргэаанагарала, атэыуара апшыьыргар, иаххылапшхэу дырзыгыашкуан. Ари афызэ атцас рыман егырт кавказтэи ажэлэркэагы – адыгаа, ауапсаа, авайнахцэа ухэа убас азэырфы.

Ацсуаа атэыуара иацсартэуамызт «ашыа зкыашыуаз» ауаа (амахагыацэа), ачархэаөцэа. Урт зыцсы штоу ипсыз хэа ипцхызан, ауаа ирыладыргыломызт, крызхарфоз айшэа иахадыртэомызт, крызнырфалоз ачанахгы иандырчаломызт.

Ианцслак, лагырз рыкэымпсазакэа, аешыара рнышэынтрафэ акэымкэа, на́к хара антытц иганы ицэытцаржуан.

Ацсуаа рыпсыжратэ қыабз иадхэалоу атэыуарақэа хкы-хкыла еиуеипшым: «Аца изы ан лцэыуара», «Аешыа изы аехэшыа лцэыуара», «Аб изы апца лцэыуара», «Ан лзы апца лцэыуара», «Апца лзы ан лцэыуара», «Аехэшыа лзы аехэшыа лцэыуара» уб. егы.

Амыткэмакэа ркны лацэажэартас ишытыху – ацсы лагырзашала ихьцэыуароуп, уи ехэапхызыла мацара ихцэажэароуп (изыргароуп), ицсра иахкыаны иуа-итахыра изташэаз арыцхара ду аарцшроуп. Аццэыуаө илыпхаз лтахы (лан, лаб, лашыа, лахэшыа ухэа) «диацэажэауа», азцаарақэа итауа, «аепныхэакэа» изыкацо, ихылтуеит азыргаратэ казшыа змоу ибиография акэытцэа хадакэа, иаапсара змадоу иус-хэыс; далацэажэоит иара йдлапса лыпцстазаара атакы шамам, лгэахэоит нарцэыка имыштыра... Ипсыз феыуаө хатца нагазар, еизарауафызар, ипстазаара уи аган иаха инацшыны дазаатгылоит. Ус акэымкэа здунеи зыпсахыз таацэара дук еипцазааз цхэысзар, аццэыуаө лмыткэмафэы уеизгы-уеизгы хшыфэыштыра азылуеит ахэыштыра амырцэаө апшэмапцхэыск, чеицыкауафык лахасабала уи лыбзырзы ахэара.

Ажэытэзаахыс ацсуаа ирыман «ацсы дзыргылоз» хэа ззырхэоз ахэса-аццэыуаөцэа: Гэдиа Жыи-цха, Доу Аргэын-цха, Қрисна Сангэлиа-цха, Надшыа Адлеи-цха, Вера Амч-цха ухэа убас азэырфы.

АНЦӘА РАШӘА – аңсуа жәлар рмифология-қабзтә поезиа иатәышьт-роу музыкатә рғиамтоуп. Аңсуаа рытрадициатә дунейхәапшышыа излаҳәоз ала, ачымазарақәа, ауабы илағуаз еиуеипшым ахьаа-баақәа ус баша рхала иңәырцуамызт, иаҳхылапшхәу иаңшыгамтоуп хәа иңхьазан. Ажәлар агәра ргон ачымазарақәа зегь доусы ирхылапшхәу аңцәахәы дрымоуп хәа. Ауабы дычмазағханы аиарта дамазар, уи цьара иакәымк импытқьейт, ахара идуп, аңцәахәы дахьирхәырц азоуп дзышьтәикыз хәа агәаанагара рыман ажәлар.

«Аңцәа рашәа» нарыгзон аңсуаа еихарак «нцәамусхәла» ичмазағхоз ауаа рзыҳәан. Нцәамусхәла иғеио ачымазарақәа рахь иңхьазан: аршышра, аҳцәа, аңсмачхара ухәа. Урт ачымазарақәа рыхәшәтәразы, «ахара зду» ихы иакәйттәразы, иалыршатәын ашәа хәо, еиуеипшым ақьабзқәеи ариуалтә цасқәеи мөаңго (ачыс чыда архиара, ачымазағи уи итаацәеи мағәа шкәакәала реилаҳәара, ашәахәареи акәашареи амөаңгара ухәа убас ирацәаны), ачымазара аңцәахәы (иаҳхәап, аҳцәа аңцәахәы Ахьы-Зосхан) «игәы ақатцара», иашьапқра. Ажәлар ртрадициатә гәаанагарала, зақа гәырғьа-ччарала ачымазара аңцәахәы изицылос – убриакара имарианы, иагьырласны ачымазағ илағьыз ахьаа-баақәа ихцахон.

Аңсуаа «Аңцәа рашәа» иазхьапшуан еиуеипшым ағкы-чмазарақәа – абчы, аимхәаршәаа, ахәдарчы, аңәыркычы ухәа анрылағлак. Урт ачымазарақәа зегьы злыпца хәура имтоуп хәа азырцхьазон. Убри акнытә ачымазағ иуа-иґахыра, агәыла-азла «злыпца хәура ртааит» хәа, ачымазағ иөнра чыдала игәцараркуан: дахьышьтоу ауада цаха қапшыбыла ирөычон, шәтыла итарлахауан, шәахәарыла, кәашарыла игәы картон, аҳамтақәа (иаҳхәап, акәтағ қапшықәа) ианаршьон.

Аңсуаа реиңш, абра излацәажәоу ацасқәеи ақьабзқәеи ракәын изықәныкәоз мраташәара-кавказтәи ажәларқәа азәырөғьы (абазақәа, адыгаа, ауаңсаа, ақарачқәа ухәа).

АЦХЬАРЦА – ағцыхәа иалху ө-рахәыцк змоу, аңсуаа ажәйтәзатәи рмузыкәтә рхәагоуп (инструментуп). Иара иаңу ағшыгы (смычок) ағцыхәа иалху арахәыцқәа рыла ишьақәгылоуп. Аңхьарца злырхуа ацлақәа иреиуоуп алаҳа, амча, ағәатцла, ал, ашәч ада ухәа. Аңсуаа ртоурых ағьы аңхьарца атың ду ааннакьлон. Аңсуа еибашьцәа ахьргәгәартақәа рғьы иантәаз, ма жәылара пхьақа ианцоз аңхьарца ныкәыргон, уимоу, аңхьарцархәағьы дрыцын. Жәыларациараан, аибашьцәа драпхьагылан аңхьарцархәағьы. Убрантәоуп, ажәлар ргәаанагарала, аңхьарца ахьзгы ахьынтәаауа – «аңхьа ацара / аңхьарцага». Аидысларақәа анааикәтәоз, аңсеитакраан, аңхьарцархәағьы агәымшәареи афьрхәцареи аазырңшыз ахацәарцар – уи иґахаз иакәзар қалон, иґамхаз иакәзар қалон – аңхьарца ианиңон – ағхәапхьызашәа рхиҳәаа-

уан. Ацхьарца зхырхэааз ажэытэ фырхацэа иреиуоуп: Цшькыае-ипа Манча, Нацха Кыагэа, Ацыр-ипа Данакаи, Мыстафа Чалакэуа ухэа убас азэырыфы.

Ацхьарца ахьаартэагакэа иреиуаны иахэапшуан ажэлэр. Аибашьра адэаефы, аидысларакэа раан, аибашьфы ижыы ицар – ахэра, ма абэапцэа иоур, – гэеикэхэалагак, гэыжьжыагак ахасабала ацхьарцала «Ахэра ашэа» изадырхэон. Итэхаз аибашьфы инарцэымэахь данынаскыаргозгыы, ацхьарцала агэакэшэа изадырхэон.

Ацхьарца, ашээрхэагак ахасабала, ахархэара аман, иахыагыы иамоуп еихарак азэ ихала инаигзо ашэакэа рхэараан. Ацсуаа рфеы традициала ацхьарца азырхэоз, уи ашэа иацызхэоз ахацэа ракэын. Иара азырхэоз – ацхьарцархэафы хэа ишьтан. Уи дагыцхьарцархэафын, дагышэахэафын (апоет-аимпровизатор).

Анкыа цсыуа «натацыцхыаза ацхьарца атзамцае иззыкнахамыз дыкымызт, убриакара ажэлэр ирылатцэан икан. Еихарак уи иацырхэоз афырхацара-епикатэ кэзшыа змоу ашэакэа ракэын.

Ацхьарца ицшыоу музыкатэ инструментны ирыцхыазон ацсуаа. Убри акнытэ, «нцэамусхэла» ауафы дычмазаэхар – ахцэа итаар, ма даршышыр, – ацхьарца ахархэарала (иаха ааскыа – ачамгэыр ала) ихыаа-баа ихнацоит хэа ашэа изырхэон. Арт реипш зеипшу атцаскэа ныкэыргон ацсуаа шыала-дала ирзааигэаз, мамзаргыы иргэылацэаз егырт кавказтэи ажэлэркэагыы (абазакэа, адыгаа, ауапсаа ухэа уб. егы.).

Ацхьарца хархэара азыруан ацсуаа, иара убас ауафы азы дашыыр, ма ахра даефыканы дтахар «ипсы атгараангыы».

Хэзтагылоу аамтазы ацхьарца ажэлэр рыфныцкыа, шамахамзар, ахархэара ацэызит, ашэаэхэаратэ хацшыгаратэ гэыцкэеи ахэынцкыарратэ ансамблькэеи ртэы алахамцозар.

Апсны атоурых аефы ацхьарцархэаэцэа дукэа хэа рыхыз аанхеит: Жана Ачба (Ачандара ак.), Хэыхэ Гамсаниа (Дэрыцшы ак.), Алиас Гэынба (Ачандара ак.), Шьардын Баалоу (Цыгарда ак.), Мачкэыкэ Адлеиба (Цлоу ак.), Цьаруа Цачлиа (Цакэашь ак.), Сауфыць Шьынкэба (Цлоу ак.), Татауаз Ашэба (Цыгарда ак.) уб. егы.

АТЛАР-ЧОЦА – амифология-кыабзтэ поезиатэ рфеиамтакэа иреиуоу «Аршышра ашэа» атекст аефы ицэыртцауа рефренуп. Иара ашэа ахатагыы «Атлар-чоца» хэа ианалыркаауагыы мачым. Ашэа нарыгзон «нцэамусхэла» ифеио, аршышра хэа изышытоу ачымазара ахыцэыртцауаз атаэцэараефы. Ус еипцкэа раан, иаршышыз ауафы, еихарак атыцхацэа, агэцаракра чыда рзеифекаахон ауа-атахыра, агэылацэа-азлацэа рганахыала. Атаэцэа, ачымазаэ далаеаххуеит хэа, шкэакэа матэала деилахэаны, хэыц еикэатэа злам

асыс, ма аты лызшыны дырныхэон; агэылацэа-ақэлацэа лымкаала иацшыыргон ачымазаа далархэны ашэахэареи акэашареи. Амала ачымазаа лах ашы зшэыз днарышьтуамызт. Ажэлар агэра ганы излаказ ала, уи абыза ахымсацгашыа – ачымазара анцэахэы игэы канатон, иара убриалагы ачымазаа лхьяа-баакэа иаарласны илкэиблаауан. Ашэеи уи иацу еиуеицшым ақабзтэ кэаматцамакэеи ирылацэан иахыыказ еихарак абжыуаа ркноуп.

Зызбахэ хамоу ашэа егырт кавказтэи ажэларкэагы (адыгаа, ауацсаа, акарачкэа ухэа) ирдыруеит. Иаххэап, ауацсаа рфы иара иахызуп «Алдар Цоппай».

Арефрен «Атлар-чоца» ацсышэазам, атэым бызшэа акынтэ иаагоуп: «ашыарада, «атлар» ауацс ажэа *aldar* иахылцуеит, иагыанагоит «атауад». Еилкаамкэа иаанхоит «чоца» (аварианткэа: чопа, чоуцар) закэу, насгы иахынтэаагоу. Аурыс етнограф Г.Ф. Чурсин игэаанагарала, Чопа – адыди амацэыси дрынцэахэуп, насшэоуп уи итыц анааникыла Афы. Ихэатэуп, карачы-балкариатэи амифологияфгы Чоппа – адыд-мацэыси аеафрей дышрынцэахэу.

АУРААШЫА – жэпашык ауаа злахэу, рнапы еибаркны еицынарыгзо ацсуаа ржэйтэтэи кэашара хкуп. «Аураашыа» анагзараан кэрала еиуеицшымыз ауаа алахэзар калон (зыуаабжара итысхыоу, атахмада, ахэса хэычкэа ухэа), аха еихарак арпарцэеи атыпхацэеи ракэын знапкэа еибаркны уи еимехазкуаз. Агьежыра ду катаны, жэахырла иаaidгылон акэашара алахэцэа, нас нак-аак рнапкэа еибаркны, икэаша-шыацэхыртэуа аикэашара иалагон; армарахытэ аргырахы еикэшон. Акэашара уеизгыы-уеизгыы ашэахэара ацын (ахызыртэра): ишэахэон иалахэызгыы настха игыланы ирыхэапшуазгыы. Ашэахэацэа реилазаарафы дыкан ахапа зхэоз, мамзаргыы ахкхэафы (корифей) хэа изышьтаз. Уи итыц ылхын икэашоз рыгэтаны: ашэа хациркуан, егырт зегы лафла ихыркыз «ихызыртэракэа» ирыцдыргызуан.

Ацсуаа «Аураашыа» икэашон: латан, анхацэа ажэла кацсара анхацдыркуаз аламталазы; уратагаланшьтахы, «Еафраныхэа» аныкартоз, иара убас егырт аныхэакэеи агэеизхара зцу аусмсацгатэкэеи (ачара, аеырыфара, атацаагара ухэа) раан. Хытхыртала «Аураашыа» ацсуаа рмыртатра-магиатэ дунеикэацшылара иадхэалоуп, урт рыбнашэара (ашэарыцара, абназара) цацгэыс измоу анкыатэи рритуалтэ цас-кыабзкэеи ирыхэтакуп. Убри акнытэ ари акэашара хкы асинкретикатэ кызшыа амоуп, уака аказара ихадоу рыхккэа рыхпагы (ажэа, амузыка, акэашара) еилахэны ицэырцуеит. Акэашараан хархэара змоу ашыацэхыртэреи еиуеицшым амаха-шыахатэ еитакракэеи амагиатэ шыата рымоуп, ацсабара иахыцшу ажэытэуаа игэа-

зыхэарақэа ралыршара иазхэоуп. Анаџстэи аамтақэа рзы ажэлэр рын-хашэа-чашэатэ псэзаарақны адгбылқэаарыхра апыжэара анааннакыла, «Аураашья» аеаџраарыхра (ажэлақьара, уратагалара уб. егы.) иадхэалоу ацасқэеи аныхэагатэқэи ирыдхэалахеит, уи ашытахь – иаха «идгбылтэу» егырт ахтысқэагы (апхэысаагара, ачараура, ацеи иира, аазара ирымаз арпыс итаацэа рахь ихынхэра ухэа).

Хазтагылоу аамтазы «Аураашья» ацсуа жэлэр рхореографиатэ культу-ра еиуоу кэашара хкык ахасабала Ацсны атыц аман икам, амала уи иахья уажэраанзагы ирхамышткэа иныкэыргоит тырқэтэылатэи хдиаспора (еихарак иахынарыгзо ачарақэа рџоуп).

АХЭРА АШЭА – ацсуа жэлэр рмифология-кыабзтэ поезиа иацанакуа музыкатэ рџеиамтоуп. Иара нарыгзон цыхыраара ласк ахасабала, ауаџы ижыи ицар (ибаџ пцэар, ахэра иоур, гэгэала дкэакэар), ма ахы иқэшэар. Ускан ааха зауз ауаџы изынарыгзоз ашэа, ажэлэр ргэаанагарала, гэыжыжагак, хьяа хэыгак изаџызахон. Иара ачымазаџ ихатагы (дцэартанхалан дыкэазаит атахызаргы) схьяа хысџеуеит хэа, «Ахэра ашэа» апхыарца иацхэо, игэы ихаирштуан, ихьяа хыаиршшон. Аетномузыкатцаџ К.В. Ковач ианицеит ари ашэа х-вариантк х-тагылазаашыак раан ирхэоз: ауаџы ахы аниқэшэа-лак, ауаџы ахы анилырхуаз, ауаџы ихэра атыц анџархэоз. «Ахэра ашэа» па-џос хаданы иагэылсуеит ахатареи, агэымшэареи, ахачхареи. Уи апызцаз ажэлэр рџоурых фырхатарала ишхыркыз шахатра азнауеит арџеиамта.

«Ахэра ашэа» иамоу амузыка-естетикатэ лшарақэа хшыџышыштра азу-ны, уи амелодиа хархэара азиуит иопера «Даиси» апцараан иналукааша ақыртуа композитор Захариа Цалиашвили.

МАФА / МАҚЭА – абзыпкэа ртацаагарашэа «Радеда» иагэылоу ажэақэоуп. Адыга бызшэа акынтэ иаауеит, иагэаанагоит «насыц змоу». Ашэа ахатеи уи иагэылоу ажэа «мофа» («мафа») зхылџеиааз хэа ажэлэр ир-дыруеит иакымкэа-иџбамкэа алегендақэа. Урт излархэо ала, арпыск ихэа-ны изтэаз ах ипцха Мофа дигараны дшыказ акэымкэа – Ашэынхытцынтэ иааз цыоуқы, ах иџаикэлан, дымцарсны дыргеит. Атыцха дзызхэаз арпыс, абцъар аашытхны, дрышьталеит. Ашыха ихытцаанза дрыхызеит. Еицыз ры-зынтэык ахы иаирган, ипхэыс даашытхны идэықэламтаз, ихэны ишытэз агацэа руазэк диенхсын, ичапан ахы ташэеит. Хтырпала ихэра ааџеихэан, Мофа даашытхны лаб икны дааигеит. Арпыс аџны дахьяаиз ипсэзаара далцит. Уи захаз ах ипцха лгэы пжэаны дыпсит. Мофа даарган дзызхэаз арпыс диваржит. Данааргоз «Радеда Мафа» рхэон игызуа. Убри иахылџе-иааит ашэа.

РАДЕДА – абзыпкэа рҕы еицырдыруа тацаагарашэоуп. Ари амузыка-поезиатэ рҕиамта шииз хэа апсуаа иакымкэа-«бамкэа алегендакэа рдыруеит. Алегендакэа руак излаханахэо ала, арҕиамта апхыа мыткэ-маноуп ишцэыртыз. Еиҕгэыхэааны бзиа еибабон апхэызба Радеи арцызба Дедеи; лара дизхэаны дыкан, ачарагь аҕхэара пцэан. Еибагараны ишыказ акэымкэа, айбашьра тысит. Уахь ацара икэшэеит Деда. Арцыс дахьцаз, дтахеит. Рада икалаз арыцхара анлаха, лҕылшыит. Радеи Дедеи ртоурых гэйтшыаага цэбуараны атоурых еитархэеит, ашьтахь ашэаны икалеит.

САУНАУ (САУЫНА / САУРОУ / СЫУСАНА) – апсуаа рмыртатратэ пантеон еиуоу нцэахэуп, дыпхэысуп. Лара дахылапшуеит алу (анапыла-лу). Ажэытэан анапылатэ алу ала арыц алагара зыпхыкэыз ахэса ракэын. Акыр ихьантаз ари ацбаус анагзараан, атыпха, ма апхэыс сус сырмариот хэа, мамзаргьы сгэы скычуеит хэа лусуратэ процесс ашэа ацылхэон. Ашэаҕы алагаф, алу анцэахэы лхы лыкэкны, иаалырцшуеит лгэазыхэаракэа:

Сауына, Сауына,
Сақә-сапыншэа быллага!
Ацбаа ртэы рцбацба,
Сысаа ртэы рыгэза!

ШЬАРАТЫН – амагиеи акульти ирымадоу, жэпафык ауаа злахэны еицынарыгзо апсуаа ржэытэзатэи айбаркыра кэашара хкуп. Иара анагзара асинкретизм казшыа амоуп: арака цыарак еилахэны рхы цэырыргоит аказара ахкы хадакэа рыхцагьы – ашэеи, ажэеи, акэашареи. «Шьяратын» нарыгзоит уеизгьы-уеизгьы ашэахэара (ахьзыртэра) ацны, ишэахэон акэашара иалахэызгьы настха игыланы ирыхэапшуазгьы.

Апсуаа «Шьяратын» икэашон айбашьра иандэыкэлози, уахьынтэи хьызла-пшала ианыгьежьюази. Арака амузыкеи акэашареи рритмкэа цэгьа еикэшэаны, насгьы иманшэаланы рҕеиларзфэит. Маха-шьахала, иара убас алахҕыхреи агэышьтыхреи ирызхэоу ашьтыбжькэа рыла акэашараҕы иаарцшуп ажэлар жэынгьы-ҕангьы зда иматэам айдгылара, агэымшэара, афырхатара.

Айбаркыра «Шьяратын» цакылеи нагзашьалеи ачеченцэа рритуал-магиатэ кэашара «Зикр» иашьашэалоуп.

Алитература

Атексткэа

Агэажэба Р.Х. Тьркэтэылатэи ацсуа рфольклортэ материалкэа // Ацсуа хэынтқарратэ музеи аусумтакэа. V атыжымта / Атак. арэд. А.М. Тэриа. Акэа, 1980. Ад. 62–64.

Ацсуа жэлэр ртоурыхтэ-фырхацаратэ хэамтакэа / Ианитцеит, акьыпхь иазирхиенит, апхьажэеи азгэатакэеи ифит С.Л. Зыхэба. Акэа, 1978. Ад. 50–56.

Ацсуа жэлэр рэапыцтэ рэиамта. Ахрестоматиа. Еихау ацарайуртакэа рзы арцагатэ хархэага / Еикэйршэеит, апхьажэеи азгэатакэеи ифит Ш.Хь. Салакаиа. Акэа–Қарт, 1975. Ад. 275–281.

Ацсуа жэлэр рэапыцтэ рэиамта. Ацба ашэакэа. Ақьабзтэ поезиа. Атэхэакэа. Абзатаратэ поезиа / Еикэйршэеит, акьыпхь иазирхиенит, апхьажэеи азгэатакэеи ифит В.А. Кэагэаниа. Акэа, 2008. Ад. 83–84.

Ацсуа жэлэр рэапыцтэ рэиамта 12 томкны. VII Амифологиатэ хэамтакэеи алегендакэеи / Атом еикэйршэеит, акьыпхь иазлырхиенит, апхьажэеи азгэатакэеи лфит Ц.С. Габниа. Акэа, 2002. Ад. 41, 43, 192–194, 272–276, 327–329.

Ацсуа фольклор / Ианитцеит, акьыпхь иазирхиенит, апхьажэеи азгэатакэеи ацицеит Ш.Хь. Салакаиа. Акэа, 2003. Ад. 63–64.

Ацсуа фольклор ө-шэкэыкны. Актэи ашэкэы: жэлэр рпоезиа / Ианитцеит, акьыпхь иазирхиенит, апхьажэеи азгэатакэеи ацицеит В.А. Кэагэаниа. Акэа, 2013. Ад. 15, 91, 173–174.

Ацсуа фольклор ө-шэкэыкны. Афбатэи ашэкэы: жэлэр рыпроза / Ианитцеит, акьыпхь иазирхиенит, апхьажэеи азгэатакэеи ацицеит В.А. Кэагэаниа. Акэа, 2013. Ад. 91.

Зантэриа Д. Аизга: ажэеинраалакэа, ажэабжькэа, ажэабжьоукэа. Акэа, 2013. Ад. 344–397.

Нарт Сасрыкэеи цшыноажэи жежэоык иара иашьцэеи. Ацсуа жэлэр репос / Еикэдыршэеит Инал-ица Ш.Д., Шьакрыл К.С., Шьынкэба Б.У. Акэа, 1962. Ад. 241–249.

Атцаамтакэа

Амчба Гь. Ацсуаа рэыбгаказара. Аетнографиагэ очерк. Акэа, 1978. Ад. 82–91.

Авардан Ш. Ацсуа жэлэр рыкэашаракэа. Акэа, 1964. Ад. 39–67.

Зыхэба С.Л. Ацсуа жэлэр рэапыцтэ рэиамта. Еихау ацарайуртакэа рзы арцага шэкэы. Акэа, 1981. Ад. 136–137.

Зыхэба С.Л. Ацсуа мифология. Атцааракэа. Акэа, 2012. Ад. 38–49, 396–398, 518–522, 536–537, 560–561, 610–615.

Козониа В.А. Ацсуаа рдоухатэ культура адакьакэа. Атцаамтакэеи, алитературатэ-критикатэ статиакэеи, афцэажэаракэеи. Акэа, 1999. Ад. 134.

Кэагэаниа В.А. Ацсуаа рэапыцтэ поезиа айфэртэышыа. Акэа, 2010. Ад. 137–155, 213.

Кәағәаниа В.А. Асазқәа ирызку атоурыхтә жәабжь // Ацсуатцаара. Ацсуа институт аусумтақәа. Атыжымта 3. Ақәа, 2009. Ад.185.

Лакрба Кә. Апхьарца // Лакрба Кәыча. Иҕымцәауа ахьыштаара. Ажәытә ажәабжькәеи агәалашәарақәеи. Ақәа, 1985. Ад. 38–41.

Лакрба Кә. Апхьарцархәащәа // Алашара. 2004. № 4. Ад. 107–111.

Лакрба Кә. Жана Ачба изкны гәалашәарак // Ацсны аказара. Ақәа, 1986. № 2. Ад. 13–15.

Мықәба А. Ацсны ахцәа. Ақәа, 2005. Ад. 130–131.

Шьынкәба Б. Ахьырцәатәа (Ацсуа жәлар рәапыцтә хәамтақәеи ретнографиатә бзазара иадхәалоу аматериалкәеи). Ақәа, 1990. Ад. 383, 479–484.

Абхазы. Издание второе, исправленное / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М., 2012. С. 281–303.

Акаба Л.Х. Джабран // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. Т. I. М., 1980. С. 368.

Аниба А.А. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси, 1982. С. 24–42.

Аргун А. Народные танцы абхазов. М., 1999. С. 166–170.

Бгажба Х.С. Бгажба Х.С. Труды. Книга вторая. Исследования и очерки. Сухуми, 1988. С. 165–177.

Гулиа Д.И. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухум, 1926. 20 с.

Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии / Сост. и предисл. Х.С. Бгажба. Сухуми, 1960. С. 29–32.

Дирр А.М. Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915. С. 1–24.

Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960. С. 309–310.

Лакербай М. Народный певец-сатирик // Литературная Абхазия. Сухуми, 1958. № 3(8). С. 249–278.

Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Жанровые и художественно-поэтические традиции. Нальчик, 1996. С. 271.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990. С. 46, 571.

Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. I. М., 1982. С. 75, 109, 341, 368.

Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. II. М., 1982. С. 46, 49, 418, 586.

Хашба И.М. Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, 1979. С. 13–56.

Хашба М.М. Жанры абхазской народной песни. Сухуми, 1983. С. 59.

Хашба М.М. Трудовые и обрядовые песни абхазов. Сухуми, 1977. С. 5–39.

Салакая Ш.Х. Обрядовый фольклор абхазов // Фольклор и этнография. Л., 1974. С. 24–26.

Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956. С. 60, 62, 100.

АТОУРЫХТЦААРА • ИСТОРИЯ

Архимандрит Дорофей (Дбар)

ГРУЗИНСКАЯ ПЕЧАТЬ ВИЗАНТИЙСКОГО ТИПА XI ВЕКА: ПРОИСХОДИТ ЛИ ОНА ИЗ СЕЛА АНХУА (АБХАЗИЯ)?

Аннотация. В статье рассматривается версия происхождения вислой печати византийского типа XI в. с надписью на картлийском (грузинском) языке письмом асомтаврули, предложенная в работах В. Чхаидзе и Е.К. Ендольцевой. Печать была найдена в море, в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани. Вышеназванные исследователи рассматривают вероятность, что печать происходит из монастыря в с. Анхуа в Абхазии. Ряд существенных замечаний относительно такой трактовки надписи на печати византийского типа XI в. и изложен в предлагаемой статье.

Ключевые слова: Анхуа, Анакопия, Н. Афон, Бжылуа (Веселовка), Судак, Тамань, св. Георгий, В. Чхаидзе, Е.Ю. Ендольцева, картлийский, асомтаврули, Х. Бгажба, Иоанн Скилица, А.Ю. Виноградов, Д.В. Белецкий, Ю.Н. Воронов, Л. Шервашидзе.

В 2017 г. были изданы материалы докладов и сообщений Нумизматических чтений Государственного исторического музея, посвященные памяти Т.Ю. Стукаловой (1958–2017), состоявшихся 23 и 24 ноября 2017 г. в Москве. Среди этих материалов был опубликован и доклад В. Чхаидзе¹ под названием «Грузинская печать византийского типа XI в.» (*Чхаидзе 2017: 61–66*), в которой автор рассматривает вислую печать с надписью на картлийском (грузинском) языке, выполненной письмом асомтаврули². Она стала известной в 2015 г.

«Печать, – сообщает названный исследователь, – наряду с 9 византийскими моливдовулами и одной заготовкой, была найдена в море, в районе

¹ Здесь и далее указание отчеств абхазских и грузинских авторов опущены нами сознательно.

² Определение *картлийский* в отношении языка, официально использовавшегося с XI в. в рамках средневекового царства абхазов и картвелов, в наше время часто встречается в работах Дениса Чачхалиа, в том числе и в работе по истории храма Акуача (или Куач-ныха, по версии названного автора) в с. Анхуа (*Чачхалиа 2018: 22*). Мы согласны с данным уточняющим определением, поскольку, когда мы говорим о средневековом объединенном государстве абазгов (абхазов) и картвелов (грузин), речь может идти о языке одной из составных частей этого государства – Картли. Понятие *Грузия* и *грузинский язык* корректнее применять для более позднего исторического периода. *Асомтаврули* – это древнегрузинское письмо заглавными буквами.

южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани. В настоящее время эта печать находится в частной коллекции» (Чхаидзе 2017: 62–63).

Каких-либо других подробностей об истории нахождения свинцовой печати с надписью на картлийском (грузинском) языке названный автор не сообщает.

В. Чхаидзе выдвинул версию о происхождении рассматриваемой свинцовой печати из с. Анхуа (расположено в Гудаутском районе Республики Абхазия) (Чхаидзе 2017: 64). Эта версия была поддержана Е.Ю. Ендольцевой. Она предположила, что печать могла быть найдена в тех же местах (или храме) в Анхуа, что и известняковый постамент предалтарного креста с ктиторской надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули), хранящийся ныне в фондах Абхазского государственного музея (Ендольцева 2020: 208; о постаменте см.: Шервашидзе 1974).

По сообщению В. Чхаидзе, на лицевой стороне печати в точечном ободке имеется изображение св. Георгия: он изображен по грудь, с точечным нимбом, безбородый, с пышными волнистыми волосами. С обеих сторон от святого надпись на картлийском языке (письмом асомтаврули) с сокращениями – $\text{ԲՃ} \parallel \text{ԴԴ}$, которая переводится как *Святой Гиорги*. На оборотной стороне печати четырехстрочная надпись в ободке также на картлийском языке (письмом асомтаврули) и сокращениями, которая прочитана В. Чхаидзе как – $\text{ԲՃԴԴԻ} \mid \text{Օ.ԽԵՐԺԽԵ} \mid \text{ՇՇԽՇԻԳ} \mid \text{ԴԽՇՇ}$ (*Святой Гиорги монастыря Айнахвийского*) (Чхаидзе 2017: 63, рис. 3)³.

«Слово “монастырь”, – поясняет названный исследователь, – (явный грецизм) передано через глоттальный *t'ar* (ჭ), древнегрузинский генитив на *sa* (в настоящее время *s* (ს)). Топоним достаточно очевиден. Последняя буква в третьей строке, которая плохо читается, вероятно *z* (дифтонг *wi*, который может обозначать и *y*) – “Айнахвиисай”. Развалины зального храма с полукруглой апсидой XI в., посвященного св. Георгию, известны в Абхазии, в селе Анухва (Анхуа), в 3 км к северу от Анакопии» (Виноградов, Белецкий 2015: 96–97, рис. 2, 9). Из храма происходит постамент для креста XI в. с ктиторской надписью асомтаврули – Георгия, сына Василия, вероятно, местного феодала или представителя духовенства (Бгажба 1967: 15–16, рис. 7; Шервашидзе 1974: 176–185). Таким образом, можно полагать, что помимо храма, посвященного св. Георгию в Анахви / Анухви, в XI в. здесь располагался и грузинский монастырь, откуда происходит рассматриваемая уникальная печать» (Чхаидзе 2017: 63–64).

³ К сожалению, нет возможности представить рисунок с изображением рассматриваемой печати из вышеуказанной статьи В. Чхаидзе из-за плохого качества снимка.

Судя по примечанию, приведенному В. Чхаидзе к прочтению надписи на рассматриваемой нами печати (Чхаидзе 2017: 63, прим. 1), трактовка «монастыря Айнахвийского» как монастыря в Анхуа в Абхазии, очевидно, была предложена А.Ю. Виноградовым и Ш. Гугушвили, авторами, изучающими и историю Абхазского Католикосата. Однако к такой трактовке надписи на рассматриваемой печати XI в. у нас есть несколько существенных замечаний.

1. Изначальное абхазское наименование интересующего нас села не *Анухва* и не *Анухви*, и не *Анахви*, и тем более не *Айнахви*, а *Анхуа*.

Известный языковед Хухут Бгажба (1914–2000) в работе «Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии», разъясняя название *Анакопия*, говорит и о топониме *Анхуа*. Заметим, что современный Новый Афон (древняя Анакопия) и Анхуа составляли единую территорию средневековой столицы Абхазии – Анакопии.

«В слове Анакопия, как и в Никопсия, – отмечает Х. Бгажба, – мы можем выделить окончание – *иа*. Основа *анакон*, видимо, восходит к *анаκ̄εαη*, где второй элемент *κ̄εαη* означает выступ (ср. *ακ̄εαηα-εαηα* “изрезанная, извилистая местность”). Первая часть *ана* – самостоятельная основа, которая может быть выделена и в других географических именах: *Ан-хэа* ← *Ана-хэа*, *Ана-κ̄εα-ηστα* (по-абх. *ана-κ̄εα* “ледник”, букв. “ледниковое ущелье”), *На-хэ*, *Ана-ηα*» (Бгажба 1956: 297).

К сказанному Х. Бгажба добавим, что византийский хронист XI–XII вв. Иоанн Скилица упоминает топоним Анакопия как *Ἀνακουφία* (Анакуфия) (Glossar 1979: 217; Seibt, Jordanov 2006: 231)⁴. На византийской печати XI в., обнаруженной в Болгарии (см. ниже), топоним Анакопия зафиксирован как *Ἀνακούπι* (род. п.) (Анакупи) (Seibt, Jordanov 2006: 231–239). Т. е. абхазское название *Анаκ̄εαηια* в точности совпадает с греческим из вышеуказанной печати XI в. У Скилица же вместо греческой буквы π (пи) используется φ (фи). Вероятно, различное написание указанного топонима связано с восприятием отсутствующего в греческом языке звука η, который может быть передан как через *n*, так и через *φ*. Таким образом, первая часть греческой вариации топонима Анакопия, как и абхазская, – это самостоятельная основа *Ана* – (*Ἄνα*).

⁴ Скилица 389, 48–51 (1032–1033 гг.): «τότε δὴ καὶ Ἀλδὴ ἡ Γεωργίου τοῦ Ἀβασγοῦ γυνὴ, τοῦ γένους οὖσα τῶν Ἀλανῶν, προσερρῦν τῷ βασιλεῖ, παραδοῦσα καὶ τὸ ὄχυρότατον φρούριον τῆν Ἀνακουφίαν. ἧς τὸν υἱὸν Δημήτριον ὁ βασιλεὺς τῷ τῶν μαγίστρων τετίμηκεν ἀξιώματι (тогда же и Алда, жена Георгия Абазга, [которая] родом была из аланов, прибегла к царю (византийскому императору), сдав и прочнейшую крепость Анакопию. Ее сына Димитрия царь (византийский император) почтил достойным магистра. – Пер. о. Дорофей)» (Glossar 1979: 217; Seibt, Jordanov 2006: 231).

Следовательно, связь между топонимом *Айнахвишсай* на свинцовой печати, найденной в море в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани, и названием села Анхуа на территории Абхазии для нас – в отличие от В. Чхаидзе – недостаточно очевидна.

2. В. Чхаидзе, ссылаясь на работу А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства» (Москва, 2015), говорит о развалинах «зального храма с полукруглой апсидой XI в., посвященного св. Георгию», известных «в Абхазии, в с. Анухва (Анхуа), в 3 км к северу от Анакопии» (см. выше).

В указанной работе А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого речь идет просто о храме в пос. Веселовка (Бжылуа) с. Анхуа. Авторы не говорят, что храм был посвящен св. Георгию. Кроме того, если план храма, опубликованный Ю.Н. Вороновым в 2002 г., действительно является планом храма св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа (судя по всему, это так!), то тогда соотношение храма, указанного в вышеупомянутой статье Ю.Н. Воронова, с храмом в пос. Бжылуа (Веселовка) с. Анхуа, сделанное А.Ю. Виноградовым и Д.В. Белецким в той же их совместной работе, является ошибочным (*Воронов 2002: 353–354; Виноградов, Белецкий 2015: 96–97*).

Отметим, что А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий, равно как и большинство других исследователей, рассматривавших в своих работах христианские памятники с. Анхуа, имеют весьма путаное представление о месте их локализации и архитектурных особенностях. Тому есть объяснение.

В настоящее время известно о наличии пяти средневековых христианских храмов в границах современной территории с. Анхуа: 1) храм св. Георгия в пос. Агца; 2) храм в пос. Акуача; 3) храм на горе Акуи; 4) храм № 1 в пос. Бжылуа (советское наименование поселка – Веселовка); 5) храм № 2 в пос. Бжылуа.

За исключением храма Акуача, остальные средневековые церкви Анхуа дошли до нашего времени в руинированном состоянии. Их стены сохранились на высоту максимум до одного метра от уровня земли. К тому же, все они были спрятаны под дикой растительностью, проросшей вокруг них⁵. Поэтому у большинства исследователей не было возможности осмотреть и визуально изучить христианские памятники Анхуа. По этой же причине эти памятники остались вне поля зрения путешественников и в XVIII–XIX вв.

3. Чхаидзе, ссылаясь на работы Х. Бгажба и Л. Шервашидзе (*Бгажба 1967; Шервашидзе 1974*) сообщает, что «из храма (автор подразумевает зальный

⁵ Систематическая работа по расчистке христианских памятников Анхуа стала проводиться с 2016 г. прихожанами и сотрудниками Священной Митрополии Абхазии под руководством архимандрита Дорофея (Дбар).

храм с полукруглой апсидой XI в. в пос. Бжылуа. – о. Дорофей) происходит постамент для креста XI в. с ктиторской надписью асомтаврули – Георгия, сына Василия, вероятно, местного феодала или представителя духовенства» (см. выше). Однако Х. Бгажба и Л. Шервашидзе нигде не отмечают, что указанный постамент происходил из «храма св. Георгия в пос. Бжылуа». В действительности предалтарный постамент для предалтарного креста был, скорее всего, из храма Акуача в с. Анхуа (Дорофей Дбар 2021).

4. У нас нет никаких данных, что в древности на территории Анхуа существовал монастырь, тем более грузинский, как это полагает В. Чхаидзе. Использование на вислой печати (которая, по мнению В. Чхаидзе, происходит из Анхуа) либо на нескольких церковных архитектурных деталях из с. Анхуа картлийского (грузинского) языка не обязательно означает, что их создатели – этнические грузины, а церкви и монастыри, к которым они могли иметь отношение, были грузинскими. XI век – это время существования единого государства абазгов (абхазов) и картвелов (грузин) под названием «Абхазское царство», когда на территории самой Абхазии наравне с греческой письменностью начинает использоваться и картлийский (грузинский) язык. Яркий пример того – плита алтарной преграды из Анхуа со сценой Распятия Христа, на которой приведены надписи как на греческом, так и на картлийском (письмом асомтаврули) языках (Дорофей Дбар 2021).

5. Если и был монастырь в Анхуа, то он, судя по всему, мог находиться на территории нынешнего пос. Бжылуа (Веселовка), где сохранились, как мы уже отметили выше, руины двух церквей различных типов, причем расположенных рядом. Обе церкви могли быть частью монастырского комплекса. К сожалению, археологические раскопки на месте расположения названных церквей не проводились, поэтому данными о наличии других возможных монастырских зданий на этой территории мы не располагаем. Однако одно можем сказать точно: у нас вообще нет никаких данных, что руины двух храмов в Бжылуа могли быть посвящены св. Георгию Победоносцу, равно как не существует никаких свидетельств, что какая-либо из известных нам средневековых церквей в Анхуа была посвящена св. Георгию. Единственное, что мы имеем, так это плиту алтарной преграды с изображением св. Георгия, которая происходит, скорее всего, из храма в пос. Акуача (Дорофей Дбар 2021). Посвящение же храма в пос. Агца с. Анхуа св. Георгию, как нами было установлено, произошло уже в первой четверти XX в. (Дорофей Дбар, Сангулия 2020).

В завершение следует отметить, что обнаруженные непосредственно на территории Абхазии печати византийского типа, в их числе и церковные, все без исключения имеют надписи на греческом языке. Причем несколько

из них были найдены в Анакопии, т. е. в непосредственной близости от Анхуа. На сегодня нам известны следующие печати из Абхазии:

1. Вислая печать из Анакопии (Новый Афон). Свинцовая, овальной формы, W – 23 мм, H – 25 мм, Th – ок 5 мм, Wt – 22 г. Случайно обнаружена в 1974 г. на Анакопийской горе, на поверхности земли. В том же году передана в Абхазский государственный музей. Датируется VI–VII вв. Надписи (выполнены заглавными буквами; в виде крестообразных монограмм; приводятся в прочтении издателя печати Л.Г. Хрушковой): л.с. – ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΝΘΕΙ (Богоматерь, помощи или защиты)⁶, о.с. – ΕΠΑΡΧΗ ΠΕΤΡΟΥ (Епарха Петра)⁷ (Хрушкова 1976: 146–148, рис. 1: фото и прорисовки аверса и реверса).

Вся надпись прописным письмом (с учетом правил орфографии др.-греческого) и в переводе на русский язык (с пояснениями): *Θεοτόκε, βοήθει ἐπάρχου Πέτρον (Богородица, защити (помоги) епарха (правителя епархии, провинции) Петра).*

2. Вислая печать епископа Феодора (Пицунда). Свинцовая, овальной формы. Случайно обнаружена в 1960 г. на Пицундском городище. Датируется VII в. Надписи (выполнены заглавными буквами): л.с. (по вертикали, с двух сторон от изображения) – Η–ΑΓ–Ι–Α Σ–ΟΦ–Ι–Α (Η ΑΓΙΑ ΣΟΦΙΑ, Святая София), о.с. (в четыре строки) – ΘΕΟΔ–ΓΩΡΟΥΕ–ΠΙΣΚΟ–ΠΟΥ⁸ (ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΕΠΙΣΚΟΠΟΥ, Феодора Епископа). На аверсе данной печати имеется изображение Святой Софии (Премудрости Божией) в виде женского образа с крестом у груди⁹ (Дундуа 1973: 73–76, 103–104, рис. с прорисовками аверса и реверса; Виноградов, Белецкий 2015: 40, 133).

⁶ Л.Г. Хрушкова второе слово *βοήθει* переводит как «помилуй» (Хрушкова 1976: 146). Это неверно. Греческий глагол *βοηθέω* означает «помогать, защищать».

⁷ Л.Г. Хрушкова отмечает, что *Ἐπάρχου Πέτρον (Επαρχα Петра)* стоит в дат. п. (Хрушкова 1976: 146). Это неверно. Окончания обоих слов, которые переданы в самой печати с использованием сокращенной формы написания греческого диграфа *ΟΥ (ov)* → *ϑ*, указывают на род. п.

⁸ Здесь, как это видно из прорисовки рассматриваемой печати, окончания обоих слов переданы без использования сокращенной формы написания греческого диграфа *ϑ* ← *ΟΥ (ov)*.

⁹ Г. Дундуа, издатель рассматриваемой вислой печати из Пицунды, полагал, что данный женский образ – это «изображение св. Софии в полный рост с мученическим крестом у груди» (Дундуа 1973: 103). Т. е. речь должна идти о святой мученице по имени София. Такая трактовка не верна. Речь однозначно идет о Святой Софии – Премудрости Божией, т. е. Христе. Как известно, в византийской иконографии различаются два независимых друг от друга сюжета с изображением Святой Софии. Первый – Христос, Премудрость и Слово – под видом «Ангела великого совета». Второй, более ранний, олицетворение Премудрости, Божественной или человеческой, по типу античных олицетворений, в женском образе. Последний образ мы как раз имеем на свинцовой печати из Пицунды (Флоровский 1932: 485–500).

Вся надпись прописным письмом (с учетом правил орфографии др.-греческого) и в переводе на русский язык (с пояснениями): *Ἡ Ἀγία Σοφία. Θεόδωρου Ἐπισκόπου (Святая София (Премудрость Божия). [Печать] Феодора (или Теодора) Епископа (надзирателя, главы христианской общины)).*

3. Вислая печать Константина Абазгского (Пицунда). Свинцовая, неправильной формы, D – 2,8–2,5 см, Wt – 13,13 г. Найдена в 1954 г. на территории, где велись раскопки Пицундского городища. Датируется VIII в. Надписи (выполнены заглавными буквами): л.с. (в три строки, с двумя крестиками) – †ΚΓΩΝC–TANT–INOC† (ΚΓΩΝCΤΑΝΤΙΝΟC, Константинос), о.с. (в две строки, с двумя крестиками) – †ΑΒΑC–ΓΙΑC† (ΑΒΑCΓΙΑC, Авагии, Абазгии) (*Леквинадзе 1955: 403–406, рис. 1: прорисовки аверса и реверса; Бгажба 1967: 7–8, рис. 1 и 2; Виноградов, Белецкий 2015: 34¹⁰*).

Вся надпись прописным письмом (с учетом правил орфографии др.-греческого) и в переводе на русский язык (с пояснениями): *Κωνσταντῖνος Ἀβασγίας (Константинос, (владелец) Авагии или Абазгии (Константин Абхазский)).*

4. Вислая печать из Анакопийской крепости № 1 (Новый Афон). Медная, овальной формы. Найдена в 2015 г. во время раскопок воротной башни Анакопийской крепости. Экспонируется в Музее Абхазского царства в Новом Афоне. Датируется XI в. Надписи (выполнены заглавными буквами): л.с. (по вертикали, в верхней половине печати с двух сторон от изображения) – ΟΑ–ΓΙ–ΟC ΓΕ–ΩΡ–ΓΙ–ΟC (Ο ΑΓΙΟC ΓΕΓΩΡΓΙΟC, Святой Георгий), о.с. (в семь строк, с крестиком и сокращениями; в прочтении издателя печати А. Аргун) – †KER,Θ,–TGΩCGΔΔ,–KΓONTGΩUGΩ–T8ÂΠP,EA P,–S¹¹EΞC,KPA–TGΩP,ΠACHC–AΛANI, (Господи, помоги рабу твоему Константину, (сыну?) протопроедра и эксусиакратора всей Алании). На аверсе имеется изображение св. Георгия Победоносца в полный рост в военных доспехах (*Аргун 2016: 4–10; Аргун 2020: приложение, рис. 31: прорисовка реверса и фото аверса и реверса*).

Наш вариант прочтения данной надписи (с раскрытием сокращений в квадратных скобках) – †K[YPI]E B[OH]Θ[EI] TGΩ CGΔ ΔΟΥ[ΛGΩ] KΓON[CTANTINGΩ] TGΩ Y[I]GΩ TOY A' ΠP[O]EΔP[OY] [KA]I EΞOYC[IA] KPATGΩP[OY] ΠACHC AΛANI[AC] (Господи, помоги рабу твоему Константину, сыну протопроедра и эксусиакратора всей Алании).

¹⁰ А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий в работе «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства» (Москва 2015) при указании имени Константина Абазгского на греческом языке допустили техническую ошибку: вместо *Κωνσταντῖνος* – *Κωνσταντῖνος*, т. е. вместо ω (омеги) о (омикрон) (*Виноградов, Белецкий 2015: 34*).

¹¹ S – знак сокращенного написания греческого союза *καί* (и).

Вся надпись прописным письмом (с учетом правил орфографии др.-греческого) и в переводе на русский язык (с пояснениями): *Ὁ Ἅγιος Γεώργιος. Κύριε, βοήθησε τῷ σω (?) δοῦλῳ Κωνσταντίνῳ, τῷ υἱῷ τοῦ πρωτοπρόεδρου καὶ ἐξουσιακράτορου πάσης Αλανίας (Святой Георгий. Господи, помоги рабу твоему Константину, сыну протопроедра (первопредседателя) и эксусиакратора (властидержателя) всей Алании).*

5. Вислая печать из Анакопийской крепости № 2 (Новый Афон). Свинцовая, овальной формы (придавленная, один из краев расплющен и надорван), Th – ок. 3–4 мм. Случайно обнаружена сотрудником Сухумского кафедрального собора Леонидом Костаненко (впоследствии священник, клирик Екатеринодарской и Кубанской Епархии РПЦ) в 1996 г. в Анакопийской крепости (лежала в грунтовой смеси поверх внешней стены крепости, напротив водонакопителя)¹². На аверсе – изображение двух воинов с копьями, на реверсе – надпись на греческом языке.

Помимо вышеперечисленных пяти вислых печатей, найденных непосредственно на территории Абхазии, следует сказать и еще о трех других печатях, также имеющих отношение к Абхазии:

1. Вислая печать из коллекции Dumbarton Oaks (Вашингтон, США, инв. № BZS.1958.106.694a)¹³. D – 25.0 мм. Печать датируется 668 – ок. 672 гг. Надписи (выполнены заглавными буквами; в прочтении издателей печати): л.с. (круговая в верхней части, сохранилась только половина; в три строки, с сокращениями, в нижней половине печати): ...– ΔΣΡΘ. ΠΟΥ-ΠΑΤΓΩ–ΑΓΓΕΝΙΚ–ΟΥ, о.с. (в четыре строки, с сокращениями, в нижней половине печати) – ΚΟΜΜΕΡΚΙΑΡ–ΙΒΑΠΟΘΙΚΗΣ–ΕΒΑΣΤΟ.–ΟΛΕΓΩ. На аверсе поясное изображение императора Константина IV с короткой бородой, в венце и хламиде, с крестообразным шаром в руках. На реверсе поясные изображения юных Гераклия и Тиберия в той же одежде и с теми же знаками отличия, что и у их брата на аверсе (*Nesbitt, Oikonomides 1991: 193¹⁴; Theodore 2022*).

Вся надпись прописным письмом (с учетом правил орфографии др.-греческого) и раскрытием сокращений в скобках (в прочтении издателей печати): *Θεοδώρου ἀπὸ ὑπάτων καὶ γενικοῦ κομμερκιαρίου ἀποθήκης¹⁵ Σεβαστο-*

¹² Леонид Костаненко отдал печать иерею Виссариону Аплиаа, который в свою очередь преподнес ее в дар Первому Президенту Республики Абхазия Владиславу Ардзинба (1945–2010).

¹³ Dumbarton Oaks (Думбартон-Оукс) – крупнейший центр американской и мировой византистики, находящийся под управлением попечителей Гарвардского университета.

¹⁴ Данный каталог византийских печатей в Dumbarton Oaks и Музее искусства Фогга под авторством Джона Несбитта и Николаса Икономидеса оказался для нас недоступен.

¹⁵ Хотя данное греческое слово должно писаться через η – ἀποθήκης.

*πόλεως*¹⁶ (*Theodore 2022*). Наш перевод на русский язык (с пояснениями): [Печать] Феодора (Теодора) из консулов и генерального коммеркиария склада¹⁷ Себастополиса (совр. Сухум)¹⁸.

2. Вислая печать из коллекции Н. Николова (г. Разград, Болгария). D – 37 мм (общий), поле – 28 мм, Th – 3,5 мм, Wt – 25 г. Датируется 40-ми XI в. Надписи (выполнены заглавными буквами; в прочтении издатель печати Вернера Зайбта и Ивана Йорданова): л.с. (в пять строк, с крестиком и сокращениями) – †KER,Θ,–ΝΙΚΟΛΑ–ΓΩΑΣΠΑΘ,–ΕΠΙΤ8ΧΡ–ΓΚΛ,Ν,, о.с. (в четыре строки, с сокращениями) – ССТРА–ΤΗΓ,СР8–ΠΟΛ,SAN,–Κ8Π (*Seibt, Jordanov 2006: 231–239*).

Вся надпись прописным письмом (с учетом правил орфографии др.-греческого) и расшифровкой сокращений в скобках (по В. Зайбту и И. Йорданову): *Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) – Νικολάω (πρωτο)σπαθ(αρίω) ἐπὶ τοῦ Χρ(υσο)(τρι)κλί(ν)ου (καὶ) στρατηγ(ῶ) Σ(ωτη)ρουπόλ(εως) (καὶ) Ἀν(α)κούτι* (*Seibt, Jordanov 2006: 233–234*). Наш перевод на русский язык (с пояснениями): *Господи, помоги Николаю протоспафарию (первому спафарию) Хрисотриклина (Золотой палаты) и стратегу (военачальнику) Сотируполя¹⁹ и Анакопии.*

3. Вислая печать из коллекции Русского археологического института в Константинополе (Стамбул, Турция)²⁰. Свинцовая. В каталоге моливдовулов из коллекции Русского археологического института в Константинополе, составленном Б.А. Панченко и опубликованном 1903–1908 гг., печать указана под № 359 (*Панченко 1908: 99–100*). В 1931–1934 гг.

¹⁶ «(Seal of) Theodore apo hypaton and general kommerkiarios of the apotheke of Sebastopolis» (*Theodore 2022*).

¹⁷ Как полагают издатели рассматриваемой печати, склад (*ἀποθήκη*), о котором речь идет в надписи на печати, был связан с производством и торговлей шелком (*Theodore 2022*).

¹⁸ Как полагают издатели рассматриваемой печати, при идентификации *Себастополиса* необходимо принять во внимание, что известные три города с таким названием: 1) Себастополис Понта, который был расположен к северу от Себастии Армянской (совр. Турция); 2) Себастополис Абазгийский (Сухум, Абхазия) и 3) Себастополис Фракийский, к северу от Филиппополиса (Пловдив, Болгария). При этом издатели печати считают, что в надписи речь идет, вероятнее всего, о городе Себастополисе в Абазгии, и приводит ряд аргументов в пользу такого понимания (*Theodore 2022*).

¹⁹ В. Зайбт и И. Йорданов город *Сатирунополь* или *Сатирунополис* отождествляют с Пициусом (Пицунда) (*Seibt, Jordanov 2006: 233–234*). Относительно локализации названного города существуют несколько версий, однако этот вопрос выходит за рамки темы предлагаемой статьи и требует отдельного рассмотрения.

²⁰ Институт функционировал в Константинополе (Стамбуле) с 1894 по 1914 г. Им были изданы 16 выпусков журнала под названием «Известия Русского археологического института в Константинополе» (первые пять выпусков были напечатаны в Одессе в 1896–1900 гг., остальные 11 выпусков – в Софии в 1901–1912 гг.).

в греческом периодическом издании «Ελληνικά» (№ 4–8) была опубликована известная работа В. Лорана (специалиста в области византийских печатей) «Les Bulles métriques dans la sigillographie Byzantine». В 1934 г. работа вышла в Афинах отдельным изданием. В этом каталоге рассматриваемая печать представлена под № 678 (*Laurent 1934: 299–300*). Печать датируется XI–XII вв. Надписи (выполнены заглавными буквами; в прочтении издателя печати Б.А. Панченко): л.с. (в пять строк, с двумя крестиками и сокращениями) – †СФР.–ΓΙΣΑΒΑΣ–ΓΟΥΤΩ.–ΓΡΑΦ...–ΕΓΩΡΓ, о.с. (в пять строк, с сокращениями и крестиком) – ΚΑΠ.Α–ΚΤ.ΟΝ–ΚΥΡΩΣΙΣ–ΑΣΦ.ΛΕ–ΣΤΑΤΗ† (*Панченко 1908: 100*).

Вся надпись прописным письмом (с учетом правил орфографии др.-греческого) и раскрытием сокращений в скобках (по Б.А. Панченко и В. Лорану): Σφρ[α]γίς Αβασουῶ τῶν γραφ[ῶν] Γ]εωργ[ίου] καὶ πρακτ[έ]ων κύρωσις ἀσφ[α]λεστάτη (*Панченко 1908: 100; Laurent 1934: 299*)²¹. Наш перевод на русский язык (с пояснениями): *Печать Абазга Георгия, писаний (письменных распоряжений) и деяний [которого] заверение вернейшее (гарантированное).*

Литература

Аргун 2016: Аргун А. Вислая печать из привратной башни Анакопийской крепости // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г. Краснодар, 2016. С. 4–10

Аргун 2020: Аргун А. Историко-культурное исследование Анакопийского архитектурного комплекса в контексте истории Абхазии II–XV вв. Дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. Сухум, 2020. (На правах рукописи.)

Бгажба 1956: Бгажба Х. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии (в связи с работой Павле Ингоркв «Георгий Мерчуле») // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. 27 (1956). С. 279–303.

Бгажба 1967: Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1967.

Виноградов, Белецкий 2015: Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М.: Индрик, 2015.

²¹ Б.А. Панченко дает следующее пояснение к рассматриваемой надписи: «Αβασουός, собственно этническое имя (абхазец), встречается и в качестве фамильного: *Ф.И. Успенский*, синодик в Неделю Православия, Одесса 1893, стр. 65 (*Cod. Vindob. Philos. 203, f. 88*): Πρὸς τὸν Αβασουὸν τὸν γραμματικὸν ἀπορία πέρυσιν γραμματικῆς. Этот грамматик Абасг, современник И. Итала, мог быть собственником нашего моливдовула, и мы узнали бы в таком случае его личное имя» (*Панченко 1908: 100*).

Воронов 2002: Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры. 12 (2002). С. 334–362.

Дорофей (Дбар), Сангулия 2020: Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г. Средневековый храм св. Георгия в селе Анхуа: предварительные результаты археологических раскопок 2019 г. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 329–332.

Дорофей (Дбар) 2021: Дорофей (Дбар), архимандрит. Греческая надпись из архитектурной детали из церкви с. Анхуа. Доклад на Международной научной конференции «Северо-Западный Кавказ и Причерноморье в древности и средневековье», посвященной 80-летию Олега Бгажба. Сухум, АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА, 10–11 августа 2021 г. (Материалы конференции готовятся к печати).

Дундуа 1973: Дундуа Г. Вислая печать епископа Феодора из Бичвинта // Друзья памятников культуры. 33 (1973). С. 73–76, 103–104 (на груз. яз., аннотации на рус. яз.).

Ендольцева 2020: Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2020.

Леквинадзе 1955: Леквинадзе В. Вислая печать Константина Абхазского // Сообщение АН ГССР. Т. 16. № 5. 1955. С. 403–406.

Панченко 1908: Панченко Б.А. Коллекция Русского археологического института в Константинополе. Каталог моливдовулов // Известия Русского археологического института в Константинополе. 13 (1908). С. 78–151.

Флоровский 1932: Флоровский Г., протопресвитер. О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси // Труды V съезда русских академических организаций. Ч. 1. София, 1932. С. 485–500.

Хрушкова 1976: Хрушкова Л.Г. Моливдовул из Анакопии // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа. 5 (1976). С. 146–148.

Чачхалиа 2018: Чачхалиа Д.К. Храм Куач-ныха близ Нового Афона (Абхазия). М.: АКВА-Абаза, 2018.

Чхаидзе 2017: Чхаидзе В. Грузинская печать византийского типа XI в. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 г. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений памяти Т.Ю. Стукаловой (17.12.1958 – 16.01.2017). М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 61–66.

Шервашидзе 1974: Шервашидзе Л. Столб из села Анухва // Труды абхазского государственного музея. 4 (1974). С. 176–185.

Glossar 1979: A.A.F. Ἀβασύια, Ἀβασοῖ, Ἄβασκος // Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa. Herausgegeben von Jadran Ferluga, Manfred Hellmann, Herbert Ludat. Redaktion Athanasios A. Fourlas, Anastasios A. Katsanakis. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Lieferung 7: Ἄβασοι (Schluß) – Ἀγάθουρσοι (Anfang). Franz Steiner Verlag GmbH Wiesbaden, 1979. S. 208–228.

Laurent 1934: Laurent V. Les Bulles métriques dans la Sigillographie Byzantine // *Ελληνικά*, 7 (1934). P. 63–71, 277–300.

Nesbitt, Oikonomides 1991: Nesbitt J.W., Oikonomides N. Catalogue of the Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and at the Fogg Museum of Art, Vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, DC, 1991.

Seibt, Jordanov 2006: Seibt W., Jordanov I. Στρατηγός Σωτηρουπόλεως και Ανακούπητος. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchazien (11. Jh.) // *Studies in Byzantine Sigillography*. 9 (2006). S. 231–239.

Theodore 2022: Theodore apo hypaton and general kommerkiarios of the apotheke of Sebastopolis (668-ca. 672) // Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 2022. <https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1958.106.694a>

Архимандрит Дарат (Дбар)

XI АШӘЫШЫҚӘСАЗТӘИ ВИЗАНТИАТӘИ АХКЫ ИАЦАНАКУА АҚЫРҒУА АМХӘЫР ХЫЛТШЫҒРАЛА АНХӘАТӘИУМА?

Аннотация. *Астатиағы иазаатғылоуп XI ашәышықәса иатәу асомтаврүли ашышала қыртішәлала адыларә змоу византиатәи амхәыр хынхала ахыҕхырґазы В. Чхәузеи Е.К. Ендольцевои русумґақәа рғы иаарго аверсиа. Амхәыр ґиаан амиын ағы, алада-ґрымтәи амиынґшахәа (Судак?), мамзарғыы Тамань азымехак ағы. Зызбахә хәмоу аґарауаа рґәаанагарала, амхәыр аґсуа қыґа Анхәа иґоу абертґыґ иатәызар аґеит. Убри аґәаанагара иазкны крызґазкуа зґәатарақәак аагоуп абри астатиағы.*

Ихадароу ажәәқәа: *Анхәа, Афон Ғыц, Бжсьлуа (Весиоловка), Судак, Тамань, Ғарґь Ацґба, В. Чхәузе, Е.И. Ендольцева, картлитәи, асомтаврүли, Хә. Бґажәба, Иоанн Скилица, А.И. Виноградов, Д.В. Белецки, И.Н. Воронов, Л. Шервашизе.*

Archimandrite Dorotheos (Dbar)

GEORGIAN SEAL OF THE BYZANTINE TYPE OF THE 11TH CENTURY: DOES IT COME FROM THE VILLAGE OF ANKHUA (ABKHAZIA)?

Annotation. *The article discusses the version of the origin of the hanging seal of the Byzantine type in the 11th century with an inscription in the Kartli (Georgian) language in the asomtavruli script, proposed in the works of V. Chkhaidze and E.K. Endoltseva. The seal was found in the sea, in the area of the southern Crimean coast (Sudak?) or in the waters of Taman. The above researchers are considering the possibility that the seal comes from a monastery in the village of Ankhua in*

Abkhazia. A number of significant remarks regarding such an interpretation of the inscription on the seal of the Byzantine type of the 11th century are presented in this article.

Key words: *Ankhua, Anakopia, N. Afon, Bzhylua (Veselovka), Sudak, Taman, St. Georgy, V. Chkhaidze, E.Yu. Endoltseva, Kartli, Asomtavruli, H. Bgazhba, Ioann Skylitsa, A.Yu. Vinogradov, D.V. Beletsky, Yu.N. Voronov, L. Shervashidze.*

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА ИЗ АНТРОПОНИМИКОНА ЦАРСКИХ ДИНАСТИЙ АНОСИДОВ-ЛЕОНИДОВ И АБХАЗСКИХ БАГРАТИДОВ

Аннотация. В статье рассматривается женский сегмент антропонимической системы правящих династий Абхазского царства, анализируются стратегии именнаяречения царевен, принципы, лежавшие в основе выбора патрональных святых при номинации высокородных женщин, прослежена взаимосвязь обогащения репертуара ономастикона с изменениями в культурной и идеологической сферах средневекового абхазского общества.

Ключевые слова: Абхазское царство, антропонимикон, династия Аносидов-Леонидов, династия Абхазских Багратидов, именнаяречение, женская история.

Благодаря «Дивану абхазских царей», памятнику генеалогии начала XI в., репертуар именованослова правителей Абхазии второй половины VI–X вв. хорошо известен (*Амичба 1986: 17*). Женская же часть антропонимикона дома Аносидов-Леонидов представлена только одним именем – Гурандухт.

Впервые имя Гурандухт, в связи с домом Аносидов, упомянуто автором «Жизни Вахтанга Горгасала». Согласно его данным, «так звали дочь правителя Картлии Мира», которая была выдана в жены главе Абасгии Леону в 30-х гг. VIII в. Джуаншер Джуаншеряни сообщает, что после ухода арабов «Арчил ... призвал эриставов картлийских и выдал за них (в супруги) племянниц своих. Тогда выдал он Леону в жены Гурандухт – племянницу свою от брата, и венец, что был дан греческим царем Миру» (*Джуаншеряни 1986: 106*). Интересно, что автор не приводит имен других дочерей Мира, при этом одна из дочерей Арчила также звалась Гурандухт. Надо отметить, что сведения о разделе Картлии между воеводами, произведенному по инициативе Арчила, исследователи относят к числу легендарных (*Бердзенишвили 1982: 35–36*). На наш взгляд, содержащиеся в сочинении грузинского писателя сведения о браке Леона и Гурандухт и о передаче знаков царского достоинства, присланных византийским императором Миру, главе Абасгии не заслуживают доверия. Данный пассаж Джуаншера Джуаншеряни следует расценивать как попытку представить правителей династии Аносидов-Леонидов наследниками картлийских царей в Лазике (Эгриси). Справедливо замечание Г.В. Цулая, «что домыслы Джуаншера, сами представляют свидетельства с вполне запрограммированной тенденцией» (Цу-

лая 1986: 20) и имеют ценность для характеристики исторического периода, в который были созданы. Внимательный анализ сочинения Джуаншера или Псевдо-Джуаншера показывает, что в рамках единого повествования о нашествии арабов автор связал разновременные события и исторические личности (*Касландзия 2013: 189*). Реальность существования дочери эрисмтавара Картлии Мира, Гурандухт может быть поставлена под сомнение. Вместе с тем, примечательно, что супруга правителя Абхазского княжества (Абасгии) фигурирует в сочинении Джуаншера под именем Гурандухт. Надо полагать, что во времена Джуаншера (XI в.) это имя прочно ассоциировалось с представительницами царской семьи. Самой известной носительницей этого имени была, дочь царя абхазов Георгия II и сестра сразу трех абхазских монархов Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. Имя Гурандухт неоднократно воспроизводилось Абхазскими Багратидами. Престижность его объясняется совершенно особой ролью в политической жизни государства матери основателя династии Абхазских Багратидов. Фигура царевны Гурандухт стала главным связующим звеном между Леонидами и новым правящим домом Абхазского царства – Багратидами. Актуализация родственных связей по женской линии, обеспечила легитимность прав Баграта Багратиони на абхазскую корону.

Следующей, зафиксированной источниками, носительницей имени Гурандухт была внучка Баграта II, активная политическая и дипломатическая деятельность которой пришлась на середину XI в. Тоже имя в качестве крестильного и тронного получила и супруга царя Давида I Возобновителя, «дочь предводителя кипчаков Атрака, сына Шарагана» (*Картлис Цховреба 2013: 189*). «Вообще говоря, в династической практике Средневековья случаи, когда женщине или даже мужчине при вступлении в брак дается одно из семейных имен, принятое в правящем роду, к которому она/он отныне приобщается, отнюдь не редкость» (*Литвина, Усенский 2018: 66*). В дальнейшем имя Гурандухт выпадает из царского ономастикона.

Трудно сказать что-либо определенное о времени и пути проникновения этого имени в женскую часть антропонимикона Леонидов. Персидские имена с окончанием «духт» – дочь были популярны среди армянской знати. Подобные имена могли присутствовать и в ономастиконе Тао-Кларджетских Багратидов. Учитывая это, можно предположить, что имя Гурандухт могло закрепиться в имянословии Леонидов благодаря многочисленным бракам царей абхазов с представительницами домов Армянских Багратидов и Багратидов Тао. В тоже время нельзя исключать, что появлению имени Гурандухт в репертуаре женской части царского антропонимикона способствовало желание обеспечить покровительство абхазским царевнам одно-

именной святой. Небесной покровительницей представительниц династий Леонидов и Абхазских Багратидов с именем Гурандухт являлась мученица Голиндуха (Гурандухт) Персидская. Знатная женщина подверглась преследованиям в период правления шаха Хосрова I, во второй половине VI в. Ее судьба озаботила имперские власти. С.А. Иванов отмечает: «Византия всячески поднимала на щит тех персидских христиан, которые остались верны халкидонскому символу веры и, соответственно, Константинополю. Самой знаменитой из них стала Голиндуха, дочь и жена персидских магов, сподобившаяся откровений, обратившаяся в православие, претерпевшая гонения и муки, переехавшая в Империю и умершая в 591 г.» (*Иванов 2003: 107–108*). Упоминают о Голиндухе в своих трудах Феофилакт Симокатта и Евагрий Схоластик.

Первое «Житие» святой, текст которого утрачен, было написано вскоре после ее смерти епископом Иеропольским Стефаном, который виделся с Голиндухой (Гурандухт) во время пребывания последней в этом сирийском городе. Сохранилось «Житие» мученицы, написанное пресвитером Евстратием Константинопольским, также в конце VI в. Грузинская версия «Жития святой Голиндухи (Гурандухт)» основывается на агиографическом сочинении епископа Стефана. По мнению бельгийского исследователя Ж. Гаритта, грузинский вариант «Жития» содержит информацию неизвестную Евстратию, а его текстологический анализ показывает минимальное присутствие арменизмов и эллинизмов (грецизмов) (*Garitte 1956: 424*). Отметим, что согласно грузинской редакции «Жития», святая происходила из знатной семьи и являлась родственницей шаха (*Garitte 1956: 427, 429*).

Несмотря на то, что Голиндуха (Гурандухт) была крещена как Мария, прославилась она под своим дохристианским именем. Благодаря подвигу во имя веры неканонические антропонимы святых и мучеников приобретали сакральную семантику, становясь в один ряд с именами каноническими и могли даваться в качестве крестильных.

В XI в. женский локус ономастикона Абхазских Багратидов включал в себя, помимо имени Гурандухт, имена: Марфа (Марта), Мария (Мариам), Ката. Две абхазские царевны носили имя Марфа и одна – имя Мария. Марфой именовалась, почившая в младенчестве дочь царя абхазов Георгия III, следующей его носительницей была ее племянница, дочь царя Баграта III, ставшая впоследствии византийской императрицей. Другая дочь указанного монарха была названа Марией (Мариам), вероятно в честь бабки, Мариам Арцруни. Присутствие в женской части антропонимикона имен Марфа и Мария и наречение ими двух сестер, как будто должны указывать на выбор, в качестве их небесных покровительниц святых сестер из Ви-

фании. Не отрицая такой возможности, считаем необходимым отметить, что «в древности святым сестрам была посвящена особая недвижимая дата памяти, 4 июня, но она никогда не была популярным, значительным церковным праздником» (*Марфа и Мария*). В византийском церковном календаре память Марфы и Марии совершалась в Неделю жен-мироносиц, без особого выделения их имен, отсутствовала и связанная с ними агиографическая традиция. Имя Марфа часто выступало в качестве монашеского дубликата мирского имени Мария. Если указанные преномы были унаследованы Абхазскими Багратидами от предыдущей династии, то при формировании фонда женских имен дома Аносидов-Леонидов для носительниц имен Марфа и Мария могли предполагаться иные небесные заступники. Возможно, в случае с номинацией Мария имелось ввиду покровительство Богородицы, особое почитание которой в Абхазии известно. В ее честь были освящены множество храмов. Именем Марфа высокородные особы могли быть наречены в надежде на заступничество святой Марфы Римской жены мученика Марина Персиянина, пострадавшей за веру в III в. Известно, что в VIII в. имя Марин носил глава апсидов. Памятуя о популярности имени Гурандухт, нельзя исключить внесение преномов Марфа и Мария в ономастикон Леонидов в связи с почитанием Адиабенских мучениц.

По сведениям «Жизни Картли», дочери царей абхазов Георгия III и Давида I носили имя Ката (*Картлис Цховреба 2013: 153, 189*). По всей вероятности, летописи передают гипокористическую форму имени Екатерина. Использование диминутивов по отношению к знатым особам нередко встречается в средневековых нарративах. Наречение абхазских царевен именем Ката, предполагало избрание их небесной покровительницей великомученицы Екатерины Александрийской. Культ этой святой был широко распространен и в Европе, и на православном Востоке. Принадлежность святой к знатному венценосному роду способствовало тому, что ее имя было отнесено к числу престижных, а ее небесное заступничество мыслилось желательным и предпочтительным для монарших особ. Имя Екатерина входило в царский ономастикон многих средневековых династий. Сведений о почитании великомученицы Екатерины в средневековой Абхазии чрезвычайно мало. По свидетельству К.Д. Мачавариани, в 1886 г., в Цебельде на развалинах древнего храма был обнаружен «серебряный образ великомученицы Екатерины во весь рост, с церковно-грузинскою надписью сверху «святая Екатерина», а внизу «Святая Екатерина будь покровительницею Марии. Аминь». Верхняя сторона образа покрыта чистым золотом, отличающимся заметным блеском. На образе пять камней, из коих один зеленого цвета, подходящий к изумрудному цвету, два похожи на сердолик,

а остальные белого цвета. Такие же позолоченные небольшие образы Спасителя с евангелием, святого Георгия и святого Феодора доставлены вместе с образом святой Екатерины. На образе Спасителя не имеется надписи, а на образах св. Георгия и св. Феодора вокруг лика по-грузински написано «святой Георгий», «святой Феодор».

Позднее диминутивы от имени греческого Екатерина и персидского имени Катайун (Кетеван) в формах Ката, Като, Катай смешавшись обеспечили популярность иранского пренома и включение его в царский именной Багратидов.

В конце XI в. репертуар царского ономастикона Абхазских Багратидов демонстрирует зарождение новых тенденций в весьма консервативной сфере. В мужскую часть антропонимикона вводится имя Давид, в женскую же часть привносится имя Тамар (Фамарь). Пополнение именника Абхазских Багратидов можно считать своеобразным индикатором «культурного сдвига», происходившего под влиянием конкретно-исторических обстоятельств.

Борьба за укрепление центральной власти, в условиях непростой международной обстановки, требовала создания мощной идеологической платформы, на основании которой была выстроена концепция, возвеличивающая правящую династию. В указанный период получила развитие, если не кристаллизовалась (сформировалась) традиция, возводившая родословную Багратидов к Давиду Сладкопевцу, а через него к Спасителю. XI в. датируется появление нарративов: «История и повествование о Багратионах» Смбата Давитисдзе, «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншериани, обосновывавших эту идеологию. Выстраивая генеалогическую линию от библейских царей до правящего монарха, средневековые книжники поновляли позолоту ореола сакральности, окутывавшего носителей верховной власти. На новом этапе развития государства, доктрина божественного происхождения династии требовала четкого, зримого оформления. Предания о происхождении правящего дома становятся органической частью средневекового представления об историческом процессе, связывают воедино страну и монарха. Именно конструирование родословной Абхазских Багратидов, привело к освоению фонда библейских имен.

Выбор ими Фамарь (Тамар) для абхазских царевен был символичен. Библейская Фамарь, невестка Иуды, родоначальника легендарного колена Иудина, через своего потомка царя Давида по христианской традиции считалась праmaterью мессии – Иисуса. Имя Фамарь носили также дочь и внучка царя Давида. Преном (Фамарь) Тамар прочно утвердился в женской части царского ономастикона, заметно потеснив родовые имена. Данный факт маркирует практику женского имянаречения как идеологически цен-

ную. Имена женского сегмента царского антропонимикона, наряду с мужскими, призваны были вызывать ряд ассоциаций – родовых, религиозных, политических. Первой, из известных нам носительниц имени Тамар, была дочь царя Давида I Возобновителя, а самой известной – ее правнучка, дочь Георгия III. Впоследствии эта номинация неоднократно воспроизводилась Абхазскими Багратидами. В честь царицы Тамар, была названа ее внучка, дочь царицы Русудан, а позже и правнучка – дочь царя Давида Улу. Имя Тамар носила первая супруга Давида Нарина из рода Аманелисдзе. Этот пренем она могла получить при вступлении в брак.

Сложно объяснить попадание в женский локус ономастикона Абхазских Багратидов имени Русудан. Данная форма восходит к пренему персидского происхождения Равшанак или Роушанаван («чистая», «лучезарная», «светлая душа»), однокоренного со словом «роушангар» (просветитель). По некоторым данным, имя Русудан могла носить первая супруга царя Давида Возобновителя, удалившаяся от мира. Это имя было вновь воспроизведено ее сыном, царем Дмитрием IV, который назвал свою дочь Русудан. Его сын, царь Георгий V нарек свою младшую дочь в честь сестры, а позже это имя получила и его внучка, дочь царицы Тамар. В традиционном христианском именослове пренем Русудан отсутствует, поэтому это имя не могло быть крестильным. Возможно, номинация, использовавшаяся, в начале, в качестве второго, неофициального имени, в узком кругу, со временем стала общеизвестным, публичным именем, и было введено в династический антропонимикон Абхазских Багратидов. Пренем Русудан мог быть образован от когномена. Соотнесенность с эпитетами «свет», «светлый», придавали имени мощную положительную смысловую и эмоциональную окраску. Интересно, что мужское имя с тем же значением «Лаша» (в переводе с абхазского «свет», «светлый») (*Чирикба 2013*), наряду с традиционным Георгий, носил сын царицы Тамар. Крестильные имена царевен неизвестны. Они могли быть семантически близки к пренему Русудан, в качестве таковых могли выступать Елена, Евлампия или Фотинья, а их небесными покровительницами святые, носительницы соответствующих имен. Первое из них – присутствуют в именнике Абхазских Багратидов. Так, Еленой звалась супруга царя абхазов Баграта III, это же имя носила и мать Давида I Возобновителя.

Особенность женской части ономастикона Абхазских Багратидов состояла в том, что он был мало проницаем для влияний извне. Зачастую жены царей абхазов фигурируют в источниках под своими мирскими, языческими преномами: Алда, Борена, Бурдухан. Без сомнения, при вступлении в брак, невесты царей абхазов, приняв обряд крещения, иногда, вероятно, повторно,

получали традиционные христианские имена из антропонимикона Абхазских Багратидов, как это было в случае с половецкой княжной, супругой Давида I Возобновителя. Но, очевидно, что при дворе и в бытовом обиходе в качестве публичных использовались некрестильные преномы цариц. Их крестильные имена актуализировались при соприкосновении с жизнью церковной (причащение, исповедь), а языческие, содержавшие информацию об этнической и родовой принадлежности цариц, активно циркулировали и были широко известны. Ничего не говорит за то, что происходило заимствование преномов как мужских, так и женских в результате браков с представительницами иноземных правящих или аристократических родов. Абхазские царевны никогда не получали имени матери, но наследовали имена теток по отцовской линии. Номинацию в честь бабки царевна получала только в том случае, если последняя принадлежала к династии Абхазских Багратидов, например, дочь царицы Русудан носила имя Тамар. Исключением следует считать поименование Багратам III одной из дочерей, в честь своей матери Мариам Арцруни. Но, возможно, что имя было воспроизведено как одно из женских династических имен. Запрет на наречение именем живого предка по мужской линии не распространялся на представительниц женской части рода. Так, Георгий V нарек старшую дочь именем Тамар, в честь своей тетки по отцу, а младшую – Русудан – в честь сестры, при жизни обеих родственниц.

Известны случаи, когда женщины, принадлежавшие к правящим династиям Абхазского царства в силу различных причин, принимали монашеский постриг. Свидетельствуя о данных фактах, средневековые авторы практически не фиксируют иноческие имена, удалившихся от мира лиц. Религиозный писатель Георгий Мерчуле автор «Жития Григория Хандзтийского» сообщает, об ушедшей в монастырь, супруге правителя Тао-Кларджети Адарнасе Багратиони, которая являлась представительницей правящей династии Леонидов. Дочь Баграта Шаройского приняла постриг под именем Анастасия (*Георгий Мерчуле 1982: 175*). Источники хранят молчание о том, какие имена в монашестве были приняты царицей Мариам, супругой царя Георгия III и царицей Русудан, супругой царя Давида I Возобновителя, теткой царицы Тамар, дочерью царя Дмитрия IV, Русудан.

Женская часть антропонимикона являлась важнейшим элементом династической стратегии. Выбор имен для царских дочерей был не менее важным событием, чем выбор имен для сыновей монарха, поскольку заключал в себе политическую программу, являл собой некий политический манифест. Имя царевны должно было актуализировать историю династии, вызывать ряд ассоциаций политического свойства. Очевидно, что имянаречение образовывало некий единый культурный язык, который передавался из поколения в поколение и в той или иной мере был понятен всем предста-

вителям рода и их окружению.

Выявление социокультурных коннотаций, политических и идеологических символов, заложенных в династических именах, представляется весьма актуальным, способным обогатить наши представления о средневековой истории Абхазии.

Литература

Амичба 1986: Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Пер. и коммент. Г.А. Амичба. Сухуми, 1986.

Джуаншер Джуаншерiani 1986: Джуаншер Джуаншерiani. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986.

Иванов 2003: Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

Литвина, Успенский 2018: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74).

Картлис Цховреба 2013: Картлис Цховреба (История Грузии). Тбилиси, 2013.

Касландзия 2017: Касландзия Н.В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017.

Мачавариани 1886: Мачавариани К.Д. Сухум (От нашего корреспондента) // Новости и биржевая газета. СПб., 1886. № 50.

Мерчуле 1982: Георгий Мерчуле. Житие Григола Хандзтийского // Древнегрузинская литература (V–XVIII вв.). Тбилиси, 1982.

Марфа и Мария // Православная энциклопедия // Под. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / <https://www.pravenc.ru/text/2562512.html>

Цулая 1986: Цулая Г.В. Джуаншер Джуаншерiani и его исторический труд // Джуаншер Джуаншерiani Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси, 1986. С. 2–31.

Чирикба 2013: Чирикба В.А. К этимологии этнонима апсуа «абхаз» // Абхазоведение. Труды АБИГИ. Язык. Фольклор. Литература. Вып. IV. Сухум, 2013. С. 35.

Garitte 1956: Gérard Garitte, «La Passion géorgienne de Sainte Golindouch» // *Analecta Bollandiana*. Vol. 74 (1956). Pp. 405–440.

Н.В. Касландзия

АҤЦӘА АНОСИД-ЛЕОНИДЦӘЕИ АПСУА БАГРАТИДЦӘЕИ РДИНАСТИА АНТРОПОНИМИКОН АҤНЫ АПСУА ЦХӘЫС ХЫЗҚӘА

Аннотация. Астатиаҕы иазаатҕылоуп Аңсуа аҥра напхгара азтҕоз адинасти-аҥа рантропонимикатә еилазараҕы аңхәыс лсегмент. Итҕаауп аҥкәажә-цәа ахыз рытара аан изықәныкәоз астратегиа, апринципқәа. Иазхәаишуп

аономастикон ахартәараан анырра кәзйоз абжъарашишықәсазтәи аңсуа уаажәларра акультура тәи аидеологиатәи хырхартақәа рҕы имҕапысуаз аҕыңсахрақәа.

Ихадароу ажәакәа: *Аңсуа ахра, аонтропомикон, Аносид-Леонидцәа рдинастия, Аңсуа Багратидцәа рдинастия, ахъз аҕара, аңхәыс лҕоурых.*

N.V. Kaslandzia

FEMALE NAMES FROM THE ANTHROPONYMIKON OF THE ROYAL ANOSID-LEONID AND ABKHAZIAN BAGRATID DYNASTIES

Annotation. *The article considers the female segment of the anthroponymic system of the ruling dynasties of the Abkhazian Kingdom. It analyzes the strategies for naming princesses, the principles that underlie the choice of patronal saints in the nomination of noble women, traces the relationship between the enrichment of the onomasticon repertoire and changes in the cultural and ideological spheres of medieval Abkhazian society.*

Key words: *Abkhazian Kingdom, anthroponymicon, Anosid-Leonid dynasty, Abkhazian Bagratid dynasty, naming, women's history.*

АЭТНОЛОГИЯ • ЭТНОЛОГИЯ

УДК 930.1

З.А. Исмаилова

ОБЫЧАЙ РАЗДАЧИ КНЯЖЕСКИХ БОГАТСТВ НА РУСИ (XI–XIV ВВ.)

Научное сопровождение руководителя З.А. Исмаиловой, доктора исторических наук, профессора Брянского государственного университета А.М. Дубровского

З.А. Исмаилова уже несколько лет занимается исследованием духовной жизни древней Руси. Она является автором монографического исследования в этой области. Обычай раздачи княжеских богатств – одна из основных тем, которые она разрабатывает. Рецензируемая статья содержит в концентрированном виде основные идеи автора о судьбе традиции княжеских подаяний, в этом состоит ее ценность для специалистов.

Статья основана на добротном летописном материале. Это не только тексты, но и миниатюры, сопровождающие этот текст. В некоторой степени использованы грамоты Новгорода и Пскова. Автор проявляет знание опыта своих предшественников и вслед за А.А. Шахматовым справедливо не доверяет некоторым летописным свидетельствам. Такой широкий и достаточно строгий подход к источникам делает наблюдения автора статьи убедительными.

З.А. Исмаилова исходит из того, что подаяние (материальная поддержка) существовала в дохристианское время. Она развивает мысль о том, что в качестве доцивилизованной традиции, это явление существовало в древней Руси, христианизируясь и приобретая таким образом новую форму. Такая идея оригинальна и до сих пор не получила освещения в научной литературе.

Еще в 70-ые годы XX в. И.Я. Фроянов указал на то, что в Киевской Руси было немало черт, свойственных первобытной истории, что это общество носило переходный характер. Это была важнейшая из его концептуальных идей. З.А. Исмаилова выявила еще одну традицию, имеющую истоки в первобытности. Судьбу этой традиции автор прослеживает до XIV в., в то время как И.Я. Фроянов ограничивал свои наблюдения XII столетием. Таким образом, статья З.А. Исмаиловой не только освещает историю важного ритуала, но и распространяет существование первобытных по происхождению традиций на более позднее время, чем указанный исследователь. Это новая идея, впервые выраженная именно в рассматриваемой статье. В статье есть и другие новые мысли, новые соображения в исследовании темы.

Рекомендую статью З.А. Исмаиловой для опубликования в «Вестнике Академии наук Абхазии».

Аннотация. В древней Руси, в XI–XIII вв., существовал обычай раздачи княжеских богатств – богатства раздавал сам князь перед своей кончиной или же это делал его преемник после его кончины. Имущество умирающего или же почившего правителя раздавалось почти полностью – церковникам, монахам, убогим и нищим. Иногда золотые и серебряные украшения и утварь переплавлялись в гривны, после чего раздавались. Что значил этот обычай и каково его происхождение? В представленном исследовании выявлены истоки обычая, уходящие в первобытность, его эволюция на протяжении XI–XIV вв. и причины его исчезновения в XV в.

Ключевые слова: *обычай, собственность, князь, имущество, раздача, потлач, первобытность, род, родовые отношения, татарское нашествие, христианская Церковь.*

В древних обществах можно заметить такие традиции и обычаи, которые уходят своими истоками в первобытную эпоху. Эта эпоха завершилась тысячи лет назад, однако, ее отголоски продолжали жить в древних и средневековых обществах. Одним из таких отголосков было отношение к собственности. В первобытном обществе не было ни личной, ни частной собственности. Вся собственность была *общей* в пределах рода – *родовой собственностью*. Об этом говорят факты, собранные Н.И. Зибером в его труде «Очерки первобытной экономической культуры». Эти факты взяты им из повседневной жизни туземцев островов Полинезии, Бурятии, Болгарии, Западной Сибири и других регионов мира. Например, о жителях с полинезийских островов Дружбы сказано в его исследовании: «Дома, съестные припасы, животные, дети, любые предметы образуют (у них. – З. И.) общую собственность. Человек, например, строит дом для себя и для своей семьи, другой желает поместиться в нем и может сделать это в силу права гостеприимства. Кто приготовляет себе обед, тот обязан разделить его со всеми, кто явится, и, если число ртов окажется слишком велико, то никто иной, как он же (хозяин. – З. И.), должен поститься. Вы собственник известного предмета; но стоит кому-нибудь взглянуть на него, и с этой минуты зритель приобретает его; вы должны предложить ему таковой, извиняясь, что даете мало... Отец, мать имеют детей: их просят у них, нужно их уступить, и так далее во всем остальном. Все это происходит повседневно, при первой встрече, на дороге, в собраниях, с удивительной любезностью и вежливостью» (Зибер 1937: 123–124).

Постепенное развитие общества повело к имущественной дифференциации – появились богатые, бедные, совсем неимущие. Однако, представление об *общей родовой собственности* еще долгое время оставалось живучим воспоминанием. Об этом говорят традиции и обычаи народов Крайне-

го Севера, бурятов, болгар. «Если богатый самоед, – говорится в исследовании Н.И. Зиберы, – отказал нуждающимся беднякам в олене для пропитания, то те угоняют у богача по оленю или по два на человека, и общий их мирской суд оставляет эту кражу без взыскания, так как, по их понятиям, богатый обязан помогать бедному и не должен позволять ему страдать от голода» (Зибер 1937: 139).

«Буряты помогают друг другу в нужде, в несчастии, в сиротстве и т. п. Во всех улусных общинах безродные сироты, бедные ходят по юртам, как по своим родным жилищам, и находят там приют и пропитание. Они могут сами без всякого спроса взять, что увидят в юрте съестного, и родичи-одноулусники за это не гонят, не попрекают их. Если в какой-нибудь юрте закалывают барана, готовят «жаренину», то буряты всех соседних одноулусных юрт могут не стесняясь идти на жаренину, как на общую трапезу: хозяева делят мясо всем по равным кусочкам, жир по равным частичкам» (Зибер 1937: 128).

«В Болгарии богатые семьи часто строят в общее пользование колодец или мост, который и называется по их имени: Попов колодец или Шатов колодец (тот же обычай в Турции и Крыму). Или сажают на общую пользу фруктовое дерево, иногда даже на чужой земле, что не умаляет общего права на плоды его. Всякий путник может войти в чей угодно виноградник, наестся там плодов и даже унести с собою столько, сколько может захватить в руку» (Зибер 1937: 129).

Таким образом, в древности и средневековье еще были живы традиции и обычаи, восходящие к первобытным представлениям об общей родовой собственности. Но распространялись ли эти обычаи на собственность вождей, князей, правителей?

Начавшееся имущественное расслоение в первобытных обществах повело к поиску ими таких социальных инструментов, с помощью которых можно было бы сгладить это расслоение. Таким инструментом у североамериканских индейцев стал потлач – празднество, сопровождаемое пирами и весельем в течение нескольких дней, в конце которого его устроители (старейшины и вожди) раздавали рядовым соплеменникам свое имущество (Фроянов 2014: 696).

У туземцев с островов Фиджи такое празднество было исключительно грандиозным: «Уже за месяц перед тем идут приготовления к празднеству, сажают для него овощи и перестают бить свиней, а также собирать фрукты, чтобы не было недостатка в еде. За два или три дня до пиршества весь народ на ногах. Они гордятся щедростью своего вождя, и каждый приносит столько свиней, черепах, ямсу и других съестных припасов, сколько толь-

ко может. Накопляют такие массы съестных припасов, что однажды, при подобном празднестве, 200 человек занимались 6 недель их расставлением, причем шесть куч, составляющих эту массу, содержали около 50 тонн жареного ямса и картофеля, 15 тонн пудингу, 70 черепах, 200 тонн сырого мяса и т.п.». После того, как все это было расставлено на столах, началась его раздача представителям каждого племени в отдельности (*Зибер 1937: 134–135*).

В обычае потлача выражалось древнее представление об общей родовой собственности. Эта собственность уже отмирала, уходила в прошлое, но общество выработало регрессивный инструмент ее временного возрождения. В дальнейшем этот инструмент эволюционировал, например, в традицию устраивать всенародные великокняжеские пиры, утвердившуюся на Руси в конце X в. и просуществовавшую до татарского завоевания (*Исмаилова 2020: 50–52*). В итоге обычай потлача закрепил за вождем привилегию и обязанность раздавать богатства.

«Вождь не мог продемонстрировать своего богатства, не раздавая его, – пояснял А.Я. Гуревич, – на тех, кого он одаривал, он посылал “тень своего имени”, расширяя тем самым свое могущество. “Настоящие вожди всегда умирали бедными”, – говорили индейцы» (*Гуревич 1970: 68*). «Должность вождя, – читаем у другого автора – Д. Фрэзера, – обязывает его дарить большое количество подарков, так что он редко становится богатым и носит, как правило, более поношенную одежду, чем одежда его подданных» (*Фрэзер 1983: 90*).

Итак, общая родовая собственность в раннеклассовых обществах уже отмерла, была достоянием прошлого. Однако, воспоминания, представления о ней были живы и выражались в разных обычаях – потлача, всенародного угощения. Даже обычай подаяния, в итоге, восходит к этим представлениям. К ним же восходит и обычай раздачи княжеских богатств. Рассмотрим его подробнее.

В 1015 г. скончался князь Владимир Святославич и его старший сын – Святополк «сел в Киеве по отце своем, созвал киян и начал давать им имения; они же принимали» (*ПСРЛ. Т. 1 1897: 129*). Вскоре Святополк, согласно летописи, убил своих братьев, Бориса, Глеба и Святослава, и «начал княжить в Киеве. Созвав людей, начал давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатств» (*ПСРЛ. Т. 1 1897: 137*). В Ипатьевской летописи уточнено, что роздано было «отча богатство» (*Летопись по Ипатьевскому списку 1871: 98*), т. е., отеческое.

Итак, дважды Святополк раздавал богатства киевлянам – до убиения братьев и после их убиения. А.А. Шахматов, восстановив Древнейший ки-

евский свод в редакции 1073 г., исключил из него упоминание о повторной раздаче Святополком богатств киевлянам (*Шахматов 1908: 571*). Т. е., богатства были розданы Святополком один раз – сразу после смерти отца и своего вступления на престол.

В поступке Святополка (раздаче богатств) можно заметить его попытку расположить к себе киевское вечевое общество. Однако, строго говоря, Святополк не имел в том нужды – ведь он занял киевский стол «по отце своем», т. е., в силу древнего родового княжеского права. Учтем уточнение Ипатьевской летописи, что розданное богатство было «отча». Также вспомним, каким было отношение к собственности в раннефеодальном обществе, где еще были живы воспоминания об общей родовой собственности. И сделаем вывод, что поступок Святополка не был *подкупом* киевлян в современном понимании – князь следовал архаическим представлениям, тогда еще живым, и потому раздал киевлянам не свое богатство, а богатство *почившего* родителя. Это богатство после смерти его владельца таким путем возвращалось в общее владение, и в этом можно заметить рудимент древнего отношения к собственности.

При этом нельзя отрицать и того, что раздача богатств была тогда выгодна Святополку в политическом отношении. Ему предстояла тяжелая борьба с новгородским князем Ярославом, и в этой борьбе многое зависело от голоса киевлян, киевского веча. Древний обычай уже тогда окрасился в политические тона.

В 1093 г. по смерти Всеволода на киевском престоле сел старший из Ярославичей – князь Святополк Изяславич. Был Святополк «вельми сребролюбив и скуп, из-за чего жидам многие пред христианами вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесел лишились», – писал В.Н. Татищев (*Татищев 2005: 145*). С.М. Соловьев также характеризовал Святополка – был он «жесток, корыстолюбив и властолюбив без ума и твердости. Однажды вздорожала соль в Киеве; иноки Печерского монастыря помогали народу в такой нужде; Святополк, узнав об этом, пограбил соль у монахов, чтоб продать ее самому дорогою ценою; игумен Иоанн обличал ревностно его корыстолюбие и жестокость; князь заточил обличителя, но потом возвратил из опасения вооружить против себя Мономаха». При Святополке, говорит автор житий печерских святых, «много было насилия от князя людям; дома вельмож без вины искоренил, имение у многих отнял; великое тогда было настроение и грабеж незаконный» (*Соловьев 1988: 389*).

Естественно, что киевляне не любили своего князя, и народное недовольство к нему кипело в Киеве. Возможно, чтобы сгладить это недовольство, вдова Святополка после его смерти в 1113 г. раздала все его награ-

бленное имение. Об этом летописец говорит так: «Княгиня же его много раздала богатства монастырям, и попам, и убогим и подивились все люди, яко такой милостыни никто не мог сделать» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 198*). Но киевляне не удовлетворились этим. Вскоре они «разграбили двор Путяты тысяцкого... потом разграбили дворы сотских и жидов». После грабежа они послали к Владимиру Всеволодовичу, князю переяславскому, с такими словами: «Приходи, князь, в Киев; если же не придешь, то знай, что много зла делается: ограбят уже не один Путятин двор или сотских и жидов, но пойдут на княгиню Святополкову, на бояр, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу ответ»» (*Соловьев 1988: 389–390*).

Итак, милостыня овдовевшей княгини Святополковой была вынужденной, розданной в очень накаленной социальной обстановке, вымогаемой скрытым гневом киевлян, который вскоре же и вырвался наружу.

Княгиня прибегла к традиционному способу – раздаче богатств князя после его смерти. При этом богатства были розданы уже не всем киевлянам, как при Святополке I в 1015 г., а только церковникам, монахам и убогим. В этом можно видеть влияние христианства и церковников. Древний обычай, таким образом, за сто лет, с 1015 по 1113 гг., эволюционировал и принял церковно-христианскую окраску. При этом его социально-политическое значение только закрепилось – как в 1015 г. Святополку I была выгодна раздача богатств, так же спустя сто лет, в 1113 г., но в еще большей степени, она была *необходима* княгине Святополка II, чтобы предотвратить социальный взрыв.

В 1154 г. скончался киевский князь Изяслав Мстиславич и на киевском столе сел его младший брат Ростислав. Он, следуя братней традиции, признал старейшего князя – Вячеслава Владимировича себе отцом и оставил его в Киеве, на княжении. Но вскоре, в том же 1154 г., Вячеслав скончался, и Ростислав похоронил его с великой честью у храма св. Софии (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 325–326*). Затем «созвал мужей Вячеслава, тиунов, казначеев и ключников и повелел им принести имение отца своего Вячеслава перед собой, порты, золото, серебро и все, что ни есть; и когда все принесли, начал раздавать по монастырям, и по церквям, и по затворам, и нищим; и так раздал все, а себе ничего не взял, только один крест честный взял на благословение себе, да прок имения, чем поминать его в последние дни, чем свечу и просфору его надбить» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 326*).

Мы видим, каким образом происходила раздача богатств князя после его кончины. Его преемник созывал его тиунов, казначеев и ключников, велел им собрать и принести все имение почившего, а затем раздавал его.

Имение князя Вячеслава, розданное его преемником князем Ростиславом, представляло внушительное состояние. Это были порты, т. е., княжеская богато украшенная одежда; ценные паволоки, убрусы; золото и серебро – сосуды, кубки, кресты, украшения, иконы в драгоценных окладах. Стоимость всего этого имущества сейчас трудно подсчитать. Однако, для сравнения можно вспомнить драгоценный крест с надписью 1161 г., принадлежавший княгини Евфросинии Полоцкой. Надпись на кресте гласит: «А коване его злато и серебро и камень, и женчюг в 100 гривен» (Рыбаков 1984: 45). Т. е., стоимость одного только материала, из которого был изготовлен крест, составляла 100 гривен – внушительную по тем временам сумму, на которую можно было приобрести табун лошадей в 50 голов (Романов 1947: 33) или же крупное село (ГВНП 1951: 160). Другой предмет княжеского обихода примерно той же эпохи – серебряная братина восточной работы, на поддоне которой сделана надпись: «Въ польчетвертьгадесеяте гривенъ» (Рыбаков 1984: 48). Как установил Б.А. Рыбаков, тридцать пять гривен «не могут быть обозначением веса серебра, так как вес чаши (около 980 г) немногим более 6 гривен серебра. Очевидно, надпись имела в виду стоимость богато украшенной братины как художественного произведения» (Рыбаков 1984: 48). Стоимость одной чаши из княжеского имущества, таким образом, могла достигать 35 гривен. Если мы вспомним при этом, что Ростислав раздал всё имение своего предшественника, то поймем, что роздано было целое состояние.

Настораживает, однако, тот факт, что Ростислав полностью истратил казну своего предшественника, оставив себе только крест честный, да «прок» для поминовения усопшего. А ведь ему предстояла тяжелая борьба за Киев – с суздальским князем Юрием Долгоруким и черниговским князем Изяславом Давыдовичем (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 323–324*). Однако, древний обычай в этом случае пересилил политические расчеты.

В 1187 г. галицкий князь Ярослав Осмомысл (1153–1187) находился при смерти. Он «созвал мужей своих и всю Галицкую землю, позвал же и соборы все и монастыри, и нищих, и сильных, и худых», смиренно плакался перед ними три дня, а затем «повелел раздать имение свое монастырям и нищим; и раздавали по всему Галичу три дня и не могли раздать» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 442*).

И.Я. Фроянов первым обратил внимание на раздачу Ярославом Осмомыслем своих богатств перед смертью: «Важный социальный смысл заключен в раздачах княжеского богатства. Это не просто проявление нищелюбия, как старается изобразить дело летописец. Здесь мы в очередной

раз видим характерное для древних обществ перераспределение частных богатств на коллективных началах» (Фроянов 2014: 501).

И.Я. Фроянов же дал политическое объяснение поступку князя Ярослава: «Все это понадобилось Ярославу для того, чтобы убедить людей в справедливости и целесообразности своего решения отдать Галич младшему сыну Олегу, а старшего Владимира посадить в Перемышле» (Фроянов 2014: 500). Однако, зачем нужно было убеждать в этом худых и нищих? «Вместе с тем, – продолжал И.Я. Фроянов, – раздача князем своего богатства преследовала цель повышения его престижа в галицкой общине, необходимого для укрепления действенности княжеского договора с земством о распределении столов в Галичине» (Фроянов 2014: 501). Но ведь княжеские богатства были розданы не земской общине Галича, а нищим и монастырям. Разве галицкие монахи и нищие могли повлиять на политические настроения земщины? Нет, не могли. Подтверждение этому – события, разыгравшиеся в Галиче сразу же за смертью Ярослава. «По смерти же Ярославле, – повествует летописец, – был мятеж велик в Галицкой земле: судумали мужи Галицкие с Володимером (старшим сыном Ярослава. – авт.), переступили крестное целование и выгнали Олега из Галича; и бежал Олег оттуда во Вручий к Рюрику, а Володимер сел в Галиче, на столе деда своего и отца своего» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 442*).

Таким образом, найти политический смысл в раздаче князем Ярославом своего богатства не удастся. Вряд ли умудренный политическим опытом правитель, не однажды испытавший на себе превратности переменчивой судьбы, хорошо знавший нравы своего народа, мог рассчитывать, что розданное им богатство укрепит положение его сына на княжеском столе. Это положение не зависело от умирающего Ярослава – оно было в руках земской общины Галича и его боярства («мужей Галицких»). Ярослав хорошо знал это. Раздавая богатства, он следовал древнему обычаю.

Замечаем, однако, что обычай этот в XII в. тесно и удачно встроился в христианское учение о спасении души. Княжеское имение раздавалось «по душе» – церковникам, монахам, убогим и нищим, которые будут молить Господа о спасении души «нищелюбивого» государя.

Татарское нашествие 1237–1240 гг. нанесло огромный ущерб экономике, демографии, культуре Руси. Были разрушены города, выжжены села, уничтожены культурные ценности, исчезли многие ремесла, прекратилось каменное строительство. Начался быстрый упадок вечерней жизни, разрушались привычные политические отношения и прежние традиции. Удивительно, что обычай раздачи княжеских богатств не исчез после татарского нашествия – таким он был живучим.

В 1269–1289 гг. на Волыни княжил Владимир Василькович. Он стремился отстроить свою землю, «в княжение свое многие города срубил, многие церкви создал» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 608, 609*). Под 1276 г. летописец повествует об основании князем города Каменца в Берестье (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 578*). Однако, в конце жизни князя все им созданное рухнуло. В 1283 г. татарское войско во главе с Телебугой и Ногаем двигалось через Волынь и Галицию в Польшу: «И так беззаконный Телебуга пошел в Ляхи. Остались же Татарове другие у Володимера кормить любимых коней. Этим же учинили пугу землю Володимерскую...» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 588*).

В 1287 г. татарские войско повторно направилось в Польшу. И на этот раз оно шло через Волынь: «Шел Телебузи и Алгуеви с ним в силе тяжкой, – говорит летописец, – и с ними русские князи... тогда были все князи русские воле Татарской покорены... идущим же им в Ляхы» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 591*).

В 1284 г. Владимир Василькович тяжело заболел. Он «лежал в болезни своей четыре года. О болезни его так скажем. Начала гнить его исподняя губа, первое лето мало, на другое и на третье (лето. – З. И.) больше начала гнить. И еще он не вельми был болен, но ходил и ездил на коне, и роздал убогим имение свое все: золото и серебро, и камене дорогое, и пояса золотые отца своего и серебряные, и свое, иже по отце своем стяжал, всё роздал; и блюда великие серебряные, и кубки золотые и серебряные, сам перед своими очами побив и переплавив их в гривны, и монисту великую золотую бабы своей и матери своей все переплавил, и разослал милостыню по всей земле; и стада роздал убогим людям, тем, у кого коней нет, и тем, у кого кони пали в Телебузину рать» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 601*).

Замечаем, что волынский князь раздал не только богатство своего отца, но также и свое, своей матери и бабки. Это богатство было роздано только убогим – церковники не получили ничего из него. Золотая утварь была побита и переплавлена в гривны и только затем гривны были розданы убогим. При этом князь раздал буквально все – не только украшения и драгоценную утварь, но и коней из своего хозяйства – «тем, у кого коней нет, и тем, у кого кони пали в Телебузину рать», т. е., в польской войне, на которую татары увлекли русских князей. Он поступил таким образом потому, что хорошо знал и понимал значение *коня* в крестьянском хозяйстве. Это значение хорошо показано в документе более поздней эпохи – XV в., а именно в берестяной грамоте под номером 242: «Цолобитье от Кощя и от половников. У кого кони, а те худы, а у иных нет. Как, осподине, жа-

луешь хрестыян? А рожь, осподине, велишь мне молотите, как укажешь» (*Янин 1975: 42*). Примечательно, что крестьяне обратились к своему господину за помощью, а именно поставили перед ним вопрос о худых конях у одних крестьян и об их отсутствии у других. Милостыню князя Владимира волынского и обращение новгородских крестьян за помощью к своему господину разделяют почти два века, но объединяет один и тот же вопрос.

Не будет коней и лошадей у крестьян – не будут засеяны их поля, не взойдут пшеница и рожь, не будет урожая. Не будет урожая – не будет поступлений в княжескую казну. Народное разорение неминуемо влекло за собой и разорение высших правящих слоев. В этом свете раздачу богатств и коней волынским князем можно рассмотреть, как экономическое средство, предотвращающее социальные и политические потрясения.

Владимир Василькович воспользовался этим средством в тяжкую годину. Было разорено его княжество, прежде цветущее. Сам князь уже четыре года лежал в тяжелой болезни. В 1289 г. он скончался. После его смерти «плакали по нем Володимерцы, поминая его добросердье до себя» (*Летопись по Ипатскому списку 1871: 604*).

Раздавая весьма щедрую милостыню, волынский князь надеялся получить прощение грехов в загробной жизни – стремился к христианскому спасению. С другой стороны, он руководствовался и весьма земными мотивами – надеялся предотвратить социальный взрыв, дав возможность местному волынскому крестьянству оправиться после разорительной «Телебузиной рати».

Итак, после татарского нашествия обычай раздачи княжеских богатств сохранился и даже приобрел значение социально-экономического средства в руках правителя. В тяжелых условиях татарского разорения он срынул с себя церковные одеяния и ярко выявил свой изначальный смысл.

В XIV в. изучаемый обычай быстро угасал. Никто из князей уже не раздавал свои богатства полностью. К тому времени от прежнего воспоминания об общей родовой собственности не осталось и следа. Княжеская собственность стала частной. На смену обычаю раздавать богатства окончательно пришел обычай его завещать. Появились первые письменные княжеские завещания – духовные грамоты.

Иван Калита составил свою первую духовную грамоту в 1339 г. В ней он только небольшую часть своего движимого имущества завещал раздать монахам и «на Москве» – пояса серебряные, «100 рублей у Ески», остаток княжеских портов (*ДДГ 1950: 8*). Большую же часть движимого имущества Калита заботливо оставил в своем княжеском роду. Вот как, например, он распорядился драгоценной рухлядью и утварью: «А из золота дал есмь

сыну своему Ивану: 4 чеши золоты, пояс золот болший с женчугом с камнем, пояс золот с капторгами, пояс сердоничен золотом окован, 2 овкача золота, 2 чашки круглы золоты, блюдо серебрено езднинское, 2 блюдца меншии» (*ДДГ 1950: 9*). Завещателем учтено каждое серебряное блюдо, каждая золотая чашка.

Если мы вспомним щедрость, с которой князья и княгини раздавали свои богатства в XII и XIII вв., и сравним эту щедрость с завещанием Калиты, то увидим разительный контраст. Там – отдавалось почти все, здесь – только малая часть. Там – раздавались богатства без подсчета, здесь – почти инвентарная скрупулезность подсчета оставляемого, а не раздаваемого имения. Изменилась эпоха – изменились традиции и обычаи. Обычай раздачи княжеских богатств после смерти их владельца сохранялся на Руси и в XIV в., но быстро уходил в прошлое, и выражалось это в том, что княжеское имущество раздавалось уже не полностью, а только частично.

Последние следы изучаемого обычая можно заметить в самом конце XIV в. В 1398 г. «злочестивый царь» Баязет осадил Константинополь. Великий князь московский Василий Дмитриевич, услышав о том, «послал в Царьград много серебра в милостыню... А князь Михаил Тверской также послал протопопа своего Данила с милостынею» (*ПСРЛ. Т. 25 1949: 228*). В ответ в 1399 г. патриарх константинопольский прислал в дар князю Михаилу «святую чудоносную икону, написание имеющую Страшного суда, преудивленно и преславно сделанную», и князь Михаил повелел епископу тверскому Арсению поставить икону в церкви. «По окончании же молитвенном сотворил (князь. – З. И.) обед честный, учреждение велико, епископу и всему собору и маломощным, и много имения иереям и маломощным раздал» (*ПСРЛ. Т. 18 2007: 145–146*).

Маломощные – это другое название убогих. Замечаем, что князь Михаил Тверской раздал иереям и маломощным не все свое имение. Он раздал «много имения», однако, сколько имения осталось не розданным, мы не знаем. Это нерозданное имение досталось в наследство сыну Михаила – князю Ивану Михайловичу.

Подведем итог. Обычай раздачи княжеских богатств перед смертью их владельца или же после его смерти бытовал на Руси в XI–XIV вв. Он являлся остатком древнего отношения к собственности. Во многих случаях, но не всегда, обычай использовался князьями и княгинями в их политических расчетах. На протяжении четырех веков обычай не оставался неизменным, а эволюционировал. В XI в. он сохранял свою изначальную форму, в XII в. принял христианскую окраску (богатства стали раздаваться только церковникам-монахам и убогим, а не всему народу). В XIII в., в результа-

те татарских нашествий и всеобщего народного разорения, обычай вновь принял свою первоначальную, архаичную форму. В XIV в. он сохранялся в «урезанном» виде – княжеские богатства раздавались уже не полностью, а только частично. В XV в. мы не наблюдаем даже остатков этого обычая.

Литература

ГВНП 1949: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М., Л., 1949.

Гуревич 1970: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса капитализма в Западной Европе. М., 1970.

ДДГ 1950: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.В. Бахрушин, подг. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Зибер 1937: Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937.

Исмаилова 2020: Исмаилова З.А. Всенародные великокняжеские пиры на Руси // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2020. № 3.

Летопись по Ипатскому списку 1871: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

ПСРЛ. Т. 1 1897: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. СПб., 1897.

ПСРЛ. Т. 18 2007: ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ. Т. 25 1949: ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

Романов 1947: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1947.

Рыбаков 1984: Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984.

Соловьев 1988: Соловьев С.М. Сочинения. Книга I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988.

Татищев 2005: Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М., 2005.

Фроянов 2014: Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2014.

Фрэзер 1983: Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1983.

Шахматов 1908: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Янин 1975: Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М., 1975.

Сокращения

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

З.А. Исмаилова

**АЖЭЫТЭТЭИ УРЫСТЭЫЛА АҢАУАДЦЭА РМАЛЕИХШАРА
АЦАС (XI–XIV АШЭ.)**

Аннотация. *Ажэытэтэи Урыстэыла XI–XIII ашэ. рзы икан аҗауадцэа рмалеихшара иазкыз аҗас – аҗауад ихатэ, иҗсра анааигэахалак, имал ишон, мамзаргыбы уи иҗынха, иара данҗслак ашьтэхь. Аҗсхыхра иаҗызы, мамзаргыбы иҗсызы аҗауад имал шеизакызы ауахэамаусзуөцэеи, апанцэеи, агэаҗцэеи арыцхацэеи ирзыришон. Зны-зынла аҗауад ахы аразни ирылхыз иөырҗиизагақэа рҗэаны, җараны иришон. Цакыс иамааз ари аҗас, насгыбы иамааз уи хыйхырҗас? Ари астатиаҗы ирзаатҗылоуп аҗхьабзазара ахаан зышьбатэ зкыз аҗас ахыйхырҗақэеи XI–XIV ашэышықэсақэа рзы уи аҗас аҗиашьеи XV ашэышықэсазы азра амзызқэеи.*

Ихадароу ажэакэа: *аҗас, ахатэмазара, аҗауад, амазара, ашара, аҗамҗеимдара, аҗхьабзазара, ашьтэра, ашьтэратэ еимадарақэа, аҗатарцэа ржэыларэ, ақьырсиантэ уахэама.*

Z.A. Ismailova

**THE CUSTOM OF DISTRIBUTING PRINCELY WEALTH IN RUSSIA
(XI–XIV CENTURIES)**

Annotation. *In ancient Russia, the XI–XIII centuries, there was a custom of distributing princely wealth – the prince himself distributed the wealth before his death or his successor did it after his death. The property of a dying or deceased prince was distributed almost completely – to churchmen, monks, the poor and the poor. Sometimes gold and silver jewelry and utensils were melted down into hryvnia, after which they were distributed. What did this custom mean and what is its origin? The presented study reveals the origins of the custom, going back to primitiveness, its evolution during the XI–XIV centuries and the reasons for its disappearance in the XV century.*

Key words: *custom, property, prince, distribution, potlatch, primitiveness, gender, tribal relations, invasion, Christian church.*

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АБХАЗИИ

Аннотация. *Базовые цели и задачи государства в обществе невозможно реализовать без активного участия государственных органов власти в социально-экономической трансформации, без целенаправленной государственной экономической политики, направленной на мобилизацию всех имеющихся в республике ресурсов и их эффективное распределение. В статье обосновывается необходимость активизации государственного участия в развитии национальной экономики, направленной на повышение ее эффективности и конкурентоспособности, как на внутреннем, так и на внешнем рынках на основе модернизации производства. Предлагаются эффективные меры государственного регулирования, содействующие повышению уровня жизни населения.*

Ключевые слова: *трансформация национальной экономики, социально-экономическая модель, модернизация системы государственного управления.*

Абхазия относится к числу тех социалистических стран, в которых на рубеже 1980-х – 1990-х гг. в результате развала мировой социалистической системы и Советского Союза произошла смена политического строя и перед пришедшими к власти новыми общественными силами встала грандиозная по своему значению задача – трансформировать социалистическую страну с ее плановой централизованной экономикой в демократическое государство с рыночно-смешанной социально-экономической системой. Период времени от начала социально-экономических преобразований до формирования демократического государства с рыночной экономикой в постсоветских странах получило название переходным периодом.

Россия начала осуществление своего переходного периода с 1992 г., а Абхазия значительно позже, поскольку военные действия Грузии (1992–1993 гг.), причинили экономике Абхазии гигантские разрушения. По оценкам специальной правительственной комиссии, общая сумма материального ущерба на 1.01.1995 г. составила 11,3 млрд. долл. США (*Шамба 2015: 45*), в результате чего экономика страны перестала существовать как взаимосвязанная структура.

Важную роль государство играет в переходный период, при котором нужна строгая последовательность проведения преобразований, оставляя

из старой социально-экономической системы хозяйствования положительные элементы и поэтапно приспособлявая их к новым изменившимся условиям. Подобным образом возможен менее болезненный для всего населения переход от командно-административной системы к смешанно-рыночной системе хозяйствования, что подтверждается практикой внедрения рыночных способов хозяйствования в бывших социалистических странах, прежде всего в КНР, Вьетнаме, Республике Куба.

В постсоветских же странах при полностью разрушенной государственной управленческой систем, функционировавшей в течение более чем 70-ти лет, при разорванных кооперационных связях между предприятиями, перешедшими в собственность независимых республик, роль государства в экономике и социальной сфере была минимизирована. Подобная ситуация не могла негативно не отразиться на становлении и развитии их государственности. При этом, важно подчеркнуть, что трансформационный переход методом одномоментного разрушения централизованной плановой системы и ее замены рыночными механизмами координации и государственного регулирования, имевшим место в странах Восточной Европы и России, сопровождался перманентными экономическими кризисами.

Относительно Республики Абхазия следует заметить, что в середине 90-х годов, по политическим мотивам, отдельными странами СНГ были введены экономические санкции, которые еще более ухудшили социально-экономическое состояние республики и ее населения.

В этот период, трансформация государственной собственности и формирование рыночной среды в Абхазии осуществлялись в специфических условиях, связанных с тем, что:

- локальные секторальные преобразования осуществлялись при разрушенном состоянии национального хозяйства;
- в республике отсутствовали традиции ведения свободного предпринимательства;
- трансформационные процессы осуществлялась стихийно без наличия программы реформы государственной собственности и формирования предпринимательской среды;
- кризисные явления имели место во всех отраслях и сферах национальной экономики, что выражалось в массовой безработице, разбалансированности потребительского рынка, товарном дефиците, низком платежеспособном спросе населения;
- отсутствие собственных финансовых ресурсов для осуществления необходимых реформ и модернизации производства на современной технологической основе и т. п. (*Шалаша 2007: 29–30*).

Можно сказать, что на начальном этапе переходного периода Республика Абхазия боролась за выживание, но, при этом осуществляла определенные институциональные реформы, формируя необходимые организационно-экономические и правовые предпосылки для осуществления социально-экономических преобразований в стране.

С конца 90-х годов Российская Федерация в одностороннем порядке сняла экономические санкции, а в 2008 году признала государственность Республики Абхазия, что дало определенный импульс ее социально-экономическому развитию. Однако, политика «двойных стандартов», проводимая западными странами по отношению к Абхазии, поддерживая реваншистские настроения Грузии, негативно отражается на функционировании всей социально-экономической системы и ее вовлечении в прогрессивные мирохозяйственные процессы.

Сложившаяся в подобной ситуации модель развития экономики Абхазии характеризуется значительным спадом производства в реальном секторе экономики, изношенностью производственного оборудования и отсталой инфраструктурой, сокращением рабочих мест в производственной сфере, высоким уровнем безработицы, особенно скрытой ограниченностью внутренних и внешних инвестиций, низким платежеспособным спросом населения и другими негативными характеристиками.

Тем самым в структуре национальной экономики Абхазии произошли системные диспропорции и противоречия.

1. Противоречие между потребностями развития реального сектора экономики и низкими объемами инвестиций, которые не способны обеспечить модернизацию основного капитала в производственном секторе экономики.

2. Дисбаланс между потреблением и объемами производства, характеризуемый значительным спадом производства по сравнению с потреблением. При сокращении объемов местного производства значительно увеличивается объем розничного товарооборота, что обусловлено специфической особенностью сложившейся модели национальной экономики, ориентированной на экспорт сырьевых ресурсов и удовлетворением большей части конечного спроса за счет импортной продукции.

3. Противоречие между низким уровнем реальных доходов значительной части населения и возможностями системы социальной защиты населения, в результате чего происходит рост дифференциации доходов между наиболее обеспеченными и малоимущими слоями населения, что привело к росту социальной нагрузки государственного бюджета и внебюджетных фондов республики.

4. Дисбаланс во внешнеторговой деятельности, выражающийся в значительно опережающем росте импорта над экспортом. Разрыв между этими основными показателями внешнеторгового баланса достиг значительных размеров, что угрожает экономической безопасности страны. Так, сальдо внешнеторгового оборота Республики Абхазия с начала 2000-х годов постоянно является отрицательным и в 2001 году доля импорта составила порядка 85%, а экспорта – немногим более 15%.

5. Слабый уровень кредитования реального сектора экономики коммерческими финансово-кредитными институтами, а сверхвысокий банковский процент оказывает угнетающее воздействие на рост реального сектора национальной экономики.

6. Низкий уровень заработной платы квалифицированных специалистов, занятых на государственных предприятиях или в бюджетных учреждениях, по сравнению с доходами в коммерческих учреждениях, привел к их оттоку в торгово-посредническую сферу.

7. Система налогообложения, в основном сформировавшаяся в середине 90-х годов, носит исключительно фискальный характер и не стимулирует предпринимателей на осуществление инновационного производства, повышение объемов производства товаров, услуг и доходов, в связи с наличием множества прямых и косвенных налогов на доходы, а также социальных отчислений из фонда заработной платы.

Ситуация в Абхазии и вокруг нее еще более усложнилась в последние годы в связи с разразившейся в мире пандемией и военным конфликтом между Россией и Украиной.

В этих сложных внутренних и внешних условиях Абхазии предстоит решить комплекс проблем экономического, политического и социального характера, направленных на институциональные преобразования, равноправное участие в мирохозяйственных процессах в целях стабильного, эффективного развития национальной экономики, ее отраслей и предприятий. Подобные сложные задачи невозможно успешно реализовать без активного участия государства в социально-экономической трансформации, без четко продуманной, целенаправленной экономической политики, направленной на мобилизацию всех имеющихся в республике ресурсов и их эффективное распределение.

По нашему мнению, государственным органам управления необходимо осуществлять стратегическое управление и планирование, которые расширяют систему целевых ориентиров республики, стимулируют перенос акцента с количественных показателей развития на качественные характеристики динамики.

При этом, субъекты хозяйствования, относящиеся к разным формам собственности, не могут эффективно функционировать без осуществления государством своих базовых функций:

- обеспечение правопорядка в стране, гарантия и защита собственности граждан, предпринимательских, государственных структур и соблюдения ими правовых норм функционирования;
- формирование институциональной среды, устанавливающей и контролирующей нормы и правила ведения экономической деятельности;
- создание и поддержание производственной и социальной инфраструктуры;
- разработка и осуществление экономической политики, благоприятствующей самовыражению и развитию всех членов общества.

Слабым местом в системе государственного управления Абхазии является недостаточное использование таких экономических инструментов, как государственные заказы и закупки, которые укрепляют экономические взаимоотношения между органами управления и хозяйствующими субъектами разных форм собственности (физические лица, домохозяйства, предприятия и т. п.). При этом заметим, что существует Закон Республики Абхазия от 1994 года «О поставках продукции и товаров для государственных нужд», который позволяет решить данную задачу. Однако для эффективного применения положений данного Закона необходимо внесение в него определенных корректив, отвечающих современным требованиям во взаимоотношениях государственных органов управления и рыночных субъектов хозяйствования.

Особое значение в системе государственного управления приобретают использование социально-психологических методов управления, которые активно воздействуют на сознание участников воспроизводственного процесса, влияют на установление в коллективе благоприятного морально-психологического климата, способствуют отбору и продвижению по служебной лестнице наиболее квалифицированной части работников, что положительно способствует росту эффективности производства. Данные методы управления следует активно использовать и в системе государственного и муниципального управления Абхазии, где существуют определенные проблемы в подборе и расстановке кадров государственной и муниципальной службы. Здесь следует внедрить систему конкурсного отбора специалистов на государственную службу, для чего, прежде всего, необходимо принятие Закона «О государственной службе», в котором должны быть определены принципы, требования и условия найма на работу в системе государственного управления.

Роль государства актуализируется в условиях кризисной экономики, когда государство само должно осуществлять капиталовложения в национальную экономику, посредством организации общественных работ и услуг, строительства дорог, создания государственных предприятий в различных отраслях экономики. С помощью централизованного перераспределения доходов государство может увеличивать доходы малоимущих слоев населения, что способствовало бы росту их платежеспособного спроса на товары массового спроса и, тем самым, уменьшению имущественного неравенства в обществе (*Шалашаа 2007: 16–17*).

В целях преодоления кризисных явлений в национальной экономике и формирования благоприятной предпринимательской среды среди предприятий разных форм собственности государственным органам управления необходимо содействовать установлению и соблюдению конкурентных начал и противодействовать монополистической деятельности отдельных предприятий и организаций на рынках.

Известно, что одним из важнейших факторов, повышающих экономическую эффективность функционирования национальной экономики, является конкуренция, которая позволяет осуществлять экономическую состязательность хозяйствующих субъектов с целью достижения положительного эффекта функционирования при соблюдении общеустановленных государством норм и правил поведения на рынке.

Противоположностью конкуренции является монополия, которая подрывает основы конкуренции и ее экономическим содержанием является власть поставщика товара над условиями его реализации. Монополисты, ограничивая объемы продукции на рынке, завышают цены на товары и стараются не допускать в данную сферу новых конкурентов. Наряду с этим, крупные предприятия-монополисты, как правило, имеют доступ к коридорам власти и лоббируют свои экономические интересы, требуя для своего предприятия особых привилегий. Данные негативные черты монополизма имеют место в экономике Абхазии, которые вызывают необходимость проведения государственными органами управления антимонопольной политики.

Антимонопольная политика включает комплекс мер государственной власти, направленных на предупреждение, ограничение и пресечение монополистической деятельности, обеспечение всем хозяйствующим субъектам равных условий конкуренции и недопущение недобросовестной конкуренции.

На государстве лежит ответственность за создание базисных условий для эффективного функционирования предприятий и организаций разных форм собственности через осуществление содержащихся в соответствующей

щих нормативных и правовых актах страны, в том числе и антимонопольном законодательстве, которое до сих пор отсутствует в Абхазии.

Следует отметить, что в Республике Абхазия поддержка конкуренции законодательно закреплена в нескольких правовых актах государства. Так, статья 212 Гражданского Кодекса устанавливает равенство всех форм собственности и определяет в качестве субъектов права частной собственности физические лица и негосударственные юридические лица (*Гражданский кодекс... 2006: 120*).

При этом заметим, что практически во всех странах, относящихся к разным социально-экономическим системам, существуют группы отраслей и видов деятельности, выведенных из-под действия антимонопольных законов. Это, так называемые, отрасли прямого регулирования, в которых государство специально устанавливает и охраняет доминирующее положение производителей, независимо от формы собственности. Иначе эти отрасли называются «естественными монополиями», в которых по технологическим и иным особенностям производственной деятельности не может быть конкуренции.

В состав «естественных монополий», как правило, включаются:

- а) отрасли, организованные по принципу крупномасштабного сетевого хозяйства с дорогостоящим оборудованием (подобное хозяйство не может быть продублировано на территории страны);
- б) отрасли, где объем спроса предварительно задан технологическим процессом (например, емкостью кабелей связи, числом частот эфира);
- в) отрасли, в которых только крупномасштабное производство имеет низкие издержки, а ее продукцией пользуется практически все население страны, и потребителей необходимо защищать от дискриминации и от монопольно высоких цен.

К данной группе относятся отрасли общественного пользования: электроэнергетика, газовое хозяйство, водоснабжение, железнодорожный, воздушный и муниципальный транспорт, государственная система связи, радиовещания и телевидение.

Важно подчеркнуть, что в национальной экономике любого государства всегда существуют такие сферы деятельности, в которых сохранение и поддержание рыночной конкуренции нецелесообразно по причине ее экономической неэффективности, а также в целях обеспечения системы национальной безопасности. В целях недопущения подобных злоупотреблений со стороны предприятий, естественных монополий, государство обязано управлять и регулировать их деятельность через специальные законодательные акты.

В Абхазии нет специального законодательного акта, регулирующего деятельность естественных монополий. Они функционируют в соответствии с положениями статей 113–115 Гражданского кодекса Республики Абхазия (*Гражданский кодекс... 2006*). По содержанию они функционируют в качестве унитарных предприятий и Положениями, утвержденными Кабинетом Министров по отношению к республиканским и муниципальным предприятиям (РУП и МУП).

Ныне в Абхазии применяются следующие основные методы регулирования деятельности естественных монополий:

- ценовое регулирование, осуществляемое путем прямого определения цен (тарифов) или их предельного уровня;
- определение потребителей, подлежащих обязательному обслуживанию, и установление минимального уровня их обеспечения в случае невозможности удовлетворения в полном объеме потребности в товаре или услуге, производимом субъектом естественной монополии.

Специфика антимонопольного управления и государственного регулирования в Абхазии выражается в следующих аспектах.

Во-первых, по определенным объективным и субъективным причинам, государственно-административный монополизм пока еще играет значительную роль в национальной экономике.

Во-вторых, неразвитость рыночной инфраструктуры в Абхазии объективно усиливает нагрузку на государственный бюджет республики.

Одним из важнейших направлений деятельности государственных органов управления в Абхазии является установление оптимальной системы налогообложения, которая способствовала бы успешному развитию предпринимательства и обеспечивала бы необходимый и достаточный уровень государственного бюджета страны. В этих целях необходимо осуществить трансформацию налоговой системы республики и разработать новый механизм налогообложения доходов национальных предпринимателей и субъектов внешнеэкономической деятельности.

По нашему мнению, основной целью налоговой политики в условиях Абхазии должна быть наряду с максимальной собираемостью налогов и решение таких важнейших задач, как:

- а) формирование более справедливой налоговой системы по отношению к налогоплательщикам, находящимся в различных социально-экономических условиях и отвечать принципу социальной справедливости;
- б) поддержка и защита национальных производителей путем проведения протекционистской политики;

- в) содействие экономической стабилизации в республике и экономическому росту;
- г) соблюдение принципа единого подхода ко всем налогоплательщикам, в том числе участникам внешнеэкономической деятельности.

Налоговая система Абхазии нуждается в системном реформировании и в целях материальной поддержки и стимулирования, прежде всего, деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, что реально содействует решению одной из острых макроэкономических проблем страны – увеличению уровня занятости населения.

В последние годы в Абхазии разрабатываются и обсуждаются различные концепции, стратегии и программы становления и тенденции развития бизнеса, практические аспекты его взаимоотношений с государственными органами управления. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, экономические и социальные результаты взаимодействия государства и предпринимательства не оправдывают ожиданий общества. Они не способствуют эффективному развитию бизнеса в реальном секторе экономики, а доходы, получаемые от его деятельности, не оказывают должного влияния на рост благосостояния народа и решению социальных проблем общества.

В этой ситуации представляется важным формирование концептуальных стратегических основ взаимодействия государства, бизнеса и общества, которые должны быть направлены на создание эффективной модели их функционирования.

В сфере взаимодействия государства и бизнеса, на наш взгляд, в первую очередь, следует:

- поэтапно восстановить функции государства, обеспечивающие его стратегическую роль в отношениях с бизнесом;
- обеспечить необходимый баланс конкуренции и государственного управления;
- сформировать управленческие, правовые, нормативные, экономические, финансовые и социальные механизмы, гарантирующие стабильность в их взаимоотношениях.

Одним из наиболее эффективных инструментов решения проблем, связанных с взаимодействием государства и частного сектора в различных отраслях национальной экономики и ее модернизации на инновационной основе, можно рассматривать государственно-частное партнерство (ГЧП).

По нашему мнению, для определения содержательного смысла ГЧП принципиально важным является выделение наиболее существенных признаков, позволяющих подтвердить факт партнерства, т. е. взаимодействия между государственным и частным секторами национальной экономики.

Таковыми признаками могут быть:

- ▶ сторонами партнерства выступают государственные и частные структуры экономики;
- ▶ взаимоотношения между партнерскими организациями оформляются юридически в виде контракта, в котором определяются взаимные обязательства сторон;
- ▶ партнеры равноправно участвуют в процессе организации и управления хозяйственной деятельностью партнерского предприятия;
- ▶ партнеры признают наличие для них общих и частных экономических интересов.

Тем самым, можно сказать, что наиболее принципиальным положением для ГЧП должно быть равноправное сотрудничество между государственными и частными секторами национального хозяйства, при котором они дополняют друг друга для достижения поставленных целей и задач с максимальным экономическим эффектом.

Можно констатировать, что ныне в экономике Абхазии формируется двухсекторная модель, т. е. в республике целенаправленно, а частью стихийно, происходит разделение сфер деятельности и ответственности между государством и предпринимательством, которое, на наш взгляд, можно охарактеризовать, как и ГЧП, т. к. значительное количество отраслей функционирует в смешанном секторе национальной экономики.

В этих условиях в руках государства остаются практически все основные виды деятельности по производству общественных благ и услуг. На данном этапе развития Абхазии подобное положение является объективной необходимостью, т. к., государственный сектор обеспечивает равномерный доступ к общественным услугам всего населения, создавая тем самым социальную стабильность в обществе (рис. 1).

В свете вышесказанного, считаем, целесообразным использование в практике развития Республики Абхазия модели социально смешанной экономики с преобладанием государственного регулирования экономики, базовым элементом которого является система государственного стратегического планирования.

При осуществлении системы стратегического планирования государственные органы управления могут оптимально сочетать индикативное, т. е. рекомендательное планирование с элементами директивного планирования для государственного сектора экономики, которые позволяют мобилизовать все имеющиеся в стране ресурсы для выполнения стратегических целей и задач развития.

Процесс ГЧП проявляется и в системе индикативного планирования, которая активно используется в Абхазии с начала 2001 года с принятием

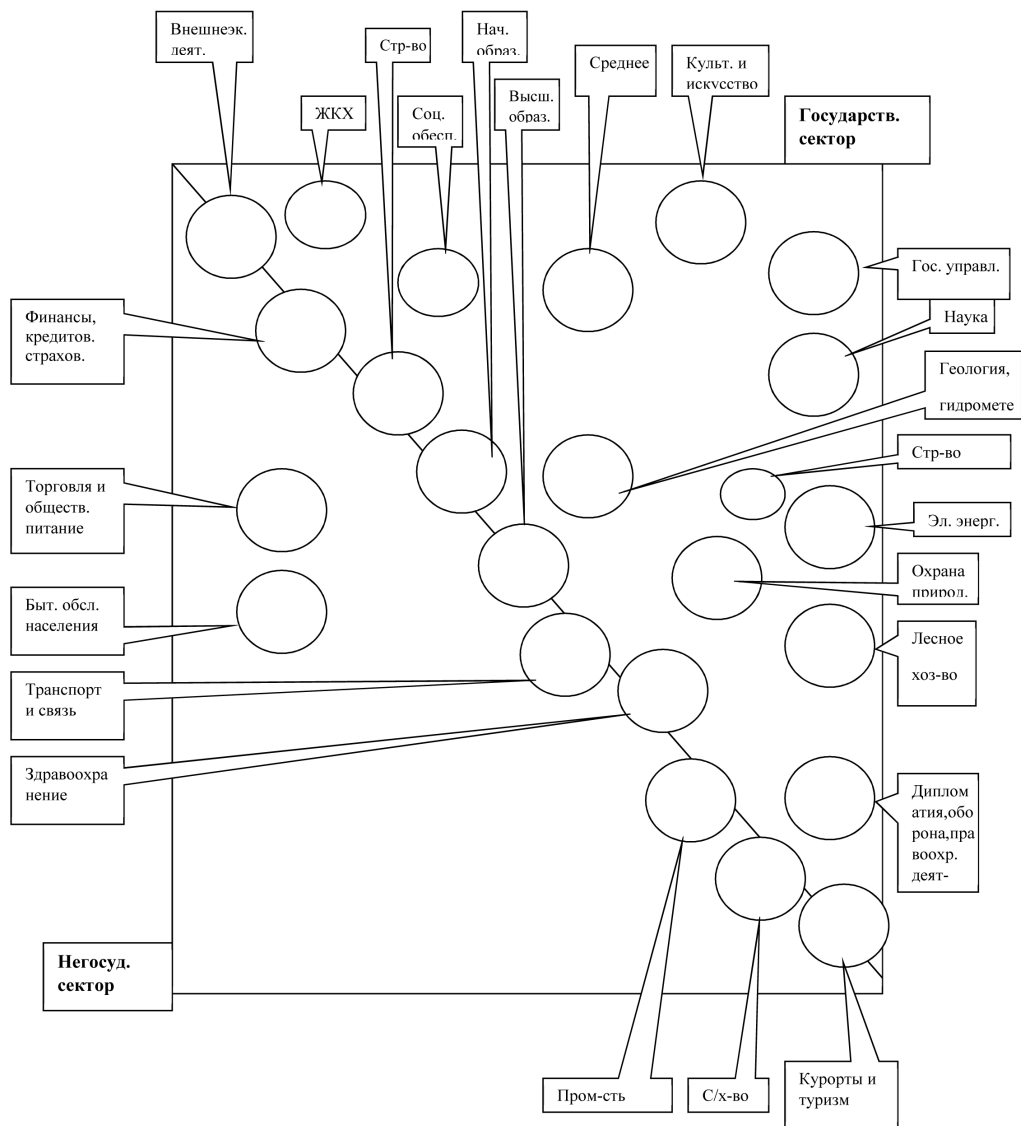


Рис. 1. Деление функции в экономике Абхазии между государственным и негосударственным секторами (Шалашаа 2007: 65).

Закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Абхазия» (2000 г.).

Так, индикативный план в качестве стратегической цели ставит реализацию базовых функций государства в обществе, согласование общенациональных интересов с интересами регионов, отраслей экономики, предприятиями и частными предпринимателями. В этих условиях в целях привле-

чения частных предпринимателей к сотрудничеству с государством, в качестве базовых задач органов государственного управления и регулирования можно предложить:

- поиск рациональных способов сочетания государственного индикативного планирования и бизнес-планирования на предприятиях в качестве комплексного метода государственного регулирования национальной экономики, адаптированного к условиям рыночной трансформации;
- эффективное использование денежно-кредитных, налогово-бюджетных и таможенно-тарифных инструментов государственного регулирования экономики;
- выработка внешнеэкономической стратегии, адаптированной к национальным приоритетам развития и поэтапной интеграции хозяйственных систем Абхазии в российское и евразийское экономическое пространство.

Стратегическим направлением государственной экономической политики Республики Абхазия в современных условиях должно являться не просто переход к экономическому росту, а, прежде всего, достижение его качественного содержания, что предполагает:

- а) повышение уровня жизни населения республики как условие социальной стабильности в обществе, социальной поддержки реформ, проводимых в стране, стимулирования позитивных предпринимательских инициатив, улучшения демографического, образовательного и культурного потенциала республики;
- б) повышение эффективности и конкурентоспособности национальной экономики на основе модернизации производства, развития конкурентной среды и реструктуризации предприятий, развития инновационных производств, повышения уровня и качества менеджмента;
- в) преодоление сложившихся противоречий и дисбалансов в производственной, социальной, инвестиционной, финансовой и внешнеэкономической сферах.

Социально-смешанная модель национальной экономики Абхазии должна содержать следующие базовые характеристики:

- активная роль государства в национальной экономике, что проявляется в применении наряду с косвенными методами регулирования и прямых форм воздействия на работу участников хозяйственной деятельности через механизмы государственного сектора и государственного предпринимательства, а также в качестве субъекта структурной перестройки всей хозяйственной системы и ее рыночно-смешанной трансформации;

- сохранение за государством стратегически важных сфер национальной экономики с одновременным развитием частных и коллективных форм хозяйствования;
- совершенствование и развитие социальных стандартов в обществе, включая директивное установление минимального уровня социальных гарантий и их отслеживание с целью недопущения значительной дифференциации в доходах между малоимущими слоями общества и богатыми;
- государственная поддержка малого предпринимательства и гарантии его защиты от недобросовестной конкуренции со стороны крупных предприятий;
- создание благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности в реальном секторе экономики, в особенности, в производстве предметов массового потребления;
- государственная поддержка наукоемких, инновационных и экспортных производств;
- приоритетное значение для вложений в национальную экономику российских инвестиций, способствующих обеспечению экономической безопасности и интеграции хозяйственных систем республик в российское и евразийское экономическое пространство;
- государственная поддержка системы здравоохранения, образования, науки, культуры, спорта;
- выделение необходимых материальных ресурсов, достаточных для обеспечения обороноспособности и национальной безопасности республики.

По нашему мнению, государственным органам управления в своей деятельности необходимо отстаивать общенациональные интересы, которые не должны противоречить экономическим интересам, как государства, так и предпринимательских структур, и в этом случае можно добиться стабильного и эффективного социально-экономического развития Республики Абхазия. В этом направлении должна быть организована в том числе и работа по совершенствованию системы налогообложения доходов иностранных предпринимателей в Абхазии.

В целях эффективной реализации целей и задач развития Республики Абхазия требуются согласованные и координированные действия республиканских органов власти, местных органов государственного управления и самоуправления. Причем существенной предпосылкой для осуществления подобной цели развития является модернизация экономического сотрудничества Абхазии и России и их хозяйствующих субъектов, направленная на создание интегрированной социальной и экономической системы.

Положения об укреплении многосторонних связей между Республикой Абхазия и Российской Федерацией закреплены в международно-правовых документах:

- Договоре «О союзничестве и стратегическом партнерстве» (Договор... 2014);
- Программе формирования общего социального и экономического пространства на основе гармонизации законодательства РА и РФ (*Программа 2021 г.*).

Создание правового и организационно-экономического механизма, обеспечивающего скоординированное функционирование всех звеньев системы государственного управления Республики Абхазия, одновременно является одной из важнейших стратегических задач в становлении и укреплении государственности страны.

Литература

Гражданский кодекс... 2006: Гражданский кодекс Республики Абхазия (Часть 1): Сборник законодательных актов Республики Абхазия. Вып. 26. Сухум, 2006. С. 8–214.

Договор... 2014: Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве. 24 ноября 2014 года. Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/supplement/4783>

Конституция... 2019: Конституция Республики Абхазия / Администрация Президента Республики Абхазия. Сухум: Дом печати, 2019. 40 с.

Программа... 2021: Программа формирования общего социального и экономического пространства между Российской Федерацией и Республикой Абхазия на основе гармонизации законодательства РА и РФ 2021 г. Электронный ресурс. <https://abkhaz-auto.ru/news/11177>

Шамба 2015: Шамба О.Б. Проблемы переходной экономики Абхазии. Сборник статей. Сухум: Абхазский Государственный Университет, 2015. 182 с.

Шалашаа 2007: Шалашаа З.И. Специфика регулирования экономики в условиях становления рыночных отношений в особых регионах постсоветского пространства. М.: МАКС-Пресс, 2007. 284 с.

З.И. Шьалашьяа

АԢСНЫ АСОЦИАЛТӘ ЕКОНОМИКА АИҢАКРАҚӘА РҒЫ АҒҒЫНТҚАРРА ИААНАКЫЛО АТЫЦ

Аннотация. *Ағғынтқарра ауаажәлаара рағхья иқәнарғыло хадара злоу аусхкқәа ирманиғалан рызбара залиом Ағсны ағғынтқарратә усбартақәа рымчрақәа ишахәтоу иахамйғылар имғағазар зыхәтоу асоциал-экономи*

катә еиҗакрақәа, имџағазаларҗ иахәҗоуп ахәынҗқарратә економикатә политика хықәкы хадасгьы иатҗаны ареспублика аресурсқәа зегьы реидкыларә, насгьы ирманиәаланы реихшара. Астатиағеы иайшьны иазгәатҗоуп амилатҗә економика арџарағеы ииатҗаху ахәынҗқарра иаанакыло атҗың арғәғәара, хықәкысгьы ари аус ағеы иқәгылазароуп аэкономика афеида алиҗуа ашьақәырғыларә, насгьы аөнйҗкатәи адәахьтәи ацьармыкьатә еицлабрағеы аиааира агара, убри азы анаплакқәа еиуеиҗшым аиҗакрақәа шрылагалатәу. Иабжьгоуп ажәлар рыҗстҗазаара шьҗызхиа ахәынҗқарратә еиџкааратә усымџағатәқәа.

Ихадароу ажәакәа: *амилатҗә економика аиҗакра, асоциалтә економика ағеы-рҗшы, ахәынҗқарратә напхгаратә система аиџкааратә еиҗакра.*

Z.I. Shalashaa

THE ROLE OF THE STATE IN THE SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF ABKHAZIA

Annotation. *The basic goals and objectives of the state in society cannot be realized without the active participation of state authorities in the socio-economic transformation, without a purposeful state economic policy aimed at mobilizing all the resources available in the republic and their effective distribution. The article substantiates the need to intensify state participation in the development of the national economy, aimed at increasing its efficiency and competitiveness, both in the domestic and foreign markets on the basis of modernization of production. Effective measures of state regulation that contribute to improving the standard of living of the population are proposed.*

Key words: *transformation of the national economy, socio-economic model, modernization of the public administration system.*

Д.Т. Арзынба

АХЫҚӘКЫТӘ ПРОГРАММАҚӘА РХАРХӘАРА АЦСНЫ АХӘЫНТҚАРРА АБИУЦЬЕТ АПЛАНЕИҒКААРАҒЫ

Ацсны атцаарадыррақәа ракадемиа Аекономикеи азинтцаарей ринститут аспирант Арзынба Д.Т. итцаарадырратә статиа аххәаа.

Ҳазлацәажәо атйаарадырратә статиаҒы ишьтыху азйаарақәа даараза рйакы гәгәоуп, избанзар урт рызкуп хазтагылоу аамтазы ахәынтқарратә планишьақәыргыларатә система тыңс иааннакыло ахәынтқарратә напхгараҒы, иара убас ахәынтқарратә усбартақәа рхы иадырхәарц ирылишо еиуеиңшым ахархәагақәа анхамватә наплакқәеи, абиуцьеттә усбартақәеи рнапхгаратә усхкқәа рымшағараҒы.

Абиуцьеттә планишьақәыргылара йакыс иамоуп атәыла асоциал-економикатә рҒиараҒы еиуеиңшым акайарбақәа реизгара, урт амакроекономикатә шазараҒы реидкылара, аха аекономикатә наплакқәа уи ирынаҗоит алиара рхатәы напхгаратә қәйарақәа рыдкылара, насгьы уи хықәкыс иамоуп атәыла асоциал-економикатә Ғиара итйишәынтәалан ашьақәыргылара, ажәлар еицырзеиңшу аинтересқәа рыхьчара.

Атйаарадырра иҒыцны иалаигало усуп хәа иуңхәазар ауеит автор истатиаҒы ахықәкытә программақәа дахьрыхәаишуа, амилаттә економикеи, уи аусхкқәеи, арегионқәа рҒы ахәынтқарра тыишәынртәаларатә усхкқәа рымшағараҒы аекономикатә йакы змоу мыругақәаны, насгьы урт ахәынтқарра ирзоунажьбуа абиуцьеттә ресурсқәа рынагзараҒы ишааныркыло имаҷым атйиң.

Астатиа автор иара убас иалкааны дырзаатгылеит Ацсны ахәынтқарраҒы ахықәкытә программақәа реиқәыришәарей рынагзарей ирҒырхагоу еиуеиңшым амзызқәа. Акраанагоит иара иахьадигало ихатәы знеишьақәа урт азйаарақәа рызбаразы. Иара убас, хара хықәшахәтуп астатиа автор иқәиргыло азйаараҒы: хәңхьака ахәынтқарра напхгаратә усбартақәа ишырхәтәоу ишасырц ибжьаратәу абиуцьеттә планишьақәыргыларахь, апрограма-хықәкытә метод рхы иархәаны, уи ишалнаршо зхәтабзиара хараку ахәынтқарратә биуцьет аиқәыришәара, аха абри аус анагзараҒы иатәаххо Ацсны ахәынтқарра абиуцьеттә зинқәа аиҗакрақәа шрылагалатәу.

Сгәаанагарала, Арзынба Д.Т. истатиа «Ахықәкытә программақәа рхархәара Ацсны ахәынтқарра абиуцьет апланеиҒкаараҒы» рықәишәоит иара еиңшу атйаарадырратә усумтақәа рыңқарақәа, иагьысыңхьазоит икьыңхьзар алиоит хәа ажурнал «Ацсны атйаарадыррақәа ракадемиа Адырратара» аҒы.

**З.И. Шьалашьяа, атцаарадырратә напхгаҒы,
аекономикатә тцаарадыррақәа рдоктор,
апрофессор, ААР академик**

Аннотация. *Абри астатиа ахэаақэа ирҕагзаны иазнхьагэаҕоуп айыхэтэантэи ашықэсқэа рзы Аңсны Ахэынтқаррақны ирыдыкылоу ахықэкытэ программақэа рзы аинформация асистемаркеи анализи рыкайаразы аеазышыаара. Ирыхэаңиуп ахықэкытэ программақэа ртематикатэ еилазаара, урт аңара рзоужьра ахышэайышыа, имөаңоуп ахықэкытэ программақэеи Ареспубликатэ биуцетти рхышэайышыақэа реуаршэалашьа, ирызхьаңиуп абиуцеттэ ныхтэқэа рпланеиҕекаара аметодқэа рыреиаразы ахырхартақэа.*

Ихадароу ажэақэа: *ахықэкытэ программа, Ареспубликатэ биуцет, апланеиҕекаара, апрограма-хықэкытэ планеиҕекаара.*

Иахьатэи аамтазы иарбан хэынтқарразаалакгы азхэыцуеит абиуцеттэ паракэа хра рыманы ахархэашьа рытара азцаара. Аңсны Ахэынтқарразы ари атема еихаггы актуалра аҕоуп атэыла асоциал-экономикатэ ҕиарашьақэгылара алзыршаша ареспублика аэкономикатэ тагылазаашьа ахэынтқаррақынтэ ихымпадатэиу ауснагзатэқэа ахьатаху инадхэаланы. Аңсны амчра, афинанстэ ресурсқэа рдефицит аан, азцаара удааэзакэа азбар ауп, убриазы абиуцеттэ ресурсқэа реихшараан апыжэара зтатэу азтаарақэа ралкаарей, хықэкыла урт рхылапшрей, хра рыманы рхархэарей иазхьаңштэуп.

Иахьазы Аңсны Ахэынтқарраҕы абиуцеттэ планыркра ахархэагақэа ируакны икоуп ахықэкытэ программақэа. Азакэанццара инакэыршэаны, ахықэкытэ программа хэа ишыоуп «азинмчра змоу аусбартақэа ишыақэдыргэҕэо, Аңсны Ахэынтқарра абиуцеттэ система абиуцеттэ паракэа рыла ишыақэыргылоу аңкарала апара ззоурыжьуа аресурсқэеи, анагзарей, анагзараамтеи ирыдхэало ауснагзатэқэа реизак» (*Аңсны Ахэынтқаррақны абиуцеттэ... 2014: 122*). Ахықэкытэ программақэа рыла ахэынтқарра иалшоит ахыдцақэа рыкэыргылара, урт рынагзаразы абиуцеттэ ресурсқэа реизакра, аҕаңхьа икэгылоу аусдцақэа рынагзашьа ахылапшра. Ахықэкытэ программа апыжэарақэа иреиуоуп абиуцет паракэа иаармариан рхархэара акэымкэа, иалкаау ахықэккэа ирзырханы рхархэараз алшара аццара.

Иазгэатэаҕеуп, 1995 шықэсазы ирыдыркылаз «Аңсны Ахэынтқаррақны абиуцеттэ шыақэгыларей абиуцеттэ процесси рышьатақэа рзы» АА Азакэан акны ишазгэатаз ахықэкытэ программақэа аус рыдулара шхымпадатэиу. Абри азакэан аҕы иарбан абиуцеттэ проектқэа реиҕекаара ишаңхьагылоу ахықэкытэ апрограмақэа рыдыкылара (*Аңсны Ахэынтқаррақны абиуцеттэ... 1995: 79*). 2014 шықэсазы ирыдыркылеит «Аңсны Ахэынтқаррақны абиуцеттэ шыақэгыларей абиуцеттэ процесси рышьатақэа рзы» АА Азакэан ҕыц. Ари азакэан ҕыц аҕы ихымпадатэиуп

хэа ипцхязамызт абиуцьеттэ проекткэа рынагзараан ахыкэкытэ программакэа аус рыдулара. Уа апыжэара атан Ацсны асоциал-экономикатэ ҕиара азпцхьагэатаратэ цацгэны измаз асоциал-экономикатэ ҕиара аиндикативтэ план. Уи адаггы азакэан ҕыщ аҕы иарбан ареспубликатэ биуцье-ти атыцантэи абиуцьеткэеи рныхракэа асоциал-экономикатэ ҕиара апрограммакэа разпцхьагэатарала ихэаакэцалазарц (*«Ацсны Ахэынтқаррақкны абиуцьеттэ шыақэгылареи абиуцьеттэ процесси рышыаақкэа рзы» АА Азакэан 2014: 138, 188–189*). Азгэатаратэ атахуп асоциал-экономикатэ ҕиара апрограммакэа инартбаау ацакы шрымоу ахыкэкытэ программа ааста. Дара шыақэдыргылоит бжыаратэ аамтала, цацгэыс ирымоуп ахыкэкы лкаакэа, уи азнейшыа амоакэа, ахархэагакэа (*«Ацсны Ахэынтқарра ахэынтқарратэ азпцхьагэатареи асоциал-экономикатэ ҕиареи рыпрограмакэеи рзы» АА Азакэан: 49*).

Иара убриаан азакэанццараҕ айтакракэа шыкоуггы, ахыкэкытэ программакэа ыказароуп. Ииасыз ашыкэскэа рзы Ацсны Ахэынтқарраҕ ирыдыркы-леит иаггынарыгзеит ахыкэкытэ программакэа жэпакы: аамтакыаҕлатэкэа, абжыараамтатэкэа, ахэынтқарратэкэа, аусбартаатэкэа, аусбартабжыаратэкэа. Ахыкэкытэ программакэа аус рыдулара, рыдкыларатэ, ралартцэара – азакэанццаратэ акт акамзаараан Аминистрцэа реилазаара Ақэцара ихэаакэнацоит (*Аминистрцэа реилазаара Ақэцара 2016*).

Уажы хэазахшэап 2020–2022 шш. рзы Ацсны Ахэынтқарраҕы ирыдыркылаз ахыкэкытэ программакэа рыхэапшра. Иазгэататэуп, Ацсны Ахэынтқарра азакэанццаратэ ишазпцхьагэанато Аминистрцэа реилазаара ишышыақэнарғэгалар акэу аус здырулои аус зуеи апрограммакэа Реиқэыпцхьаза (*Аминистрцэа реилазаара Ақэцара 2016*). Аха ари Аиқэыпцхьаза Аминистрцэа реилазаара иахыатэи аамтаз ишыақэнарғэгэазом. Абри атагылазаашыа иаруадацит имоапацхго атцаара.

Абри астатиа ахэаакэа иртагзаны азхыацшра чыда рахтоит ахыкэкытэ программакэа, апцхьанатэ ианрыдыркылаз аамтазы иарбаз ршэагазага. Асеипш атахуп ахыкэкытэ программакэа Ареспубликатэ биуцьет аиҕекаараан инарыгзо ароль азгэатаразы. Убри инадхэаланы абри атцаараҕы иазгэатахом ахыкэкытэ программакэа шынагзо азы адырракэа, иара убасгы иазгэатахом ахыкэкытэ программакэа рынагзараан ирылагалаз апсахракэа.

Абасала, 2020–2022 шш. рзы Ацсны Ахэынтқаррақкны ишыақэыргылоу азакэанццаратэ инакэыршэаны, аус рыдулан иаггырыдкылан 42 хыкэкытэ программа. Урт ркынтэи 41 рзы Ареспубликатэ биуцьеткэа ркынтэ афинанстэ ресурскэа азпцхьагэатан.

**Атаблица 1. 2020–2022 шш. рзы ахықэкытэ программақэа рхыц-
хьазарей рбиуцъети рзы адыррақэа**

Ашықэс	Ареспубликатэ биуцъет ағы зныхрақэа азцхьагэатаз ахықэкытэ программақэа рхыцхьазара	Ахықэкытэ программақэа рзеипш биуцъет*, нызкь маат
2020	17	369 745,8
2021	13	356 385,7
2022	11	385 150,0

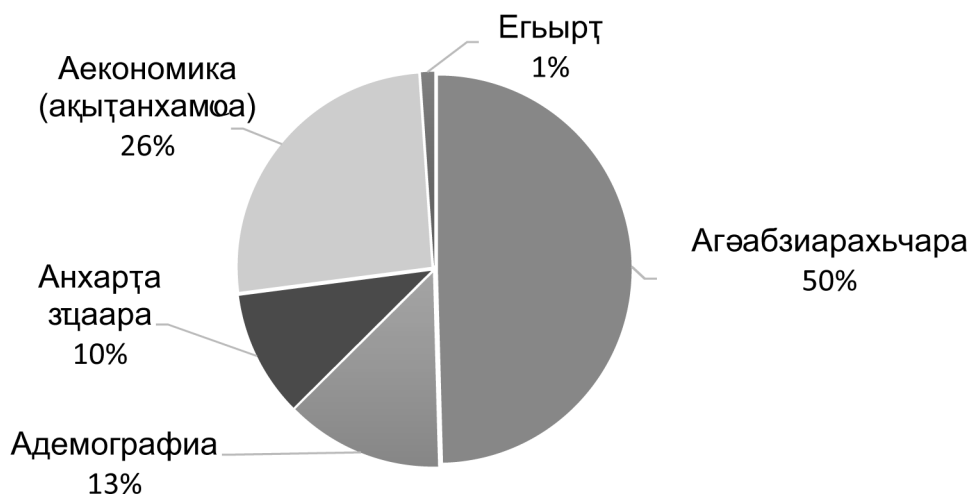
* – иарбоуп ахықэкытэ программақэа анрыдыркылоз аамтэазы ирымаз азеици биуцъет.

Ацсны Ахэынтқаррағы аус рыдырулоит иагышыбақэдыргэгэоит еиха-
рак аамтэақэлатэи апрограмақэа. Убас, 2020–2022 шш. рзы Ареспубли-
катэ биуцъет акны иазцхьагэадоу ахықэкытэ программақэа ркынтэи 88 %
шықэсык аонытқа инарыгзараны икоу программақэоуп.

Иара убасгы иазгэататэуп, ареспубликағы инарыгзо асоциалтэ казшыа
змоу ахықэкытэ программақэа реихарак, рацхьа иргыланы агэабзиарахь-
чара ишадхэалоу. Убас, 2022 шықэсазы инагзатэны ипхьазоу ахықэкытэ
програмақэа рганахьала аныхтэ 50 % агэабзиарахьчара аусхк иазырхоуп.

Иара убриаан 2021 шықэсазы Ацсны Ахэынтқарракны Ареспубли-
катэ биуцъет аныхтэқэа рыхэтағы иарбан имачымкэа апара ахықэкытэ
програмақэа рхархэарала иара аекономика ахата азырхаразы (ақытан-
хамға аганахьала). Убас, 2021 шықэсазы инагзан инартбаау аусбартатэ
хықэкытэ программа «2021 шықэсазы ақытанхамға арғиара». Иара
абиуцъет 100 миллион маат ыкан. Убри акара аитазоужьын 2022 шықэ-
сазгы. Иубартэ икоуп, ари апрограма нагзахар, ақытанхамға адагы,
аекономика зегь аaidкыланы атагылазаашыа шеигьнатэуа. Асеипш икоу
апрограмақэа рынагзара хымпадатэиуп Ацсны. Урт абиуцъеттэ поли-
тика, чыдала атэыла асоциал-экономикатэ ғиара аиғкааразы анагзараз
ицхыраагзоуп.

Атыхэтэантэи ашықэсқэа рзы Ацсны ишыбақэыргэгэаз ахықэкытэ про-
грамақэа хрылацэажэаны, анафс хазаатгылоит Ареспубликатэ биуцъет
аныхратэ хэта апланкатараан урт апрограмақэа (рбиуцъетқэа) рцакы.
Ари анализ иалнаршоит, ахықэкытэ программақэа инарықэыршэаны,
ахэынтқарратэ ныхрақэа ркынтэ зака хэта рзоужьу аилкаара. Ихэатэуп,



Асахьа 1. 2022 шыкэсазы ишыкэырзэжэо ахыкэкытэ программакэа рзеипш биуцэт ахархартэкэа рыла аихиара

Урыстэылатэи Афедерациакынтэ цхырааратэ кэзшьала иаауа апаракэа «ахыкэкытэ программакэа» рахь ишатцанамкуа, избанзар уи аганахьала апаразоужьра змоу апрограммакэа даеа кэзшьак ала инарыгзоит.

Атаблица 2. Ареспубликатэ биуцэт ахыкэкытэ программакэа рзы аныхтэкэа рыхэтэ

Ашыкэс	Ареспубликатэ биуцэт аныхтэкэа реизак, нызкь маат	Ахыкэкытэ программакэа рзеипш биуцэт Ареспубликатэ биуцэт аныхтэкэа реилазааракны иааннакыло ахэтэ
2020	8 397 430,0	4,4 %
2021	9 267 784,2	3,8 %
2022	10 033 732,6	3,8 %

* – аныхтэкэа арбоуп абиуцэт аңхьатэи аредакция инакэыришэаны.

Атаблица 2 инакэыришэаны, иазгэатахоит 2020–2022 шш. рзы Ареспубликатэ биуцэт аныхтэкэа зегьы рхышэатышэакынтэ ахыкэкытэ программакэа ишырзырхаз 4 % инарзынацшуа. Крызцазкуа асоциал-экономикатэ хыкэккэа рынагзаразы ари даараза имачуп ххэар халшоит.

Убриаан ихэатэуп, Ареспубликатэ биуцэт ахэтак шышыакэгыло Урыстэылатэи Афедерация хнырхэрада ххэынтқарра ианато, ахықэкытэ казшыа змоу алагалақэа рыла. Убриазы еиха иобиективу адырракэа роуразы Ареспубликатэ биуцэт иагхархап хнырхэрадатеи ацхырааратэ лагалақэа. Абри инадхэаланы тақа иаахгоит, Ареспубликатэ биуцэт ахатэ лагалақэа рыструктурағ ахықэкытэ программақэа рпаразоужьра ахышэатцышэа ахьарбоу хтаблица.

Атаблица 3. Ареспубликатэ биуцэт ахатэ лагалақэа рыструктурағ ахықэкытэ программақэа рзы аныхтэқэа рыхэта

Ашықэс	Ареспубликатэ биуцэт ахатэы лагалақэа, нызқь маат	Ахықэкытэ программақэа рзеипш биуцэт Ареспубликатэ биуцэт ахатэ лагалақэа реилазааракны иаанакыло ахэта
2020	3 368 855,6	10,9 %
2021	3 202 152,6	11,1 %
2022	3 704 044,4	10,4 %

Атаблица 3 ианыцшуа ацхьазарақэа шахатра руеит азинмчра змоу ахэынтқарратэ усбартақэа иааиуа афинанстэ шықэс азы Ареспубликатэ биуцэт азакэан апроект анеиғыркаауа ишазцхьагэартэ 10–11 % ахатэ лагалақэа ахықэкытэ программақэа рпаразоужьразы. Ацсны, ахэынтқарратэ усбартақэа рныкэгаразы абиуцэт ахатэ лагалақэа иракароу ацара аннырхуа, ари абыза атагылазаашьа «цэгьам» хэа азухэар аеуит (АЕТЦ 2019).

Ахықэкытэ программақэа рзы имџацгоу анализ инакэыршэаны еилкаахоит 2020–2022 шш. рэтэи Ареспубликатэ биуцэтқэа рышыақэыргылаараан ахықэкытэ программақэа рзы есышықэса ишазцхьагэатаз 370–370 миллион маат. Ихэатэуп, ари ахыцхьазара шахатра шауа ахықэкытэ программақэа ацара рзоужьраз иазцхьагэатаз аныхтэқэа мацара шракэу. Арт арбагақэа рееитаркыр калоит Ареспубликатэ биуцэт ахь (ахықэкытэ программақэа рахьгы) ацсахрақэа алагалахар. Убри инадхэаланы харзаатгылап ахықэкытэ программақэа рзы аныхтэқэа шыкацэкьои планла ишарбази.

Атаблица 4. Ареспубликаты биуцет акынтэ ахыкэкытэ программакэа апара рзоужьра

Ашыкэс	Ахыкэкытэ программакэа рзы планла иазгэатаз аныхтэкэа (нызыкь маат)	Ахыкэкытэ программакэа рзы афакттэ аныхтэкэа (нызыкь маат)	Планла иазгэатази фактла иазоужьызи аныхтэкэа реиҕырпшра (нызыкь маат)
2020	369 745,8	343 828,1	– 25 917,7
2021	356 385,7	426 385,7	+ 70 000
2022	385 150,0	–	–

Атаблица 4 аҕы иаагоу ахыпхьазаракэа шахатра руеит ахыкэкытэ программакэа фактла рныхракэеи планла иазцхьагэатаз аныхтэкэеи аивгаракэа шрымоу. Убас, 2021 шыкэсазы ахыкэкытэ программакэа ирзоужьын планла иарбаз аныхтэкэа рааста 20 % еиханы апара.

Апсны икоу имариам атагылазашьа иахкьаны, ахыкэкытэ программакэа рхыпхьазара, рбиуцет аизырхара атэы алацаажэара даара ицэгьоуп. Аха азхьапшра ртахны икоуп егырт азцааракэагы. Иаххэап, ахыкэкытэ программакэа рхатабзиара, реиҕекаара апроцесс, рымөапгара аҕхэаракэа, рхылапшра аөазара уб. егы.

Анаөс иааркьаҕыны иазгэахтап Апсны Ахэынткарраҕы ахыкэкытэ программакэа аус рыдулареи рынагзареи апроцесс иацу ауадаөракэа. Азхьапшра рахтап иактуалу, ахэынткарракынтэ харць зтахны икам азцааракэа.

2020–2021 шш. рзы инагзази 2022 шыкэсзы иазцхьагэатои ахыкэкытэ программакэа ранализ ашьаҕала иалукаар калоит апрограмакэа реиҕарак ирыцу апроблемакэа:

- 1) ахыкэккэа рышьакэыргылары;
- 2) ахыкэкытэ программакэа ртаккэа, мамзаргы апрограмакэа рынагзара алтшэакэа рыкамзаара (астатистикатэ, ахатабзиаратэ, ахыпхьазаратэ рбагакэа);
- 3) апрограма иаамтамкэа ашьакэыргэҕэара;
- 4) апрограмаатэ уснагзатэкэа рынагзара аөазара иахэтоу амамзаара;
- 5) апрограмакэа рынагзашьа иахэтоу ахылапшра амамзаара;
- 6) ахыкэкытэ программакэа рынагзараан изныкымкэа апсахракэа ралагалара;
- 7) атэылауаа апрограмакэа рынагзашьаз аинформация рымамзаара.

Ахықәкытә программақәа агхақәа мачымкәа ишырцугъы, Ацсназы атак ду рымоуп. Шықәсыктәи абиуцъетмџацгара атагылазаашьала иара абиуцъет апланеиџааразы иахадароуп. Цхьака ареспублика анапхгара ирыдыркылароуп атагылазаашьақәа реиҟаказы, рыриашаразы хыхь иарбоу ауснагзатәқәа. Акрацанакуеит ирыдыркыло апрограммақәа рхатабзиара ашьтыхра, Ареспубликатә биуцъет аиџаара апроцесс аџы ароль аизырҳара. Иахәтаны икоуп ацсуа напакыџаа адгылара рызто ахықәкытә программақәа рынагзаразы иахәтоу ацара апшаара.

Ацсны абиуцъет аиџаара џазара ҳаракыла имџацгалатәуп, апрограмма-хықәкытә метод ахархәара аталатәуп. Еилкаауп, арт азцаарақәа рызбара имачымкәа аамта шатаху, абиуцъеттә закәанццара шеигьтәтәу, аспециалистцәа шазырхиатәу, аха ахәынтқарра анапхгараҟареи иара аэкономика аџиареи рџы абиуцъет ароль апыжәара ататәуп. Абиуцъеттә ресурсқәа хра рыманы напхгара рыҟара – ари Ацсны Ахәынтқарраџы зыда цсыхәа ыкам акакәны икоуп иахьазы.

Алитература

«Ацсны Ахәынтқарра ахәынтқарратә зрхьагәаҟареи... 2001: Закон Республики Абхазия «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Абхазия» от 28 декабря 2000 года № 597-с-ХІІІ // Сборник законодательных актов Республики Абхазия. Сухум, 2001. № 14. С. 49–54.

«Ацсны Ахәынтқаррақны абиуцъеттә... 1995: Закон Республики Абхазия «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в Республике Абхазия» от 5 октября 1995 года № 230-с // Сборник законодательных актов Республики Абхазия. Сухум, 1995. № 4. С. 74–83.

«Ацсны Ахәынтқаррақны абиуцъеттә... 2014: Закон Республики Абхазия «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в Республике Абхазия» от 14 мая 2014 года № 3513-с-V // Сборник законодательных актов Республики Абхазия. Сухум, 2014. № 48. С. 116–221.

Аминистрцәа реилазаара Ақәҟара 2016: Постановление Кабинета Министров Республики Абхазия от 14 июля 2016 года № 119 «Об утверждении «Порядка разработки, принятия и реализации государственных, ведомственных и межведомственных программ в Республике Абхазия» // СПС «КонсультантПлюс».

АЕТЦ 2019: Анализ проекта Республиканского бюджета Абхазии на 2020 год // АНО «Центр социально-экономических исследований». Сухум, 2019 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://abkhazinform.com/tochka-zreniya/item/9733-analiz-proekta-respublikanskogo-byudzhetabkhazii-na-2020-g> (дата обращения: 08.04.2022 г.).

Д.Т. Ардзинба

ПРИМЕНЕНИЕ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ В БЮДЖЕТНОМ ПЛАНИРОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

Аннотация. *В рамках настоящей статьи предпринята попытка систематизации и анализа информации о целевых программах, принятых в Республике Абхазия за последние несколько лет. Рассматривается тематическая структура целевых программ, объемы их финансирования, приводится соотношение параметров целевых программ с Республиканским бюджетом. Отдельно указаны недостатки, связанные с реализацией целевых программ в Республике Абхазия. Предложены направления по дальнейшему развитию методов планирования бюджетных расходов.*

Ключевые слова: *целевая программа, Республиканский бюджет, планирование, бюджетные ресурсы, программно-целевое планирование.*

D.T. Ardzinba

APPLICATION OF TARGETED PROGRAMS IN BUDGET PLANNING OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Annotation. *The article attempts to systematize and analyze information about targeted programs adopted in the Republic of Abkhazia over the last few years. The study considers the thematic structure of target programs, their budgets, provides the ratio of the parameters of target programs with the Republican budget. The article suggests directions for the further development of methods of budget expenditure planning. The shortcomings identified in the implementation of targeted programs in the Republic of Abkhazia are indicated.*

Key words: *target program, Republican budget, planning, budget resources.*

АРХИВТӘ ЦШААМҘАҚӘЕИ АКЪЫЦХЪЫМҘАҚӘЕИ • АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

А.А. Олонецкий

[ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ О ГОРОДАХ АБХАЗИИ]

Алексей Алексеевич Олонецкий (настоящая фамилия Садиков) (1893, г. Пенза – 1964, г. Сухуми) – историк. Переехал в Абхазию в 1931 г., работал экономистом в Наркомхозе и Госплане Абхазской АССР (1932–1936 гг.). С 1932 по 1957 годы трудился в Абхазском институте старшим научным сотрудником, в 1938–1950 гг. – ученым секретарем. В 1943 г. защитил диссертацию, ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. А.А. Олонецкий в 1930–50-х гг. опубликовал множество работ по истории Абхазии XIX–XX вв. Значительную часть своих исследований по истории Абхазии А.А. Олонецкий при жизни не успел издать. Он имел привычку не спешить с публикацией. В центральном государственном архиве Абхазской АССР был создан личный фонд А.А. Олонецкого. В нем хранились 99 дел, которые содержали уникальные неопубликованные работы, эпистолярный материал, архивные документы, собранные им по интересовавшим его темам, личные документы и материалы к биографии, записные книжки, печатные издания, подаренные ученому его коллегами и др. Во время Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., в октябре 1992 г., вместе с варварски сожженными зданиями Абхазского института и Центрального госархива Абхазии дотла сгорели все хранившиеся в них уникальные ценности Отечественной истории. Тогда безвозвратно погибли и материалы фонда А. Олонецкого, восстановить которые практически невозможно. К счастью, сохранилось несколько копий небольших статей А.А. Олонецкого, которые представлены в нашем журнале. Это небольшие очерки о городах Абхазии, написанные, судя по всему, в 1936 г. Материал взят с сайта: <http://caucasusdialogue.org> (дата обращения: 15.11.2019)

ГУДАУТЫ. (Исторический очерк)

Город Гудауты¹, центр Гудаутского района АССР Абхазии, до 1917 г. считался «местечком». Год основания неизвестен. Количество населения, по административным данным с 1907 г., равнялось 2564 ч. (КК²; 1909 г.), в 1910 г. – 3521 ч., в 1913 г. – 4848 ч.

Гудауты, расположенный на берегу Черного моря, – в 4-х километрах от селения Лыхны, – бывшей резиденции Абхазских владетельных кня-

¹ Так называлась Гудаута в годы Российской империи и первые десятилетия Советской власти.

² Кавказский календарь.

зей, – во времена «владельцев» Абхазии были торговым местечком и своим основанием обязаны развитию береговой торговли на абхазском побережье.

В годы захвата Абхазии российским царизмом вплоть до 80-х годов прошлого столетия – Гудауты, в связи с общей депрессией на рынках Абхазии потеряли свое значение, как берегового торгового центра, и почти совершенно не упоминаются в исторических документах того времени.

Тем не менее, даже в те годы Гудауты оставались одним из крупнейших населенных пунктов на побережье, пунктов, к которому тяготели основные крестьянские абхазские массы.

В 1866 г. в Гудаутском районе в с. Лыхны вспыхнуло одно из крупнейших восстаний абхазцев против царизма.

В годы русско-турецкой войны 1877–78 гг. в Гудаутах началось новое массовое восстание абхазцев против русского колониального управления, восстание, которое впоследствии распространилось на всю Абхазию.

По свидетельству современников, 28 апреля /ст. ст./ 1877 абхазцы собрались в Гудаутах «большою массою, около 10.000 человек», соединились с десантом в 400 ч. турецкого регулярного войска и оттуда двинулись на Сухум (И.Н. «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь». М., 1898).

Начиная с конца 90-х годов прошлого столетия и в особенности с начала 900-х годов развитие Гудаут тесно связано с колониальной экспансией в Абхазии российского империализма новейшей капиталистической формации.

Развитие земельной спекуляции в прибрежной полосе Абхазии в те годы нашло свое отражение и в Гудаутах. В этом относительно глухом местечке вплоть до 1902 г. продажа земельных участков была запрещена, когда же в 1902 г. этот запрет был снят, то уже в 1903 году только арендная плата поднялась до 240 рублей за десятину (С. Васюков. Край гордой красоты. СПб., 1903 г.)

Вместе с тем, по мере развития абхазского колониального рынка, по мере развития в Абхазии капиталистических отношений – углублялась и социальная дифференциация Абхазии.

Колониальный гнет, особенно чувствительный в одном из основных абхазских районов, в Гудаутском районе, усугублялся спецификой Абхазии в те годы.

Абхазские крестьяне испытывали жесточайший гнет и от колониальной эксплуатации, и от «недостаточного» развития капитализма, поскольку пережитки докапиталистических отношений, пережитки крепостничества и

феодализма достаточно поддерживались российской крепостнической государственностью³.

Весь комплекс этих причин обусловил размах революционного движения в Гудаутах в 1905 г.

В этом местечке демонстрации рабочих и другого трудового населения Гудаут, поддержанные окрестным крестьянством и руководимые лично т. Серго Орджоникидзе, приняли такой бурный характер, что Начальник Гудаутского участка скрылся из Гудаут.

Развитие Гудаут в годы, предшествующие войне 1914 г., достаточно характеризуется следующей выдержкой из книги К.Д. Мачавариани «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому Округу» (Сухум, 1913).

«Гудауты – одно из более оживленных и населенных после Сухума и Гагры мест. Бухта, совершенно открытая в бурную погоду, не всегда доступна для сообщения с пароходами. Население местечка растет с каждым днем, а строительное дело также кипит, как в Сухуме. По вывозу и привозу Гудауты далеко оставляет за собой Адлер, Сочи и Туапсе. Два местных завода вырабатывают свыше 6250 пудов коньяка. Главными вывозными статьями являются табак, кукуруза, вино и продукты плодоводства. В прошлом 1911 году вывезено 490726 пудов разного продукта, а ввезено 194160 пудов».

Уже из приведенных Мачавариани показателей общего размера вывоза и ввоза по Гудаутскому рейду, а также из показателей ассортимента Гудаутского экспорта – достаточно выявляется колониальная специфика этого местечка и всего Гудаутского участка в «предвоенные» годы. Еще более подтверждается эта характеристика при рассмотрении бюджета Гудаут за 1915 г.

Расходы м. Гудауты за 1915 г.

(по данным Кавказского Календаря за 1917 г.)

1. Содержание гор. общ. управл. 5158 р. 23,3%
2. Военская квартирная повинность 346 р. 1,5%
3. Содержание гор. полиции 6209 р. 27,7%
4. Народное образование 4732 р. 21,2%
5. Медицина, ветеринария
и санитарная часть 1090 р. 4,8%
6. Прочие расходы 4816 р. 21,5%

Всего расх. 2235 р. 100,0%

³ Здесь и в других очерках автор проводит характерный для советской марксистской историографии штамп о крепостническом характере феодальных отношений в Абхазии.

Более 50% всех расходов направлялись на содержание «общественного» («военно-народного») управления и содержание городской полиции, на народное образование и, тем более, на здравоохранение тратились гроши. На благоустройство тратилось всего 1475 р. или в 5 раз менее чем на содержание городской полиции.

Результатом такого хозяйствования было то, что Гудаута вплоть до советизации, несмотря на некоторое торговое оживление и возросшую в начале 900-х годов численность населения, оставались тем же грязным неблагоустроенным местечком, каким оно было в конце прошлого века.

Базарная площадь была центром города – от нее расходились главнейшие уличные артерии. Почти полное отсутствие хороших жилых зданий, за исключением нескольких дач земельных спекулянтов и крупных купцов, громадное количество «торговых растворов», табачных складов, грязные намощенные улицы, почти полное отсутствие даже примитивного городского благоустройства – такова была картина Гудаут перед 1917 г.

В годы буржуазно-меньшевистской диктатуры в 1917–1921 гг. Гудауты и Гудаутский район были центром революционного движения в Абхазии.

Начиная, с вошедшего в историю Лыхненского схода, в марте 1917 г. – рабочие и трудовое крестьянство Гудаутского района, под руководством большевиков, вписали ряд славных страниц в историю борьбы за Советскую власть в Абхазии.

В 1918 г., в марте, в Гудаутах началось восстание против меньшевистской диктатуры, приведшее к установлению Советской Власти на 42 дня на большей части территории Абхазии.

Когда это восстание было в конце мая 1918 г. подавлено, революционное движение в Гудаутском районе не прекращалось в течении всего 1919 и 1920 годов.

В конце февраля 1921 г. гудаутцы одними из первых взяли за оружие и 4-го марта были в первых рядах рабочих и крестьян Абхазии, свергших окончательно меньшевистскую власть, в Сухуме.

После свержения меньшевистской диктатуры и установления Советской Власти в Абхазии – в истории Гудаут наступил новый период.

Осуществление ленинского принципа размещения производительных сил обеспечило развитие в Гудаутском районе ряда высокоценных субтропических сельскохозяйственных культур (цитрусы, табак, чай и т. д.), поставили вопрос о создании в этом районе второго промышленного района Абхазии на базе использования ископаемых гор Дзышра – Брдзышха, обеспечило использование культурных возможностей г. Гудауты.

Гудауты, ставшие городом с 1921 г.⁴, превратились из грязного торгового местечка в небольшой, достаточно благоустроенный районный центр, с большими курортными возможностями.

После 1921 г. в Гудаутах были отстроены Комунная электростанция, баня, водопровод, гостиница. Из предприятий местной промышленности после советизации в Гудаутах были сданы в эксплуатацию следующие предприятия: гвоздильный завод, кирпичный завод типа «Кооператив», с механической сушкой сырца, деревообделочная мастерская, известковый завод.

Был открыт ряд школ и лечебных заведений, производились работы по озеленению города, по устройству мостов и шоссе.

Население города возросло с 3591 ч. в 1926 г. до 5750 ч. в 1936 г. (превысив, таким образом, количество населения Гудаут в 1913 г.).

В бюджете Гудаутского района, который в 1934 г. уже достиг 3306,4 т. р., основную массу составляют расходы на народное хозяйство, социально-культурные мероприятия, управленческие же расходы составляют ничтожную часть бюджета.

Бюджет Гудаутского района за 1934 г.

Расходы

1. Народное хозяйство 1114289 р. 33,7%
 2. Соц. культ. мероприятия 1543883 р. 46,7%
 3. Управление 416883 р. 12,6%
 4. Прочие расходы 231345 р. 7,0%
- 3306400 р. 100,0%

ОЧЕМЧИРЫ. (Исторический очерк)

Современные Очемчиры расположены в нескольких километрах от быв. Зимней «резиденции» б. владетелей Абхазии, т. н. «Старые Очамчиры».

В начале XX столетия Очамчиры фактически состояли из одного базара и нескольких прибрежных домов, харчевень, духанов и т. д.

Через Очемчиры шла довольно значительная торговля кукурузой, вывоз которой перед войной 1914 г. достигал нескольких сот тысяч пудов.

Постоянное население Очемчир в 1907 г. равнялось 628 чел. Весь бюджет Очемчир в 1915 г. равнялся 7686 р., в том числе 2008 р. на содержание «военно-народного «управления» и 2454 р. на содержание городской полиции, на народное образование было затрачено 870 р., на медицину, ветеринарию и санитарную часть 120 р.

Лишь после советизации и в особенности после начала строительства Ткварчельского каменноугольного рудника, после развертывания строи-

⁴ Официально Гудаута, как и Очамчира, стала городом в 1926 г.

тельства Черноморской железной дороги, строительства Очемчирского порта началось развитие г. Очемчиры.

Население г. Очемчиры

1907 г. 628 чел.

1922 г.2669 ч.

1926 г.3390 ч.

1936 г.7452 ч.

В настоящее время Очемчирский район является промышленным центром Абхазии.

Кроме расположенных недалеко от Очемчир с 27 км сданного в эксплуатацию с 1-го января 1935 г. Ткварчельского каменноугольного рудника и строящейся мощностью до 100 т кВт Ткварчелгрэс, в Очемчирах после 1921 г. были сданы в эксплуатацию следующие предприятия промышленности: деревообделочная мастерская ОМП, лесозавод Закжелдорстроя, известковая печь Ткварчелстроя, алебастровый завод Ткварчелстроя, чай-фабрика, ферм-завод, лимонадный завод.

Построена коммунальная электростанция, баня, строится коммунальная гостиница, произведены большие работы по городскому благоустройству.

В 1936 г. в Очемчирах строится новая неполная средняя школа и районная больница.

Бюджет Очемчирского района в 1934 г. составлял 3782,9 т.р., в т. ч. на новое строительство и проч. капиталовложения 1143,7 т. р. Основную массу расходов, как и по Гудаутскому району, составляли расходы на нужды народного хозяйства – промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь и социально-культурные мероприятия.

Грузооборот по Черноморской железной дороге в 1934 г. равнялся 64,8 т. тонн, по Очемчирскому Рейдовому Порту – 19 т.

Пассажиро-оборот по ЧЖД – 42,0 т. чел. кроме того 50 т. человек по Квезанской ветке и по Рейдовому порту 15 т. чел.

Г. ГАЛИ. (Исторический очерк)

Гор. Гали до 1932 г. считался поселением городского типа⁵ и лишь в этом году был преобразован в город.

Тем не менее, уже задолго до империалистической войны 1914 г., селение Гали было известно как центр крупного сельскохозяйственного района Самурзакань /современный Гальский район/.

Количество населения Гали, вместе с прилегающими к нему селениями, уже в 1907 г. составляло 2002 ч. Вместе с тем, несмотря на такое количе-

⁵ Так в первые годы Советской власти называли поселки городского типа.

ство жителей, Гали вплоть до советизации оставался большой по преимуществу деревней с характерными деревенскими, окруженными приусадебными участками.

О каком-либо благоустройстве Гали вплоть до 1921 г. говорить вообще не приходилось, благоустройство селений, хотя бы и относительно крупных, вообще не входило в программу деятельности колониального управления Сухумского Округа (Абхазии).

Основным занятием населения Гали и всей Самурзакани было сельское хозяйство, основной сельскохозяйственной культурой была кукуруза.

Значительное развитие в Гали имело и животноводство (свиноводство), продукция которого в некоторой части даже экспортировалась через Очамчыры за пределы Абхазии.

В результате земельной «реформы», осуществленной в Абхазии в 1870 г., крестьяне-мингрельцы Самурзакани точно также, как и крестьяне всей Кутаисской губ., фактически были обезземелены. За наделением у них привилегированного сословия земель, – пишет Г.А. Рыбинский в своей работе «Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении» (Тифлис, 1884 г.), непривилегированному ничего не осталось, одни камни на горах, огнеупорная глина, да болота». Безземелье толкало крестьян к аренде земель у помещиков, причем такая аренда была преимущественно натуральная (крепостническая) аренда. Такое положение самурзаканских основных крестьянских масс, положение которых, по образному выражению Рыбинского, было еще хуже, чем положение «китайских кули» – усугубляло социальные противоречия в Самурзакани и определило значительный подъем революционного движения 1905 г. В этом году в Гали социал-демократами были организованы боевые дружины, из рабочей и крестьянской молодежи, которые разоружили охрану начальника Самурзаканского участка Глинского, а самого Глинского изгнали из Самурзакани. В значительной части Самурзаканского участка сельские управления были ликвидированы и вместо них созданы сельские комитеты, вместо сельских судей были избраны крестьянские товарищеские суды.

После подавления революции 1905 г., положение гальского крестьянства не стало лучше. Не стало оно лучше и в годы 1918–1921, в годы буржуазно-меньшевистской диктатуры.

На всеабхазском съезде земств и городов в августе 1920 г. представитель Самурзаканского земства заявил «в области улучшения и создания земского хозяйства имеется много предположений, реального же земства ничего не имеет, земельная реформа находится в первой стадии, вся низменная часть уезда голодает». (Центроархив АССР Абхазии).

Лишь после советизации, начиная с 1921 г., начинается развитие Гальского района. Этот район при царизме один из наиболее отсталых районов края при Советской власти превратился в передовой агро-индустриальный район с четко вызвавшейся специализацией высокоценной культуры чая, цитрусовых, табака.

Развитие производительных сил сельского хозяйства обеспечило сырьевую базу для развития пищевкусовой промышленности, имеющей не только республиканское, но и всесоюзное значение.

Город Гали и Гальский район, не имевшие при царизме никакой промышленности, за исключением немногих кустарных мастерских, в настоящее время имеет такие предприятия, как Гальская и Ачигварская чайные фабрики.

Из предприятий местной промышленности в Гали после советизации отстроены меловой завод, кирпичный завод: построена коммунальная электростанция. Построена гостиница и баня, развивается школьное и больничное строительство. С 1932 года Гали соединен железной дорогой с Тифлисом, с 1934 г. – с Очемчирами, и 1-го января 1936 г. – с Сухумом.

Розничный торговый оборот по Гальскому району в 1934 г. превысил 12 млн рублей против немногих тысяч рублей «кукурузной» торговли старой Самурзакани. Дальнейшее развитие г. Гали всецело определяется его спецификой центра сельскохозяйственного субтропического района. Работы, намечаемые в 3-й пятилетке, по осушению Гальских болот Гальской приморской низменности от устья Кодора и почти вплоть до границ Очамчирского района, должны иметь своим результатом значительный прирост площадей, пригодных для развития ценнейших субтропических культур. Освоение альпийских пастбищ района создает дополнительную кормовую базу для развития животноводства. Отсюда значительные перспективы развития пищевкусовой промышленности г. Гали. Вместе с тем, с каждым годом будет расти его значение и как культурного центра одного из богатейших районов Абхазии.

**Подготовка текста, введение,
примечания – И.О. Казанба, А.Я. Дбар**

АДЭЫНТЭИ АНЦАМТАҚӘА • ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ

З.Ць. Цьапуа

АЖӘАБЖЬХӘАӘ ЛУБА ЦЬАПУА-ЦХА (ҚӘЫЧБЕРИА) ЛХАӘСАХЬА



Луба Цьапуа-цха (1925–2000) диит Уатац ақытан (Река ақытан атаацэара далан). Лабду Қэаблыхэ ихьзын, уи иаб – Махэа. Ланшьцэа Шьакаи-иақэан. Лаб данцсуаз 14 шықэса лхьцунан, хьшықэса рнаәс лан дыцсит. Дшыхэычыз детымхеит, лашьцэа, лахэшьцэа лара илаазеит. Динла дыцсылманын, амёыша лымшьбаран. «Анцэа» ахала акэымкэа, «Анцэа-Хазшаз» лхэон (*шаахэ.: Джэпуа 2015; Джэпуа 2021*).

Ажэабжьхэаә ацхьаза акэны слықэшэеит, даасыр тит рашэарамза 11, 1990 шықэсазы. Ишыкалазгы машэыршэа акэхеит. Ацсны атцаарадыррақэа ракадемия Д.И. Гэлиа ихьз зху Ацсуатцааратэ институт (ускан Ацснутэи абызшэеи, алитературеи, атоурыхи ринститут) аекспедиция иалахэыз Очамчыра араион, Река ақыта администрацияёы хаихыршон аинформантцэа рахь. Ажэабжьхэаәцэа зегьы ианхмаза, ақыта аихабы сгэыла-

рагы такэажэык дыкоуп, акылдыркэозаргы калап ихэеит. Лыжэла анихэа, лара лышка сара сыргарц срыхэеит, даргы ақшахатхеит, хайжэлантэра сыхэеит. Лыоны санней нахыс, саатк аоныцкала издырит ари ажэабжьхэаф афольклортэ дырра цаулақэеи агэалашэара ссири шлымаз.

Ускан ажэабжьхэаф шаха-шымш сылтан, дышцэажэоз дцэажэон, атц иаалымнахаанза, скассетақэа зеггы нлырцэеит, нас агэылацэа исзырцшааит даға ша-хца, аамтала 15 саат еиханы аматериалқэа амагнитолента ианыстеит. Лцэажэара ианыцшуан хара хашьарагы (саб иааигэазаны дылдыруан, лашьа иакэын), санылба дгэырғаны слыдылкылеит, цьаргы усышьтзом лхэеит, лфольклортэ гэалашэарагы хэаа амамкэа иаатит. Лгэалақазара даараза ибзиан, арфеиаратэ гэацыхэара шлымаз убартан. Апсуатцаратэ институт абри аекспедиция (С.Л. Зыхэба инапхгарала) сара сзы иапхьатэин Аинститут ағы аусура саналага нахыс. Абарт хныкэарақэа раан Луба Цьапуа-цха леицш абафхатэра змаз аитахэаф уаха дсықэымшэеит, егырт аинформантцэа шхэыдақэамызгы.

1997 шықэсазы, А.П. Какобеи сарей хайцны, Луба Цьапуа-цха хайталықэшэеит, лхэамтақэа диктофонлей видеокамералей ианахцеит. Амала ускан ахьта лылаланы дыкан, лгэалақазара феимызт, лчымазара даара илпырхаган, апхьа санлығцэажэоз аахыс еиха даапсахьан. Уиазы саатқэак роуп дахьхэаэажэоз, лсиужетқэагы, апхьатэи хайғцэажэара еипшымкэа, мацк дырхьщцакуан, лгэалашэара еиха ипсыгехахьан. Уиадагы иахьысыз Апсны жэлар рхақэитратэ еибашьра (1992–1993) ашьтамта хьантақэа лнубаалон.

Луба Цьапуа-цха дуаф ауын, дфыхан, деилыхха дыкан, ижэытэзатэиу атрадицатэ дунеихэапшышьа лыман; ахацэа реицш ирацэаны ататын дахон; Апсны антыц, уимоу дахьиз араион далцны, шамахамзар, цьаргы дымцазацыт. Даара ицарны асахьаркыратэ гьама лыман, лтекстқэа актиорк еицш иналыгзон; лхэамтақэа гэылтэаан, ихатэаан, гэацыхэарыла, даланахаланы еиталхэон; лперсонажцэа цэгьашэа дырзааигэан, лара лхатагы афольклортэ дуней ағы дара дрыцын, дрыдгылан; леитахэараан адиалогкэа рғы лыбжьы лыпсахуан, жестлей мимикалей лцэажэара хлыркуан.

Луба Цьапуа-цха лтекстқэа рғы ахтысқэа акыр еитылхуан, афольклортэ аарпшыгақэа, еиуеипшым аитахэарақэа рацэан, ллексика даара ибеиан, еиуеипшым ахьатрақэа, аремаркақэа рацэаны лхы иалырхэон. Ажэабжьхэаф лхэамтақэа рпоетикей рстили аперсонажцэа рыбжьаратэи адиалогкэа, айғырцшрақэа, абжьыткьақэа, ацшьарақэа, ашьтыбжьғырцшрақэа, зэызымпсахуа атыцкэа ухэа рыла ибеиан.

Луба Цыапуа-цха лфольклортә репертуар даараза итбаан, апсуа җапыцтә хэамтақәа ржанрқәа зеггы рырҗиамтақәа ацанакуан ухэар калоит: анашанатәи анашана-фырхацаратәи лакәкәа (12 текст иреиханы), абззаратә лакәкәа (14 текст иреиханы), нартаа рхэамтақәа (16 текст еиханы), амифологиатә хэамтақәа (©-текстк), амиф-цабыргкәа (х-текстк), афырхацаратәурухтә ашәакәеи ахэамтақәеи (х-текстк), алафқәа (17 текст иреиханы), ахьзыртәрақәа (х-текстк), икам-иным алакәкәа (©-текстк). Урт рахтә еиха иубартан аинформант ллакә-епикатә дыррақәа. Аепос ааста алакәкәа еиха дрызказан ухэар ииашахоит, убриазы акәхоит нартаа рхэамтақәа рҗгы алакә мотивкәа злыррацәоз, акырцъара аепикатә сиужеткәеи алакәтә сиужеткәеи зеицылшыуаз, ма нартаа репос аперсонажцәа алакәтә сиужеткәа изыргәылалгалоз.

Даеакала иухәозар, хыхь иаазгаз ажанрқәа ркынтә Луба Цыапуа-цха лрепертуар аҗы апыжәара рыман анашана-фырхацаратә лакәкәеи нартаа рхэамтақәеи. Арт ажанрқәа ирыцаркуа арҗиамтақәа бзиазины илгәалашәон, илгәацхангы еиталхәон; даара кәзарыла дақәшәаны асиужеткәеи амотивкәеи рацәаны лакәк аҗы, ма нартаа рхэамтақ аҗы еилалцон. Ажәабжхәа© илгәалашәон алакәтә сиужеткәа шыатас измаз, ма алакәггы аепосггы ирзеицшыз нартаа рхэамтақәа. Иаххәап: аепикатә фырхатә ацхәыс-омага лҗынтә иашыцәа шеикәирхо, адггыл ацан азы ахы ишақәититәуа, нарцәы дцан дшаауа, адауцәа рҗы иабацәа ршыа шиуа ухәа убас егыртггы. Иара убас ажәабжхәа© лрепертуар иалан алакә ацәаа змаз, нартаа репос ихшәаны иаланагалаз атексткәа. Иаххәозар, аепикатә фырхатә нартаа аишыцәа зыткәаз ах икынтә рхы ишақәититәыз, нашанала ацсра дшацәынхаз ухәа. Еицшу, ма еишыашәалоу епизодкәаки мотивкәаки ажәабжхәа© ллакәкәа рҗгы лнарттә хэамтақәа рҗгы лхы иалырхәон. Убарт иреиуоуп: афырхатә иҗыбжъара, ажәала ақәаб аршра, ихәыз афырхатә инацәкыс аҗахәара ухәа убас егыртггы. Ажәабжхәа© мариала, насггы цсабаратәла нарттә сиужеткәеи алакәкәеи аконтаминация рзылуан, еицылшыуан, еилалцон. Лрепертуар аҗы арт ажанрқәа рсиужеткәа хеибартәауан, аки-аки ртыцкәа еитнырыцсахлон.

Абас ала, агәра ганы иухәар калоит, афольклор аҗы ажанрбжъаратә еихдарақәа, анашанатә лакәи аепоси реизааигәарақәа шыатас ироуа атематикатә еишыашәаларақәа ирыцлоит ажәабжхәа© ирҗиаратә лагамта – иепикатә, ма илакәтә хырхартаггы хәа. Иаххәап, Луба Цыапуа-цха лҗеицш, алакә хадаразар, аинформант ирҗиара зегг аҗы алакә, алакәтә знеишыа, алакәтә дунеихәацшышыа еиха апыжәара агоит.

Луба Цыапуа-цха лажәакәа рыла, лрепертуар дшыхәычыз лаб иҗылцааит. Иара дышыхауафын, дыхьчан, Адлеиаа драазеит, даныхәычыз инар-

кны ашьха дцон; уахынлоуп иажэабжькэа анихэоз. «Еынла алакэ ухэар, уеикэа азы иагоит» хэа ицхьазон; есыуаха алакэқэа ихэон, «ишэца» хэа еитеихэон. Лаб инафсгы, афольклортэ сиужеткэа маҷымкэа илаҳахьан лашьцэа шыца ркынтэи.

Ажэабжьхэа лрепертуар афы ашэкэы анырра лымоу илымаму иазкны, сгэанала, узыфэлымхәахаша згәатарак кәсцит. Луба Цьапуа-цха лфы апхьа саннеи, аусуразы аштафы атла дукэа рыцака ашэшьырафы хтэит. Сназгаз автобус «еижь «ПАЗики» смагнитофон ду «Електроникеи» збаз агылацэа хэычы-хэычла хара хәхь рфәархеит, рьгәхаддырхало иалагеит. Убас ишьақәгылеит азырфцэа, аимпровизациатә аудиториа. Урт иреиуаз шьоукы ажэабжьхэа илыцхрауан ухэар калоит, рлымхә кыдцаны илзызырфуан, уимоу лтексткэа рыбжьара сиужеткәак бжьадыргылон, уиалагы ацәажәа апсгаха, аттынахаха лыртон; уиадагы лажэабжькэа лгәаладыршэон (еихаразакгы лычкэын хэычы). Егырт цәгьала иахпырхаган изтыцмыз рызцаарақәеи ррепликақәеи рыла. Уиафы лгәлылкааит агылапцхәыс-арцафы (ажэабжьхэа лызбахә зхәаз ақыта аиҳабы ицшәмапцхәыс). Арцафы иаалыркыан ажэабжьхэа длазцааит: «Бара, бамыпцхәзакэа излабхәауеи? Излагәныбкылеи?». Ажэабжьхэа аханатә илмаҳазшәа калцит, дхәацшынгы длыхәамцшит, лхәамта шылхәац илхэон. Аха нас арцафы лазцаара данакәымтца, ус лхәеит: «Шәкәыла исымцахьеи, бара, саргы ари!».

Икалаз уиоуп, Луба Цьапуа-цха цара лымамызт, апхьареи афреи лыздыруамызт, аха уи ус шакәу урт ираҳар лтахымызт, ари зынза дцарадоуп хәа дрымцхәзарц. Анафска еиталхэоз атексткәа рышьтахь зфынтә ибаҳада хәа санлазцаауаз, знык илхәеит: «Ашәкәы сьман, аха ушьта исхаштит». Дағәазныкгы «Ана ашәкәгы ианын, сапхьет уыбрыи фәнак, ахәычы дыказамкәан, абрыи аецәа шкыдихыз атәы. “Уыбрыи, мама, исабхәар, абрыи ашәкә ианыу акәым, исабхәаруазыи?” хәа абра сикын». Зыгәра угаша уиоуп, ажэабжьхэа ихадароу шәкәыс илымаз, хымцада, атрадициа акәын. Уи арцабыргуан лара лхата лгәалашәара: «Саб рыцха, нартаа рызбахә-агыи, ажәытә ахатарақәа-агыи, даҗе алакәқәа уиада шака ихәозыи! <...> Сара саныхәычзазгы, зегь дара ракәын, азәы ажэабжь ихәо саҳар, уыбрыи сыпцызомызт. Абыржәы иысхәо саналагалак ицьаршьот, иызлабгәалашәозыи хәа... Иышпәсгәаламшәо, уара, ухақны иааган уазхәыщыр!.. Мамзар сара уыскантәыи ажәабыжькәа абыржәыгы са иызласгәалашәои, маҷ бжьысхьоума, б1 шықәса, маҷ цуама!».

Луба Цьапуа-цха инагза-аагзаны ишьақәгылахьоу асиужеткәа лгәалашәарафы илыман. Нартаа рхәамтақәа сиужет-сиужетла, тема-темала илдыруан, иаххәап, «Сасрыкәа иашьцәа атыша дыштарыжьыз» хәа дна-

лагон. «Нартаа рнышэынтракэа Гэдаута икоуп» лхэон. Гэдоута даара иха-роу акакэушэа илыпхэазон, Ацсны дахьалымтыцыз акэзар каларын уи ус илзырбоз. Илхэо атексткэеи илбо-илахауеи уамашэа еизааигэалтэуан, ассоциациякэа калцон; иаххэап, азы азбахэ анылхэоз, лычкэын азы аага хэа иалхэон. Лтексткэа рфэы лассы-ласс илхэоз хыпхыазарақан – 3, 12, 13. Ажэабжьхэа лхатэы еитахэашыа, лхатэы стиль лыманы избоит, иаххэап, лхэоу ыщцкэа данрылаго, «уыс, ихэет...» лхэон лассы-ласс. Убас ирацэоуп ажэабжьхэа лхатэы ыщцрақаа.

Анафска иаазгоит Луба Цыапуа-цха лхэамтақаа рахьтэ нартаа репос атексткэа фба.

Алитература

Джапуа З.Д. Джапуа Люба Едгеевна // Абхазский биографический словарь / под ред. В.Ш. Авидзба. М.; Сухум: АБИГИ, 2015. С. 224.

Джапуа З.Д. Нартский эпос в женском исполнении // Живая старина. М., 2021. № 3. С. 5–8.

САСРЫКЭА

[иашыцэа апхэыс-омага лфэынтэ ишеикэирхаз, адгьыл апан азы ахы ишакэититэыз]

Сасрыкэа дыкамкэан, ныкэара дшык'аз, дара [нартаа аишыцэа] ныкэара ицет. Ныкэара ицет арт. <...> Уыи Сасрыкэагь хаз ныкэара дыкан.

Арт цет, Сасрыкэа дааит. Ицежыте аума цует арт. Ааи-до, данааи, – Сашыцэа абако? – ихэан, – Уашыцэа ныкэара ицет, рхабар ыказам, – лхэет иан. – Ирыхызыи, анацалбет-агьыит? – [ихэеит Сасрыкэа].

– Ирыхызы сыздыруам, аха, – лхэет, – ныкэара ицет, – лхэет.

– Аи, срышьталароп, сан, – ихэан, адырфачены ашьжьымтан ддэыкэылт, дрышьталт ифэы дақэтэан (Бзоу ахызыуп [ифэы]).

Арт [нартаа аишыцэа] загьы ррашыкэа, акака аеқэагьы ирықэтэоп, аматц-уарқэагь лак-лак рыщыуп. Арыи Сасрыкэагь дцет, илагьы иыщыуп, иыгьы дақэтэоп.

Дышлеуаз акэымкэа, арт рышьта дхылан дышлеуаз, абрыи чартаны иы-коп, ача, ача алоп, до, иаразнак, дэеуыжь дыуззак дыкэылт, ихэет, ача алоп, далалан, арт рымфэа тгэыхаа игоп, ихэет. Абра агэтаны, уаха цла-жэлаге ыказам, цлак ыкэгылоп, ихэет. Даапсаны, дкараха, шыбыжьагэазы, ихэет, абра днен, ихэет, даафэыжэцын абрыи атцла амцан даатэет, ихэет. Атцла амцан дыштэаз, ихэет, абасынтэыи тахмадак ача далсны даакылст, ихэет.

[Сасрыкэа] даааагылт-агыит, ихэет. Нас, – Утэа, – хэа ихэан, инатэет-агыит, нас, – Убаацо, дад?..

– Сныкэааыуп, – [ихэет Сасрыкэа].

– Убаацарц угэыитоу?

– Абас сцот, сашьцэа азны иыкоп. Сашьцэа цшынежэыи зежэоык ыкан, рығхэара иахысыит, иыкам, до, сцароп, – ихэет [Сасрыкэа].

– Уысышыштзом, – ихэет.

– Иызбан, уыс, сыумышытыкэа?

– Абра, – ихэет, – абрыи атла уехсны, – ихэет, – цьара бгыцк иадамзаргы иылбааумышыткэа, уысышыштуам, – ихэет.

– Бзыиоп, нас, – ихэан, – бгыцк-мор, махэыкгы лбаасышытып! – ихэет.

Дехсын, ихэет, махэык ццэаны иылбааиышытт.

– Аа, шыта уца, – хэа ихэет, ихэет. – Уара уашьцэа абра иааиыит, – хэа еихэет, – абыржэ уара ушааиз епш, рыцсыршыон, саргы сааит ара, – хэа ихэет, ихэет, до... – Сахьааиыз, – хэа ихэет, ихэет, – «шэысышыштуам абрахь, дгыл цэгьоп, шэымцан» хэа схэет, аха иырмахаит «Шэехс абрыи [атцла], ма махэык, ма бгыцк шэзылбаашьтуазар, шэсышыштует, мамзар шэсышыштуам» хэа схэет, аха агэра шэымгет [рымгеит], – хэа ихэет, ихэет. – Ааи-до, ехст, ехст, аха акгы рызфымхыит, «шэымцан» хэа шысхэоз ицет, – хэа еихэет. – Уара уца, акымзаракгы уыхьуам, – хэа ихэан, ихэет, дыцет арыи Сасрыкэа, ихэет.

Дышлеуаз, уыс дгылк акны днет, ихэет, уыс дгылк акны днет, аха гэаараны, ихэет, баацсыртанык акны, ихэет, ахаан уаа дахьымтэо цьара дылкылст. Абар, иашьцэа ртэарта ара иыкоп, ихэет, рымцеқэцартақэа ара иыкоп, ихэет, иаразнак, рымцахарақэа акоп, дара уаа дыказам. «Иаууеи», иашьцэа ара иыштахаз идырт. Абрахь гэаа баацсны иыкоп-агыуп, ихэет. Агэакхэан амца еқэыитцет, ихэет, ашэарахқэа ааиган, ихэет, иыкнехаит-агыит, ихэет, дтэоп абра, ихэет. Амшгы баацсыуп(!), иаразнак, ихэет. Иыгегы ара иыкоп, ихэет, илагь ара иыдтэалоп.

Уыс, абрахь агэааа акоп, ихэет, зылбаакьара-гэааа баацсны, ихэет, до, арцэаа-арцэаа-арцэаа-арцэаахэа цхэыск лыхэхэабжь гот, ихэет.

– Аа, абаацсы, амирон¹ уыхьшымыи, нан, ууафымыи, абаацсы, усы-цхраа! – хэа дыхэхэот цхэыск, ихэет. <...>

Арыи [Сасрыкэа] уажэшьта идырт иашьцэа абра иыштахаз. Афырхэан ифьнехан, ихэет, аныи ала «уа утэаз!» хэа ихэан, иааиыртэан, ифьнехан, ихэет, цэымзак ааиыркын, ихэет, ифьнехан, агэааа дталан ддэықэылт, аха илашыцоп, атэыла бгот, акаамет ыкоп, ихэет.

Дышнеуаз, ихэет, агэааа дтагылоп цхэыск, аха аведма хэа изышыто, ацьашьатэы(!), ихэет, лцынцэа фызза, нахьхьыи иназот, лылапыцькэа цака

иышьтагыланы, кааметк, ихәет, дгылоп, ихәет. <...> Ее, дарыхьтшыызшәа, лхы дамыхәошәа лҕыкацан дгылоп, ихәет.

– Аа, нан, усыцхраа, нан, – хәа лхәан, ихәет, – схәыч уамыи! – хәа лхәан, ихәет, [Сасрыкәа] днен, лмахәар икын, ихәет, дзымаауашәа, лмахәар кны диыман дааует.

Данаатыига, ихәет, анахь данцшы, ала лбет, ихәет. Аныи ала дацәшәет.

– Аа, нан, ула ҕаухәароп, мамзар сафот!..

– Мамоу, ала бышцафо, иаапкыума арыи, бафом! – ихәет.

– Мамоу, – лхәет, лыцямшь ахәы аацылхын, лылапыць, иаацылхын иылтәт, – абрыи ала алаҕахәа! – хәа. (Нас дылфот, уара, аныи ала дацәшәот, амзар.)

– Иыбзыиоп, нас, – ихәан, иаалымыихын, ара икыуп.

Дааит [атакәажә].

– Амлагь сыпсует, ахьтагы сагот! – лхәет.

– Бааи, бызхарагы бҕасцот, шака бзыфо, багысырцхот! – ихәет [Сасрыкәа].

Дааин, [амца] дааҕхәаиыртәет, ихәет.

– Ала ҕахәа! – хәа ахәхәара далагет, ихәет.

– Уыи аҕахәага иара иамоп, – хәа ихәан, ихәет, иҕеҕхәазшәа кайтәт, ихәет.

Уыс, ихәет, арыи дтәоп, ихәет, акәац ҕхәекын, азра даҕыуп, ихәет. Акәац иызует, иаразнак ацәкәа ртәны амца иыҕеҕхәетцан, иызует, ихәет, до, илыи-тан, иылфот-агыиует, ихәет. Акәац загы лфет, ихәет, хы-хыцхәа, иаразнак, ихәет. Ааи-до, нас, арыи лказшьақәа омашәа ибет, ихәет. Амнахь акәац, ажбаза иыказгы лбаалдет-агыит, ихәет. Абрыи ала ҕахәооп хәа [дыкоуп атакәажә]. «Сыбжыи уыкәсыргаанза уа утәаз!» ихәан [Сасрыкәа], арыи ала уыс итәоп, ихәет.

Нас [атакәажә] а-атыкхәан, [Сасрыкәа] дааиымцаст дылфарц. Дааиымцаст, аха аатыкхәа дөшышьтагәа дыикыит.

– Абаапс, усыцхраа! – ихәет.

Аныи алагь атыкхәа иаакылст. Аныи дабаишьтуаз, аныи аччыиа, амца длахәларкыит.

– Абыржәытцәкья сашьцәа азәазәала иаасыбтароп, амзар бызблыит! – ихәет [Сасрыкәа].

Анс-арс [лхәеит, аха], – К’аах, калома!..

Аттахәа, рыҕекәа, дара, рматуаркәа, лҕыкькьаны ицот, ихәет. Иыл-ҕыкькьаны ицот, ихәет, аныи абызцәгья хәа сызҕыу, аныи, ихәет, кама хәахәа-хәычык абас иыкәныицот, ихәет, апынцә хәахәаза, амныи даатыцәт, ихәет, [атакәажә] лсаса, ихәет.

– Хаи, уара чкэын-мыжда, ханаауаз уара уыказамызт, до, гэхьаас усыман цэгьала! – хэа ихэахт, ихэет².

Уыс ант загьы уажэ пшынежэыи зежэык рыгекэа, дара, загьы аалфыхит, ихэет.

– Абыржэшьта са сышэцэылфот, аха сшэылтом! – хэа ихэет, ихэет [Сасрыкэа].

Аха дылғанамцет арыи ала. Арыи [атакэажэ] амца длахэлагэан диыблыит [Сасрыкэа].

Уыс ишыказ, ихэет, арт [нартаа айшыцэа] шыта насы идэыкэылт. Крырфетет, крыдиыржэт, ашэарах икэакэет-агыиит, идэыкэылт. Арыи [Сасрыкэа] игэаг шытырхт. Арыи дкараха дыкоп, даацсаны дыкоп арыи, нас арт ара азэы иылфан, пшыала иыкан, аха агыи дкараха дыкоп, ихэет. Уыс иышнеуаз, ихэет, [Сасрыкэа] даацсаны дыкамзыи, рыцха, длыкэиан дыцэт, ихэет. Даргь ыцэазшэа карцет-агыиит, ихэет.

«Абрыи иышпак'ахцарыи уажэы, иышпезааурыи?» хэа рхэан, ихэет, иырзбет, ихэет. Абра тыша дыуззак ыкоп, ихэет, абрыи (к'ах, атыша мамоу, аеи, аеи, атыша ауп), абрыи атышакны ацха хыуп, ихэет, ацха акэыуп абра, ихэет. Абрыи ацха агэта рфакэет, ихэет. «Сасрыкэа загь рылагь ухацоп, до, ухацара ахатара ацыуцот, абра уахыц хэа иаххэап, до, ацха дыкэцалар, абрыи ацха уыкэцаланы уахыц хэа иаххэап, нас абрыи ацха далыфрып, дылтахэаша дцап» рхэет. «Бзыиоп, бзыиоп» рхэан, иааикэышахатхан... (Амныи азэк итахым, аха уыи иымч зырхода?) <...>

Аа-до, уыс даацшыит, ихэет, [Сасрыкэа]. Нас, – Ааи, Сасрыкэа, уара умаладецыуп, уара ахатаракэа уылоп, хара уагыхашьоп, уагыхайгыуп-агыиууп, аха абыржэ ухацара хатцарак ацыуцар, уыбриамыи зынза ахатара! – [рхэеит].

– Изакэызыи? – хэа ихэан, ихэет, [Сасрыкэа], – Абра, абрыи атышакны, амныи ацха улыкэцалан, нырцэка уыцан уыруазар, уецш ахатца дкаломызт. – Арыи акэцалара, арра, уысгыи сыкэымцалазакэа...

– К'аи, агэта уыкэцалароп! – [рхэеит]. (Иызбан, до, иырфакэахьет.)

Адыкхэа, ихэет, атла дныкэцалан, ихэет, аныи ацха длыкэцалан, нырцэка сырует хэа ацха данлыкэцала, илаиыцяхжэан, иас, дылтакэкэа дцет, ихэет, [Сасрыкэа].

Аа, игэыргьацэа икалет, ариакэын даргь иыртахыз. Аныи аеыи алеи аагот хэа иалагет, арашыи алеи, аха ирымуйит, иымцет, иырзымгет.

Арыи [Сасрыкэа] алкаохэа далкьан дцет. Дахьлез, дэык акны длет, ихэет, кытак акны, ихэет, даатыцын, ихэет, ахацы даатыцын длыкэылт, аха уаф дынхазом, ана азэ дынхот, ана азэ дынхот, кэахь хэычкэак ирыоноп-агыи-

иуп, ихәет. Уыс дышнеуаз, ихәет, абра ҫныкаҕе днет, ихәет. Цхәыск лхала дтәоп, тәкәажәык.

Нас, – Иыкозыи, нан, абра, уаҕ дахзам, ана-ара иыкоп, амзар уаҕ дыказам, иыкозыи? Азба сыпсует, зык жәып хәа сааит.

– Ааи, нан, азы, акырхамома, ара азәыр дыкома! Абра зык хамоп, абрыи ақыта загыи, абрыи азоп ихәмо, азы агәылшыап топ, агәылшыап ахылапшует. Мчыбжык ахь азә днаган агәылшыап дахталароп, нас азы аагот, мчыбжык ихазхаша, даҕа мчыбжык... Уажә ах иыпха дааргот иахья. Уыбрыи даарганы, дартаанза, ауачарад уыи итәыуп, ах иыпха дааргот. Уыи дартар, нас азы аагагәышьот, – хәа лхәет, ихәет.

– Хәаи, абаапсы, апхал сытыишь, са сцан иаазгап! Ауаҕпсы агәылшыап даҕатан азы жәго, арыи закәызыи, уаха акагь шәылымшазо?! – хәа ихәет, ихәет.

– Аа, нан, уымцан, уафот!

– Мамоу!

Апхал аалымыихын, дыткьаны дцет, ихәет. Днен азыхь ааитан, иаатаны иыпхал аазхыигон, ашырхәа агәылшыап аакылст. Атаххәа(!) ахәа рхха дасын, ихәет, агәылшыап ахы ҫхыитцәет, ашьа дакыит, ашьа, агәылшыап ашьа.

Абра цла дыуззак ахагылоп, ихәет, до, абрыи атла ахыцәкәан ашьауардын, абрыи ашьауардын хәа иызшьтоу, уыбрыи апацәа хнахузаап, абрыи агәылшыап нен иафозаап уыбрыи апацәа. Арыи ашьауардын игәанатет, арыи [агәылшыап Сасыкәа] ишыишьыз, нас ашьа иара дшашьыз. Ашьа дакыит, дахәаҕыит. Атыкхәа, ихәет, арыи, ашьауардын цырны иналбаан, ихәет, бгьыцк аашьтнахын, иыхьнашьуа, иыхьнашьуа, ашьа загь ааиымнахын, иыпсы ааталт, ихәет, Сасыкәа. Адыкхәа дөыткьет.

– Уанацәалбет, иыгузызыурызыи бзерас? – хәа ахәет, ихәет, [ашьауардын].

– Иысызуугәышьыозыи, акымзаракы, – [ихәеит Сасыкәа].

– Абра спацәа хысхует есышкәса, абрыи агәылшыап иафон, – хәа ахәет, ихәет. – Иыутахыу сахә!

– Акымзарагыи стәхым, сара Апсныка ахалароп иыстахыу, – [ихәеит Сасыкәа].

– Уыи, са ухазгалот. Кәыпха дыуззак катца, дыркатца, акәац мацымкәа, ҕҕба-хца цәы шыны уыбра итаца, азы, бочкак акара азы уымаз. Абра скыдлан сахьцо, сыбжыи сырғацпхьаза акәац сытала, азы сытала, са ухазгалот, – [ахәеит ашьауардын].

Дааит азы иыман, ихәет, агәылшыап шыны. Адыунеи, игәыргьет, арыи апхәыс адырра рылтет, ақыта загь езет.

– Иуахтарызыи, апара уахтот, ашьара?..

– Акымзаракгы стaxым, амала «бака цэы шны иысыкашэца, ефыхны. Абас акэацха дыу сзыкашэца, иташэц, азы сызташэыргыл, уаха акаг стaxым, – ихэет [Сасрыкэа].

Аныи ах иыпцха артэаахэа дыхэхэет:

– Сыпсы нзырхаз, сара иашьас... ишьапы сызэзэалот, сиыщот!

– Мамоу, баргь ара быказ, са сааует, дырфагь! – ихэет.

Афырхэа, ихэет, дларгет, ихэет (уыи ашэкэы ианын зынза, агэыркьхэа акыта загь иыщнен, инен адынакны дахьтарцаз), [акэыщха] дылтадыртэет, ихэет.

Ашьауардын аакылсын, даман иыпрыит, ааада италт. Ишынабакэыу загь, хэсагь хацэагь, Анцэа иыхэот (амзафа кыдын, ихэет, амза гьагьаза иытэны): «Абрыи амза уыгегьы, уаргьы, улагьы, Сасрыкэа абрыи уаныларц!» хэа. (Дара уахэапш амза, ианыуп.)

Дхалт, ихэет, [Сасрыкэа].

Арыи дара [нартаа аишыцэа] ныкэара ианца, арыи Сасрыкэа дрышьталан данца, иан акаба лзахыит: «Сычкэынцэа ебганы иаауазар, Сасрыкэа акаба шыишэыстара, – хэа, – ишэыстот» хэа.

Арт [нартаа аишыцэа] загь агэыркьхэа иааит. Иааин, демдо дрылоп, лкаба лмахэар иахшыны, ран, – Сасрыкэа дабако? – хэа. – Дабако схэычы, дабако сычкэын? – лхэан, – Дабаказ, – рхэет, – уыи ха дабаабе? – рхэет. – Хара хакэын еыыз, Сысракэа дабахацыз хара! – рхэет. – Сасрыкэа хаз ныкэара дыкан, – рхэет. – Ааит, дабажэгеи?! – хэа дгьыжьюа дышрылаз, – Ибыхьыи, сан, ара сыкопе?! – хэа рышьтахь, ихэет, ирашь дакэтэан, илагьы иахэтагыла, даатапалт, ихэет.

Аа, иаарцэымыгхет, илекэпсы ицет, [нартаа аишыцэа], аха иабак'аз? Дааит, дааит, иангы дгэыргьацэа, – Нан, акаба уыззахыит-агьыит! – лхэан, иылтет-агьыит.

Уыгь уа иаанцэет. Уыскангы дрызтадырхазет [Сасрыкэа]. Уыгь уа иынцэет.

<...> [Сасрыкэа] дышфеуаз, ихэет, абас хэычык акара игын, ихэет, дшерц, акэац нцэет. Шьта «кыр» ахэет [ашьауардын], аха иаитои, уара, арыи? Иаиымтар, шьтахька идэыкэлот, иызцом. Иаецэа-жышэ дынтасын иаа-тыихын, ихэет, иаамапыикан инаган иаитет. Абз инацанацет, ихэет. Дырфагьых абжыи анарга, ихэет, агьыи иаецэа-жышэгыи аагыихын иаитет, аха иамфазакэа абз иацанацет. Ианааханагала [данааханагала], данаатыц, ишьапы дзыкэымгылт.

– Иуыхьыи? – ихэан [ахэан ашьауардын], – Акагыи-агьыи, – ихэет [Сасрыкэа]. – Иуыхьыиз сырбеи! – ихэан [ахэан], ишьапгэацэ ианлахэапш,

ишыап иаетцаа-жышэкэа тазам. – Аа, – ахэан, абз иаатнахын, инадцан, – сара арыи иышуаөжыыз здырыит, иысфартэ! – ахэет [ашьауардын].

Абас икалет, нан³. Аа-до, уыи уыс иынцэет уа.

¹Амирон – нцэахатаратэ ажэоуп.

²Ажэабжыхэаө дпышэырччит.

³Ари ацыццэаха антцаөы изцаара иахылтцуеит.

*Магнитофонла ианийеит З.Ць. Цьапуа Очамчыра араион,
Река ақытан, 1990 шықаса, раиэарамза (иун) 11 рзы.
Иазызырөны ихырөбылааит З.Ць. Цьапуеи Н.С. Барцыц-ңжаи.
Атекст З.Ць. Цьапуа ихатэ архив акынтэ иаагоуп.*

САСРЫКЭА [ицсхэы шыруз]

Уыи, Сасрыкэа [иашьцэа] ишыжэларыз иынцэет загьы: иашьцэагьы, иан, иаб, иашьцэа загь нцэет, иара дынхет. Абарт загьы рыцсхэы иуыит, рыбзахэы иуыит, ицэыуара [рцэыуара] кайцет, рыкэ-рцас загь кайцет. Ааи-до, ашьтахь иара дыцсгэышьет.

Нартэа рнышэынтракэа уажэыгь иөашьазом, Гэдауытэ иыкоп, Кэбыи-на архафэы иыкоп рхэот. Ааи-до, ашьтахь дыцсыит, арыи дыржыит. Нас апскөаха дкалома, ипа днымхет, иыпха днымхет, до, дызжуадаз! Дыржыит, арыи иөызцэа мачхэызма, рнышэынтракэа ркын дыржыит. Ачгьахьа акан, ачгьахьа нас, акэыд, ача, абарт(?), седрыу...

Арыи, ихэет, иөызак дышнеуаз ицэыхэлазаап. «Хай, рыцха, Сасрыкэа инышэынтракны сықэиан сыцэап уаха, сөыза иакэын» хэа ихэан, ихэет, днен, ихэет, иөы акэадыр аакэхны иынтецан, ихэет, хчнызас иныкайтцан иөы акэадыр, ихэет, дынтаиан дыцэет, ихэет. Афырхэа Сасрыкэа дынкылст, ихэет. Ее-ее(!) иаразнак абрыи апхьа, ихэет, адэы цшзаран иыкоп, ихэет. Ашыапақэа гылоп, алөатэ рхызз, афатэ-ажэтэ, ауаа ацьцыхэа(!), ихэет, иыкоп, ихэет. Абра инаркны акэыд, абыста, амныи-абрыи, ачгьахьа ақэгылоп, ихэет.

– Уа, хэлыбзыиа-агьыи!..

– Бзера убаат-агьыиаат! – ихэет, – Сасрыкэа! – ихэет.

Инен иаатэет, ихэет. Нас, – Иыкозыи, Сасрыкэа, уыцстазашьозыи, уышпако?

– Сшыко уымбо! – хэа ихэет, ихэет.

– Иышца, ыы, ура, ант загь рыстолкэа хианы, алөатэ рхызз иыкоп. Уара акагь уымазам?

– Иысыказцодаз? – хэа ихэет, ихэет. – Иысыказцодаз, иысыказцоз уаф дсытнымхазет, до, арт загь са иырзыкастет. Мор(?), уырт амла садьркуам, загь схэы аартыиует, аха сара сызқэыитыу хэа агьыкам, – хэа ихэет, ихэет. – Арт са иысзаартыиует, аха иагхазом, – хэа ихэет, ихэет. – Сара егысзаартыиргы, хэычык сфаргы, иаанцэот, – хэа ихэет, ихэет.

Нас уыс ихэет, ихэет, [асас]: – Абрии ура уыхьзала азэы икаитцар, иуа-оу? – хэа.

– Иказцалакьгы, изысмауазыи, иысыказцода мамзар, – хэа ихэет, ихэет.

Уыс, ихэет, ихэы аартыиыит.

– Уааи, Сасрыкэа! – хэа ғыртыит.

– К’аи, уахь снеуама, асас дсымоп! – аныхэа, ихэы аартыиыит: арыжэтэ, афатэ, акэац, амный-абрыи аартыиыит, ихэет, гэартак, ихэет.

Днадтэалан [инадтэалан] крырфет, иаанцэет, ихэет.

Ашьжымтан дфагылан дцет, ихэет, арыи ахаца. Днет, ихэет, нартаа рыуа-ртахыра днарылалан ирехэет, ихэет:

– Абыгы-абыгы аамтаз шэеиза, нартаа рынхартакны, апсхэра афэхэара пахцэот, Сасрыкэа иыпсхэы зуе, – хэа ихэет, ихэет.

Еизет, ихэет. Еизан, ихэет, апсхэра афэхэара пырцэет, ихэет. «Уыи сара садгылот, агыи са садгылот» [хэа] дасыу... Ашьтэа ааихэет, аныит-абрыит, афы, амный-абрыи, ихэет. Агэакьхэан апсхэы иуыит, ихэет. Ажэлар езаны, ихэет(?). Агэакьхэан, ихэет, апсхэ дьу иуыит, ихэет. Иынхаз шан ауаа иларытан, ихэет, ауыха дныкэтын, ихэет, дцет абра дырфагьх анышэантракын, «иыко збот» хэа, ихэет.

Днен дныкэиан дыщэазар, иаразнак(!) алфа хачыла, ихэет, иаакаитцаз загь абра иыкоп, ихэет, днет, ихэет. Дгэыргьацэа(!) дыцоп Сасрыкэа, ихэет, дыфуа, ихэет.

– Хаи, ухацкы сцааит! – хэа ихэет, ихэет. – Уара уакэзаап сара иашьас исымаз, сышпауыркьатеи! – хэа ихэет, ихэет.

Ааи, ауыха уа дыкоп-агыиуп, ихэет.

Уыбрыи(!) иаахыркьаны, Зураб¹, апсхэыурагь уыбра ицэыртцт. Апсхэы ыказамгы уызхэазом, апсы ыказамгы уызхэазом, абра ицэыртцыит загьы.

¹Ажэабжьхэаф анцафы ихьз лхэеит.

Диктофонлеи видеокамералеи ианырҕеит 3.Ць. Цьапуеи А.П. Какобеи Очамчыра араион, Река ақытан, 1997 шықаса, хэажэкырамза (март) 24 рзы. Дазызырфны ихыылааит 3.Ць. Цьапуа (ААУ астудент Оксана Хэынзиа-ңха далахэны), ихатэ архив аҕынтэ иагыаагоуп.

АРЕЦЕНЗИАҚӘА • КРИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Джорджо Комаи

Рецензия на монографию: В.А. Чирикба. Абхазия и итальянские города-государства (XIII–XV вв.). Очерки взаимоотношений / Предисл. В.С. Томеллери. СПб.: Алетейя, 2020. 212 с.: ил. ISBN 978-5-00165-119-2.

Итальянские морские республики, такие как Венеция и Генуя, были весьма активны в регионе Черного моря между XIII и XV веками. Их присутствие в Абхазии и их причастность к работоторговле с Западного Кавказа являются главными темами недавно вышедшей книги.

Между XIII и XV веками Генуэзская республика обеспечила свое присутствие в Сухуме и в других местах Абхазии, на северо-восточном побережье Черного моря. Несмотря на в то время важную и очевидную роль итальянских морских республик в торговле вокруг Черного моря, данный основной факт мог быть легко упущен из виду даже теми, кто интересовался регионом и прочел несколько книг по истории Кавказа и Черного моря. Например, в занимательном произведении Нила Ачерсона «Черное море» подчеркивается более заметное присутствие венецианцев и генуэзцев в Крыму и на Азовском море, но не упоминается их деятельность в Абхазии. Другие книги по истории Кавказа, такие как «Призрак свободы» Чарльза Кинга или «Пусть наша слава будет велика» Оливера Буллоу, в которых, среди прочего, в ярких подробностях описывается бедственное положение черкесов, сосредоточены на более поздних веках.

И все же генуэзское присутствие представляет собой интересную и важную часть истории Абхазии в средние века. Соответствующие данные, ранее доступные только в первоисточниках и разбросанные по множеству книг и статей, косвенно затрагивающих эту тему, теперь стали доступны в недавно изданной на русском языке книге Вячеслава Чирикба «Абхазия и итальянские города-государства XIII–XV вв.». В научных кругах Чирикба – уроженец Абхазии – в основном известен как уважаемый специалист в области кавказских языков, долгое время проводивший исследования в Лейденском университете в Нидерландах. Он также занимал должность министра иностранных дел Абхазии в период с 2011 по 2016 год.

В этой книге Чирикба стремится подчеркнуть продолжающееся существование абхазского государственного образования на протяжении веков

и предлагает свое опровержение некоторых историографических гипотез, выдвинутых грузинскими коллегами, но эти темы не являются центральными для основных вопросов, изложенных в книге, которая действительно соответствует своему названию, сосредоточив внимание на генуэзском присутствии в Абхазии и динамике, которую оно обеспечило. Опыт В. Чирикба как лингвиста наиболее отчетливо проявляется в главах, посвященных этнонимам и топонимам, которыми итальянские картографы и мореплаватели обозначают людей и локации северо-восточного побережья Черного моря, а также этимологии отдельных слов, которые могли возникнуть вследствие генуэзского присутствия.

Чтение имен столь многих итальянских эмиссаров и торговцев, базировавшихся вдоль северо-восточного побережья Черного моря в средние века, само по себе представляет большой интерес, но, возможно, именно эти подробности о роли генуэзских купцов-работоторговцев из региона и сведения о тысячах черкесских и абхазских рабов, служивших в богатых домах городов северной Италии, дадут больше пищи для размышлений итальянскому читателю.

Генуэзцы в Абхазии.

Между XIII и XV веками итальянские морские республики играли доминирующую роль в торговле от Черного моря до Европы. Важными центрами торговли с участием итальянских морских республик были Тана, принадлежавшая Венецианской Республике и Порто-Пизано на Дону, основанный Пизанской республикой на Азовском море в современной России. Генуэзская республика обеспечивала более сильное присутствие в Каффе, которая соответствует сегодняшнему городу Феодосия на Крымском полуострове (в качестве отступления, учитывая продолжающуюся пандемию, возможно, стоит упомянуть роль генуэзских купцов в распространении Черной смерти по Европе в XIV веке, так как действительно общепризнано, что чума начала распространяться в Европе из генуэзского портового города Каффа в Крыму – для более подробного исследования см., например, книгу «Происхождение и раннее распространение Черной смерти в Италии: первые свидетельства жертв чумы из Лигурии 14 века») (*Cesana, Benedictow, Bianucci 2017*).

Далее на востоке, в Абхазии, генуэзцы основали свой главный порт в конце XIII века в городе, который они называли Севастополем, известном как Себастополис в древнеримских источниках и соответствующем современному Сухуму, главному городу Абхазии (одноименный Севастополь в современном Крыму свое нынешнее название получила значительно поз-

же, в конце XVIII века). В другом месте Абхазии у генуэзцев были порты захода в современном Новом Афоне и в Бамборе (недалеко от современной Гудауты), которую генуэзцы называли «Каво-де-Буксо», или самшитовой гаванью, что свидетельствует о ее известности в качестве места торговли самшитом.

История генуэзцев в Абхазии хорошо задокументирована в бюрократических документах и переписках. В 1280 году в Сухуме был генуэзский нотариус, который официально оформлял продажу кораблей. В начале XIV века здесь была основана католическая архиепархия. В 1354 г. в Сухуме было открыто генуэзское консульство с небольшим штатом, при этом соответствующий консул был направлен из Феодосии в Крым. В течение приблизительно века, до 1456 г., Генуя имела собственное консульство в Сухуме, несмотря на далеко не идиллические отношения с местными жителями (некоторые генуэзские кандидаты на эту должность отказывались быть отправленными в Абхазию, предположительно, из соображений безопасности и в силу своего периферийного расположения). Ключевой причиной натянутых отношений с местными жителями, вероятно, была роль генуэзских купцов в работоторговле из региона.

Работоторговля из Кавказа в Италию.

Действительно, в XIV и XV веках большинство рабов, купленных в Италии, были выходцами из большого региона Причерноморья, включая черкесов, абхазов и татар (но, за немногими исключениями, не грузинами или армянами, поскольку они были христианами). По оценкам, около 4-5 % населения городов северной части итальянского полуострова в XV веке составляли рабы. По Генуе, где существовал особый налог на рабов, доступны более точные цифры: количество рабов составляло 7223 человека в 1381 году, а в середине XV века оно уменьшилось примерно до 2000 человек.

В основном рабыни из Причерноморья и Западного Кавказа оказывались прислугой в богатых городских домах; примерно через десять лет, в зависимости от обстоятельств, рабов часто освобождали. Дети, рожденные рабами и их хозяевами, по-видимому, не были редкостью, и о некоторых из них сохранились отчетливые свидетельства. Например, Карло ди Козимо Медичи был сыном знаменитого Козимо Медичи и Маддалены, черкесской рабыни, которую он купил в Венеции. Утверждалось, что даже Леонардо да Винчи, известный как рожденный вне брака, мог быть рожден от черкесской или абхазской рабыни (местная женщина из крестьянской семьи является более устоявшейся альтернативной гипотезой) (Чирикба 2018)¹.

¹ https://it.wikipedia.org/wiki/Caterina_di_Meo_Lippi.

В конце концов, падение Константинополя в 1453 году стало началом конца присутствия итальянских морских республик на Черном море. В последующие годы и десятилетия османы взяли под свой контроль города, наиболее характерные для итальянской торговли, сначала Сухум, а затем Тану и Каффу.

Остается еще немало вопросов.

Неудивительно, что в книге об отношениях между Абхазией и итальянскими морскими республиками Чирикба не вдается в подробности о жизни рабов, прибывших с Западного Кавказа в Италию и о том, что с ними стало после их освобождения; видимо, многие продолжали работать в качестве слуг своих бывших хозяев, а другие заводили семьи или открывали собственное дело. Это лишь один из многих примеров, когда данная книга может служить отправной точкой для более глубокого исследования как малоизвестной повседневной жизни освобожденных рабов в Италии в средние века, так и тогдашней ситуации в Абхазии и вокруг нее. Действительно, архивы Генуи, Венеции и Ватикана могут многое рассказать об истории Абхазии в период между XIII и XV веками².

Литература

Cesana, Benedictow, Bianucci 2017: Cesana D., Benedictow O.J., Bianucci R. The origin and early spread of the Black Death in Italy: first evidence of plague victims from 14th-century Liguria (northern Italy) // *Anthropological Science*. Vol. 125(1), 2017. P. 15–24.

Чирикба 2018: Чирикба В.А. Загадка Катерины. Кем была мать Леонардо да Винчи? СПб.: Питер, 2018. 212 с.

² Первоначально опубликовано в «Osservatorio Balcani e Caucaso», 08/10/2021 г. (<https://www.balcanicaucaso.org/eng/Areas/Abkhazia/The-Italian-maritime-republics-and-slave-trade-from-the-Caucasus-213053>).

АҚӘРАНЫҲӘА • ЮБИЛЕИ

А.Р. Гулиа

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ

(Зауру Ивановичу Шалашаа – 65 лет)



*«В науке нет широкой столбовой дороги,
и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто,
не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»*

Карл Маркс

В условиях существования противоположных концепций роли государства в экономике, постсоветские страны, в том числе и Республика Абхазия находятся на этапе перехода от директивной социально-экономической системы к рыночно-смешанной.

Либералы, неоконсерваторы, неолибералы считали и считают недопустимым государственное вмешательство в экономику. Рынку приписывают чудодейственные качества в виде «невидимой руки», способной к саморегулированию и достижению всеобщего равновесия спроса и предложения на уровне всей национальной экономики. Им противостоят кейнсианцы и

неокейнсианцы, сторонники активного государственного воздействия на экономические процессы, которые считают рынок несовершенным явлением в условиях только его саморегулирования, поскольку при этом невозможно реализовать ни одной стратегически важной государственной, общенациональной задачи развития. Последняя, достигается только целенаправленной государственной политикой, реализуемой при помощи использования системы стратегического и индикативного планирования и программирования. Подобных взглядов придерживаются и известные российские ученые-государственники Л.И. Абалкин, А.Л. Гапоненко, С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, Ю.М. Швырков и другие их последователи, рассматривающие рынок в качестве эффективной системы хозяйствования только при активной регулирующей роли государства.

Разработка проблем, связанных с ролью государства в экономике имеет особое значение для таких стран как Республика Абхазия, которая осуществляет переход к рыночной экономике в условиях трансформации своих экономических, политических и социальных институтов, фактически не имея научно разработанных основ этой трансформации. В этом плане среди отечественных ученых-экономистов особое место занимает З.И. Шалашаа, который в своих научных исследованиях обосновывает необходимость государственного участия в социально-экономических преобразованиях и считает, что переходный период для Республики Абхазия должен осуществляться на основе модели социальной смешанной экономики устойчивого развития. По его мнению, чисто рыночная или чисто плановая централизованная экономика относятся к области сугубо экономической теории и во всех развитых странах мира «реального капитализма» существует именно смешанная экономика. З.И. Шалашаа является учеником известного советского и российского ученого-государственника, доктора экономических наук, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Швыркова Юрия Михайловича, его научным последователем.

Заур Иванович окончил с отличием факультет экономики и права Университета дружбы народов (УДН) им. Патриса Лумумбы (ныне Российский университет дружбы народов) по специальности «Экономика и планирование народного хозяйства», получив второй диплом переводчика-референта испанского языка.

В 1986 г. в УДН защитил кандидатскую диссертацию на тему «Государственное планирование экономики в Венесуэле в условиях экспансии транснациональных корпораций».

В 2009 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Государственное регулирование экономики в новых независимых республиках постсовет-

ского пространства в условиях рыночной трансформации» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В декабре 2009 г. ВАК России присвоила ученую степень доктора экономических наук.

В Абхазском государственном университете З.И. Шалашаа работал с октября 1986 г. по май 2017 г. В 2010 г. ему присвоено ученое звание профессора.

С 2017 г. по настоящее время работает заведующим кафедрой национальной экономики и юриспруденции Сухумского Открытого Института.

С 2017 г. по настоящее время является директором Института экономики и права АНА.

В 2014 г. избран член-корреспондентом Академии наук Абхазии, а в 2019 г. – действительным членом (академиком) АНА.

Он является научным руководителем аспиранта, обучающегося в очной аспирантуре АНА, соискателя в Вузе России, под его научным руководством в 2020 г. защищена кандидатская диссертация.

З.И. Шалашаа успешно совмещает научную и преподавательскую работу с активной общественно-политической деятельностью.

1996–2002 гг. был депутатом Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия, являлся председателем комитета по бюджету и экономической политике. Он разработал проекты ряда законопроектов: «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе», «Об основах налоговой системы в Республике Абхазия», «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития», «Об акционерных обществах», «О налоге на операции с ценными бумагами» и др.

З.И. Шалашаа является одним из авторов «Концепции социально-экономического развития Республики Абхазия 2005 г.», «Стратегии социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 г.».

В 2018 г. постановлением Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия включен в состав рабочей группы по налоговой реформе в республике.

В 2020 г. распоряжением Президента Республики Абхазия включен в состав Совета при Президенте по определению приоритетных направлений развития Республики Абхазия.

З.И. Шалашаа достойно представляет академическое сообщество Республики Абхазия, выступая с научными докладами по экономическим проблемам на международных научных, научно-практических конференциях и деловых форумах, проводимых как в республике, так и в России. Он входит в состав программных и организационных комитетов международных научных форумов, проводимых в научно-исследовательских и образовательных учреждениях Российской Федерации.

На основе соглашения между Академией наук Абхазии и Северо-Кавказским федеральным университетом на базе ИЭП АНА созданы три Международные научно-исследовательские лаборатории:

- «Устойчивого развития социально-экономических систем»;
- «Правового регулирования цифровой экономики и искусственного интеллекта»;
- «Конституционной законности и защиты прав человека».

Деятельность данных лабораторий, с абхазской стороны возглавляет З.И. Шалашаа и направлена на проведение совместных научных исследований между двумя научно-исследовательскими учреждениями.

З.И. Шалашаа является автором более 160 научных работ, изданных в Абхазии и России, общим объемом более 200 п. л., по проблемам роли государства в экономике, государственного регулирования экономики, государственно-частного партнерства, межгосударственного сотрудничества и экономической интеграции Республики Абхазия и Российской Федерации, опубликованных в издательствах Абхазии, Армении, Великобритании, ДНР, Казахстане, России, США.

Монографии и учебные пособия З.И. Шалашаа были представлены на:

- международной книжной выставке LIBER BARCELONA (3–5 октября 2018 г., Барселона, Испания);
- Парижском книжном салоне LIVRE PARIS (Париж, Франция, 16–19 марта 2020 г.).
- VII-ом Московском международном Салоне образования (26–29 апреля 2020 года, Москва).

По результатам XLV-ой юбилейной международной выставки-презентации учебно-методических и литературно-художественных изданий в мае 2020 г. в г. Москва, Российской Академии Естествознания, монография З.И. Шалашаа «Специфика регулирования экономики в условиях становления рыночных отношений в особых регионах постсоветского пространства» (Москва, 2007) удостоена звания победителя профессионального конкурса «Национальный сертификат качества».

Биографические сведения З.И. Шалашаа включены:

- в 7-ой том энциклопедии «Ученые России», Москва, 2014 г.;
- в Абхазский биографический словарь, Сухум, 2015 г.;
- в 14-ый том энциклопедии «Известные ученые (Ученые России)», Москва, 2018 г.

Особо следует отметить учебное пособие З.И. Шалашаа «Государственное регулирование национальной экономики» подготовленное на базе одноименной монографии автора и посвящен теоретическим и методологи-

ческим проблемам государственного регулирования национальной экономики, определению места и роли государства и государственного сектора в разных социально-экономических системах, выявлению особенностей государственного регулирования и индикативного планирования экономики в трансформационный период и в условиях Республики Абхазия.

Высокую оценку в научном сообществе Российской Федерации получила совместная монография Института экономики и права АНА и Северо-Кавказского федерального университета: «Государственно-частное партнерство как инструмент развития международного сотрудничества России и Абхазии в условиях цифровизации», изданная в г. Москве в 2020 г., под грифом Министерства образования и науки РФ на основе проведенных совместных исследований научными сотрудниками обоих учреждений, в котором руководителем с абхазской стороны выступал З.И. Шалашаа. Данная монография представлена Международным союзом экономистов на соискание премии «Экономическая книга» 2021 года.

Теоретико-методологическая значимость научных трудов З.И. Шалашаа связана с тем, что в них предлагаются новые научно-методические, экономические и управленческие решения проблем социально-экономического развития Республики Абхазия. Они, прежде всего, связаны с модернизацией системы государственного и местного управления.

Прикладная значимость научных трудов З.И. Шалашаа определяется тем, что их основные положения используются в системе органов государственной власти при принятии управленческих решений, связанных с решением проблем научно-технологического развития с применением моделей и механизмов государственно-частного партнерства, осуществления совместного предпринимательства и экономической интеграции с позиций развития международного сотрудничества Абхазии и России.

З.И. Шалашаа разработал типовой проект плана социально-экономического развития с. Члоу Очамчырского района, который утвержден Собранием депутатов с. Члоу и используется в практике функционирования Администрацией села. Данный проект носит научно-прикладной характер и может быть использован и другими административно-территориальными единицами Республики Абхазия в качестве методического пособия.

З.И. Шалашаа ветеран Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. За мужество и отвагу, проявленные в Отечественной войне Указом Президента Республики Абхазия награжден государственными наградами, медалями «За отвагу», «За победу», а также медалями Министерства обороны Абхазии «Доблестный воин» и «20-летие победы в Отечественной войне».

Основные научные труды д.э.н.,
проф., акад. АНА Шалашаа З.И.

1. Государственное регулирование экономики в Республике Абхазия в условиях становления рыночных отношений. Ростов-на-Дону: Изд-во ЗАО «Ростиздат», 2005. 391 с.

2. Роль государства в трансформации национальной экономики Республики Абхазия в условиях формирования новых мирохозяйственных связей. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского центра высшей школы, 2005. 112 с.

3. Государственное регулирование национальной экономики. Учебное пособие. Сухум: Изд-во Абхазского госуниверситета, 2006. 282 с.

4. Индикативное планирование в условиях Республики Абхазия. Сухум: Изд-во АГУ, 2006. 142 с.

5. Специфика регулирования экономики в условиях становления рыночных отношений в особых регионах постсоветского пространства. М.: МАКС Пресс, 2007. 284 с.

6. Региональное экономическое сотрудничество Республики Абхазия в условиях формирования новых мирохозяйственных связей. М.: МАКС Пресс, 2007. 67 с.

7. Экономика таможенного дела: курс лекций / Сост.: А.Р. Гулиа, В.А. Кварчия, Ф.А. Лазба, З.И. Шалашаа. Сухум: СОИ, 2008. 178 с.

8. Основы экономики. Учебное пособие / Сост. В.А. Кварчия, О.В. Кварчия, М.М. Сангулиа, З.И. Шалашаа. Сухум: СОИ, 2009. 120 с.

9. Интеллектуальные ресурсы организации. Учебное пособие / Сост. С.А. Багрецов, Н.Н. Воробьев, З.И. Шалашаа. М.: Илекса, 2011. 360 с.

10. Методы управления бизнесом: курс лекций / Сост. С.А. Багрецов, Н.Н. Воробьев, З.И. Шалашаа. М.: Илекса, 2011.

11. Предпринимательство: системный анализ и стратегическое управление бизнес-процессами в производстве. Сухум: Изд-во «Алашарбага», 2013. 225 с. (в соавторстве с А.Н. Асаул, С.А. Багрецов).

12. Государственное регулирование национальной экономики. Учебное пособие. Второе доп. и перераб. изд. Сухум: Изд-во Абхазского госуниверситета, 2016. 19,0 п. л. Электронная версия. <http://litterref.ru/rnaujgbewmerrna.html> <https://lektsii.org/15-3974.html>

13. Экономическая безопасность – база национальной безопасности Республики Абхазия // Вестник Академии наук Абхазии. Серия «Гуманитарные науки» / Гл. ред. З.Д. Джапуа. Сухум: Academia, 2017. Вып. 7. С. 67–79.

14. Инновационное предпринимательство – фактор технологической модернизации экономики Абхазии // Феномен рыночного хозяйства: теоретический и методологический контент бизнеса инноваций / Под ред. В.А. Сидорова, Я.С. Ядгарова, В.В. Чапли. Лондон: изд-во LSP, 2019. С. 360–368. (на рус. и англ. яз.) (в соавторстве с А.Н. Багба).

15. Государственно-частное партнерство как инструмент развития международного сотрудничества России и Абхазии в условиях цифровизации / Под ред. В.Н. Парахиной, З.И. Шалашаа, Р.М. Устаева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 367 с.

16. Инновационные аспекты развития совместного предпринимательства с позиции международного сотрудничества // Рыночные трансформации: новые бизнес-модели, инновационные технологии, практика решений / Под ред. В.А. Сидорова, Я.С. Ядгарова, В.В. Чапля. Лондон: изд-во LSP, 2021. С. 230–240. (в соавторстве с А.Н. Багба).

17. Ацсны абиуцъет ашэартадараҕы ашэахтэқэа рцакы // Вестник Академии наук Абхазии. Серия «Гуманитарные науки» / Гл. ред. З.Д. Джапуа. Сухум: Academia, 2021. № 11. С. 177–186. (А.Р. Гэлиа дилахэны.)

18. Методы и технология управления бизнесом: учебное пособие / С.А. Багрецов, Н.Н. Воробьев, З.И. Шалашаа, В.А. Васюкова. М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2021. 156 с.

В.Л. Бигэаа

АХЪЗ АРҲАРА МАРИАМ, ИМАРИАМ АНЫКЭГАРАГЫ

(Сима Дбарцха 65 шықәса лхыцра инамаданы)



Жэйтэнатэ аахыс ацсуаа рыбзатаратэ культураҕы акульттэ цакы змаз малк еипш иахэапшуан ахъз. Хэарада, ахъз арҳара ртахын зегы, аха апрактикаҕы уи ус имариамызт. Ахатца ахъз ирҳауан, ахъз игон ихатарала. Хатцаран аиаша аныкэгара, ацсуара адырра, аныкэгара, уи псыс иахоу аламыс ацхьа инаргыланы. Хъзын цьабаала анхара. Ахъз иман акрыздыруз, акрызлаз, ачеицыка бзиа змаз ауабы. Хъыздыун ажэлар рыхьзала, ацсадгьыл ахъзала айбашьра адэаҕы ашьақатэара. Уи айбашьракынтэ дейбганы дхынхэыр, ипсы штаз ихала ибака иргылеит ауп иаанагоз, иуаажэлар рыоныцка ахыцшаду иман, днаган, уеизгьы-уеизгьы қарадук имамзаргьы, дхатэран, иажэа акры алнадон, зацхьа уабы дмиасуаз уабын. Ахъз лымазар ауан ацхэысгьы: хымџапгашьала, лыџнраныкэгашьала, лнапкымтала. Даара ахъз лыман ахшара бзиа заазан, жэларык ран. Убриазоуп шэышықсала инеимдаимдо хажэлар иахьанза иааргаз рџапыцтэ хэамтақэа иузрылымхуа изыргэылоу ацсуа цхэыс лыхъз. Ахъз змаз ацхэыс, ацэгьей абзи-

еи рҕы еипш, ус гэгэак иазкыз аизарадукэа рҕгы атып чыда аанылкылон, иҕан ажэа анлыртозгы. Апдхэыс ажэа анылхэоз зшыапы ақэгылара зылшоны иҕаз ахацэа лхатцгыланы илзызырџуан, лгэаанагара хатыр ақэырцон, рхаҕы иааргон. Уимоу, ахыз змаз апдхэыс лыхыз асабицэа рныхэапхыыз ианадыркылоз, ашэа анылзырхэоз ыҕан. Адунеи аназарақэа рҕынтэ абра иаахыз, апсуа бзазара иалапшны избахыз амиссионерцэа, ма ус машэыршэа хадгыл иқэнагалахыз аныкэацэа, дара атоурыхтцаацэагы ицшыаны ашэкэы ианыртон апсуа пдхэыс лыцкыашы цкыашы ишеипшмыз, лкырушы кырушы ишеипшмыз, атаацэаратэ бзазараҕы еипш, ауаажэларратэ бзазараҕы лхэатэы кыр шацанакуаз. Ашэкэы ианыртон уи лбзазашыемморали ртэы мацара акэымкэа, лхызырацарақэа ртэгы¹.

Иҕан, иахыагы икоуп, Анцэа ицшыаны, зыхызи зыжэлей еидкыланы ирхэо апсуа хэсақэа. Гэыџбарада, сара урт дрылызбаауеит иахыа зиубилей азгэахто, Апсуатцааратэ институт аетнологиа акэша аихабы, Апсуа хэынтқарратэ университет адоцент, Апсны ацарадырра ус аҕы зеапсазтэыз, Ахыз-апша аорден III аазара акавалер Сима Дбарцха.

Сима Дбарцха ацарауаа рдуinei дадыруеит зус бзиа избо, зус зымпыцманшэалоу, кыргы ишыақэызцалахыоу етнографк лахасаб ала, ацараазаратэ ус аҕы апышэа змоу азэы лакэны, хтэыла ашныцка еипш, антыцгы. Апсуа жэлар уи еихагы дырдыруеит, хатыргы лыкэырцоит апсуара апсы ахытоу збартоу, еилахангы иныкэызго, иара убас амилатэ зцаараҕы хыахэычарак ззымдыруа, бцьар-лыпшаахцас еибаго, хыатра зкэым хатцамцхэыск лахасаб ала.

Сима илымоу аказшыа чыда машэырзам. Жэапшзаны исхэом, санычкэыназ зны, адэы иқэгатэыз аетнографиатэ материалқэа рыпшааразы ақытақэа санрылаз аамтазы, акры еилызцоз сасцэа дахықэак – етнографцэақэак сыцны Калдахэара снейт. Ақыта агэаҕы итэаз ахылапшџы, сысасцэеи сарей хышыштаз аус атэы аниаххэа, лак-џакрак камцазакэа, иаразнакы, Андрей Дбар иахы ххы ирхейт. Андрей ишны хыхынеиз хара иаабейт зхыцша хара ицахыз «Дбар игэара» атрадициатэ доуха ашытақэа.

Уахынеигэыдыпшылоз, нырхарак, еиџахаха иҕаз азэы иакэын иара, Андрей, кызшыала аамышташэак, аха амтц зхызмырпрауаз хатцейџамск, хатцейбагак, хатцацшышэк, дызбоз, – хай, анацалбейт, абжьарашышықэ-

¹ XIX ашышықэса анцэамтеиееи Костантин Мачавариани абас иџуан: апсуа пдхэыс «лтагылазаашы лара дызтазкуаз асоциалтэ ерархиа иашыашэалоуп. Зны-зынла уи адинтэ ныхэақэа мџапылгойт, напхгара рзылуеит ауаажэларратэ ускэа, уимоу, уахынла хызырацара ицо ахацэа данрацхыагылозгы ыкоуп» (Положение женщины в Абхазии зависит от того сословия, к которому принадлежит она. Она исполняет в некоторых случаях религиозные обряды, руководит общественными делами, даже предводительствует в некоторых случаях в ночных похождениях... (Мачавариани, 1884. Цит. по Бигуаа 1983: 48).

сақэа иргэылсны иааз тоурыхтэ уафума! – ихэартэ еипш, даацьеишьаратэ еипш. Андреи ипшэмацхэыс Домна Амцарцха лакэзар, зхызфэи еихаччоз, зыказшьа хааз цхэыс еинаалан, цхэыс пшзан, хавтономтэ республикафэи хьзи-пшеи змаз, зэапсазтэыз рцафын.

Уаанза, 1957 шықэса рашэарамза 11 азы, абра, хьзи-пшеи згымыз абарт ауаахатэрақэа рыфнафэи диит Сима.

Сима лани лаби, Андреи Домнеи, драазеит аханатэ аахыс Дбараа рыфнатаду афэи ахра зуаз, хэычгы-дуггы абирак еипш ихаракны иркыз ачеицьыкеи, ахалалреи, апсуаа фныцкала иныкэырго анаалашья лылаазаны. Ишырхэо еипш, бырфынцхала, мацкья-шьацкья, бабыцк лыкэмыршэзакэа, иара убра, Калдахэара хэба-хэба хэа, ашколгы далдыргеит.

Цынгылада, иара убри ашықэсан, 1974 азы, Акэа аинститут дталоит Сима. Уа атоурыхтэ факультет каиматлацэкья ианхлыркэша, ацарайурта анапхгафца, акы шлылцшаз акара рбан, акафедрафэи дааныркылеит аетнографиеи Ажэытэтэи Амрагылара аторыхи ирызку алекциякэа рыпхьяра лнапы ианцаны. Фышықэса абра аус анылу ашьтахь, 1982 азы, Маскэа, Асовет хэынтқарра ацарадыррақэа ракадемиа иатэыз Аетнологиеи антропologieи ринститут афэи аспирантура дталоит, дагбалгоит 1985 шықэсазы, уи азы илымаз афэхэара нтэаанзагы, зеипш ыкамыз ала лкандидатэ диссертациягы хьчаны. Аетнограф идиплом лыманы лыпсадгы ахь даныхынхэ инаркны, ишьтылхыз лзанаат напы алалкит, иахьягы уи дафуп.

Апсуа университет атоурыхтэ кафедра ахьзала дзыпхьоз ацаратэ матэарқэа инарываргыланы, аторыхтэ царадыррақэа ркандидат Сима Дбарцха царауафык иахасаб ала аусура далагеит Апсуа институт аетнологиятэ кэшафгы. Ауниверситет афгы, аинститут афгы иаразнакы еицгэартэит уи азыкатара харакы шлымаз, акры злоу азэ шлакэыз. Хэарас иатахузеи, цкья атэахагы лырымтеит: зны акафедра аихабы цыраара илтон, дафэазны адекан ихатыпуафыс дыкан. 1990 шықэсазы ускан хтэыла хэыч злаз ахэынтқарраду аихабыра рфэи еифкааз иреихазаз аттестациятэ комиссия алахэылацэа еицфакны уи адоцент ичын лыртеит.

Апсуатцааратэ институт афэи лнапы злаку атцааратэ усуреи Апсуа хэынтқарратэ университет астудентцэа ацара дырцарей инарываргыланы Сима Дбарцха кыр шықэса инеипынкыланы Гьаргь Зизариа ихыз зху ахэынтқарратэ премия аусхэарта дамазаныкэгафын, дмазаныкэгафын иара убас аторыхтэ диссертациякэа рыхьчаразы иапцоу ацарадырратэ советгы.

Убырт зеггы рацхья игылоуп, хэарада, иахья Апсуа институт аетнологиятэ кэша напхгарацарафэи икалцо аус. Абрака Сима Дбарцха иаалырцшит адыррачыда, абаф-чыда, ачхара чыда. Лыдам здам уафэи илшом, лара илылшо, лара еилалыгзо. Анапхгара иацу ақбаадус, акэша иатэу ацарауаа реи-

латэаракэа. Атцаарадырратэ темакэа реишшара, атцаарадырратэ усумтакэа реилыргара. Имариоума лнапатака икоу атцарауаа ргэы акра, досу ихэтоу ажэа иахэара, урт зеггы рхэоу еикэшэо, еицнарго рыкатцара? Ажэак ала, лара илыцназго айфекааа хара, царауааны зхы зыцхьазо, хаоныцка ицшаара удаауп. Илхэаз хэоуп, илуз – уыуп. Амала, улываларггы лузом, аиаша баны ахэахэа даасзом.

Мацурас иныкэылгозаалакггы, дызфьызаалакггы Сима Дбарцха лустэ-кьа, атцаараус, шэымтак иадамзарггы, амалахазггы игэыгэталыжбуам. Уи лнапы итыцхьеит атцарадырратэ усумтакэа кыр, монография жыцэки рцатгэ цхыраагзаки убрахь инарылацаны.

Атцарауаа илылшахьоу лара имачылшьоит, харггы ирацэахшьазом. Аха ахатабзиара апроблема ахыцхьазара иналаршэ-ааларшэны ауп акэымзар, ахыцхьазара ахатабзиара апроблема азызбазом. Сима Дбарцха лытцаа-мтакэа рфьы зеггы рацхьа игылоуп афакт, ажэа фьыц. Ианакэызаалак уи лнапы ицлыжбуа аус разоуп, ишэоуп, изоуп, ицкоуп.

Хэарас иатахузеи, Сима Дбарцха итылцаауа ацсуаа рытрадициатэ культура азцааракэа роуп, аха, зны-зынла цьоукы-цьоукы ишхьахло еицш, лэылыцсакьазом, ф-хырхартак – апсуаа рхэычаазашьейи рылахьейкэцаратэ кьабзкэеи – рыла-мацароуп, шамахазак акэымзар, уи аус шылуа. Усоуп ишырхэо дара лтцааратэ усумтакэа;

– Традиционные приемы ухода за малолетними детьми у абхазов (Конец XIX – начало XX века) // Этническая культура: динамика основных элементов. М., 1984. С. 164–174;

– Народные способы лечения детских болезней у абхазов // Материалы Всесоюзной этнографической конференции. Черновцы, 1984;

– Традиционные родильные обычаи и обряды абхазов и их трансформация в советские годы // Советская этнография. № 1. М., 1985. С. 98–104;

– Поселения и жилища абхазов. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991;

– Традиции воспитания детей у абхазов. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум 1991;

– Понятие о смерти и отношение к ней у абхазов // Сб. научных трудов АГУ. Сухум, 2000. С. 130–134;

– Абхазская народная медицина // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. 1. Сухум, 2000. С. 153–162;

– Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (Вторая половина XIX – начало XX века). Сухум, 2000. 133 с.;

– Элементы традиционной культуры абхазов (в соавторстве с Б.Г. Джо-нуа) // Сборник научных трудов АГУ. Сухум, 2000;

- К вопросу об изменениях ценностных ориентаций в культуре абхазов // Труды АГУ. Ч. 2 Сухум, 2003. С. 78–85;
- Исторические формы захоронения абхазов // Кавказ: История, культура, традиция, языки. Сухум, 2004. С. 17–18;
- Похоронная обрядность // Абхазы. М., Наука, 2012. С. 294–303;
- Обряды детского цикла // Абхазы. М., 2012. С. 304–321;
- Обычаи и обряды, связанные с уходом за ребенком // Абхазы. М., 2012. С. 312–322;
- Заметки о времени и пространстве в традиционной культуре абхазов (в соавторстве с Б.Г. Джонуа) // Вестник Академии наук Абхазии. Серия «Гуманитарные науки». № 7. 2017. С. 48–54.

Сара сшахэацшуа ала, Сима Дбарпца лырѣиамтакэа акы иалаѣашьом Атцарадырракэа Урыстэылатэи ракадемия агриф ала 2007-еи 2012-еи рзы Маскэа итыцыз аколлективтэ монография «Абхазы» иану лусумтакэа: 1) «Обряды детского цикла»; 2) «Обычаи и обряды, связанные с уходом за ребенком». Цоуп, урт уаанзатэи лусумтакэа ирылхны илѣит, аха, еиха дац-клацшны, еиха ицэны, ашьалашьын пшқа ахьшьны, абырцкал икылхны, аеак ала иаххэозар, иара ашэкэы ахата зырцшзақэо аѣымтакэа иреиуакэны.

Иашоуп, арт азцааракэа апсуа этнографияѣы иѣыцзам, урт уаанзагы рылацшхэааѣы иааргахьан, ирылацэажэахьан, азэымкэа-ѣыцѣамкэа аетнографцэа, аха, азэгы игэы иалымсаит, комплексла, валашьяк амамкэа, еил-фаца атырччаара зылшаз Сима Дбарпца лоуп. Иазгэататэуп уи зыбзороу, зегь рацхьаза иргыланы, атцарауѣ лытцаашьатэ метод шакэу.

Сима Дбарпца лкабинет лѣыѣнакны мацара аус лузом. Лассы-лассы уи ахы инаркны ацыхэанза Апсны зегьы далсны, хэыц-хэыц зегьы еимданы, акры здыруа, акры збахьоу, акыр зынкьахьоу, акыр зынцахьоу, апстазааратэ пышэаду змоу ауаабаракэа ирѣыкэыкэааны, цыра-цырала еизылгоит хажэлар ртрадициатэ культура ахькэырчахақэа. Уацэтэи хѣеипш дазхэыцны, даараза хасаб азуны, уи лдырра рымалдоит Апсуа хэынтқарратэ университет аѣы атцара зцо аѣар, апсыуала ихэыцуа, хажэлар ашья катэаны иах-зааргаз ахақэитреи ахыпшымреи еикэзырхаша апсуа милаттэ хэынтқарра игэгэа-кацаза ашьяпы иқэзыргылаша, изчапаша, еихазхаша, пхьақа изгаша ракэны икалартэ еипш.

Иашоуп, ларгьажэѣа, лыпшэмахаца, абаѣхатэра бзиа злаз апсуа лингвист Борис Цьаныуа иаамтазамкэа длыгхагэышьеит, дагхеит Апсуатцаара. Аха иахья Сима еитахэаны, лхы-лгэы дақэгэыргьаратэы, аныхэаѣ бзиа ихы лыдиныхэаратэы дыкоуп, насып змоу апсуа пхэысуп – лцэа иалцыз лычкэынцэа ѣыцѣеи лыпцхаи рганахьала. Атцара цаны, рхы иахэартэ, даѣазэгы иахэартэ икоуп урт. Абарт лыхшара хазынақэа ркынтэ лара илы-

моуп мшызха изызхауа, даеазэы илалымцо, лыпс иацоу, лыпсы зығхэароу, ахьежыкэа – хэык аматацаа.

Нас, абарткэа зегы рышьтахь уаы илеихэараны икоузеи Сима Дбарпха?

– Сима, бхаткы! Ианакэызаалакыгы актуалра змоу ацсуаа ртрадициатэ культура айфартэырақэа рытцаарағы, ептагыло афар раазарағы, ауаажэарратэ пстазаарағы – зегынцъара – бцабаа рацоуп. Бызхымызац, бацхьа ишьтоу аусқэагы мачзам. Урт рыкатцара бара ибыхэтоуп. Бара бзын урт уалуп, уалпшьоуп, изхьампшуп, ихакуп. Егьыкабцоит. Бара бколлегацаа, бара бфызцаа уи агэра аагоит, избанзар бара быхыз – Сима Дбарпха – адоухатэ цкъашэқьарей, ауафрей аламыси ирсимволу акы еипш агэра аагоит. Иаадыруейт иара убас бара быпринцип: «Сара икасымцар, иказпода?!».

Абри апринцип ала аус ааулароуп ацсуаа зегы, еихаракгы цъара чышэрак здыруаны икоу. Насоуп жэларык рахасаб ала акахы ханкылсуа, хайцаоы, хтэы-хапха, ацсышэала хцаажэо, ацсышэала ххэыцуа ханыкало, ацсуа гэагь змоу адемократиатэ хэытқарра акацарагы анхалшо, анарха ду анхауа.

Агэабзиарей, агэеизхарей арфеиаратэ еихызарақэеи акэраду итабгалааит, Сима!

Алигература

Бигэаа 2017: Бигэаа Валери. Царадыррала еибытоу ацсуа пхэыс // Алашара. № 4. Акэа, 2017. Ад. 190–194.

Бигэаа 1983: Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983.

Дбар 2012: Дбар С.А. Обычаи и обряды, связанные с уходом за ребенком // Абхазы. М., 2012. С. 312–322.

Дбар 2000: Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (Вторая половина XIX – начало XX века). Сухум, 2000. 133 с.

Дбар 2012: Дбар С.А. Обряды детского цикла // Абхазы. М., 2012. С. 304–321.

Мачавариани 1884: Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. IV. Отд. 2. С. 40–76.

В.В. Аџба

АРХЕОЛОГ-АНТИКАТЦААӨ

(А.Н. Габелиа 70 шықэса ихыцра иазкны)



Өажэи жэибжь шықэса инеицынкыланы арцара-аазара ус знапы алаку, зоушьтымтацэа рхыцхьазара зыкъшыла икоу, ацарауаө-археолог, арцаөы-аазаө, акыр шықэса инеицынкыланы атоурыхтэ факультет напхгаөыс икоу, Габелиа Алик Николаи-ица иахьа иазгэеицоит 70 шықэса ихыцра, аиуби-леитэ рыцхэ.

Габелиа Алик Николаи-ица диит Очамчыра араион Лашькындар акытан 1952 шықэса лацарамза 27 азы ацсуа нхаөы итаацэарафьы. 1969 шықэса-зы далгоит Тамшьтэи абжьаратэи ашкол. 1970–1972 шықэскэа рзы асовет архэтакэа рфьы арратэ матцура дахысуан.

1973 шықэсазы дталоит М. Горьки ихьз зху Акэатэи арцаөратэ институт атоурыхтэ факультет. Алик Николаи-ица атареи аусуреи еилеигзон, уахын-латэи акэшафьы атара ицонацы, ынла аргыларатэ усбартафьы ргылаөс аус иуан. Абас ацбабаа баны, атареи ихы зланыкэигаша аусуреи еилагзаны, Алик Николаи-ица илшеит шыахэла 1978 шықэсазы ицара ахыркэшара.

«Сыхэчы аахыс агуманитарта тцаарадыррақэа сышырызфлымхазгы, атцаарадырра нап алакра хықэкыс исымамызт» (*Жиба 2009*) хэа интервиук афы ишихэахызгы, Алик Николаи-ица анафстэи ипстазаара зегы уи иадхэалахеит. Ауниверситет афы атцара ипонацы, астудент атцаарадырра аганахыала иааирпшыз агэазыхэареи, псабаратэла илаз агэырткэыли гээзтаз, хара инапшуаз ускантэи аинститут аихабы, зыхыз нагоу апсуа царауаф Зураб Вианор-ица Анчабазе иабжьгарала, Алик Николаи-ица Апсны атоурых атцара алабараториафэы лаборант еихабыс дрыдыркылоит.

Алик Николаи-ица алабараториа аусқэа рнафсангы, апышэа змаз аихабацэа дрыцны археологиатэ экспедициақэа ифрылаирхэуан. Убас, археологиатэ жракэа рганахыала, рапхыатэи пшышэаны изыкалақэаз ируакуп ускан Москва археологиатэ институт афы аус зуаз В.В. Бжьаниеи иареи Псхэы ақытантэи русеицура.

1981 шықэсазы, ускан аректор ихатыцуафс иказ М.М. Лабахэуа иабжьгарала, Алик Николаи-ица шықэсык акара атоурых-зиндырратэ факультет адекан ихатыцуафс аус иуит. Иара уи ашықэсаз Алик Николаи-ица Москва Асовет Еидгыла атцаарадыррақэа ракадемиа иатцанакуаз археологиатэ институт аспирантура дталоит, дагыалгоит уи 1984 шықэсазы. Аспирантура дшалгатэкыз, 1985 шықэсазы, шыахэла ихычеит Апсны аматериалқэа рыла еикэыршэаз «Колхидатэи акультура иатцанакуа аиланхартақэа» захызыз икандидадттэ диссертация.

Аспирантура дтанаты иоуз адырра хараки дзыпсахаз атоурхтцаарақэа ркандидат хэа ахызи рнафсангы, арт ашықэсқэа ирылагзаны Алик Николаи-ица иман алшара Асовет Еидгылеипш уи антытгы зыхыз нафхыз атцарауаа нагақэа рабадырреипш, урт рпышэа ду рымадарагы. Ас иказ атцарауаа дуцэа иреиуан, хатала иара итцаарадырратэ усумта анапхгафы, кавказтцаафы Рауф Магомед-ица Мунчаев, академикцэа Б.А. Рыбаков, Н.И. Мерперт, С.И. Кореновски, А. Формазов, С. Плетнев ухэа убас азэырыфы (*Цьопуа 2012*).

1985 шықэсазы Алик Николаи-ица дгыежьюеит Апснытэи афэынтқарратэ университет ахь, аусурагы далагоит Қырттэылеи Апсни ртоурых акафедрафэы рцафыс. 1990 шықэсазы уи ихтан акафедра адоцент хэа ахыз. Иара уи ашықэсан далхын Апсны атоурыхи археологииеи аетнологиеи ркафедра аихабы ихатыцуафс. 2003 шықэса инаркны (шықэсқэак ракэымзар) иахыа уажэраанза инеипынкыланы атоурыхтэ факультет деканс аус иуеит.

Ауниверситет афы аус иуанаты, Алик Николаи-ица иман алшара, З.В. Анчабазе, Гь.А. Амчба, И.Н. Воронов, А.Е. Кэыпраа, Гь.Кэ. Шамба ухэа, атцарауаа дуцэа аус рыцура. Иахыа рпышэа еимдо, жэахыр еибытала ивагылоуп, еиуеипшымы абицарақэа ирхатарнаку атцарауаа.

Алик Николаи-ица напхгафкык иахасабала ицбабаа рацэоуп, ауниверситет ацкарақэа инарықэыршэаны, афакультет ағы ацара-аазара ус ишақэнагоу айқаареицш, уи апроцесс итышэынтэаланы амсапысрағгы. Аус ицызуа лабфаба ишаабо еицш, лаксакрада иаххэар халшоит, уи аганахыала афакультет ағы ишаццоу атагылазаашыа маншэала.

Лымкаала хшыфзыштыра зито, уахгы-фынггы дзызхэыцуа аусқэа иреиуоуп афакультет акадрқэа рыла айқэыршэара. Уи аганахыала Алик Николаи-ица дзызфлымхау хырхарта хаданы йкоу акоуп ацарауаа фарацэа реицаазара. Акырза Алик Николаи-ица ибзоуроуп иахыа афакультет имачымкэа ацарауаа фарацэа ахьадпхыалоу, урт рцара-аазаратэ ус анафсангы, царауаак рахасабала реизхарағгы. Изымбаз изхэарым шака цыбаба адибалаз ааигэа Апснытэи ахэынтқарратэ университет ахыбрафы хфкык хаспирантцэа, ркандидаттэ диссертациакэа рыхычара ахыалыршахаз. Иара убас ауниверситет ағы лассы атоурых иазку дафа доктортэ диссертациак ахычара хазцшуп. Ари аусгы акыр ауадафрақэа шацызгы, жэа-хыркны исхэом, Алик Николаи-ица иакэымзар, иахыатэила уи айқаара залымшаргы каларын.

Алик Николаи-ица ицбабаа рацэоуп иахыа афакультет ағы компиутерлеи еиуеицшым атехникатэ хархэагақэеи рыла еиқэыршэоу акабинетқэеи аудиториакэеи ахыхамоу. Уи иабзоураны апрофессор-рцафратэ еилазаара ироуит алшара иахыатэи аамтақэа ирықэшэо атехника ахархэарала алекциакэеи асеминарқэеи рымсапгара. Иахыатэила афакультет ағы убас еиқаау аудиториакэа иреиуоуп: амузеи-лекториа, амфитиатр хэа хзышытоу ажэбатэи аудиториа, И.Н. Воронов ихыз зху афбатэи аудиториа, ааигэа еитарфыцыз, компиутерла еиқэыршэоу актэи аудиториа. Иара убас аиташыақэыргыларатэ усқэа азгэатоуп жэларбжыаратэи айзыказаашыақэа азаанат ала ацара зцо астудентцэа ахыапхыо, ТСО хэа изышытоу аудиториағгы. Урт рнафс Алик Николаи-ица ибзоурала афакультет ағы еитарфыцны иаартын И.Н. Воронови А.Гь. Амчбеи рыхыз зху акабинетқэағгы.

Амузеи-лекториа акабинет хазатгылозар, арака ицэыргоу Апсны атоурых еицазхэо археологиатэ пшаахқэеи аетнологиатэ материалқэеи рнафсангы, астудентцэа рцарадыррафы ирыхэаша абиблиотека бзиагы еиқаауп.

Афакультет аусқэа шмачымгы, уахгы-фынггы урт дышрылахэуггы, Алик Николаи-ица итцаарадырратэ усгы гэыгэтажыны икам. Уи инапы ицытит 60 инареиханы атцаарадырратэ усумтақэа. Урт рхыпцазарафы йкоуп цшы-монографиак. Урт рахытэ лымкаала рызбахэ хэатэуп 1999 шықэсазы атоурыхтэ факультет апсуа сектор ағы ацара зцо астудентцэа ирызкны апсышэала еиқэиршэаз арцагатэ шэкэы «Археологиеи» 2014 шықэсазы итыцыз «Абхазия предантичный и античный период» захызу имонография

дуи. 2017 шықэсазы ари амонография Гь.А. Зизариа ихъз зху ахэынтқарратэ премиа иацсахеит. Иара уи ашықэсан Алик Николаи-ица ацара-аазара аганахьала ицбабаа азгэатаны, ихдан «Ацсны ахэынтқарра иреихау ацара-иурта аусзуфы» хэа ахъз харакгы.

Ацсни Урыстэылеи итыцхью иусумтақэа рнаосангы, Алик Николаи-ица истатиақэа атэым бызшэақэа рылагы ахэанырцэтэи ажурналқэа рфгы иркыпххьейт. Урт иаарылукаартэ икоуп Мысра ақалақь Каири («Краткий очерк этнической истории абхазского народа», «Из истории абхазской государственности»), Бырзынтэыла ақалақь Салонники («Диоскуриада. Греческие колонии Причерноморья») рфы анлызи араб бызшэақэеи рыла икыпххьыз иусумтақэа.

Ажэахэқэа иманы ихы ахьалаирхэхью атцаарадырратэ конференциакэа харзаатгылозар, урт рхыпхьазареипш, географиалагы акыр итбаауп. Ацсни Урыстэылеи рнаосангы, Алик Николаи-ица Ацсны атоурых зырго зныкымкэа ажэахэқэа каицахеит – Тыркэтэыла, Сербиа, Черногориа, Болгариа, Азербайцъан, Чехиа ухэа убас ахэанырцэтэи атэылақэа жэпақы рфы.

Лымкаала сазаатгылар стахуп Алик Николаи-ица ирцафра-аазаратэ ус. Ауниверситет афы рапхьаза акэны ишьафа анааихига инаркны, еипмыркьазакэан иахьа уажэраанзагы инапы злаку аус хадақэа ируакуп. Алик Николаи-ица иоуп, атоурыхтэ факультет афы рапхьаза археология аматэар ацсышэала ацхьара иалагаз. Ари аматэр иазкны, хыхь ишаххэахью еипш, актэи акурс ацсуа сектор афы ацара зцо астудентцэа ирызкны, 1999 шықэсазы ацсышэала еикэиршэаны арцагатэ шкэы тижьит.

Азеипш матэар археология анаос, Алик Николаи-ица иара убас дрыпхьойт абакалавриат афы «Ацсны ацъаз эпохеи», амагистартурафы «Антика амтазтэи археологиятэ проблемакэеи» захъзу ичыдоу акурскэа.

Аудиторияфы астудентцэа ирауа атеориятэ дыррақэа рнаосангы, ауниверситет арцаратэ план инакэыршэаны урт еспхынра Алик Николаи-ица инапхгарала Акэатэи абааш афы археологиятэ практикагы иахысуейт. Ацсны Ацынцэтэылатэи еибашьра ааилгеижьтэи есышықэса имоациго ари апрактикатэ усура алцшэа бзиақэагы аанашьтхьейт.

Ишаадыруа еипш, Акэатэи абааш атоурых еихысырта тышуп. Акультуратэ ыгхара арака азкышышықэскэа иргэылсуейт, заазатэи антика инаркны амта фа акынза иаазоит. Арака иаарцшуп ацсуааи абырзенцэеи, аурымцэеи, византиааи, атыркэцэеи реимадарақэа ртэы зхэо аматериалқэа мачымкэа. Ажэытэ тоурых дшазфелымхаугы, Алик Николаи-ица тцаоык иахасабала игэы итцо акоуп ихэосыз ашэышықэса 30-тэи ашықэскэа рзы ирбгаз, Акэатэи абааш аонутка иказ Ацсны ах Калышьбеи Чачба ипсыжырта ацшаареипш уи айташьақэыргыларагы.

Алик Николаи-ица атцарадырра ахатабзиара аизырхара аганахьала дно-ваторуп хэа изухэар калоит. Атоурых афакультет ағы абакалавриати аматриатуреи ирызку артцаратэ планкэа реикэыршэараан, дацэымшэакэан, атцарадырратэ процесс иахэоит хэа иипхьазо ағыцракэа алеигалоит.

Атцарадырреи атцарадырреи рганахьала илшаракэа шмачымгы, Алик Николаи-ица ихы хареикуам, «сара исхэан», «сара изун» хэа ихы азыр-гара дашьтам. Дырцаоума, дыстудентума дарбанызаалакгы деилызкаауа рзы еснагь даартуп, дыцхырааоуп, дьызоуп. Уи азы еснагь пату икэуп, иус ағыгы иеазишэоит иара дызлаазоу апсуа казшыа хараккэа истудентцаагы рылаазара. «Астудент ушизыкоу еипшцэкоуп, иаргы дшумыкало» хэа аиубилиар интервиук ағы ишихэахыоу еипш, иара изы ихадоу аиашара ауп. Еиламырскэа атцара зцо, астудент ишиатэоу еипш зхы мьапызго ағар Алик Николаи-ица баагэарак дырцаоызоуп. «... он снискал заслуженный авторитет среди своих коллег и студентов; общаясь с молодежью, умело сочетает строгую требовательность с деликатностью и уважительным отношением к ним», иоуан Алик Николаи-ица иказшыа ачыдаракэа азгэато, уи ибзиазаны дыздыруаз, акыр шыкэсагы аус ицзухьаз апрофессор А.Е. Кэыпраа.

Апсуаа ишырхэо еипш, Алик Николаи-ица иахьа Анцэа дзыкэныхэаны икоу уаоуп. Атаацэа бзиа апитеит, уи дзыхьаз иускэа зегь рғы даргьажэааны дивагылоуп ипшэмапцхэыс Лали. Урт ирыхшаз ыцья ртыпцхацэа Гэырандеи Соломеи ракэзар рнапы рыдкыланы, ицоураны ираазеит, атцара ддырцеит, азэыкны рыуаажэлар ирыладыргылеит. Ртыпцхацэа рнаос, иахьа андуи абдуи ргэы ажэан акынза ишьтызхуа, мратас рыоната ионапхо, ишырхэо еипш, икаумцашагы узыркато, иулымшашагы улзыршо рмата хэычы Емилия лоуп. Амата лтэы аеакуп. Уи лыбзиабара аеа бзиабарак иузалароашьом, изнырхыоу иакэымзар, аеазэы инагзаны изеилкаауам. Ишыгымзааит ари абзиабара нагзаны, иамазааит уи аизхара!

Аиубилеитэ мшы аены, Алик Николаи-ица аус ицызуа иколлектив рыхьзала изеигьахшыап агэабзиара, аманшэалара, иус ағы аихьзара ғыцкэа. Нак-нак пхьака, итаацэеи иьызцэеи рыгэта ицегь аиубилеитэ рыцхэкэа азгэеиталартэ агэамчи, алшареи, анцыра дуи!

Алитература

Жиба 2009: Жиба А. Я не подвожу людей, поэтому не разочарован в жизни // Апсуа университет. 2009. № 11.

Цьопуа 2012: Цьопуа А.И. Атоурых атцаафы, атцарауао хатэра // Апсны. 2012. № 57.

И.В. Агрба

ЧЕЛОВЕК, ПИШУЩИЙ ИСТОРИЮ СЕГОДНЯ

(К 50-летию А.А. Авидзба)

«... Учите историю. В истории находятся все тайны политической прозорливости»
Уинстон Черчилль



Мне повезло с научным руководителем, так, наверное, говорит каждый защитившийся аспирант, если ему доводится публично говорить о своем наставнике и, наверное, не лукавит. Ведь наставник это половина успеха аспиранта. В моем случае это не просто человек, который грамотно направлял, но и тот, который заставил поверить в собственные силы. Деликатность это отличительная черта Аслана, настолько выверено каждое слово, что и замечание принимается с удовольствием, и желание писать появляется.

Молчаливая сила абхазского мужчины, абсолютное понимание значения слова, уравновешенность и степенность, честь и достоинство, чувство справедливости, возведенное в абсолют и при этом невероятная де-

ликатность, сложное сочетание качеств, пожалуй, встречающееся только в народных эпосах и средневековых романах. Все это качества, присущие юбиляру, человеку, родившемуся в современную эпоху. Как известно, на формирование личности влияет очень много факторов – семья, общество, школа, вуз. Несомненно, каждый человек, с которым нам доводится встречаться, оставляет тот или иной след в нашей жизни. От одних мы получаем очень много положительных эмоций и глубинных знаний, другие – зачастую оставляют тяжелый отпечаток на нашей судьбе. Умение превратить этот негатив в приобретенный опыт и смотреть на все с философской точки зрения, требует душевной мудрости, которую, несмотря на свой молодой возраст, уже приобрел Аслан Фазлыбеевич.

«История это не прошлое, а будущее, точнее, борьба за прошлое, чтобы утвердиться в настоящем и сохраниться в будущем» – так ответил мне на мой вопрос Аслан Авидзба, о том, что для него история. Наверное, человек, становление личности которого происходило в период «войны историков», не мог ответить на этот вопрос иначе. Историк, который всегда смотрит в будущее, вот, пожалуй, как можно охарактеризовать Аслана как ученого. Человеку, вынужденному постоянно опровергать фальсификацию, сложно не уйти в политику и не превратиться в послушного «придворного» историографа. Однако в Аслане это выработало убежденность в том, что «историю надо писать сегодня», для того чтобы потомкам было на что сослаться. Он воплотил это кредо в своем главном на сегодняшний день труде «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993гг.)» (Сухум, 2013), ставшим основой его докторской диссертации.

Аслан Авидзба родился 22 июня 1972 г. в традиционной абхазской семье в селе Аацы Гудаутского района, учился в обычной средней школе и очень увлекался футболом. Смотрел все матчи, транслировавшиеся тогда по телевизору и как все советские мальчишки без устали играл в дворовый футбол. Как у любого футбольного фаната у него были свои кумиры, о которых он знал почти все. Как видно уже с детства он относился к любому делу основательно, однако было ясно, что профессиональным футболистом он не станет, а футбол так и остался любимым увлечением. Аслан не помнит, как и когда он принял решение о том, что станет историком, однако все, кто его знал в школе, были убеждены в том, что он должен им стать. Как он сам думает, это произошло само собой. После окончания школы он даже не рассматривал для себя никакой другой специальности кроме истории.

Первая попытка поступить в университет в 1989 г. была неудачной. Это был сложный в политическом отношении год. Как известно, обществен-

но-политический кризис разразился именно в стенах Абхазского государственного университета и повлек за собой его раскол по национальному признаку. Часть грузинских представителей профессорско-преподавательского состава и студенчества инициировала создание филиала Тбилисского государственного университета и начала прием документов абитуриентов в здании Сухумской первой грузинской школы. Все это привело к кровавым событиям в ночь на 15–16 июля 1989 г. Против участников событий этой ночи было возбуждено уголовное дело. К этому времени Аслан Фазлыбеевич уже активно был вовлечен в общественно-политическую деятельность, вместе со своими друзьями он участвовал в акции протеста, которая проходила в Гудауте в декабре 1989 г. Новогоднюю ночь 1990 г. молодые люди провели в Доме культуры, продолжая голодовку, они пытались привлечь внимание высших органов советского государства для справедливого расследования произошедших событий.

В 1990 году Аслан поступает на историко-юридический факультет АГУ, на специальность «история». Будучи студентом, Аслан продолжает свою активную общественно-политическую деятельность. Ему и его друзьям хватило смелости выйти из комсомольской организации, в знак протеста против поддержки комсомольской организацией Грузии несправедливой политики по отношению к Абхазии.

На втором курсе университета впервые он задумался о том, зачем он учится именно на этой специальности. Тогда ему казалось, что хорошим ученым ему никогда не стать и политиком тоже, а ничего другого он себе не представлял. Однако, начавшаяся 14 августа 1992 г. Отечественная война народа Абхазии заставила отказаться от всяких мыслей о будущей профессии и от мирных акций протеста перейти к защите родины с оружием в руках. С первых же дней Аслан воевал вместе со своими односельчанами в составе 1-ой Отдельной горно-стрелковой роты. Война превратила вчерашних студентов в отважных воинов. Это серьезное испытание, наложившее отпечаток на всех жителей Абхазии, и в первую очередь на отважных юношей и девушек, вставших на защиту своей родины. Война превратила студента – романтика, мечтавшего о том, чтобы мир узнал об абхазах, в сурового воина, защитника родины. Но война не убила в Аслане самое главное, человеколюбие и сострадание, это как нельзя лучше демонстрирует один эпизод, о котором мне рассказал его однополчанин. Как известно, во время боя боеприпасы гораздо важнее провизии и солдаты, как правило, берут с собой больше патронов, нежели еды. Во время боевой операции по взятию высоты № 920 над Сухумом, на подступах к ней, солдаты встретили одинокую пожилую женщину. Аслан пожалел ее и отдал все продукты,

которые у него были, через день вся провизия закончилась и еще в течение трех следующих дней бойцы пили только воду.

Человек, видевший смерть, знает цену миру. После окончания войны Аслан вернулся в студенческую аудиторию и продолжил учебу с еще большим рвением. Успешно окончив университет в 1996 г., он стал работать в Аацинской средней школе учителем истории. В сложное послевоенное время, для выплаты хотя бы минимальной заработной платы учителям, директору школы даже приходилось косить сено в школьном дворе и продавать его. Во всем ему с энтузиазмом помогал Аслан, ведь самой главной задачей уже в мирное время было сохранить школу. В годы работы в школе Аслан проявил и творческие способности, на школьных концертах и мероприятиях он был отличным конферансье, демонстрируя мастерство импровизации. Сегодня, являясь известным ученым, он с таким же мастерством выступает на научных конференциях сочетая высокий научный уровень доклада с непринужденной формой изложения.

19 марта 2009 г. Аслан Фазлыбеевич Авидзба защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Отечественная война (1992–1993 гг.) Абхазии по материалам периодической печати», а 4 февраля 2016 г. – докторскую диссертацию на тему «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.)». Кандидатская диссертация А.Ф. Авидзба была очень высоко оценена научным сообществом Абхазии, в 2009 году он стал лауреатом премии Президиума АНА за достижения в области науки. В 2014 г. он стал лауреатом Государственной премии им. Г.А. Дзидзария в области науки. Сегодня он является автором четырех монографий, более сотни научных статей, составителем ряда сборников документов и материалов по истории Абхазии, профессором кафедры Истории, археологии и этнологии Абхазии, главным научным сотрудником отдела источниковедения АБИГИ. За столь стремительным научным ростом стоит колоссальный труд, опыт работы корреспондентом и обозревателем газеты «Республика Абхазия» (2002–2004 гг.) и редактором газет «Новый день» (2004–2006) и «Форум» (2009). Именно на этом поприще Аслан проявил себя как человек, пишущий историю сегодня, ведь он убежден, что историк не только должен изучать прошлое, но, и обязан анализировать настоящее.

Наука, не смотрящая в будущее, не имеет перспективы, это известная аксиома научного знания в любой области. На примере пока еще недолгого, но очень плодотворного научного пути А. Авидзба ярко видно, что история это не закостенелая, застрявшая в доктринах и теориях, а живая, имеющая важное практическое значение наука, в которой точно можно найти «все тайны политической прозорливости».

АЦАРАУАФ ИХАҶСАХЬА • ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

Д.С. Ацбынцал

ХГЭАҶЫ ИЛАШАЗА ИНХАЗ

(Цира Габниа лгэалашэара иазкны)



Ауафы дыканатц мрашэа дыпчалароуп,
Амра еипш ихы-иҶы цкьаза,
Даныпсуатцкьагь ипсы мратцас итэшэароуп,
Жэлар ргэаҶы дынхартэ длашаза.
Ал. Лашэриа

Сгэы иаанагоит, хпоет лаша Ал. Лашэриа абарт ацэахэақэа Цира леипш иҶоу рзы ифызшэа...

Габниа Цира лыпстазаара цкьа ибзианы издыруа, хымпада, имбар залшом абарт ажэақэа рцакы таула иалакатцкьаз азэы шлакэыз. Исцэыуадафуп ииасхьоу аамтахь ирханы лыхьз ахьысхэо... Ссөызэ бзиа, ссөызэ гэыраз, 30 шықэса инареиханы аус зцызуаз, саамысташэа, скэыбча... СхаҶы-сгэаҶы исзаагом уаха бычча-ччо акафедра быфналарым хэа...

Цира данысит иҶырцшыгаз, гэыцрала итэыз ацстазааратэ мса.

Диит Цира нанхэамза 8, 1960 ш. Гэдауҭа араион, Цьырхэа ақытан. Цира дызлияаз атаацэара Гэдауҭа араион акэым, Ацсны зеггы ирдыруз таацэаран. Хьзи-пшеи згымыз лабду Кэмач, лаб Смаил – рыонатахы имоахыцуан асасцэа дахькэа. Ари аонатаҕы ахра ауан апсуара, асасдкылара, аламыс, апату. Ианааилатэоз ирхэоз ажэабжькэа, ашэакэа рафрыжбуамызт лашья затэ Назырбеии ларей.

Абра, хэы змамыз апсуаа рдоухатэ дуней ахра ахьауаз, изызхаз лоуп Цира. Ларггы зызбахэ лахауаз аепикатэ фырхацэа рказшьакэа лхатара ашьакэгылараҕы, нак-нактэи лзанаат алхраҕы, хымпада, анырра карымцар ауамызт. Азыхь цкьеипш иытыхэрааз лыпстазаара гыргыарыла имоасуан. Ақытантэи ашкол даналга, дталоит А.М. Горки ихьз зху Акэатэи апедагогикатэ институт, афилологиатэ факультет. Лцара хлыркэшоит кэҕиарала, диплом кацшьыла.

Цира нак-нактэи лыпстазаара азылжит дхэычаахыс дызлияаз, лыжэлар рдоухатэ пстазаара злашьакэгылаз ахэҭа хадакэа иреиуаз рҕапыцтэ хэамтакэа рытцаара.

1983 ш. рзы дталоит аспирантура ақ. Москва СССР атцаарадырракэа ракадемиа иатэыз Адунейтэ литература аинститут акны, «Афольклористика» азанаат ала. Напхгаоыс длоуит Урыстэыла еицырдыруа атцарауа, апрофессор У.Б. Далгат.

Убриаамтазы уа, Москва, атцара ртон апсуа атцарауаа кэыпщцэа: Сима Дбар, Тали Цьаупа, Лена Кобахьиа, Аида Ладариа, Батал Кобахьиа, Зураб Цьапуа, Валентин Кэаҕэаниа, Виачеслав Бигэаа.

Еснагь даара гэыблыла илгэалалыршэон урт распиранттэ пстазаара: илахҕыхыз, хаштра зкэымыз ахтыскэа еиталхэон. Убарҭ зеггы ирылубауан лгэыбылра, лыразра, лыуафра; аиоызара лара лзы даараза акырза шатцанакуаз.

1987 ш. кэҕиарала илыхьчеит акандидаттэ диссертация: «Апсуа афористикатэ жанркэа» захьзыз. Иланашьахеит афилологиатэ тцаарадырракэа ркандидат хэа аоазара.

Апсныка дшыынхэыз еипш, Д.И. Гэлиа ихьз зху Апсуатцааратэ институт афольклор акэша акны тцаарадырратэ усзуоыс аусура далагоит. 1992 ш. инаркны – тцаарадырратэ усзуоы еихабыс.

Тынч аусуха лмазакэа, Апсны ақыртцэа акэлейт. Агыгшэыгракэа икарцаз рацхьаза игылан Апсуатцааратэ институт абылра. Уа аус зуаз зеггы хэы змамыз рархивкэа, русумтакэа, ркьяадкэа ирылаблит Цира лматериалкэаггы.

Хажэлар апсреи абзареи иаарыбжьагылт. Абриаамтазы еихаггы еихахоит ауаоы итакпхыкэра ижэлар рҕацхьа. Досу илшо кайцар акэын. Абцьар

зкышаз – иабцьар даталеит. Хцеицэа гылт рыцсадгьыл ахьчара, аха атыпхацэагьы урт ирывагылар акэхеит. Аибашьцэа ргэы зыргэгэоз, рфырхатарақэа ргэы еицазхэоз дреиуахеит Цирагьы. Ускан еиҕекааз Нхытц-Кавказынтэи хатэгэацхарала еибашьра иааз афырхацэа еидызкылоз Аконфедератцэа рыштаб аҕы аусура далагеит.

Цира Габниа-пҕа абри аштаб аҕы лусура цэахэа чыданы иагэылсуеит лыцстазаара. Ишдыру еицш, аибашьра трагедиоуп, драма тјаулоуп, аибашьра атема еснагь алаҕырзи, агэырҕеи, ахьаа баапси ацуп. Цира лыкэша-мыкэша илбоз, илахауаз зегьы лгэатанза инаганы, лхы-лыцсы зегьы ацатаны акэын ишылыҕуаз аочеркқэа. Урт ирныпшуан хацэнамырха хфырхацэа реибашьышыа, ргэымшэара, рпатриотизмра... «Апсуаа, иашоуп, рыцсадгьыл рыхьчон, аха иааз хашьцэа ргэы, урт рыкэнага ахэара даара иуадаҕуп» лхэон. Лажэа дамеижьеит, лыкэки анагзара лылшеит. Убри иалтшэахеит С.А. Со-сналиев ихьз зху амедал «Честь выше жизни» зланашьахаз.

Аштаб аҕы лусураан еибадырит хатэгэацхарала еибашьра иааз акабарда арпыс Иналов Вадими лареи. Урт иацырцеит атаацэара цшза, хэоуеиқэшэарыла, насыцла рыпха-зацэ Зарина лаазара иаҕын. Зарина ахақьымра азанаат ала Ростов ақалақь аҕы ацара лтоит. Гэыграла, насыцла итэыз рыпстазаара гэырҕарыла имҕасуан...

1994 ш. Цира Габниа аусура далагоит Апснытэи ахэынтқарратэ уни-верситет апсуа литература акафедраҕы. Убринахыс ауп ханеизааигэаха лареи сареи, иахьа уажэраанзагьы даргьажэҕаны дсывагылан. Акафедраҕы дрыпхьон апсуа фольклори алитературеи ирызку алекцияқэа. Урт рпрофес-сионатэ ҕазара харақын. 2004 ш. иланашьан атцаарадырратэ ҕазара – апсуа литература акафедра адоцент хэа. Апсуа литературеи иара иазкны итыцуа-зи акагьы ласлыжьбуамызт.

Ллекцияқэа даара аинтерес рытан: арҕеиамтақэа анализ рызушыа, алкаақэа рыкацашьа, астудентцэа аднахалартэ еицш ирызналгон. Акы ласлыжьыр хэа дшэоушэа, лылапшхэаа ицашэоз рацэан. Ашәкэыҕе иажэа сахьарк ацаулар, исахьаркыратэ система амчара инартбааны иаалырц-шуан. Убри азы акэын напхгара ззылуаз адипломтэи акурстэи усумтақэа рыҕазара еснагь изыхаракыз. Уи иалтшэахон, шамахамзар, урт акьыпхь дырбара, ма ажэахэқэаны аконференцияқэа рҕы рықэргылара.

2004 ш. апсуатцааратэ институт афольклор акэша еиҕабыс дкалеит. Уи, хымпада, акырза иацхраауан лырҕеиаратэ усурагьы.

Алитература акафедраҕы Цира дрыпхьон: «Апсуа фольклор» – азеицш курс; азанаат чыда «Апсуа паремиақэа». Ацыхэтэантэи иазкны итлыжьыт арцагатэ цхыраагза астудентцэа рзы. Схы ианасмыжьыр каларын лара лгэахэара апсуа студентцэа рзы даараза ихэартоу амацэар «Апсуа мифо-

логия» арцаратә план иалахамгалазтгы. Аха, рыцхарас икалаз, сынтәа II асеместр азы ацхара далагар акәын, дахьымзеит...

Даараза астудентцәа дырзааигәан. Ицсыгәәз аус рыдулара дазыхан, лаамта рыкәырзны, идеиллыркаанза дыркәатуамызт (хьаас илыман ахәыцкәа рзеипш тагылазаашьа: ртаацаратә, аобиективтә, асубиективтә мзызкәа... Убри азы зны-зынла ираналыжьуазггы ыкан).

Еснагь дазфлымхан астудентцәа ркынтәи цхьака иацызташаз ралкаара. Ацсуа бызшәеи алитературеи азанаат ибзианы иалгаз – аинститут аҫы напхгара зылуаз афольклор акәшахьы илгон. Аҫар рхы агәра длыргон.

Лассы-ласс акафедраҫы хгәы итцхоз азцаарақәа ханрылацәажәоз ихазгәамтазакәа аамта хацәон. Хьызхьаауаз азцаарақәа иреиуан: ххатәы бызшәа атагылазаашьа, хҫар реизхара иахырхартоу, атцаарадырра уацәтәи апеипш, алитературеи афольклори рыҫиара иацхрааша, хара хьыцсахуа реицаазара ухәа жәпакы.

Хара хажәлар хьцхьазарала ишырацәамггы, ргәамч, рдоуха анархашдуу атәы еснагь ишыақәлыргәгәон лекцияқәеи лассы-ласс телехәацшрала лыкәгыларакәеи рҫы.

Габниа Цира дравторуп ацсуа фольклор ажанр мачкәа ирызку рапхьатәи амонографиатә тцаамта, иара убас рапхьатәи ацсуа мифкәеи алегендақәеи ракадемиатә еизгеи. Лусумтакәа иреиуоп: «Ацсуа фольклор афористикатә хәамтакәа» (Акәа, 1990); 12-томкны еикәыршәаз «Ацсуа жәлар рхәамтакәа» абыжьбатәи атом «Ацсуа мифологиатә хәамтакәеи алегендақәеи» (Акәа, 2003); арцагатә цхыраагза «Ацсуа паремиақәа ржанртә еилазаашьеи рсахьаркыратә чыдаракәеи» (Акәа, 2010). Иара убас авторс дрымоуп шәкы инареиханы ацсуа фольклор иадхәалоу атцаарадырратә статиақәа. Ажәахәкәа рыла акырынтә дыкәгылахан Апсны, Нхьц-Кавказ, Урыстәыла ухәа атцаарадырратә конференцияқәа ркны.

Ирымхәои, иухәо Анцәаггы иуцихәароуп хәа. Ацбабаа ду здылбалоз, зтыцра дазыпшыз, дызхьымзаз иреиуоуп: афольклори алитературеи ирызку лыстатиақәа реизга. Иара убас акыраамта аус здылулоз «Амифологиатә жәар». Ус шака напшымтакәа лыстол аҫы иаанхазеи?!

Дыхьымзеит ахьчара лдоктортә диссертация «Ацсуа мифология адунеи-баркыра» захьзыз (консультантс длыман апроф. Ць.И. Адлеиба), хәы змамыз аматериал еизганы илыман, шықәсыбжак акәын илтахыз...

Ирхәоит, ауаҫы ипеипши ибаҫхатәреи ициуеит хәа. Аха абаҫхатәра ацәыргаразы иатахуп аапсара камтакәа аусура. Лара лзынгы зынза имариамзар акәхарын лнапы злакыз аус, аха уи иацын арҫиаратә гәыхәтәыхьзараггы.

Апеипш атәы ххәозар, шака гәыҫреи насыци адылхәалоз уацәтәи амш, аха...

Дзахымзеит лыпха-затә лыбзиара, лразкы абара...

Апстазаара аилашыра ҳахьалагылоу, ҳацхьақа еснагъ аамта ҳамоу
цбахшьоит. Алахьынца ахырцара азэггы илшом – ианызтаз ида, рхәоит.

Цира, ибыхәтаз баҳәаха хмоуит, агәцаракра ҳацәбыгхеит, ацанза беи-
лкаараггы ҳалымшозшәа збоит. Ҳаҗабымтан...

Ҳгәәґы баанхоит наунагза блашаза.

О.Х. Бгажба, А.И. Джопуа

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВИЧА НЮШКОВА**



Внезапно ушел из жизни еще молодым, ученый-историк, кавказовед, кандидат исторических, наук, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА и Абхазского государственного музея Валентин Александрович Ньюшков.

Валентин Александрович родился 26 декабря 1974 году в поселке Агудзера Гулрыпшского района в русской семье. Его отец Александр Васильевич Ньюшков был физиком-ядерщиком, специалистом из Новосибирска, прибывшим для работы в Сухумский физико-технический институт, ветеран советского атомного проекта, мать Алевтина Леонидовна Евгеньева – филолог, преподавала русский язык и литературу в горных селах Абхазии, а затем в сухумской городской школе № 14.

В 1992 году Валентин Александрович с отличием окончил Гулрыпшскую среднюю школу, а в 2004 году – с красным дипломом Абхазский государственный университет.

С 2004 года он работает в отделе истории Абхазского института гуманитарных исследований, сначала в качестве лаборанта, затем м.н.с. (2006), н.с. (2014), с.н.с. (2016).

С 2006 года является один из учредителей, а затем старший научный сотрудник научно-культурного центра им. Ю.Н. Воронова.

В 2007 году окончил очную целевую аспирантуру при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА по специальности «Отечественная история».

В 2011 году Валентин Александрович был избран в руководство Совета молодых ученых АБИГИ АНА.

В 2012 году В.А. Ньюшков успешно защитил кандидатскую диссертацию на соискание научной степени кандидата исторических наук на тему «Апсилы. Историко-культурное исследование» под научным руководством доктора исторических наук РАН, академика АНА, проф. АГУ О.Х. Бгажба. Одним из официальных оппонентов выступал доктор исторических наук М.М. Казанский – главный научный сотрудник Исследовательского центра «Восток и Средиземноморье» / Византийский мир Национального центра научных исследований Франции (Париж). На таком уровне в Абхазии подобное явление произошло впервые.

Другое направление научной деятельности В.А. Ньюшкова было связано с музейной работой. В 2013 году он был принят в Абхазский государственный музей на должность старшего научного сотрудника отдела Древней истории и средних веков.

За время работы в Госмузее Валентин Александрович зарекомендовал себя ответственным исполнителем, он работал со многими старыми и вновь поступившими археологическими коллекциями, им составлено немало научных паспортов. Он также принимал участие в написании научных текстов к экспозициям. Валентин Александрович везде отличался уникальной работоспособностью, ответственностью и творческим подходом. Своим спокойствием, доброжелательностью и чувством юмора, он всегда вызывал у окружающих симпатию к себе.

Валентин Александрович Ньюшков внес значительный вклад в абхазскую науку, он является одним из известных исследователей в апсilloведении (отрасль исторического абхазоведения), в какой-то степени продолжателем Ю.Н. Воронова в данный проблематике. К научным интересам ученого относились: позднеантичная и раннесредневековая история и археология Абхазии и сопредельных территорий; антропологическая тематика.

Он автор двух монографий и около пятидесяти статей по истории и археологии Абхазии, а также некоторых разделов еще немусейного академи-

ческого издания по истории Абхазии. Публикации В.А. Ньюшкова известны за пределами Абхазии. В 2019 году он был премирован Академией наук Абхазии за наибольшее количество работ, опубликованных за 2018 год.

Валентин Александрович являлся участником региональных и Международных конференций в Сухуме, Москве, Санкт-Петербурге, Грозном, Магасе, Краснодаре, Анапе, Ростове-на-Дону, Карачаевске и других городах.

Его научные доклады с интересом слушали кавказоведы на «Крупновских» и «Анфимовских» чтениях. Принимал активное участие на ежегодных итоговых научных сессиях АБИГИ и Абхазского государственного музея.

В.А. Ньюшков был ответственным секретарем ряда выпусков «Абхазоведения», трудов Абхазского института и трудов Абгосмузея.

Светлая память о Валентине Александровиче Ньюшкове, его яркий образ скромного и преданного науке человека, профессионала, настоящего друга навсегда останется в наших сердцах.

АШӘКӘ ҒЫЦҚӘА • НОВЫЕ КНИГИ

АБНО и его разгром (1922–1931 гг.) / Сост.: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар. Сухум, 2021. 296 с. (Серия «Неизвестная Абхазия. XX век»).

Анквab Э.Н. И струны гитары скорбят... / Статьи и очерки о героях Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Сухум, 2021. 80 с.

Апсуаа рхәамтқәа // Аиқә. Аәзба В.Ць. Ақәа, 2021. 224 д.

Арстаа Ш.К. Апсуа грамматика. II атом: Асинтаксис. Ақәа, 2021. 208 д.

Борисов П.И. Мои воспоминания о Гагре / Ред., автор предисл. и коммент. В.А. Чирикба. Сухум, 2021 («История Абхазии в мемуарах и воспоминаниях»). Вып. 1.

Бутба М. Кавказские воспоминания / Пер. с тур. В.Д. Авидзба. Сухум, АБИГИ, 2021. 240 с.

Габуниа З.М. Очерки по истории кавказского языкознания. Книга третья. Нальчик, 2021. 283 с.

Генко А.Н. Введение в этнографию Кавказа / Отв. ред. З.Д. Джапуа; предисл. и коммент. Ю.Д. Анчабадзе; подгот. изд. и сост. указателей З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим, Н.С. Барциц. Сухум: Academia, 2021. 418 с.

Демьянов А.А. Записки об Абхазии и Грузии (1918–1921 гг.) / Сост.: С.З. Лакоба. Сухум: Дом печати, 2021. 184 с. (Серия «Неизвестная Абхазия. XX век»).

Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX вв.: Библиографический указатель / Авт.-сост.: А.Ф. Авидзба, М.Р. Аргун, А.Е. Ашуба, Л.П. Ермоленко, И.В. Зозуля, Н.В. Касландзия, М.Е. Колесникова, С.Ш. Салакая, О.И. Шафранова. Ставрополь, 2021. 380 с.

Касландзия Н.В. Сборник статей по истории Абхазии. Сухум, 2021. 128 с.

Маан О.В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII–XVIII вв.). Историко-этнологическое исследование. Сухум, 2021. 539 с.

Материалы Первой научной конференции аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь: актуальные проблемы абхазоведения» / Ред. коллегия: А.Е. Ашуба, А.Ф. Авидзба, Н.В. Касландзия, Н.А. Хеция, И.Г. Гицба. Сухум, 2021. 232 с.

От древности до современности // Тезисы докладов Конференции молодых ученых Абхазии, посвященной 80-летию со дня рождения Ю.Н. Воронова. Сухум, 2021. 24 с.

Проблемы синтаксиса в кавказских языках // Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию акад. Ш.К. Арстаа. Сухум, 2021. 120 с.

Рафальская Е.Б. Из окна вагона. Воспоминания / Сост.: С.З. Лакоба. Сухум, 2021. 188 с. (Серия «Неизвестная Абхазия. XX век»)

Цвижба Л.И. Абхазы на фронтах первой мировой войны (1914–1917). Москва, 2021.

АВТОРЦӘА ИРЫЗКНЫ • СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авидзба Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета, заместитель декана исторического факультета Абхазского государственного университета.

Агрба Илона Всеволодовна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Истории России и зарубежных стран Абхазского государственного университета. E-mail: agrbailona8@gmail.com

Аджинджал Диана Сератионовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой абхазской литературы Абхазского государственного университета.

Ардзинба Давид Темурович – начальник экономического управления Аппарата Кабинета Министров Республики Абхазия, преподаватель кафедры «Финансы и кредит» Абхазского государственного университета. E-mail: david-ardzinba@km-ra.org

Архимандрит Дорофей (Дбар Дмитрий Заурович) – доктор богословия, старший научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии. E-mail: dbardorotheos@gmail.com

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, академик Академии наук Абхазии.

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии. E-mail: valera.biguaa@yandex.ru

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, сотрудник отдела литератур народов Российской Федерации и СНГ Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. E-mail: lit-sng@mail.ru

Васильков Ярослав Владимирович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. E-mail: yavass011@gmail.com

Гицба Инал Гивиевич – младший научный сотрудник Отдела литературы Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, преподаватель кафедры абхазской литературы Абхазского государственного университета. E-mail: inai.gis@mail.ru.

Гулиа Александр Ризабеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и права Академии наук Абхазии, заведующий сектором по бюджету Управления экономики Администрации Президента Республики Абхазия. E-mail: alex-gulia@mail.ru

Дбар Алексей Ясонович – старший лаборант отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии. E-mail: apsnYTEka@yandex.ru

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Абхазии, иностранный член Российской академии наук, президент Академии наук Абхазии; директор Центра нартоведения и полевой фольклористики при Абхазском государственном университете, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии. E-mail: zjar2016@yandex.ru

Джотуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея Республики Абхазия, старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, доцент Абхазского государственного университета. E-mail: arkadi100@rambler.ru

Джорджио Комаи – доктор философии Дублинского городского университета, магистр восточноевропейских исследований, политолог Болонского университета.

Исмаилова Зулейха Адил-кызы – аспирантка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Казанба Инга Ониковна – лаборант отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии.

Касландзия Наала Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии, этнологии Абхазии Абхазского государственного университета. E-mail: naala2011@mail.ru

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, профессор Абхазского государственного университета, академик Академии наук Абхазии, академик-секретарь Академии наук Абхазии. E-mail: kogonia-v@mail.ru

Хазба Лили Ризовна – доктор филологических наук, заведующая отделом языка Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, член-корреспондент Академии наук Абхазии, академик Адыгской Международной Академии наук. E-mail: khlr@yandex.ru

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Абхазии, старший научный сотрудник сектора кавказских языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва), заведующий отделом политологии и конфликтологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии; директор Центра Стратегических Исследований при Президенте Республики Абхазия; академик-секретарь отделения гуманитарных, социальных и общественных наук Академии наук Абхазии. E-mail: chirikba@gmail.com

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, директор Института экономики и права АНА, член-корреспондент Академии наук Абхазии. E-mail: shal-57@mail.ru

«ААР АДЫРРАҘАРА» АВТОРЦӘА РЗЫ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНА»

В «Вестник АНА» принимаются ранее не публиковавшиеся материалы (статьи, архивные документы, фольклорно-этнографические записи, рецензии на изданную научную литературу, научное наследие выдающихся ученых и т. д.). Авторы представляют один распечатанный экземпляр работы и ее электронную версию (электронный адрес: hadjim.s@yandex.ru). На титульном листе указываются Ф.И.О. автора, место работы, должность, ученая степень, контактные телефоны, адрес электронной почты. Публикации в «Вестнике АНА» бесплатные. Журнал «Вестник АНА» размещается также на сайте Академии наук Абхазии (www.anra.info) в формате pdf.

Требования к оформлению текста:

1. Максимальный объем статей до 1 п.л. (40 000 знаков), рецензий – до 0,5 п.л.
2. Используемый текстовый редактор – Word, статьи на абхазском языке набираются шрифтом Times New Roman (абх), статьи на русском языке – шрифтом Times New Roman, на английском – Times New Roman (анг), кегль 14, межстрочный интервал 1,5, текст должен быть пронумерован и иметь титульную страницу.
3. Ссылки на литературу – внутритекстовые, в круглых скобках, по образцу: (Инал-ипа 1965: 77).
4. К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. В списке литературы указываются только те работы, на которые даются ссылки в статье.

Образцы оформления:

Монография:

Джапуа 2016: Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика М.: Наука – Восточная литература, 2016. 381 с.

Статья в журнале:

Виноградова 2012: Виноградова Л.Н. Формулы проклятий в составе застольных тостов // Живая старина. М., 2012. No 2 (74). С. 62–63.

Статья в сборнике:

Анчабадзе 2011: Анчабадзе Ю.Д. Ю.Н. Воронов: ученый, политик, публицист // Проблемы археологии (К 70-летию Ю.Н. Воронова): Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 19–25.

Полевые материалы:

ПМ – Дбар: Полевые материалы автора. Экспедиция в село Ачандара Гудаутского района, 02.05.2014 г. Дбар Платон Басиатович, 77 лет.

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы а, б, в (в случае зарубежных изданий – латинские буквы a, b, c) к году издания (*Чирикба 2012a: 23; Dumézil 1960b: 87*).

Смысловые примечания (пояснения и дополнения к основному тексту) должны быть в сносках внизу страницы. Нумерация сносок сплошная. Отсылки к литературе в сносках должны быть такими же, как и в основном тексте.

5. Иллюстрации должны быть высокого качества, они предоставляются в электронном варианте. Иллюстративный материал, используемый вами, может быть защищен авторскими правами, поэтому необходимо указывать автора материала.

6. Все сокращения должны быть расшифрованы и поданы отдельным списком в конце статьи.

7. К статье прилагается аннотация и список ключевых слов (на абхазском, русском и английском языках).

**Ацсны атцаарадыррақәа ракадемиа
Адырратара**
Асериа «Агуманитартә тцаарадыррақәа»

№ 12

**Вестник
Академии наук Абхазии**
Серия «Гуманитарные науки»

Корректоры: Н.С. Барциц, С.О. Хаджим
Компьютерная верстка: А.Ш. Беренджи
Тираж 150 экз.
ИП Белкина Е. А.,
Россия, Московская область, г. Домодедово,
мкр. Северный, ул. Логистическая, д.1

